

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

Выпуск 26

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
1995

ББК 83.3(0)5

В 81

Редколлегия:

академик Д. С. ЛИХАЧЕВ, В. Э. ВАЦУРО, С. А. ФОМИЧЕВ

Рецензенты:

П. Е. Бухаркин, С. А. Кибальник

В $\frac{4603020101-616}{042(02)-95}$ 528-92(II)

ISBN 5-02-028254-5

© Коллектив авторов, 1995

© Российская академия наук, 1995

ПРЕДИСЛОВИЕ

Двадцать шестой выпуск «Временника Пушкинской комиссии» сохраняет традиционную структуру и состоит из четырех разделов.

Статья Н. Е. Мясоедовой (раздел «Материалы и сообщения»), посвященная так называемой «Второй программе» пушкинских записок, подводит определенный итог изучению данной темы и определяет, что замысел предполагаемых исторических записок был посвящен анализу внешней политики России в Восточном вопросе (1812—1830 гг.); автор расширяет наше представление об осведомленности Пушкина в тонкостях российской дипломатии своей эпохи. М. Альтшуллер анализирует в своей статье публикации писем Пушкина, Баратынского и Рылеева, сделанные в разные годы А. Е. Греном, и приходит к выводу о возможном пушкинском авторстве письма к Марии Грен (1833—1834), которое ранее считалось заведомой фальсификацией.

Раздел «Обзоры» включает подготовленный Л. А. Тимофеевой указатель пушкиноведческой литературы 1988 г., а также стиховедческий комментарий к лицейским произведениям Пушкина, выполненный В. Е. Холшевниковым.

В начале III раздела «Временника» помещены материалы для комментария к пушкинской лирике, которые содержат уточнение адресатов, источников, дефинитивного текста и датировок стихотворений. Ряд публикаций посвящен исследованию пушкинских переводов и анализу переводов Пушкина на другие языки. В других заметках уточняются отдельные факты биографии и творчества Пушкина. Публикация М. Д. Ромма представляет неизвестную ранее публицистику декабристов И. Г. Бурцова и П. Д. Черевина. Poleмика Я. Л. Левкович и А. И. Чернова посвящена толкованию загадочной пометы в тетради ПД 833.

Раздел «Хроника» представлен газетными материалами 1988 г.

Цитаты из Пушкина, если цитируемое издание не оговаривается в сноске, даются по Полному собранию сочинений (т. I—XVI. Изд-во АН СССР, 1937—1949; «Справочный том», вышедший в 1959 г., обозначается как том XVII). При ссылке на это издание римская цифра означает номер тома, арабская — номер страницы. Ссылки на автографы Пушкина, хранящиеся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, даются сокращенно: ПД означает Рукописный отдел Пушкинского Дома, ф. 244, оп. 1, далее указывается номер единицы хранения и в случае необходимости соответствующий лист рукописи.

І. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. Е. МЯСОЕДОВА

«ВТОРАЯ ПРОГРАММА» ПУШКИНСКИХ ЗАПИСОК

Одним из интереснейших вопросов пушкинской мемуаристики является раскрытие замысла «Плана записок» (XII, 310), традиционно именуемого «Второй программой записок»: «Кишинев — приезд мой из Кавказа и Крыму — Орлов — Ипсиланти(—) Каменка — Фонт. — Греч.(еская) рев.(олюция) — *Lunp.*(анди) 12 год. *mort de sa femme, le g n gat* — Паша Арзрумский». ¹ «Максимально полное раскрытие всех пунктов этого плана с выявлением их взаимодействия и специфического смысла в данном контексте позволило бы (...) реконструировать один из узловых моментов идеологии позднего Пушкина». ² Между тем в последнее время наметилась тенденция автобиографического толкования программы, результатом которого явилась попытка отнести время работы над ней с 1833 (XII, 472) к 1821—1823 гг. ³ Подобное описание текста в обход текстологических данных ⁴ вряд ли может считаться корректным.

Сопоставляя характер ведения записей в «Первой» и «Второй» программах записок, Е.А. Тархов отметил, что во «Второй программе» повествование, «очевидно, не предполагалось вести в строго хронологическом порядке», оно «должно происходить по какой-то особой логике». ⁵ Действительно, в программе есть определенная градация: явно выделяется 1-я часть (оканчивающаяся пунктом «Каменка»), повествование в которой ведется в однонаправленном временном потоке и последовательно накладывается на биографию автора. Эта последовательная логика идентична логике «Первой программы» записок и условно может быть названа «хронологически-автобиографической». Данная часть плана достаточно хорошо

¹ Воспроизведение автографа см.: *Временник Пушкинской комиссии*. 1978. Л., 1981. Вып. 16. С. 127. К сожалению, в собраниях сочинений Пушкина этот текст печатается с редакторскими знаками тире.

² Тархов Е. А. К расшифровке так называемой «Второй программы записок» Пушкина. // Там же. С. 130.

³ См.: Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы: Из истории взаимоотношений. М., 1979. С. 20; Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 38—39.

⁴ Характер заполнения листа см.: *Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты*. М.; Л., 1935. С. 93.

⁵ Тархов Е. А. К расшифровке... С. 130.

изучена и, постоянно пополняясь новыми данными, каких-либо принципиальных споров не вызывает.⁶

Вторая же часть программы, напротив, является предметом жарких споров,⁷ видимо, потому, что повествовательная логика в этой части меняется. Временной константой остается 1821 г., от него на равные временные отрезки⁸ (приблизительно 9 лет) удалены события 1812 и 1829 гг. Данную логическую организацию условно можно назвать «тематически-ассоциативной». Именно эта часть программы будет предметом нашего исследования. На данном этапе изучения материала мы сосредоточим внимание только на выявлении общих контуров замысла. Определение повествовательной логики как тематически-ассоциативной позволяет определить тему греческой революции как сквозную тему, связывающую воедино все пункты плана. Однако данная тема является лишь частью более обширного вопроса, который можно определить как «восточный вопрос во внешней политике России».⁹

Одно из первых писем Пушкина П. А. Вяземскому¹⁰ о греческой революции свидетельствует о том, что значимость происходящих событий Пушкин осознал сразу (события, «которые будут иметь следствия не только для нашего края, но и для всей Европы» — XIII, 22). Заканчивается письмо раздумьями о возможных путях развития политической ситуации: «Важный вопрос: что станет делать Россия; зайдем ли мы Молдавию и Валахию под видом миролюбивых посредников; перейдем ли мы Дунай союзниками греков и врагами их врагов?» (XIII, 24).

28 июня 1821 г. Александр I через Г. А. Строганова, своего посла в Константинополе, передал Махмуду II ноту, в которой подчеркивалось, что невыполнение Портой договорных обязательств ставит ее в открыто враждебные отношения с Россией». 6 (18) июля Г. А. Строганов предъявил Турции ультиматум, после решительного отказа Порты принять условия ультиматума русский посол покинул Константинополь; дипломатические отношения были прерваны, Россия оказалась на грани войны с Турцией, но военные действия не начинались. Длительные дипломатические переговоры Рос-

⁶ См.: Трубецкой Б. А. Пушкин в Молдавии. Кишинев, 1983. (5-е изд.); Двойченко-Маркова Е. М. Пушкин в Молдавии и Валахии. М., 1979.

⁷ Изложение основных точек зрения см.: Левкович Я. Л. Автобиографическая проза... С. 64—65.

⁸ Ю. М. Лотман отметил наличие хронологической симметрии в расположении эпизодов в пушкинском замысле об Иисусе (см.: Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л., 1982. С. 15—27).

⁹ См.: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII—начало XX века. М., 1978; Семенов А. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX века. Л., 1963.

¹⁰ Мы поддерживаем предложенную Т. И. Левичевой атрибуцию адресата письма № 16 (XIII, 22—24) (Временник Пушкинской комиссии. Л., 1989. Вып. 23. С. 109—111), но считаем, что адресатом письма № 94 (XIII, 104) является А. С. Пушкин (ср. идентичные зачины в письмах — XIII, 35, 42, 45, 51, 66, 85 — без обращения и на «ты»); к тому же брат был единственным адресатом, удостоившимся от Пушкина моральных сентенций (см.: XIII, 49 — 50, 104).

сии с западными союзниками окончились лишь в августе 1825 г. Нота, врученная турецкому правительству в октябре 1825 г., свидетельствует о намерении Александра I начать военные действия.¹¹

Таким образом, «одним из первых вопросов, подлежавших разрешению императора Николая тотчас по вступлении на престол, являлся вопрос: быть или не быть войне с Турцией?». Николай I неоднократно заявлял: «Брат мне завещал крайне важные дела, и самое важное из всех: восточное дело (...) Впрочем, не следует думать, что я примусь за его решение очертя голову». «Я хорошо знаю (...), что в виду того, что мне всего 29 лет и что я только что вступил на престол (...) за границей предполагают во мне воинственные наклонности и желание ознаменовать начало моего царствования каким-либо военным подвигом. Я знаю также, что вследствие движения 14-го декабря, многие думают, что я хочу занять свою армию и тем отвлечь ее от текущих событий. Но обо мне судят неправильно (...) Я буду идти добросовестно и твердо по следам покойного императора».¹² Дипломатические консультации и Аккерманская конференция отодвинули начало русско-турецкой войны к 1828 г., когда 2 (14) апреля был издан высочайший манифест об объявлении войны России с Турцией и в тот же день войска второй армии под начальством графа Витгенштейна перешли Прут.¹³

Таким образом, события 1828—1829 гг. тесно связывались с греческой революцией 1821 г. и условиями Бухарестского мира 1812 г. Эти хронологические границы присущи практически для всех современных Пушкину печатных изданий и рукописей на данную тему,¹⁴ впрочем, так же как и «Второй программе» его записок.

В 1821—1824 гг. основную информацию о событиях, происходящих на Балканском полуострове, европейское и русское общество получало из книг Пукевиля (Fr.-Ch.-H.-L. Pouqueville. 1770—1838). Он с 1806 по 1820 г. был генеральным консулом Франции при Али-Тобелини, паши Янины (1741—1822), первая его книга «Voyage dans la Grèce» (Paris, 1820. Т. 1—4) уже в 1822 г. была переведена В. Озеровым на русский язык и вышла в Москве под заглавием: «Жизнь Али-Паши Янинского со времени его детства до 1821 года». Следующая книга Пукевиля «Histoire de la Régénération de la Grèce,

¹¹ Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887. С. 242—244; Восточный вопрос во внешней политике России. С. 82—83.

¹² Татищев С. С. Внешняя политика... С. 136, 137.

¹³ См.: Слава русских воинов в Европе и Азии, или Исторический взгляд на победы оных во время кампании против турок в 1828 году. М., 1828. С. 21—23.

¹⁴ Назовем лишь некоторые: Спасаемая Греция, или Картина военных действий россиян против турок в 1827 и 1828 годах. СПб., 1829. Ч. 1—2; Шубер В. Ф. История турок от начала турецкого народа до наших времен. М., 1828; Иовский П. А. Война последняя с Турцией, заключающая в себе кампанию 1828 и 1829 гг. СПб., 1830; Глинка С. Н. Картина историческая и политическая греческой революции с присовокуплением о войнах со времен вторжения их в Европу до 1830 г. М., 1830; а также рукописная работа И. П. Липранди «Краткое обозрение происшествий в Молдавии и Валахии. От заключения мира в Бухаресте (1812) до такого же в Андрианополе (1829)» (ЦГИА СПб., ф. 673, оп 1, д 231, 230).

comprenant Le précis des événements depuis 1740 jusqu'en 1824» была запрещена в России уже в конце июня 1824 г. Но она имелась в библиотеке Дашкова, Столыпина, А. И. Тургенева, ее читал П. А. Вяземский,¹⁵ ею интересовался А. С. Грибоедов;¹⁶ приехав в Одессу летом 1824 г., В. Ф. Вяземская, заинтересовавшись книгой, предполагала купить ее.¹⁷ В свое время В. И. Селинов сделал достаточно осторожный вывод о возможности прочтения Пушкиным этой книги.¹⁸ Между тем во втором томе, описывая резню в пригородах Константинополя в апреле 1821 г., Пукевиль пишет: «... турки вламывались во все частные дома. Господин Жозеф Фонтон, советник Российского посольства, внушающий окружающим уважение не только своими преклонными годами, но и редкостными качествами, спасся лишь благодаря тому, что спрятался на крыше своей гостиницы, так же подвергшейся разграблению. Другая разъяренная толпа напала на испанский дворец; было просто непонятно, как (...) забыли про дворец барона Строганова».¹⁹ Упомянутый Жозеф (Осип) Фонтон (род. 1753) состоял на службе в русской дипломатической миссии в Константинополе с 1795 г. На переговорах в Бухаресте в 1812 г. он был третьим российским представителем, по удачному завершении их получил должность советника в той же миссии. Вместе с ним на Бухарестских переговорах были два его сына: Петр и Антон Антоновичи. Судьбы этих людей также тесно связаны с Константинопольской миссией, где П. А. Фонтон долгое время работал при русском после Италинском,²⁰ а А. А. Фонтон — с тайным советником В. С. Томарой.²¹

Феликс Фонтон тоже был дипломат, карьера его протекала под покровительством его дяди Антона Антоновича. Литературные занятия его были достаточно плодотворны²² и сблизили его с Грибоедовым, Хомяковым, Баратынским, Дельвигом и Пушкиным. В своих

¹⁵ «Это эпопея, — писал П. А. Вяземский А. И. Тургеневу в сентябре 1824 г. — то есть по содержанию своему, а не по силе эпопейщика (...) Что говорит об этой книге Дашков? Можно ли во всем верить Пукевилю?» (Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 3. С. 75).

¹⁶ В письме к Бегичеву А. С. Грибоедов сетовал: «Пуквиля не мог еще достать, запрещен, есть он у Столыпина и Дашкова, но, разумеется, они не продадут» // Грибоедов А. С. Соч. М., 1988. С. 498.

¹⁷ Остафьевский архив. СПб., 1909. Т. 5, ч. 1. С. 109.

¹⁸ Селинов В. А. Пушкин и греческое восстание; Опыт исторического комментария к филаэллинистическим письмам Пушкина // Пушкин: Статьи и материалы. Одесса, 1926. Вып. 2. С. 5 — 31.

¹⁹ P o u q u e v i l l e . Histoire de la Régénération de la Grèce. Paris, 1824. Т. 2. Р. 423 (перевод В. А. Стрелкова). Григорий Александрович Строганов (1770—1857) — двоюродный дядя жены А. С. Пушкина.

²⁰ Андрей Яковлевич Италинский (1743—1827), посол в Константинополе (1809—1817), вел переговоры в Бухаресте в 1812 г.

²¹ Василий Степанович Томара (Тамара) (1743—1819) — с 1799 по 1809 г. чрезвычайный и полномочный министр в Константинополе (Фонтон Ф. Воспоминания. Юмористические, политические и военные письма из главной квартиры Дунайской армии в 1828 и 1829 гг. Лейпциг. 1862. Т. 1. С. 20; 1862. Т. 2. С. 201—202, 217—218 и др.

²² См.: Catalogue général des livres imprimés. De la Bibliothèque Nationale. Auteurs. Paris, 1830. Т. 98. Р. 934. Известен под именем Liskenne, François-Charles.

«Воспоминаниях», описывая встречу с Пушкиным и Баратынским на квартире Дельвига, к которому он зашел проститься перед отъездом в действующую армию, Фонтон отметил: «Как я Пушкину сказал, что еду в армию, то у него та же мысль родилась, но ему с этим нужна дикость Кавказа, и он кажется отправится к Паскевичу».²³

Ф. Фонтон мог быть интересен для Пушкина²⁴ как собеседник не только потому, что был блестяще образован, остроумен, но и потому, что имел доступ к дипломатической информации: «Мы не опрометью пустились в войну, — писал Ф. Фонтон. — Она была предметом долгих дипломатических переговоров с Европейскими державами. Утверждать, что восточный вопрос есть исключительно Русский, это пустая поговорка. Другие державы всегда вмешивались и вмешиваться будут в наши восточные дела». «Европа, когда дело идет о восточном вопросе, забывает правила христианства и человеколюбия { ... } по моему мнению, чтобы удержать восточный вопрос в определенных границах, надобно решить его в пользу моральных и материальных интересов России, то есть упрочением судьбы христианских православных племен и открытием проливов, если жет нет, то восточный вопрос со временем сделается славянским и православным».²⁵

Таким образом, пункт «Фонт.» во «Второй программе» записок скорее всего является ассоциативной пометой об эпизоде из книги Пукевича, происшедшем во время греческой революции 1821 г. с Ж. Фонтоном. Хотя не исключено, что рассказ мог вестись с учетом всей истории семьи Фонтонов, которая представляет достаточный интерес: П. А. Фонтон был приговорен Конвентом к смертной казни, но нашел спасение в России, в 1811 г. он воевал под началом Кутузова и был послан в Шумлу для переговоров с великим визирем сначала Кер-Юсуф-пашей, а затем Ахмет-пашей; А.А. Фонтон в 1808 г. чуть было не растерзала толпа (во время посещения собора Святой Софии в Константинополе всем русским посольством во главе с В. С. Томарой).²⁶ Однако эпизод с Жозефом Фонтоном удивительно напоминал разгром русской миссии в Тегеране в 1829 г.: гибель Грибоедова и случайное спасение Мальцова.

²³ Фонтон Ф. Воспоминания. Т. 1. С. 26. Ср. в письме В.А. Каратыгина к П. А. Катенину от 4 мая 1828 г.: «Пушкин (адрес его здесь в Петербурге, в трактире Демута) просился также ехать с царем (т. е. в Валахию. — Н.М.), но получил отказ» (Рус. архив. 1871. № 1. стб. 1242). Напомним, что в Демутовом трактире Пушкин проживал в одно время с А. С. Грибоедовым, приехавшим в Петербург с Туркманчайским миром.

²⁴ См.: Fonton F. La Russie dans l'Asie mineure, ou campagnes du Maréchal Paskévitch en 1828 et 1829. Précédées d'un tableau du Caucase. Paris, 1840. Л. А. Черейский допускает продолжение знакомства Пушкина с Ф. Фонтоном в 1829 г. (см.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1976. С. 446).

²⁵ Фонтон Ф. Воспоминания. Т. 1. С. 5; Т. 2. С. 203—204.

²⁶ См. в «Воспоминаниях» Ф. Фонтон описание этого происшествия: «... народ в свирепости не был уже в состоянии внимать голосу разума. Начали кидать камни в наших. Антону Антоновичу один полетел прямо в лицо и лишил его нескольких зубов» (Т. 2. С. 218).

«Греческая революция». «В 1821 г. Пушкин, как и многие другие его современники, с горячностью относился к вопросу об освобождении греков, начал даже вести журнал Греческого восстания».²⁷ И хотя в 1833 г. этот журнал скорее всего был им уже уничтожен (см.: XII, 310), его память хранила многое. Мы же можем только стараться уловить ответ этого потока информации по письмам Пушкина о греческой революции. Первое из них, адресованное П. А. Вяземскому, заканчивается обещанием уведомлять о дальнейших событиях (XIII, 24). Сохранившиеся письма показывают, что между Пушкиным и Вяземским шел интенсивный обмен информацией²⁸ в обход почты, по оказии.²⁹ Летом 1823 г., убедившись, что ему не удастся выбраться в Москву или Петербург, Пушкин вызывает Вяземского в Кишинев, обещая познакомиться с «героями Скуля и Секу, сподвижниками Иордаки», т. е. Георгиоса Олимпиоса (XIII, 61). События в Скулянах и Секу — это трагический финал революции А. Ипсиланти. В свое время П. В. Анненков и П. И. Бартенев отметили, что описание битвы под Скулянами и характеристика А. Ипсиланти в «Кирджали» имеют «все достоинства подлинной исторической записки».³⁰ Но определить, на какие свидетельские рассказы опирался Пушкин, мы не можем. Иное дело с защитой монастыря Секу, обстоятельства которой конспективно записаны Пушкиным в «Note sur la révolution d'Ipsylanti»³¹ (1821, после августа; XII, 458, 481). И. П. Липранди в своих записках указывает, что из всех защитников Секу в живых осталось только двое: «... один Еврей, принявший христианский закон и бывший слугою у одного из Капитанов (...) и другой, Туфечжи Никола, бывший при отряде моем оружейным мастером и как не носивший оружия был взят Начальником 29 Янычарской Орды, который полюбил его и исходатайствовал у Паши позволение взять его на поручительство, оставил его в Яссах, откуда он, найдя случай, бежал в Бессарабию ...».³² Следовательно, обещая познакомиться Вяземского с защитниками Се-

²⁷ Модзалевский Л. Б. Комментарий // Письма Пушкина. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 225.

²⁸ Интенсивный обмен письмами идет не только с Вяземским. В конце 1822 г. Дельвиг писал В. Кюхельбекеру: «Ты страшно виноват перед Пушкиным. Он поминутно о тебе заботится. Я ему доставил твою „греческую оду“, послание Грибоедову и Ермолову“ (...) Откликнись ему, он усердно будет отвечать. На него охота пришла письма писать, и он так и сыплет ими» (Рус. старина. 1875. Т. 13. С. 360).

²⁹ 20 декабря 1823 г. Пушкин пишет Вяземскому: «Я бы хотел знать, нельзя ли в переписке нашей избежать как-нибудь почты — я бы тебе переслал кой-что слишком для нее тяжелое. Сходнее нам в Азии писать по оказии» (XIII, 82), а в начале апреля 1824 г. от уточняет: «Ты не понял меня, когда я говорил тебе об оказии — почтмейстер мне в долг верит, да мне не верится» (XIII, 92).

³⁰ Бартенев П. И. Пушкин в Южной России. М., 1914. С. 86; Анненков П. В. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874. С. 204.

³¹ С. А. Фомичев высказал вполне обоснованное предположение, что на «Note sur la révolution d'Ipsylanti» и на «Note sur Penda-Deka» надо смотреть как на заготовки записок, над которыми Пушкин работал в 1821 г. (Временник Пушкинской комиссии. Л., 1987. Вып. 21. С. 7—8).

³² ЦГИАЛ СПб., ф. 673, оп. 1, д. 237, л. 42.

ку, Пушкин имел в виду именно этих людей. Тот материал, который мог он узнать от них, получил свою частичную запись³³ в работе Липранди «Капитан Иоргаки Олимпиотти. Действие гетеристов в при Дунайских княжествах: 1821». В отличие от Пушкина Липранди не видит ничего героического в гибели Иордаки: пожар в монастыре, по его мнению, возник случайно, от пыжей, попавших в камыш, и так как шел бой, то «никто сначала не обратил на оный внимания, все были заняты отражением неприятеля, никто не обращал больше внимания по пожар, некоторые слышали только, что Иоргаки кричал что-то по-арнаутски, но не было никакого средства подать ему помощи. По окончании пожара нашли все восемь трупов. У Иоргаки отгорела верхняя часть головы, левая сторона груди и одна нога. Таков был конец К. (апитана) Иоргаки на 49 году от роду».³⁴ Самому Иоргаки Липранди дает довольно резкую оценку, замечая, что «дух интриг, невыразимая зависть и ненасытная алчность к деньгам — были его единственным путеводителем», более того, Липранди считает его «главным виновником всех несчастий, постигших Этеристов в Княжествах по причине ложных и своекорыстных донесений, которые он делал...».³⁵ Славу двухнедельной защиты Секу (после смерти Иоргаки) Липранди отводит капитану Формаки, в финале оказавшемуся жертвой вероломства турок, которые в ходе переговоров Вольфа с осажденными этеристами обещали после сдачи оружия сохранить им жизнь. Но лишь оружие было сдано и раненый Формаки выехал из ворот монастыря, турки «бросились в ворота и начали резать всех безоруженных в Монастыре арнаут. Сии несчастные, не взирая на положение свое, защищались всем, что попадало им в руки и более 40 турок умерщвлены были таким образом, в числе коих многим отвернуты были головы, что доказывает отчаянную защиту сих жертв вероломства...».³⁶ Помимо приведенных сопоставлений находим следующее: «Аристид, — пишет Пушкин, — был схвачен Александром Суццо, его документы и его голова были посланы в Константинополь...» (XII, 480); «В декабре 1820 года, — пишет Липранди, — один из Этеристов, Фессалиец Аристид, был послан в Сербию (...). Но в окрестностях Белграда на острове Ада-Кебир, он по подозрению остановлен был турками и тут же казнен. В обоих случаях речь идет об Аристиде Попасе (Попе). Пушкин пишет: «первый приписал смерть его предупредительному действию Этеристов» Иордаки Мано, «личный и непримиримый враг Князя Суццо»; к удивлению Липранди, гетеристы «с жадностью приняли на себя все распространенное», это тем более удивляло

³³ Помимо названных лиц («браиловские турки, арнаут Осман-Ага, Измаил Егин-Ага») Вольф сообщили Липранди «все до сего происшествия касающееся» (там же, л. 49). Думається, что именно Липранди познакомил Пушкина с защитниками Секу.

³⁴ Там же, л. 39—39 об. Годами жизни Георгиоса Олимпиоса являются 1772 (4 мая) — 1821.

³⁵ Там же, л. 39 об.

³⁶ Там же, л. 41 об.—42.

Липранди, что он знал, насколько «это далеко от истины».³⁷ Данные соответствия подтверждают вывод В. И. Селинова о том, что Пушкин вел записки «по живым следам событий».³⁸ При этом (как и в эпизоде с Ж. Фонтаном) внимание Пушкина привлечено к стихийности и огромной разрушительной силе народных движений, в которых жестокость проявляется в равной мере с обеих сторон.³⁹ Оказавшись в 1821 г. в Кишиневе, Пушкин получил богатейший материал для наблюдения и размышлений. Не случайно 7 мая 1821 г. он писал А. И. Тургеневу: «В нашей Бессарабии в впечатлениях недостатку нет. Здесь такая каша, что хуже овсяного киселя» (XIII, 29). Очевидно, что уже к 1824 г. Пушкин перешел от романтической героизации восставших (ср.: «Говорили об А. Ипсиланти; между пятью греками я один говорил как грек ...» — XII, 302) к реалистическому анализу двух противоборствующих сторон (ср. в письме к Вяземскому 24—25 июня 1824 г.: «О судьбе греков позволено рассуждать, как о судьбе моей братии негров, можно тем и другим желать освобождения от рабства нестерпимого. Но чтобы все просвещенные народы бредили Грецией — это непростительное ребячество» — XIII, 99).

Lipnр.(анди) 12 год. *mort de sa femme, le g n gat.* В изучении биографии и личности И. П. Липранди исследователь сталкивается с достаточно устойчивой тенденцией выделять в его судьбе два этапа, проводя границу по 1828—1829 гг., т. е. времени, когда Липранди «окончательно примирился с властями».⁴⁰

«Где и что Липранди? Мне брюхом хочется увидеть его», — писал Пушкин (22 октября — 4 ноября 1823 г. из Одессы в Кишинев) Ф. Ф. Вигелю (XIII, 73). Попытаемся ответить на пушкинские вопросы, используя автобиографию Липранди: «... по возвращении из Франции с корпусом графа (...) Воронцова служба занесла меня в Бессарабию, — пишет Липранди, — где в начале командир 6го корпуса генерал Сабанев поручил мне описание границ с Турциею, а в 1821 году вместе с тем и надзор за выбежавшими из Турции этеристами, а с 1823 года, по назначению князя Воронцова полномочным наместником Бессарабской области, я поступил опять к нему по особым поручениям».⁴¹ Таким образом, вопрос Пушкина, обращенный к своему кишиневскому приятелю и родственнику Липранди Ф. Ф. Вигелю далеко не случаен: Пушкин знает о новом назначении Липранди и к деятельности его проявляет явный интерес. Отметим также, что в приведенном фрагменте Липранди не проводит резкой границы между военной разведкой (описание границ Турции) и разведкой политической (наблюдение за этериста-

³⁷ Там же, л. 47; ЦГИА СПб., ф. 673, оп. 1, д. 231, л. 12—12 об.

³⁸ Селинов В. И. Комментарий к отрывку «Из журнала греческого восстания», писанного Пушкиным в 1821 году // Пушкин и его современники. Л., 1930. Вып. 33—39. С. 69—70.

³⁹ Оганян Л. Н. К вопросу об отношении А. С. Пушкина к Гетерии // Пушкин на юге: Труды пушкинских конференций. Кишинев, 1958. С. 133—145.

⁴⁰ Эйдельман Н. Я. Обреченный отряд. М., 1987. С. 378; Садиков П. А. И. П. Липранди в Бессарабии 1820-х годов (по новым материалам) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. 1941. № 6. С. 272.

⁴¹ РНБ, ф. 608 (Помяловского), оп. 1, ед. хр. 2896, л. 19 об.

ми); совмещение этих сфер разведывательной деятельности Липранди закреплено в самом названии его должности «адъютант по особым поручениям»,⁴² которая надолго закрепилась за ним.

Мы видели, что от Липранди Пушкин получал достаточно точную и оперативную информацию (например, о Секу). В Кишиневе в доме Липранди Пушкин встречался с тремя главными этеристами.⁴³ Стремление увидеться с Липранди в 1823 г. свидетельствует о том, что Пушкин многое знал о характере его деятельности, но думается, что знал далеко не все. Впрочем, так же как и Липранди не все знал о Пушкине. В тех же «Воспоминаниях» встречаем любопытный фрагмент о пушкинской оказии: «При выезде моем из Кишинева 4-го февраля 1822 года в Петербург, — пишет Липранди, — Александр Сергеевич дал мне довольно большой пакет, включавший в себя несколько писем, чтобы передать оный не иначе, как лично брату его Льву Сергеевичу, а если, по какому-либо случаю его на это время не будет в Петербурге, то его сестре...». Не застав Льва Сергеевича дома, он оставил ему свой адрес, и передача пакета произошла в комнате Липранди в гостинице: «Распечатав пакет он (Лев Сергеевич. — *Н.М.*) нашел несколько писем и какую-то испи-санную с перемарками тетрадь, листа в три почтовых. Взглянув на нее, он улыбнулся и не читая своего письма, собрал все, завязал в платок и хотел тотчас уйти, но я — пригласил его отобедать вместе...». В этой сцене улыбка Л. С. Пушкина выдает его осведомленность относительно содержания тетрадки, а желание Липранди узнать хоть что-нибудь — напротив, неосведомленность. Однако усилия Липранди не пропали даром, чуть ниже читаем: «Письмо к себе Лев Сергеевич успел прочитать еще у меня».⁴⁴ Следовательно, если Липранди в это время и пользуется доверием А. С. Пушкина, то доверие это отнюдь не слепое и не безграничное. Поражает та легкость, с которой Липранди переходит от ампула «военного разведчика» к ампула «жандарма»: советуя Л. С. Пушкину принять предложение Бенкендорфа о вступлении в жандармы, Липранди объясняет ему и С. Л. Пушкину, что «в жандармском дивизионе служба чисто военная» и что он «понимал бы их нежелание состоять при штабе III отделения, но в дивизионе дело совсем иное».⁴⁵ Липранди всегда был убежден, что разведкой, как военной, так и политической, должны заниматься особые люди, стоящие выше пред-рассудков общества.

Привлечение Липранди к следствию по делу декабристов и содержание его под стражей вместе с Грибоедовым создают вокруг его личности некий ореол — Пушкин расценивал это обстоятельство по

⁴² В 1828 г. Липранди служил в Тульчинской Главной квартире адъютантом по особым поручениям при П. Д. Киселеве, одновременно с ним в это время по дипломатической части служили А. А. Фонтон и Ф. П. Фонтон. (см.: Фонтон Ф. Воспоминания. Т. 1. С. 46).

⁴³ Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 330.

⁴⁴ Пушкин в воспоминаниях современников. Л., 1936. С. 271.

⁴⁵ Там же. С. 275. Об отношении А. С. Пушкина к карьере брата см.: XIII, 44—45.

аналогии к собственной судьбе: «Липранди обнимаю дружески, — писал он 1 декабря 1826 г., — жалею, что в равные времена съездили мы на счет казенный и не соткнулись где-нибудь» (XIII, 309).

Обстоятельства ареста и содержания под стражей нашли свое отражение в воспоминаниях Липранди, при внимательном чтении которых становится очевидным желание Липранди ватушевать два момента: 1-й — хронологические рамки пребывания под арестом. «Первый спрос делал мне генерал-адъютант Левашов <...> Через десять дней я был освобожден, получил свидетельство за № 409, от 25 февраля, за подписью всех членов, что „к тайному обществу не принадлежал и о существовании его не знал“». ⁴⁶ Обращение к следственному делу Липранди уточняет некоторые детали: действительно первый допрос производил генерал-адъютант Левашов 11 февраля, далее 12-м февраля датированы вопросные пункты, опрошенным по делу 12 декабристам, а вопросные пункты подполковнику Липранди датированы 19 февраля. ⁴⁷ Следовательно, согласно данным следственного дела, первая дата отодвигается от 15 февраля к 11 февраля, что совпадает с началом содержания под стражей А. С. Грибоедова. ⁴⁸ Случайно ли это совпадение? В опубликованном Н. Я. Эдельманом письме С. В. Желтухина (командира 17 дивизии) генерал-майору О. Вахтену (начальнику штаба 6-го корпуса) сообщается об обстоятельствах ареста Липранди: «Верно ни одного из бунтовщиков не отправляли так снисходительно, как кишиневского, ибо по получении повеления дали ему жить три дня <...> Так ли отправляют и берутся за изменников отечества и государя?» ⁴⁹ Действительно, странный арест, если учесть, что Грибоедов получил от Ермолова отсрочку ареста всего на пару часов.

На вопрос следственной комиссии о принадлежности к тайному обществу Липранди писал: «Я к тайному обществу никогда ни к какому не принадлежал <...> ничего об оном не слышал <...> Буде кто меня обвинит, то прошу с оным очной ставки для доказательства моей невиновности». ⁵⁰ Опрошенные декабристы также отрицали причастность Липранди к тайному обществу. «С подполковником Липранди, — писал С. Г. Волконский, — я лично знаком еще со времени Кампаний 1813 и 14 годов, возобновил же я сие знакомство неоднократноными встречами в Одессе во время моих пребываний в сем городе, но был ли членом общества — не знаю и разговора не имел». ⁵¹ М. Ф. Орлов, непосредственный начальник Липранди, писал следующее: «Подполковник Липранди служил при моем командовании 16-ю пехотною дивизиею в Камчатском полку и был мною

⁴⁶ Липранди И. П. Замечания на «Воспоминания» Ф. Ф. Вигеля // Чтения в обществе истории и древности российских. М., 1873. Кн. 2. С. 233, 234.

⁴⁷ ЦГАОР, ф. 48, д. 191, л. 1—2.

⁴⁸ См.: Нечкина М. В. Следственное дело А. С. Грибоедова. М., 1982.

⁴⁹ Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы. С. 25.

⁵⁰ ЦГАОР, ф. 48, д. 191, л. 1.

⁵¹ Там же, л. 13. Позже в своих записках С. Г. Волконский писал, что Липранди был принят в ячейку декабристов, названную «Зеленой книгой» (Волконский С. Г. Записки. СПб., 1902. С. 317—319).

употреблен по служебным делам (...), а более я с ним никаких сношений не имел. Был ли членом общества? не знаю. Кем принят? так же мне неизвестно. — С 1821 или 22 года я его не видал и об образе его действий в обществе (будь он оному принадлежал) ничего не знаю». ⁵² Фактически Орлов отрицает не сам факт причастности Липранди к обществу, а собственное знание этого факта. Столь же двусмыслен ответ Поджио: «Года четыре тому назад Господа Давыдовы Василий и Александр ездил в Кишинев повидаться с их родственником Михайло Федоровичем Орловым и оттуда возвратившись, разговаривая о Кишиневе упомянули несколько слов и о Г. Подполковнике Липранди, но как о человеке мало им известном. — Тут я первый раз услышал о Господине Липранди и с тех пор об нем никогда совершенно ничего не слыхал — и для того мне совсем неизвестно принадлежал Господин Липранди к обществу Тайному или нет — и не знаю, с кем из членов состоял он в сношениях». ⁵³ Тут можно было бы привлечь к показаниям Давыдовых, чтобы уточнить, почему Поджио четыре года помнит фамилию человека, с которым не знаком и которого только упомянули в его присутствии, но следственный комитет почему-то не воспользовался этой возможностью. В своем заключении он указал, что опрошенные по делу Липранди «все главные члены Северного и Южного общества 12 человек его не только членом, но даже и вовсе не знают». ⁵⁴ Хотя в деле и были показания о Липранди как о человеке, неизвестном декабристам (ср.: показания Бестужева-Рюмина, Рылеева, Трубедкого), ⁵⁵ заключение следственной комиссии надо понимать как устоявшийся юридический штамп. Возможно, декабристы выгораживали Липранди, чтобы не увеличить число жертв, но может быть для того, чтобы не усугубить собственное положение теми материалами, которыми он располагал? Иначе невозможно объяснить настойчивое требование Липранди об очных ставках с обвинителями.

Второй неясный эпизод связан с освобождением Липранди: Получив свободу, Липранди является к И.И. Дибичу и дает о себе знать графу М. С. Воронцову: «Граф не замедлил приехать, — пишет Липранди, — по совершении погребения Императора Александра я был отправлен Графом в Аккерман, для некоторых подготовлений к имеющемуся там быть Конгрессу. Из бывших со мною я освобожден был первый (...) Видевши, что некоторые получали дозволение посещать прежних сокамерников моих, я спросил, чрез Яковлева, позволения делать то же и, получив оное, почти ежедневно бывал у них. Общество таких людей, и особенно в тогдашние минуты было для меня большим наслаждением от службы. Вообще частности

⁵² Там же, л. 2. Ср. показания В. Ф. Раевского: «Орлов поручил мне принять двух братьев Липранди (...) Но я отовзался тем, что и без принятия в Общество на них рассчитывать можно» (Литературное наследство. М., 1956. Т. 60, кн. 1. С. 84).

⁵³ ЦГАОР, ф. 18, д. 191, л. 8.

⁵⁴ Там же, л. 18.

⁵⁵ Там же, л. 9, 10, 12.

этого замечательного периода не безынтересны, но здесь вовсе неуместны». ⁵⁶

Целью Аккерманской конференции было намерение России приступить к обсуждению вопросов, вытекавших из неясности некоторых постановлений Бухарестского трактата. Совещение открылось 1 (13) июля между русскими уполномоченными графом М. С. Воронцовым, посланником в Константинополе А. Рибопьером и турецкими представителями Хади-эфенди и Ибрагим-эфенди. Подписание Аккерманской конвенции состоялось 25 сентября (7 октября).

Международная обстановка во время работы Аккерманской конференции была далеко не однозначной. Иран, добившийся срыва переговоров, еще в октябре 1825 г. направил в Константинополь своего посла, чтобы напомнить султану о его обязательствах «объединиться с Ираном против России. В этих условиях советы А. С. Грибоедова, хорошо знакомого с методами иранской дипломатии, были просто неоценимы для И. П. Липранди. Тем более что вскоре Иран перешел к прямым военным действиям. Начало второй русско-иранской войны (1826—1828) и начало русско-турецких переговоров в Аккермане совпало «в результате преднамеренной деятельности английских и турецких дипломатов». ⁵⁷ В то время как полковник Бартоломей собирал на Кавказе сведения о Ермолове и его корпусе (в инструкции особо выделен Грибоедов), ⁵⁸ Липранди мог осуществлять наблюдения за Грибоедовым в камере. По данным Б. П. Балаяна, в следственном деле Грибоедова был перелом, когда Николай I 7 марта 1826 г. приказал «колежского ассесора Грибоедова оставить у дежурного генерала Петропавловской крепости», где он находился под арестом до 3 июня 1826 г. ⁵⁹ Факт доселе, не привлекавший внимания: в инструкциях, предназначенных членам посольства А. С. Меншикова, отправляющегося на Кавказ для переговоров с персами и проверки сосланных на Кавказ декабристов, Б. П. Балаян обнаружил на полях списка поднадворных декабристов революцию Николая I: «Было бы хорошо к этим именам присоединить и Грибоедова». ⁶⁰

Предположение об участии И. П. Липранди в следствии А. С. Грибоедова высказывается нами на уровне гипотезы, но гипотезы с большой долей вероятия. Спустя 5 лет, в 1831 г., Липранди пишет «Краткое рассуждение о Высшей Тайной полиции», в котором читаем следующее: «Бесспорно, что *Высшая Тайная Полиция* в полном смысле значения своего получила рождение и достигла до совершенства во время Наполеона; но с падением коего упала и она во Франции (...). Степень совершенства сего кажется преимущественно перешла в

⁵⁶ Липранди И. П. Замечания на «Воспоминания». С. 235.

⁵⁷ Балаян Б. П. Дипломатическая история русско-турецких войн и присоединения восточной Армении к России. Ереван, 1988. С. 130, 146, 147.

⁵⁸ Рус. старина. 1910. № 5.

⁵⁹ «Сейчас, — писал П. Я. Вяземский жене 3 июня 1826 г., — видел выпущенного из тюрьмы Грибоедова» — (Остафьевский архив. СПб., 1913. Т. 5, ч. 2. С. 15.

⁶⁰ Балаян Б. П. Дипломатическая история... С. 148; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4288, л. 5.

Австрию», которая своим благополучием, по мнению Липранди, обязана именно «Высшей Тайной Полиции», так как та, «следуя по стопам господствующего в разных областях образа мыслей, заблаговременно упреждает во всем Правительство; которое в свою очередь всегда имеет время различными благоразумными мерами разбивать или отклонять приготавливающуюся бурю. Всякий заговор имеет рождение свое в весьма ограниченном круге беспокойных людей; но что они могут предпринять, когда Правительство отнимает всегда у них средство к произведению в действо злонамеренных своих видов!» Предлагаемая установить наблюдение за всеми социальными слоями общества, Липранди выделяет как особую задачу полиции «наблюдение за воспаленными воображениями», подчеркивая, что такие люди могут принадлежать ко всем классам. Однако «хорошо устроенной *Высшей Тайной Полиции* весьма легко наблюдать за ними и в случае каких-либо пояснений не только заставляя их говорить, но и тонким образом сделать их своими Агентами, кои неумышленно и не подозревая сами будут с успехом действовать во всех направлениях, которое хитрый Член *Высшей Тайной Полиции* найдет за необходимое им дать. — Так действовали во Франции, чтобы проникать во многие тайны». ⁶¹ Под выделенной Липранди категорией людей с «воспаленным воображением», использующих в качестве агитации открытое изложение своих взглядов, легко можно угадать декабристов. Очевидно, что общение с префектом парижской сыскной полиции Эженом-Франсуа Видоком (1775—1857) ⁶² не прошло для Липранди бесследно, арест же самого Липранди в 1826 г. очень напоминает арест провокатора Антонелли в деле Петрашевского. ⁶³

Последнее письмо Пушкина, полученное Липранди, было отправлено из Орла в 1829 г., после встречи с опальным проконсулом Кавказа А. П. Ермоловым. ⁶⁴ После возвращения Пушкина из-под Арzurума переписка их не возобновилась, а в плане «Второй программы» появилось столь нелестное определение — «ренегат», которое в свете приведенных выше материалов можно рассматривать в политическом смысле. Однако этот подход не исключает толкования слова как «вероотступник», ⁶⁵ «под чалмою ренегата» (XI, 51). В период военных действий 1828—1829 гг. Липранди поддерживал дружеские отношения с турецкими военачальниками, например с Кара-Дженем-Ибрагимом (Топчи-башой); ⁶⁶ о котором в своих записках писал: «Человек этот, с которым я был довольно близко знаком, был совершенным невеждою по той части, которую начальст-

⁶¹ ЦГИА СПб., ф. 673, оп. 2, д. 7, л. 1, 1 об., 9, 9 об.

⁶² Видок руководствовался принципом — «...только преступник сможет побороть преступление» — см.: Торвальд Ю. Сто лет криминалистики. М., 1974. С. 17—19.

⁶³ Возный А. Ф. Полицейский сыск и кружок петрашевцев. Киев, 1976. С. 54.

⁶⁴ Эйдельман Н. Я. Обреченный отряд. С. 374—375.

⁶⁵ Цявловская Т. Г. Неясные места биографии Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 36.

⁶⁶ Ср. в «Путешествии в Арzurум»: «...несколько непослушных арнаутов под предводительством Топчи-Паши овладели городскими батареями...» (VIII, 475).

вовал» (т. е. по артиллерии. — *Н.М.*), но «он превосходил всех других в отчаянных предприятиях: в 1828 году он привез в Силистрию, нами окруженную, на трех тысячах всадниках порох и, сделав это, опять прорвался назад. Он славился известной жестокостью, что означает самое его прозвище: Кара-Дженем, т. е. *черный, мрачный ад*». Липранди отмечает, что несколько раз посещал Кара-Дженема и «не затруднялся ездить в Руддук, ибо был хорошо знаком с Кучук-Ахметом с 1821 года, когда он начальствовал в Яссах, и впоследствии, в особенности в лагере при Туртукае, был в частой с ним переписке и обмене подарков». ⁶⁷ Конвой Липранди, состоящий из арнаутов, известных ему еще по 1821 г., предпочитал чалму военной фуражке, поэтому их часто принимали за турок.

«12 год». Данный пункт можно рассматривать в плане сопоставления с 1828 г., как это делает Липранди: «Вид Монарха впереди войск тотчас за казачьей цепью, в сопровождении Великого Князя Михаила Павловича (...) невольно напомнил нам великую эпоху, когда освободитель Европы, в сопровождении брата своего Цесаревича Константина Павловича, водил войска свои к бесчисленным победам. Воспоминания эти тем сильнее потрясли душу существовавших в бессмертных событиях, что в многочисленном штабе Императора Николая видны были те же самые лица, и в тех же званиях, которые сопровождали и Александра Благословенного или действовали в глазах его (...) Все это еще более разительно переносило за 13 лет назад и напоминало освободителя Европы (...) и сблизало с настоящей целью Императора Николая, искавшего облегчить участь единоверных и единоплеменных славян от гнета Оттоманов ...». ⁶⁸ Логика Липранди ясна. По всей видимости, Пушкин подошел бы к этому сопоставлению иначе, очевидно так, как об этом написал в письме к А. П. Ермолову в 1833 г.: «До сих пор поход Наполеона затемняет и заглушает все — и только некоторые военные люди знают, что в то же самое время происходило на Востоке» (XV, 58). Исходя из логики «второй программы», Пушкин имеет в виду Бухарестский мир и планы так называемой «адриатической экспедиции» адмирала П. В. Чичагова (об этом аспекте мной был сделан доклад на Второй международной конференции пушкинистов в Твери 29 мая 1993 г.).

Относительно пункта «смерть его жены» мы можем отметить только два момента. Первый связан с оброченной Липранди фравой: «Находясь с 1815 по 1819 год во Франции, где по родственным и другим связям я имел случай видеть некоторые отчеты по части

⁶⁷ Липранди И. П. Битва и занятие позиций при Шумле, 8-го июля 1828 года, в присутствии Государя императора Николая I: Сокращено из записок Генерального штаба Полковника Липранди. СПб., 1860. С. 4—5, 6—7. Вместе с Липранди воевали его брат Павел Петрович, Дм.С. Норов (брат декабриста В. С. Норова) и А. Ф. Вельтман, с которым в 30-х годах Пушкин часто встречался. В 1828 г. Вельтман издал «Начертание древней истории Бессарабии», экземпляр которой с дарственной надписью был подарен автором Пушкину (см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910. № 68. С. 20).

⁶⁸ Липранди И. П. Битва и занятие позиций ... С. 14.

Военной Тайной Полиции, отправляемые еще при Наполеоне ...»⁶⁹ (курсив мой. — *Н. М.*). Это — достаточно редкое упоминание Липранди о семье своей первой жены. Очевиден вопрос: не была ли Томас-Ровина Гуво⁷⁰ связана с военной разведкой? Второй момент — чисто хронологический. По свидетельству В. Ф. Раевского, жена Липранди умерла в Кишиневе,⁷¹ куда Липранди прибыл 21 августа 1820 г., ровно за месяц до прибытия туда Пушкина. Следовательно, если Томас-Ровина умерла не в течение того месяца, когда Пушкина не было в Кишиневе, то они, по всей видимости, были знакомы.

Суммируя сказанное, подчеркнем, что, на наш взгляд, Липранди практически не менялся. Стремительно менялся окружающий его мир, а сам он, создавая себя вторично, «то под чалмою ренегата, то в плаще корсара, то гяуром», по сути своей всегда оставался полицейским.⁷²

«*Паша Арзрумский*». 27 июня 1829 г. в Арзруме были взяты в плен: Сераскир Гаджи-Магомет-Салех-Паша, трехбунчукный паша — Осман-Паша-Хаджи-Надир-Оглы, двое двухбунчукных пашей — Абуш-Абдула-Паша Хаджи-Исмаил Оглы и Ахмет-Паша Абдула-Оглы.⁷³ В рапорте Николаю I от 3 июля 1829 г. Паскевич сообщает следующие подробности: «28го Июня Сераскир изъявил намерение просить меня об освобождении его и Пашей, обещаясь удалившись во внутренние области Турецкие, жить там приватно, не входя в дела. Ему ответствовано, что в первом письме моем к Начальнику города ясно упомянуто было, что Сераскир, Паши и другие чиновники Правительства должны быть военнопленными: в просьбе жителями мне представленной при самом занятии города находилась статья об освобождении Сераскира и Пашей, я решительно отвечал им, что не принимаю сей статьи и на веру просьбы сей велел надписать, что все в оной заключающееся утверждаю,

⁶⁹ ЦГИАСПб., ф. 673, оп. 2, д. 7, л. 9 об.

⁷⁰ Тихомирова С. Н. К расшифровке «Второй программы» записок Пушкина // *Временник Пушкинской комиссии*. Л., 1986. Вып. 20. С. 170.

⁷¹ Литературное наследство. М., 1956. Т. 60, кн. 1. С. 75.

⁷² Считается, что прототипом пушкинского Сильвио был не кто иной, как Липранди (см.: Гроссман А. Исторический фон «Выстрела»: К истории политических обществ и тайной полиции 20-х годов // *Новый мир*. 1929. Кн. 5. С. 208—223). Если Липранди и был прототипом, то не единственным. В судьбе А. С. Грибоедова тоже была отложенная дуэль (с А. И. Якубовичем), а в письме к Ф. В. Булгарину 16 апреля 1827 г. он писал: «Повеса Лев Пушкин здесь (в Тифлисе. — *Н. М.*), но не имел ко мне достаточного внимания и не привез мне братнина манускрипта (т. е. „Бориса Годунова“. — *Н. М.*). За то я принял его по-неприятельски, велел принести пистолеты и во все время, что он у меня сидел, стрелял в дверь своей комнаты, пробил ее насквозь сверху вниз и Льва с пальбой отпустил на юнкерство» (*Грибоедов А. С. Соч. С. 541*). В период ссылки А. И. Якубович рассказывал историю своей дуэли с Грибоедовым А. И. Штукенбергу, используя при этом сюжетную схему «Выстрела», роль Сильвио при этом он отвел себе. (Подробнее см.: *Власова З. И. Декабристы в неизданных мемуарах А. И. Штукенберга // Литературное наследство декабристов*. Л., 1975. С. 365—366).

⁷³ ЦГИА СПб., ф. 1018, оп. 3, д. 192, л. 100; сераскир — фельдмаршал, паша трехбунчукный — генерал корпусной, паша двухбунчукный — генерал дивизионный (ЦГИА СПб., ф. 673, оп. 1, д. 327, л. 4 об.).

выключая относящееся до Сераскира и Пашей». Через Мамиш-Агу Паскевич выяснил, что жители Арзрума довольны дисциплиной войск «на счет же Сераскира полагают, что он желает освобождения своего, дабы явившись к Султану оправдать себя и возложить на них вину о сдаче крепости, почему и просят (...) перевести в лагерь Сераскира и Пашей, ибо дальнейшее пребывание их в городе будет опасно для спокойствия жителей». 30 июня к Паскевичу явился министр финансов Азиатской Турции Дефтер-Дар-Ефенди, «прося объявить о решении участи его, Сераскира и Пашей». «Я, — пишет Паскевич, — объявил ему прямо, что он, Сераскир и Паши — мои военнопленные и что сего же числа они будут переведены в лагерь: после сего, задержав Дефтер-Дара, я велел привести Сераскира и Пашей. Они всячески старались склонить меня освободить их, но по вышеизъявленным причинам я задержал всех их и отправил в Тифлис».⁷⁴

До Тифлиса пленных пашей сопровождал М. И. Пущин: «В первых числах июля, — пишет он в своих воспоминаниях, — я выехал из Арзрума с поручением главнокомандующего проводить пленных пашей до Тифлиса; поручение неприятное, которое задержало меня в дороге и в карантине долее, чем я желал. В Тифлис я прибыл с пашами в конце июля».⁷⁵ В Тифлисе к Пущину присоединился Дорохов, а во Владикавказе их догнал Пушкин. Трудно предположить, что в течение долгой дороги М. Пущин не затронул в своих рассказах тему, досаждавшую ему целый месяц.

Однако как заключительный пункт программы «Паша Арзрумский» должен был подводить итоги предшествующим размышлениям и, стало быть, должен быть связан с предшествующими пунктами плана. Связь эта могла быть решена в историческом плане, как противопоставление разгрома резиденции Российского консула в 1821 г. в Константинополе⁷⁶ и взятие в плен арзрумских пашей, с оказанием подобающим их сану и положению военнопленных знаков почтения.

Перечислив все возможные толкования этого пункта программы, отметим, что наиболее вероятным лицом, выведенным Пушкиным под «пашей арзрумским», является Галиб-паша, который в свое время был турецким послом при Наполеоне, реис-эфенди при подписании Бухарестского мира, временно великим визирем, способствовавшим истреблению янычар и сумевшим остаться в тени, и, наконец, пашей арзрумским, направившим осенью 1828 г. донесение Порте, в котором, изложив тяжелое положение турецкой армии,

⁷⁴ ЦГИА СПб., ф. 1018, оп. 3, д. 192, л. 100 об.—101.

⁷⁵ Пущин М. И. Записки. Письма. М., 1989. С. 424, 425.

⁷⁶ «... Сама резиденция полностью была уничтожена огнем, целой оставалась лишь мачта пристройки (...) На вершине мачты по-прежнему развивался стяг России (...) Там с восьми часов утра до двенадцати и с двух часов до наступления сумерек турки состязались в стрельбе из ружей (...) Наконец (...) они несколькими ударами срубали мачту пристройки и стали ногами топтать поверженный крест и вытирать обувь русским стягом» (Pouqueville. Histoire de la (...) Grèce. Т. 2. P. 400; перевод В. А. Стрелкова).

предлагал обратить внимание на чрезвычайную важность скорейшего заключения мира с Россией,⁷⁷ за что был смещен с занимаемого им поста паши арврумского и сослан, а его пост был передан Гакки-паше Сивавскому. В книге Виктора Фонтанье «Путешествие на Восток в 1821—1829 гг.» об этом человеке сообщаются приведенные нами сведения, при этом именуется он: «Galib-Pacha, seraskir d'Erzeroum» — т. е. «Галиб-паша, серскир Арврума».⁷⁸ Книга эта сохранилась в библиотеке Пушкина,⁷⁹ и его помета о переправе через Кивил-Ермаг свидетельствует о том, что прочитана она была внимательно.

Подводя итоги отметим, что «Вторая программа» пушкинских записок является замыслом эпопейного характера, восходящим, по всей видимости, к сожженным валискам Пушкина. В центре этого замысла, ориентированного на «политические откровения» (XI, 94) — столкновение двух миров: христианского и мусульманского, в контексте внешней дипломатической ситуации, хронологически очерченной 1812—1829 гг., т. е. Бухарестским и Адрианопольским миром и осложненной внутривосточной и национально-освободительной борьбой.

⁷⁷ Шеремет В. И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975. С. 200.

⁷⁸ Fontanie V. Voyages en Orient ... de l'année 1821 à l'année 1829. Paris, 1829. P. 61.

⁷⁹ Модвалевский Б. А. Библиотека Пушкина... № 919. С. 233.

М. Г. АЛЬТШУЛЛЕР

ЗАПИСКИ ПУШКИНА И БАРАТЫНСКОГО В ПУБЛИКАЦИЯХ А. Е. ГРЕНА

В 1838 г. в «Современнике» было напечатано П. А. Плетневым «Воспоминание о Пушкине» А. Е. Грена.¹ Здесь рассказано о встрече 13-летнего автора на Петербургской ярмарке 9 апреля 1820 г. с Пушкиным и Дельвигом, которые сводили мальчика и его брата-одногодка в балаган известного силача Рапо. Братья не подозревали, кто были эти добрые молодые люди. Во второй части воспоминаний говорится о некоей даме, госпоже Л., которая спустя 16 лет, в 1835 г., по совету Грена обратилась к Пушкину за денежной помощью. Поэт ответил ей следующим письмом:

Милостивая Государыня!

Все, что могу сделать для вас доброго, постараюсь, но не осудите если пособие мое будет не так значительно, как вы, быть может, ожидаете. Я сам далеко не из числа богатых людей. На днях буду у вас.

С уважением и преданностью имею
честь быть покорный к услугам
А. Пушкин.

Малозначительный рассказ Грена в общем, как писал М. А. Цявловский, «ничего не включает в себе невероятного».² Некоторые неточности его (силача Рапо в 1820 г. в России не было, 9 апреля приходилось на Святую неделю не в 1820, а в 1819 г. и пр.)³ скорее свидетельствуют о достоверности мемуаров и обычных ошибках памяти.

Письмо Пушкина к госпоже Л. неоднократно перепечатывалось и самим Греном и в собраниях сочинений Пушкина.⁴ Однако репу-

¹ Грен А. Воспоминание о Пушкине (К. П. Зеленецкому) // Современник. 1838. Т. 11. С. 33—37.

² Цявловский М. А. Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1939. С. 41.

³ Там же. С. 45.

⁴ Грен Александр, Грен София. Рассказчик. СПб., 1842. С. 71—78; Петербургский вестник. 1861. № 14. С. 311—312; по указанию Цявловского (Книга воспоминаний... С. 45—45): Соч. Пушкина / Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1887. Т. 7. С. 391, № 441; то же, изд. «Просвещение». СПб., 1906. Т. 8. С. 378, № 542; Соч. Пушкина / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1903. Т. 7. С. 625, № 544.

тация Грена для пушкинистов была настолько сомнительной, что редактор академического издания В. И. Саитов исключил из числа пушкинских писем письмо к госпоже Л.⁵ В настоящее время есть основания пересмотреть вопрос о подлинности этого документа, а также и некоторых других публикаций Грена.

Александр Евгеньевич Грен родился около 1807 г.: в своих воспоминаниях о встречах с Пушкиным он говорит, что в 1820 г. имел тринадцать лет от роду.⁶ Отец мемуариста был полковником: мать его Мария Грен называет себя в письмах «вдовой 6 класса», «вдовой полковницей».⁷ После смерти отца семейство, весьма многочисленное (Мария Грен называет себя матерью девяти детей), впало в бедность, может быть, и преувеличиваемую для получения благотворительной милостыни. Образование дети получили весьма скудное: как увидим, писали неграмотно, уровень общей культуры был у них весьма низок, французский язык в 13 лет Грен и его брат «... худо понимали».⁸

Однако при этом в семье сильны были литературные интересы. Об этом свидетельствует хранящийся в отделе рукописей Пушкинского Дома сборник «Собрание равных стихотворений в шести частях. Часть I-я. 1826».⁹ Внизу л. 228 об. этого сборника внутри рисунка, изображающего лиру, находятся инициалы А(лександр) Г(рен). В нижней части л. 236, в самом конце сборника, редкая для таких собраний с запрещенными стихами запись в столбик:

Читали:

Кадетского корпуса кадет Грен
Александр фон Грен
Н.В. Иванов сын С.П.М...а
Николай Селезнев
Константин фон Грен
П. Грен
Николай Грен

Таким образом, читательские пометы свидетельствуют, что сборник, по всей очевидности, составлялся в семействе Грен, а содержание его показывает живой интерес Гренов к современной русской поэзии и их довольно хорошую осведомленность. На страницах сборника представлены Жуковский, Мервялков, Слепушкин, Измайлов, Долгоруков, Карамзин, Ф. Глинка, Марков, Туманский, Д. Хвостов, Петров, Костров, Ковлов, Давыдов и пр. Особенно много места занимают Пушкин и Рылеев. Владельцев сборника явно притягивает запретная литература: в 1826 г. и позднее они переписывают почти все думы Рылеева, «Войнаровского», «Исповедь На-

⁵ Цявловский М. А. Книга воспоминаний... С. 45.

⁶ Грен А. Е. Воспоминание о Пушкине // Цявловский М. А. Книга воспоминаний... С. 41—42. В дальнейшем цитируется по этому изданию.

⁷ О письмах М. Грен см. ниже.

⁸ Грен А. Е. Воспоминание ... С. 43.

⁹ ПД, р. II, оп. 1, № 598. Об этом сборнике см. также: Альтшуллер М., Мартинов И. «Звучащий стих свободы ради ...» М., 1976. С. 72—75.

ливайки». Наряду с «Онегиным» и «Братьями-разбойниками» обильно представлена ранняя вольнолюбивая лирика Пушкина: «Деревня», «Вольность», «Кинжал». Следует, однако, заметить, что переписывание запрещенных стихов никак не сказалось на мировоззрении А. Грена: в своих сочинениях и письмах он всегда с подчеркнутой нарочитостью демонстрирует верноподданнические чувства, официальный патриотизм и благочестие.

При чтении сборника становится ясно, что его владельцы были далеки от литературных кругов. Они приписывают Пушкину, как это часто случалось, нелепые, не принадлежащие ему стихотворения. Не знают авторов многих произведений. Пользуются скверными, испорченными копиями. Как мы говорили, Грены не сильны в орфографии и малообразованны, отсюда бессмыслица и грубые ошибки в переписываемых текстах: луг, уставленный «душистыми кедрами», Онегин, «как Данти лондонский одет» и т. д., и т. п.

В 1824 г. Грен познакомился с А. Е. Измайловым и довольно часто посещал его. У Измайлова, пишет Грен, он встречался с О. М. Сомовым.¹⁰

В 1832—1833 гг. Грен сотрудничает в издававшемся в Ревеле журнале «Радуга». Здесь печатаются его стихи и проза.¹¹

В 1832 г. Грен издает сборник стихотворений.¹² В эту пору он служит смотрителем лазарета лейб-гвардии Конного полка, что устанавливается из объявления, напечатанного на четвертой странице обложки.¹³ Сборник 1832 г. позволяет уточнить круг литературных знакомств Грена: здесь напечатаны стихотворения, посвященные Ф. Н. Слепушкину («Сельский субботний вечер — с. 36—38») и Б. М. Федорову («Деревня» — с. 39—41). С Борисом Федоровым его, видимо, связывали дружеские отношения. Грен хвалит Федорова в предисловии к своему сборнику «Моей малютке».¹⁴ А в 1837 г., выпрашивая у В. Ф. Одоевского статьи для задуманного детского альманаха, с наивной гордостью сообщает, что Б. М. Федоров наряду с «другими известными литераторами» обещал участвовать в этом альманахе.¹⁵ Слепушкина Грен мог видеть на вечерах у Воей-

¹⁰ Грен А. Знакомство с А. Е. Измайловым // Сын отечества. 1852. № 7. Смесь. С. 6—8.

¹¹ См., например: К брату Н. Е. Грену, Вечер (Из Гейера) // Радуга. Ревель. 1832. Кн. 9. С. 654—655; Могила удавленника (финское предание). Посвящается В. В. Домонтовичу // Там же. Кн. 10. С. 703—704; Бедный // Там же. С. 720—721; Сухачеву (в Одессу), Деревня Раканалеки в Финляндии 1830 // Радуга. 1833. Кн. 1. С. 66—77; Письма из Финляндии к***. Выборг, 5 июня 1830 года // Там же. С. 1—10 разд. паг. О журнале «Радуга» см.: Гаральд. Русская печать на прибалтийской окраине // Рус. старина. 1905. № 5.

¹² Грен А. Стихотворения. СПб., 1832.

¹³ Стихотворения сии можно получить у самого автора Александра Евгеньевича Грена, смотрителя лазарета лейб-гвардии Конного полка и у всех известных С.-Петербургских книгопродавцев. Цена 3 рубли.

¹⁴ Грен Александр. Моей Малютке: книга в пользу воспитания детей. СПб., 1835. С. VI разд. паг.

¹⁵ Грен А. Письмо к В. Ф. Одоевскому от 16 марта 1836 г. // РО ГПБ, ф. 539 Одоевского, оп. II, № 440. О материалах Грена в фонде В. Ф. Одоевского мне любезно сообщил В. Э. Вадуру.

кова, где тот бывал. Грен посещал эти вечера в 1830 г., вероятно и позднее, его имя в числе других «борзописцев», посещавших Воейкова, называет В.П. Бурнашев.¹⁶

Знаком был Грен и с другим, кроме Слепушкина, крестьянским поэтом-самоучкой, М. Д. Сухановым, с которым, по его словам, встретился у А. С. Шишкова в 1826 г. (вероятно, позже, т. к. упоминаемая книга стихотворений Суханова вышла лишь в 1828 г.),¹⁷ а затем видал его у Воейкова.¹⁸ Грен печатался в издаваемом Воейковым «Северном Меркурии»,¹⁹ бывал у Хвостова, где встречал Сомова, Воейкова, Измайлова, Федорова и др.²⁰

В 1835 г. Грен, как упоминалось, опубликовал книжку для детей «Моей малютке», которую издал, чтобы «на вырученные деньги воспитать малютку дочь свою...».²¹ В 1836 г. он принял значительное участие в альманахе «Мое новоселье», о котором очень резко отозвался Гоголь.²² Тогда же он напечатал несколько произведений в альманахе своего брата Николая.²³ Печатался Грен и в «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду», и в «Северной пчеле». Некоторой, правда сомнительной, известностью в литературных кругах он все же пользовался: П. А. Плетнев в письме к К. Я. Гроту (16 марта 1849 г.) назвал его «известным дураком».²⁴

Имена Измайлова, Федорова, Сомова, а также Воейкова и Хвостова (у последних собиралось пестрое литературное общество) позволяют отнести Грена к кругу литераторов, группировавшихся в 1823—1825 гг. около А. Е. Измайлова, о котором в несколько ином контексте П. А. Вяземский писал, что ему этот круг «напоминает как-то кружало».²⁵

В середине 1820-х гг. Б. Федоров, О. Сомов выступают против поэтов пушкинского круга — Дельвига, Баратынского, Гнедича и др.²⁶ Те в свою очередь не остаются в долгу.²⁷

¹⁶ Петербургский старожил В.Б. «урнашев». Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // Рус. вестн. 1871. Т. 95. С. 606. О Слепушкине — там же, с. 606—608.

¹⁷ Басни, песни и разные стихотворения крестьянина Михаила Суханова. СПб., 1828.

¹⁸ Грен А. Суханов (Письмо Н. И. Гречу) // Сев. пчела. 1851. № 197. С. 787—788. Перепеч.: Петербургский вестн. 1861. № 6. С. 118—120; Золотое руно. 1859. № 14. С. 55.

¹⁹ См., например, стихотворения: «Могила» // Сев. Меркурий. 1830. № 43. С. 172; «Звезда» // Там же. № 65. С. 260.

²⁰ Грен А. О. М. Сомов // Сев. цветок. СПб. 1858. № 4. С. 78—82.

²¹ Грен Александр. Моей Малютке. С. VII разд. паг.

²² Мое новоселье: Альманах на 1836 год, изданный В. Крыловским. СПб., 1836. См.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 8. С. 197.

²³ Вечера минувшей осени / Изд. Н. Грен. СПб., 1837.

²⁴ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 2. С. 297.

²⁵ Письмо П. А. Вяземского к А. А. Бестужеву 20 января 1824 // Рус. старина. 1888. Ноябрь. С. 325.

²⁶ См. биографии Федорова и Сомова, стихотворения «Союз поэтов», Сомова «Сатира на современных поэтов» в кн.: Поэты 1820—1830-х гг. Л., 1972. Т. 1. (Б-ка поэта. Б. сер.).

²⁷ Напомним характеристику Измайлова, Федорова, Сомова в известном послании Е. А. Баратынского «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры»:

Естественно, что Грен, близкий Федорову, Сомову, Измайлову, не имел доступа в пушкинский круг. Однако он жадно тянулся к литературным знаменитостям. Юношеская страсть к собиранию и переписыванию стихов, в том числе и малодоступных, запретных, вызвала интерес и к частной жизни писателей, к их письмам. Многие Грен сочинял, кое-что слышал, кое-какими документами располагал.

Какие-то материалы Грен мог получить от своего двоюродного брата, профессора Ришельевского лицея К. П. Зеленецкого (1812—1858), которому Грен посвятил напечатанное в «Современнике» «Воспоминание о Пушкине». Может быть, через Зеленецкого, письмами которого располагал Грен,²⁸ он получил доступ к документам, о которых речь пойдет в дальнейшем.

Можно думать, что статьей Зеленецкого «Сведения о пребывании А. С. Пушкина в Кишеневе и Одессе»²⁹ Грен воспользовался для создания мифического дневника В. Г. Теплякова о встречах молодого поэта с Пушкиным в Кишиневе. Зеленецкий рассказал о пребывании Теплякова в Одессе в 1830-х гг., о железной палице с надписью *memeto mori*, которую в подражание Пушкину носил Тепляков.³⁰ Такую же палицу носит Тепляков в рассказе Грена.³¹ Тепляков никогда не бывал в Кишиневе, но в 1821—1824 гг. сблизился с Измайловым и Хвостовым,³² у которых его мог видеть молодой Грен, появившийся у Измайлова, как мы помним, в 1824 г. В 1836 г. Тепляков навсегда уехал из России, а в 1842 г. умер. Ему, таким образом, можно было приписать что угодно. Правдоподобие рассказу о давних дружеских отношениях Пушкина и Теплякова придавали сближение двух поэтов в 1830-х гг. и напечатанный в «Современнике» сочувственный отзыв Пушкина о «Фракийских элегиях».³³

К «Дневнику» были приложены будто бы подаренные Теплякову сочинения Пушкина: «Анекдот о Байроне», в котором (в 1821 г.!) упоминалось о смерти английского поэта, и стихотворение «Старича-пророчица» (А. И. Одоевского!).³⁴ Оба произведения были переписаны Греном из «Литературной газеты». Позднее к этим публикациям были добавлены «письма» Пушкина к княжне Абамелек и

Измайлов, например, знакомец давний мой,
В журнале плоский враль, ругатель площадной...
И Цертелев блажной, и Яковлев трахтирный,
И пошлый Федоров, и Сомов безмундирный...
Несут к тебе плоды своих лакейских муз.

Вацуро В. Э. Списки послания Е. А. Баратынского «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л., 1978. С. 58, 59.

²⁸ Грен А. А. С. Пушкин // П. вестн. 1861. № 14. С. 314.

²⁹ Москвитянин. 1854. Т. 3. № 9. Май, кн. 1, отд. 6. С. 1—16. См.: Цявловский М. А. Книга воспоминаний о Пушкине. С. 237—260.

³⁰ Там же. С. 247.

³¹ Петербургский вестн. 1861. № 14. С. 310.

³² Вацуро В. Э. В. Г. Тепляков: Биографическая справка // Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972. Т. 1. С. 593 (Б-ка поэта. Б. сер.).

³³ Пушкин А. С. Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова // Современник. 1836. Т. 3. С. 170—186.

³⁴ Общезанимательный вестн. 1857. № 6. С. 221—225.

Дельвигу.³⁵ Кроме Пушкина, Грен печатал еще воспоминания о Гнедиче и Карамзине, главным образом восхваляя благотворительность этих писателей.³⁶

Постепенно имя Грена исчезает со страниц журналов. О последних его годах нам ничего не известно. В 1880 г. он был еще жив и опубликовал в «Русской старине» текст из рукописного сборника: «Просьба о разрешении жениться из Дубна 11 мая 1805».³⁷

Многочисленные фальсификации Грена создали ему весьма дурную репутацию. Его материалы о Пушкине были полностью исключены из научного оборота, а итоги его деятельности подвел Н. О. Лернер: «Этот Грен вообще был личностью довольно темной и доверия не заслуживал. Еще в 1830 г. он был уличен в плагиате. Впоследствии он сочинял письма Пушкина к фантастической „бедной вдове“, к Дельвигу, к никогда не существовавшей княжне Абамелек или записки Баратынского к Пушкину. Все эти упражнения так ничтожны и жалки, что никого не могли ввести в заблуждение и лишь характеризовали самого неудачника-мистификатора».³⁸

Однако маститый ученый был не совсем прав. Кое-что Грен все же знал. Так, «никогда не существовавшая» княжна Абамелек на самом деле существовала и была знакома с Пушкиным,³⁹ хотя писем, сочиненных Греном, поэт ей, разумеется, не писал. С другими же письмами Пушкина и к Пушкину, походя упомянутыми Лернером, дело обстоит не так просто. К анализу этих писем мы сейчас и переходим.

В воспоминания Грена часто вкраплены письма писателей, о которых рассказывает мемуарист, — Пушкина, Баратынского, Козлова, Рылеева, Суханова. Письма, сочиненные Греном, легко обнаруживаются как подделка даже без специального анализа. Приведем два примера, чтобы показать уровень фальсификаторской работы Грена. Читатель может сравнить их с письмами, о которых речь пойдет в дальнейшем.

Письмо княжне Абамелек. Кишинев, 8 апреля 1821 года.

Милая княжна! вчера вечером я сидел у окна. Небо было чисто, безоблачно: но какая-то тайная, невыразимая грусть давила мое сердце. Смотрю вот на лазури неба блеснула звездочка — одинокая, печальная, как сирота на чужой стороне. Я вздохнул! Я также одинок, также страдалец, я также сирота — в общем обширном мире. Бури жизни оторвали меня от тихой пристани — покоя, и душа моя, пылкая и гордая, презирая бездушный мир сей, смотрит с холодным презрением на все окружающее!⁴⁰

³⁵ Петербургский вестн. 1861. № 14. С. 310—314. См. также: Ефремов П. Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях. СПб., 1903. С. 37—39.

³⁶ Грен Александр, Грен София. Рассказчик.

³⁷ Рус. старина. 1880. № 10. С. 436.

³⁸ Сев. записки. 1913. Февраль. С. 38.

³⁹ См.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 9; Базинц А. П. Правда интереснее легенд. М., 1975. С. 41—52.

⁴⁰ Петербургский вестн. 1861. № 14. С. 312.

Следующим днем помечено «письмо» к Дельвигу:

Кишинев, 9 апреля 1821 года.

... Милый Дельвиг! Здесь, в Кишиневе, я ношу название отъявленного шалуна, негодяя, дуэлиста; вздор, друг Дельвиг; не верь болтовне людей; с горести, со скуки — я иногда прокажу, шалю, показываю вид *негодяя*, но в тиши, когда я один, я плачу, страдаю, слезы мои чисты, они принадлежат Богу и *той*, которую я люблю выше всего в мире. — Ты и она понимаете меня, любите меня, до других мне дела нет. Прощай! Будь счастлив и здоров.⁴¹

Нет нужды доказывать, что в 1821 г. Пушкин не мог писать А. Д. Абамелек (1814—1889) и признаваться Дельвигу в любви к семилетней девочке: стиль (помесь Грушницкого с Поприщинным) и содержание этих беспомощных фальсификаций говорят сами за себя.

Однако далеко не все письма, напечатанные Греном, носят на себе печать его бездарного сочинительства. Производит впечатление подлинности воспоминания Грена о Суханове и вкрапленные в них письма: они использованы в немногочисленных работах о крестьянине-самоучке.⁴² В составе «Дневника» Теплякова напечатано письмо И. И. Козлова к Е. А. Баратынскому, будто бы пересланное последним Пушкину. Это письмо, написанное на французском языке (вспомним, что, по собственному признанию, Грен не очень хорошо владел французским), признается подлинным; при этом исследователь творчества Козлова предлагает только датировать его не 1821, а 1824 годом.⁴³ Грен мог сочинить дату, чтобы Пушкин прочел это письмо Теплякову в 1821 г.

Признается подлинным и письмо Рылеева к Баратынскому, напечатанное Греном в 1861 г. в следующем контексте: «Перечитывая записки Теплякова, я отыскал еще в оных записку Баратынского к Пушкину от 10 октября 1822 года и при записке подлинное письмо Рылеева к Баратынскому от 6 октября 1822 года. Полагаю не лишним напечатать их.

Любезный Александр! Препровождаю к тебе письмо Рылеева, из которого увидишь ты, что стихи твои не пропущены. Постарайся переделать их и пришли скорее к Дельвигу».

Твой весь Баратынский.
10 октября 1822 года

⁴¹ Там же. С. 314. Возможно, эта подделка, в которой изображается двойственность Пушкинской природы, навеяна упомянутой выше статьей Зеленецкого, писавшего: «Вообще Пушкин в это время если и был иррелигиозен, то только на словах. Демон и многие другие стихотворения показывают, что в душе его таилась глубокая, благотворная теплота, источник самого искреннего верования. Пушкин в глубине сердца был одно, а другое был он в свете, в кругу молодежи, с которою желал делить все заблуждения молодости» (Книга воспоминаний о Пушкине. С. 249).

⁴² См.: Иванова А. Архангельский Кольцов (Михайло Суханов — поэт-самоучка 1-ой половины XIX века). Архангельск, 1916.

⁴³ Данилов М. Н. Иван Иванович Козлов. Опыт пересмотра материалов для его биографии // Изв. отд. рус. яз. и словесности имп. Академии Наук. Пг. 1914. Т. 19, кн. 2. С. 166—169.

Письмо Рылеева Баратынскому.

Милый Парни! — Сатиры твоей не пропускает Бируков. На днях я пришлю ее тебе с замечаниями, которые впрочем легко исправить. Жаль только, что мы не успеем ее поместить в Звезде, в которую взяли мы Рим, к Хлое и Признание; в сей последней не пропущено слово *небесного* огня. Дельвиг поставил *прекрасного*. Нет ли чего новинького? Ради Бога присылай. Трех новых пиэс Пушкина не пропустили. В следующем письме пришлю тебе списки с них. В одном послании он говорит:

Прошел веселый жизни праздник!
Как мой задумчивый проказник,
Как Баратынский я твержу:
Нельзя ль найти подруги нежной,
Нельзя ль найти любви надежной,
И ничего не нахожу.

Усердный твой читатель
и почитатель

К. Рылеев

СПБ

Октября 6 дня
1822». ⁴⁴

Письмо Рылеева было перепечатано в собрании его сочинений в 1907 г. без всяких оговорок и примечаний, но с ошибкой в дате: 6 сентября 1822 г. ⁴⁵ Ни малейшего сомнения в подлинности письма не выразил и В. И. Маслов. ⁴⁶ Исследователь творчества Баратынского П. П. Филиппович в 1917 г. писал: «... по стилю письмо подходит к Рылеевским письмам. Анализ содержания также заставляет признать его подлинность, но передвинуть дату с 1822 на 1823 год. Но если данное письмо подлинно, то, может быть, подлинной является и опубликованная там же Греном записка Баратынского к Пушкину (не включенная в „Переписку“ Пушкина), касающаяся данного письма. Мы здесь лишь ставим вопрос». ⁴⁷

Прежде чем говорить о подлинности записки Баратынского, докажем до сей поры лишь декларируемую аутентичность письма Рылеева. Действительно, как пишет Филиппович, анализ содержания не оставляет сомнения в его подлинности.

Сатира, о которой речь идет в письме, — это «Послание Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры», написанное, по всей вероятности, в 1823 г. (Тогда, в 1822 г., Рылеев не мог писать о нем). Сатира, не пропущенная цензурой, была напечатана в пере-

⁴⁴ Петербургский вестн. 1861. № 13. С. 314.

⁴⁵ Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. Рылеева. Т. 2. М., 1907. С. 165—166 (Библиотека декабристов. Вып. 3).

⁴⁶ Маслов В. И. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев, 1912. С. 88.

⁴⁷ Филиппович П. П. Жизнь и творчество Е. А. Баратынского. Киев, 1917. С. 18.

деланном виде лишь в 1827 г. в «Стихотворениях Евгения Баратынского».

Из стихов, упомянутых Рылеевым, «Рим» и «Признание» действительно напечатаны в «Полярной звезде», но только не на 1823 год (Как должно быть, если письмо датировано 1822 г.), а на 1824 год. При этом в «Признании» действительно читается:

Ты права, в нем уж нет прекрасного огня
Моей любви первоначальной.⁴⁸

Стихотворения «К Хлое» в этом томе «Полярной звезды» нет, но есть стихотворение «Аглае», напечатанное рядом со стихами В. Вердеревского «К Хлое».⁴⁹ Оговорка Рылеева становится, таким образом, понятной. (Может быть, она вызвана аберрацией памяти: стихотворение Баратынского «Хлое» было напечатано в том же 1823 г. в «Новостях литературы».)⁵⁰

«Три новые пиэсы Пушкина» без труда определяются из письма Рылеева к В. И. Туманскому (напечатано впервые лишь в 1925 г. — Грену оно, таким образом, не могло быть известно): «... Все сии (Туманского. — М. А.) стихотворения вместе с пиэсами Консула нашей литературной республики (т. е. Пушкина. — М. А.) отданы Бирукову. Боюсь за послание к Алексеву и именно за то место, где исступленный любовник

Клянет ревнивого супруга
Или докучливую мать.

Бируков цензор-деспот и *ревнивый муж*. Страшусь также за стихи к *Иностранке*, где есть слово *боготворить*: оно верно не будет пропущено. Попроси Пушкина, чтобы он пожертвовал им для Полярной Звезды. Письмо твое к Алек(сандру) Бестужеву с приложением другого от Пушкина получено мною и по праву дружбы распечатано. Желания Пушкина все исполнены, а в отношении посланий к Кривцову и В. Л. П(ушкину) при помощи самой цензуры, не пропустившей их. (...)

P.S. (...) Сей час от Бирукова. Варвар не пропустил ни одной из пиэс Пушкина, за самые те места, об которых я писал выше; в пиэске же к приятелю находит он не нравственную цель; говорит: *двое за одной волочатся. ...*».⁵¹

Таким образом, в письме к Баратынскому Рылеев говорил о следующих стихотворениях Пушкина: «Алексеву» (напечатано в «Полярной звезде», но на 1825 год. Строки из него и цитирует Рылеев), «Иностранке» (напечатано в 1826 г.), Кривцову (напечатано в 1826 г.). Послание к В.Л. Пушкину, о котором Рылеев сообщил Туманскому, попало в «Полярную звезду» на 1824 год.

Письмо к Туманскому было написано в разгар борьбы Рылеева с Бируковым, а спустя три дня, 6 октября 1823 г., он уведомил

⁴⁸ Полярная звезда / Изд. А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.; Л., 1960. С. 468.

⁴⁹ Там же. С. 282—283.

⁵⁰ Новости литературы. 1823. Кн. 6. № 40. С. 14.

⁵¹ Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. С. 472—473.

Баратынского о неудачных попытках обойти сурового стража. Таким образом, Филиппович был абсолютно прав, предлагая отнести письмо к 1823 г. Грен изменил дату, чтобы, по условиям своей публикации, приурочить его к пребыванию Пушкина в Кишиневе: 6 октября 1823 г. Пушкин был уже в Одессе и не смог бы передать письма, полученного от Баратынского, Теплякову. Между тем с датой 1822 оно было напечатано в полном собрании сочинений Рылеева и продолжает так же датироваться.⁵²

Совокупность фактов в письме Рылеева к Баратынскому, их абсолютная достоверность не оставляют ни малейшего сомнения в подлинности документа: Грен не мог быть так осведомлен в мелочах и деталях литературной жизни 1820-х гг.

Сложнее обстоит дело с запиской Баратынского Пушкину. Она могла быть сочинена Греном, чтобы объяснить, как письмо Рылеева попало к Теплякову. Обращение «любезный Александр» в трех известных письмах Баратынского к поэту не встречается. Он пишет «милый Пушкин».⁵³ Однако в других письмах Баратынского можно найти и более формальное обращение «любезный».⁵⁴ Учтывая, как отмечает комментатор, некоторую принужденность и скованность дружеского тона в письмах Баратынского к Пушкину,⁵⁵ мы вполне можем считать закономерным появление слова «любезный» в коротенькой, не тщательно обдуманной записке, к тому же более ранней, чем известные три письма.⁵⁶

В то же время эта короткая записка не похожа на многословные мистификации Грена. Она отличается непринужденностью, краткостью и простотой и, поскольку сопровождает безусловно подлинный документ, ее, по всей вероятности, вместе с письмом Рылеева следует включать в переписку Пушкина и в собрание сочинений Баратынского.

Итак, можно с уверенностью сказать, что Грен располагал несомненно подлинными документами. Этот вывод важен для оценки письма Пушкина к госпоже Л. Оно тоже выгодно отличается безыскусностью, благородной простотой тона. Стремление помочь нуждающимся людям, сделать это быстро и незаметно для окружающих вообще было свойственно Пушкину. Вспомним, например, его поручение брату Льву: «Если тебе вздумается помочь какому-нибудь несчастному (пострадавшему от наводнения. — М. А.), помогай из Онегинских денег. Но прошу, без всякого шума, ни словесного, ни письменного» (Акад. XIII, 127) или: «Слепой поп перевел

⁵² Там же. С. 465—466; Полярная звезда. М.; Л., 1960. С. 923—924. Здесь неверная датировка приводит комментатора к утверждению, что Рылеев дважды безуспешно пытался напечатать стихотворение Пушкина «Послание к Алексею», в 1822 и 1823 гг. На самом деле речь идет об одной попытке, о которой Рылеев одновременно сообщает и Баратынскому, и Туманскому.

⁵³ См.: Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982, Т. 1. С. 416, 418, 420.

⁵⁴ См.: Баратынский Е. А. Стихотворения, поэмы, проза, письма. М., 1951. С. 472, 480, 488, 493.

⁵⁵ Переписка А. С. Пушкина. Т. 1. С. 414—415 (комментарий В. Э. Вацууро).

⁵⁶ Записка Баратынского датируется 1823 г., письма — 1825, 1826, 1828 гг.

Сираха смотр. Инв(алид) № какой-то, издает по подписке — подпишись на несколько экз.» (Акад. XIII, с. 147).

Воспоминания Грена о Пушкине при самом их появлении вызвали скептическое замечание Булгарина, писавшего сразу по выходе «Современника»: «В журнале, основанном Пушкиным, пишут, что Пушкин был в Петербурге в 1820 году и прогуливался под качелями с Дельвигом, а я (т. е. публика. — М. А.), любившая и лелеявшая Пушкина, очень хорошо знаю, что Пушкина в 1820 году в Петербурге не было и что Дельвиг был в ту пору в отлучке».⁵⁷ Булгарин ошибся: в апреле 1820 (1819 — тоже) и Пушкин и Дельвиг были в Петербурге и встреча их с двумя мальчиками могла состояться. Видимо, так оно и было. И Грен, обиженный, что ему не поверили даже тогда, когда он сказал правду, излил свое недовольство в письме к П. А. Плетневу, из которого выясняются дополнительные сведения о госпоже Л.:

Ваше превосходительство!

Позвольте принести мою благодарность Вам за Ваш прекрасный «Современник», который Вы подарили мне. Я сохранию его как память Вашего расположения ко мне.

Ваше превосходительство! имею честь препроводить к Вам статью о Гнедиче и три стихотворения,⁵⁸ покорнейше прошу Вас напечатать из сих пиэс то, что Вам понравится. Все недостатки и неисправности возьмите на себя труд исправить. Статья о Гнедиче справедлива. Ф. В. Булгарину тому назад три или четыре года угодно было напечатать в Сев(ерной) Пчеле замечание на статью мою: «Воспоминание о Пушкине», напечатанном в «Современнике, что Пушкин не был в то время в Петербурге, как означено в моей статье. Ваше превосходительство! г. Булгарин не справедлив. Матушка моя, которой покойный А.С. сделал благоденствие, жива. Она молится Богу за Пушкина. Зачем же отнимать благородную черту от бессмертного поэта? Я мог бы тогда же публично оправдать себя в напраслине Ф. В., но я так много уважаю г. Булгарина, что умолчал о его несправедливости.

Уверен, Ваше превосходительство, что Вы поместите статьи мои в 4-й книжке «Современника».

Имею честь быть с глубочайшим высокопочтанием и преданностью Милостивого Государя покорнейший слуга

10 августа 1840.

А. Грен.⁵⁹

⁵⁷ Ф(аддей) Булгарин). Встреча с публикою // Сев. пчела. 1838. № 213, 22 сент. С. 852.

⁵⁸ К письму приложены: «Воспоминания о Н.И. Гнедиче (посвящено Софье Адольфовне Грен)» с датой 1837 и три стихотворения: «К брату Н. Е. Г(ре)ну»; «Знакомцу» (Из Гейера), с шведского; «На развалинах замка (из Аттербома), с шведского». Ничего из этих материалов на страницах «Современника» опубликовано не было.

⁵⁹ ПД, ф. 24 Плетнев П. А., оп. 3, ед. хр. 179, л. 1—1 об.

Булгарин сомневался лишь в истинности рассказа о встрече с Пушкиным в апреле 1820 г. Грен доказывает его подлинность и свою правдивость ссылкой на мать, которой действительно помог Пушкин — акт психологически маловероятный в случае заведомой лжи. В то же время другие косвенные обстоятельства подтверждают в данном случае правдивость Грена.

В 1832 г. были напечатаны «Стихотворения Александра Грена». В извещении «От сочинителя» сказано: «Цель сего издания: сделать небольшое пособие одной почтенной, но бедной матери, обремененной девятью сиротами». ⁶⁰ «Почтенная, но бедная мать», как это выясняется из письма, хранящегося в архиве В. Ф. Одоевского, была матерью самого предприимчивого сочинителя. Прославляя в своих сочинениях благотворителей, он и сам решил воспользоваться благотворительностью для успешной распродажи своей книжки. В письме, написанном самим Греном, и лишь подписанным его матерью, говорится:

Сиятельнейший князь! Милостивый государь!

Матери девяти человек детей — при болезненном и бедственном ее положении, простительна смелость просить для них, пока еще смерть не сомкнула уста и не охладила на век сердце, страждущее скорбью при виде несчастных детей.

Просите и дастся вам, сказал Спаситель, и я, исполненная надеждою, просила везде, где только могла просить, но доселе еще безуспешно. Теперь по внушению сердца прибегаю к Вашему сиятельству; умоляю обратить Ваше внимание на стихотворения сына моего — и помочь хотя малым горестную и несчастную мать. Вы князь! как истинный друг человечества всегда стараетесь отереть слезу несчастья, надеюсь, что и я не буду оставлена благотворным вниманием Вашим. (...)

С глубочайшим уважением имею честь быть
Вашего сиятельства милостивого государя
покорнейшая слуга:

Мария Грен, вдова 6-го класса.

17 ноября 1833. ⁶¹

Одоевский откликнулся на просьбу, и спустя десять дней в письме, снова написанном рукой А. Грена, его мать благодарит жертвователя:

Ваше сиятельство! Милостивый государь!

При письме Вашего сиятельства я имела удовольствие получить благотворную помощь Вашу. Всегдашняя признательность к Вам сохранится в сердце горестной матери.

По желанию Вашему, добродетельный князь! я имею честь препроводить 8 экземпляров стихотворений сына моего.

⁶⁰ Стихотворения Александра Грена. СПб., 1832. С. 9.

⁶¹ РО РНБ, ф. 539 Одоевского, оп. II, № 441.

С глубочайшим высокопочитанием имею удовольствие быть
Вашего сиятельства милостивого государя всепокорнейшая
Мария Грен.

28 ноября 1833.

А теперь обратимся вновь к воспоминаниям Грена о Пушкине: «... в одно время, в 1835 г., я посетил одну благородную даму, которая лишилась своего мужа и осталась в самом бедном положении с большим семейством. Она просила у меня совета, к кому бы ей обратиться с письмом хотя о маленьком пособии, которое необходимо было в тогдашних ее горестных обстоятельствах. Подумавши, я присоветовал этой даме послать письмо о помощи к А. С. Пушкину. Он жил тогда у Летнего сада в доме г-жи Оливей. Лично я его не знал и даже никогда не видывал; но знал, что поэт наш имеет добрую душу. По просьбе этой дамы я от имени ее написал небольшое письмо к Пушкину и послал к нему по городской почте».⁶²

Пушкин жил в доме Оливье с сентября 1833 по июль—начало августа 1834 г.⁶³ К этому времени, очевидно, и относятся описанные Греном события: легче перепутать год, чем адрес. Таким образом, письмо Пушкину было послано тогда же, когда посылались слезные просьбы к Одоевскому. При этом Грен, как и в случае с Одоевским, сам написал письмо к Пушкину, а госпожа Л. (то бишь Грен, по признанию ее собственного сына в приведенном выше письме к Плетневу) лишь подписала его.

Очевидно, энергичный литератор, стремясь выгодно распродать свою книжку, обратился к крупным писателям, личного доступа к которым не имел. В библиотеке Пушкина хранится экземпляр стихотворений Грена, вероятно, посланный вместе с просительным письмом.⁶⁴ Получив это письмо, Пушкин, как и Одоевский, со свойственной ему отзывчивостью откликнулся на просьбу. Результат этой отзывчивости — письмо к госпоже Л., которое, таким образом, по целому ряду косвенных соображений следует признать подлинным.

Грен, как мы видели, располагал несомненно подлинными документами. Одним из них было письмо Пушкина. Его следует назвать «Письмо Пушкина к Марии Грен» и датировать сентябрем 1833—первой половиной 1834 г. Список знакомых Пушкина также может быть пополнен именем полковницы Марии Грен.

Письмо, опубликованное Греном, незначительно по содержанию. Однако, не говоря уже о том, что каждая фраза Пушкина драгоценна для нас, письмо это добавляет несколько симпатичных штрихов к нравственному облику великого поэта.

1979—1989

⁶² Цявловский М. А. Книга воспоминаний о Пушкине. С. 43—44.

⁶³ Там же. С. 45.

⁶⁴ Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. 9-10. С. 31, № 107. Репринт: М., 1988.

II. ОБЗОРЫ

Л. А. ТИМОФЕЕВА

ПУШКИНИАНА 1988 года

- Автографы современников Пушкина на книгах из собрания Государственного музея А. С. Пушкина: Аннот. каталог / Сост. О. В. Аснина, Ю. Ю. Гречихова, С. Н. Тихомирова. М.: Книга, 1988. 269, [2] с.: ил.
- Агранович С. З. Образ пира и чумы трагедии А. С. Пушкина // Содержательность форм в художественной литературе: Мужвуз. сб. науч. ст. // Куйбышев. гос. ун-т. Куйбышев, 1988. С. 20—39.
- Аймла Э. Пушкинский бал // Рус. яз. в эст. шк. 1988. № 1. С. 52—55.
Литературно-музыкальный вечер «Солнце русской поэзии» в Таллиннской средней школе № 46.
- Айрапетов О. Р. Взгляды А. С. Пушкина на восточную политику России XVIII — начала XIX в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. 1988. № 2. С. 64—68.
- Актуальные проблемы исторических наук: Проблемы истории русского языка и литературы: Тез. докл. / Всесоюз. студ. науч. конф. по гуманит. наукам, 23—25 апр. 1988 г. М.: Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1988. 177 с.
С. 3—4: Лобанова В. И. Особенности перевода фразеологизмов в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» на итальянский язык. С. 11; Демина Е. В. Композиционные функции категорий вида и времени глагола в поэтическом тексте А. С. Пушкина. С. 47—48; Филенков В. И. Семантический ореол четырехстопного хорея в лирике А. С. Пушкина 1826—1830 гг. С. 65—66; Самойленко В. В. Роль журнала «Современник» А. С. Пушкина в формировании общественно-литературного сознания эпохи. С. 80—82; Митрохина М. И. Функция античных образов в произведениях А. С. Пушкина. С. 118—119; Калининкова Н. Г. Заимствованные слова и иноязычные вкрапления в романе Пушкина «Евгений Онегин».
- Алдонина Н. Б. Полемика о пушкинском и гоголевском направлениях в русской литературе: Автореф. дис... канд. филол. наук: (10.01.01) / Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Горький, 1988. 19 с. Библиогр. с.: 19 (6 назв.).
- Алехин А. Н. Ульянов: Мой Пушкин // Юн. художник. 1988. № 1. С. 17—18: ил.
О картине «А. С. Пушкин и Наталья Николаевна на придворном балу».
- Алешкевич А. А. Болдинские полемические заметки А. С. Пушкина 1830 года: (от «Опровержения на критики» к «Опыту отражения некоторых нелитературных обвинений»): Автореф. дис... канд. филол. наук: (10.01.01) / Тарт. гос. ун-т. Тарту, 1988. 22 с. Библиогр. с.: 22 (5 назв.).
- Андроников И. Л. Великая эстафета: Воспоминания; Беседы. 3-е изд. М.: Дет. лит., 1988. 333, [2] с.: ил.
С. 199—209: «Вас приглашает Гейченко». С. 210—214: «Пушкинский праздник». [1-е изд.: 1975].
- Арутюнян А. Ц. Изучение темы «Волшебница-зима» // Рус. яз. в армян. шк. 1988. № 2. С. 27—29.
Сопоставительный анализ при изучении стихотворений «Зимняя дорога» и «Зимнее утро» в 6-м классе.
- Архангельский А. Н. Гений, парадоксов друг: (О принципе контраста в стилистике А. С. Пушкина) // Рус. речь. 1988. № 3. С. 7—12.

- Архангельский А. Н. Лирические жанры в поэзии А. С. Пушкина 1830-х гг.: Автореф. дис... канд. филол. наук: (10.01.01) / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1988. 16 с. Библиогр.: с. 16 (7 назв.).
- Асадуллин А. М. «Пролеткульт» и «Кувница» о Пушкине / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1988. 14 с. Библиогр. с.: 14. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 36696 от 17.01.89.
- Бабаев Э. Г. Творчество А. С. Пушкина. М.: Изд-во МГУ, 1988. 206 с.
Содерж.: От автора. — О множестве миров: Эхо: (Лирика). Возвращение эпоса: (Поэмы). Неоконченный роман («Евгений Онегин»). «Неправдоподобное искусство»: (Драматургия). «В зрелой словесности»: (Проза). Лицейская годовщина. — Единство замысла: «Строфа, слагаемая мной...». «Первый покровитель». [В. В. Измайлов]. «Лужницкий старец». [М. Т. Каченовский]. Три статьи и одна эпиграмма. [П. А. Вяземский и Пушкин]. «Ученого учить...». [П. А. Катенин]. Прерванный диалог. [А. А. Бестужев]. Каприччио. [Критика о «Евгении Онегине»]. «Денница». [И. В. Киреевский]. «Промежуток». [О. И. Сенковский]. «Бездна пространства». [Н. В. Гоголь и Пушкин]. — Строгая память.
- Бабко В. А. Вероятностное моделирование на основе структурной аналогии: (Развитие системы тропов в стихотворениях В. Жуковского, К. Батюшкова, А. Пушкина) // Поиск методов прогнозирования литературы и искусства. Казань: Из-во Казан. ун-та, 1988. С. 79—85.
- Басин Я. З. К Лермонтову... за объяснениями // Рус. яз. в шк. М., 1988. № 6. С. 56—57.
Смысл и синтаксис строки «...И жалкий лепет оправданья...» в стихотворении Лермонтова «Смерть поэта». Разыскания Н. А. Поссе.
- Басина М. Я. В садах Лицея; На берегах Невы: Докум. повести. Переизд. Л.: Дет. лит., 1988. 357, [1] с.: ил. (По дорогим местам).
- Баскаков В. Н. Пушкинский Дом / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 2-е изд., доп. Л.: Наука, 1988. 308, [2] с.: ил.
С. 11—44: «История создания Пушкинского Дома и его деятельность в 1905—1917 гг.» С. 155—165: «Пушкиноведение».
- Батурова Т. К. Обсуждение лирического рода в литературной критике 20—30-х годов XIX века // Развитие лирической поэзии и ее взаимодействие с прозой в русской литературе конца XVIII—начала XX века: Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. М., 1988. С. 28—43.
- Пушкин и литераторы его круга на страницах «Литературной газеты».
- Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина // Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу. М.: Современник, 1988. С. 408—510. (Б-ка «Любителям рос. словесности». Из лит. наследия).
Статьи первая, восьмая, девятая.
- Белоусов А. Ф. Стихотворение А. С. Пушкина «Зимний вечер» // Русская классическая литература: Анализ художественного текста: Материалы для учителя. Таллин: Валгус, 1988. С. 14—34.
- Белоусов Д. Где обитал Черномор? // Хочу все знать: Лит.-худож. сб. Л.: Дет. лит., 1988. С. 296—298.
То же, под загл.: Где живет Черномор? // Костер. 1988. № 3. С. 15—16. География в поэме «Руслан и Людмила».
- Белькинд В. С. Исторический роман А. С. Пушкина «Арап Петра Великого» // Русская классическая литература: Анализ художественного текста: Материалы для учителя. Таллин: Валгус, 1988. С. 7—14.
- Бельская Л. Тайна одной строфы // Лит. учеба. 1988. № 2. С. 142—143.
XXXVI строфа «Домика в Коломне».
- Беляев Ю. А. Свидания через века. М.: Современник, 1988. 284, [2] с.
С. 209—237: «Гусар на крылатом коне (Денис Давыдов и Пушкин)».
- Бердяева О. С., Мусатов В. В. От Некрасова к Пушкину: (о логике поэтической преемственности в творчестве Твардовского) // Художественная традиция в историко-литературном процессе: Межвуз. сб. науч. тр. / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. Н. Герцена. Л., 1988. С. 99—114.

- Березина В. Г. К журнальной борьбе начала 1830-х годов: (Цензурная история второго номера «Московского телеграфа» за 1831 год) // Рус. лит. 1988. № 4. С. 164—175.
- Запрещенная для печати статья Н. А. Полевого «Взгляд на некоторые журналы и газеты русские (Продолжение)», посвященная «Литературной газете» Пушкина и Дельвига. Публикация отрывков с цензурными замечаниями.
- Березкина С. В. Научно-практическая конференция, посвященная проблемам издания Полного собрания сочинений А. С. Пушкина // Рус. лит. 1988. № 2. С. 244—250.
- Берестов В. Невольная исповедь Пушкина // Огонек. 1988. № 23. С. 32, 3 с. обл. Детство Пушкина.
- Бибихин В. [Рецензия] // Новый мир. 1988. № 12. С. 264—265.
Рец. на кн.: Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1987. 448 с.
- Битов А. Г. Фотография Пушкина (1799—2099): Рассказ // Битов А. Г. Человек в пейзаже: Повести и рассказы. М.: Сов. писатель, 1988. С. 417—454.
Впервые // Знамя. 1988. № 1. С. 98—120.
- Благой Д. Д. Нас сроднил Пушкин // Воспоминания о Константине Федине: Сб. М.: Сов. писатель, 1988. С. 388—406.
Написано в 1979 г.
- Благой Д. Д. Роман о вожде народного восстания // Пушкин А. С. Капитанская дочка. Переизд. М.: Дет. лит., 1988. С. 102—127.
- Благой Д. Д. Судьбы человеческие, судьбы народные // Пушкин А. С. Борис Годунов: Трагедия / Грав. В. А. Фаворского. М.: Дет. лит., 1988. С. 89—114.
Впервые // Пушкин А. С. Борис Годунов. М., 1981. С. 90—115.
- Болдинские чтения [1987] / Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Б. Болдино; Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1988. 189, [2] с.
Содерж.: Творчество Пушкина. Жанры, поэтика, истоки. В. А. Бочкарев. Трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов» и отечественная литературная традиция. А. А. Смирнов. Утверждение романтического идеала в лирике А. С. Пушкина 1820-х годов. И. Л. Попова. «Борис Годунов» и творчество Пушкина 1830-х годов. В. А. Грехнев. Пушкин и «невыразимое». Г. В. Москвичева. Жанровое своеобразие поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила»: (К проблеме историзма). Т. Т. Давыдова. Жизненные истоки художественного в эпическом произведении: (Автор и герой в прозе А. С. Пушкина). Г. В. Краснов. Стихотворение «Моя родословная»: (К проблеме литературного типа). Д. И. Белкин. О поэтике «китайского анекдота» А. С. Пушкина. А. В. Кулагин. Стихотворение Пушкина «Мы рождены, мой брат названный...»: (Вопросы текстологии и поэтики). А. М. Букалов. «Язык Петrarки и любви»: (Из наблюдений над итальянскими записями А. С. Пушкина). Т. И. Шустрова. О роли вымышленного автора «Повестей Белкина». Н. И. Михайлова. Автограф стихотворения В. Л. Пушкина «К нижегородским жителям» в собрании Государственного музея А. С. Пушкина. — «Евгений Онегин». Поэтика и проблемы интерпретации. Л. Тимофеев. Финал «Евгения Онегина» на фоне некоторых читательских ожиданий современников. В. Н. Турбин. Роман прогнозов: (К проблеме строения сюжета «Евгения Онегина»). В. А. Кошелев. «Ее сестра звалась Татьяна...»: (Об имени пушкинской героини). И. Б. Непомнящий. К вопросу об иллюзорном документе в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Л. А. Степанов. Об одном фрагменте текста романа «Евгений Онегин»: (Из комментариев к роману). В. С. Листов. К истолкованию строфы VII главы первой «Евгения Онегина».
- Боранбаева З. На языке искреннего чувства: «Письмо Татьяны» в IX классе // Рус. яз. и лит. в казах. шк. 1988. № 6. С. 17—25.
- Борисова В. В. «Калмыцкая» сказка в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка» // Фольклор народов РСФСР: Песенные жанры, их межэтнические отношения, фольклорно-литературные связи: Межвуз. науч. сб. / Башк. гос. ун-т им. 40-летия Октября. Уфа, 1988. С. 108—118.

- Бочаров И. Н., Глушакова Ю. П. Бутурлины — друзья Пушкиных: Из итальянских разысканий. М.: Правда, 1988. 64 с. (Б-ка «Огонек». № 20).
Содерж.: Бутурлины — друзья Пушкиных. Соррентийская загадка. [Архив семьи Серракаприола].
- Букалов А. М. На фоне Пушкина // Новое время. 1988. № 24. С. 40—41: ил.
Пушкинские праздники поэзии.
- Буни И. А. Думая о Пушкине // Собр. соч.: В 6 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 6. С. 619—622.
Написано в 1926 г.
Первые // Возрождение. Париж, 1926. 10 июня.
- Буруковская Т. «Святой залог любви, утеха грусти нежной...» // Урал. следопыт. 1988. № 6. С. 5—7, ил. на 2 с. обл.
Перстень-талисман с сердоликом, подаренный Пушкину Е. К. Воронцовой.
- Бушток Е. П., Чарская И. В. Стихотворение А. С. Пушкина «Черная шаль» // Рус. яз. в нац. шк. 1988. № 6. С. 32—33.
- Быков Л. П. Высокий жребий: (А. С. Пушкин) // Быков Л. П. Уроки времени: Крит. тетради. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1988. С. 7—13.
Написано в 1977 г.
- Быченкова Б. Родина «Записок о Пушкине» // В мире кн. 1988. № 4. С. 42, 70. «Записки» И. И. Пущина.
- Бэлза И. Ф. Заметки о поэтике Пушкина // Контекст. 1987: Лит.-теорет. исслед. М.: Наука, 1988. С. 42—90.
- Бэлза И. Ф. Пушкин и Мицкевич в истории музыкальной культуры. М.: Музыка, 1988. 254, [1] с.
- Бэлза С. И. Пушкин и культурная общность славянских народов // Славянские литературы: X Международ. съезд славистов. София, сентябрь 1988 г.: Докл. сов. делегации. М.: Наука, 1988. С. 146—166.
- Вавилова Н. «Дубровский» // Телевидение. Радиовещание. 1988. № 6. С. 44—46; ил. на 4 с. обл.
Телеэкранизация на студии «Беларусьфильм». Режиссер В. Никифоров.
- Вайда экранизирует «Бориса Годунова» / Интервью Т. Качиньского; Пер. с пол. Н. Порошиной // Муз. жизнь. 1988. № 23. С. 24—25.
Экранизация оперы М. П. Мусоргского.
- Васильева Л. Н. Жизнь, смерть и Пушкин // Васильева Л. Н. Облако огня. М.: Современник, 1988. С. 43—63.
- Васинский А. И. Выбираю свободную тему: [Очерки]. М.: Мол. гвардия, 1988. 301, [2] с.
С. 241—247: «Болдинская тайна». [Беседы с директором Болдинского музея-заповедника Г. И. Золотухиным].
- Вацуро В. Э. Из записок филолога // Рус. речь. 1988. № 4. С. 27—30.
С. 29—30: «Петрарка в стихах на смерть Пушкина» [В. А. Жуковского].
- Вацуро В. Э. Мицкевич и русская литературная среда 1820-х годов: (разыскания) // Литературные связи славянских народов: Исслед. Публ. Библиогр. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1988. С. 22—57.
С. 37—42: «II. Строфа „Воеводы“».
- Венгеров А. По поводу одного некролога // Лит. учеба. 1988. № 3. С. 127—133.
История публикации «Сообщения о смерти Пушкина» редактором журнала «Московский наблюдатель» В. П. Андросовым, 1837 г.
- Верещагин Е. М. «От Пушкина до наших дней» // Рус. речь. 1988. № 1. С. 108—113.
Литературный язык пушкинского времени.
- Ветловская В. Е. Повесть Гоголя «Шинель»: (трансформация пушкинских мотивов из «Бориса Годунова») // Рус. лит. 1988. № 4. С. 41—69.
- Ветловская В. Е. Пушкин: Проблемы истории и формирование русского реализма // Рус. лит. 1988. № 1. С. 5—26.
- Виднейший советский ученый: (Памяти Б. С. Мейлаха) // Рус. яз. и лит. в киргиз. шк. 1988. № 4. С. 63—64.

Виноградов В. Б. [Рецензия] // Изв. Сев.-Кавказ. науч. центра высш. шк. Обществ. науки. Ростов н/Д, 1988. № 2. С. 129—131.

Рец. на кн.: Черейский Л. А. Пушкин и Северный Кавказ. Ставрополь, 1986. 106 с.

Виролайнен М. Н. Ловушка Мефистофеля: («Сцена из Фауста» А. С. Пушкина) // Анализ драматического произведения: Межвуз. сб. / ЛГУ им. А. А. Жданова. Л., 1988. С. 108—122.

Волошин М. А. Гробовщик: Инсценировка по повести А. С. Пушкина / Публ. и вступ. ст. В. П. Купченко // Театр. жизнь. 1988. № 2. С. 30—31.

Вольперт Л. И. Историзм «истинного романтизма» ранней прозы Стендаля и Пушкина: («Арманс» и «Роман в письмах») // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1988. Вып. 792: Проблемы метода и жанра в зарубежных литературах. Тр. по романо-герман. филол. Литературоведение. С. 157—166. Рез. англ.: с. 167.

Временник Пушкинской комиссии: Вып. 22: Сб. науч. тр. / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкинская комис. Л.: Наука, 1988. 205, [1] с.

Содерж.: Предисловие. — I. Материалы и статьи. С. А. Фомичев. Рисунки Пушкина и творческий процесс. Л. Г. Горобцова. «Руслан и Людмила» Пушкина и Глинка. — II. Обзоры. В. В. Зайцева. Пушкиниана 1984 года. С. В. Шумихин. А. С. Пушкин в Российской Благородном собрании в Москве. — III. Сообщения и заметки. А. И. Фрумкина. Новый автограф Пушкина. [Четыре наименования в «Регистре книгам у Г.(-на) А. С. Пушкина», находящемся в Гос. музее А. С. Пушкина (Москва)]. С. Н. Коржов. Новое о встрече А. С. Пушкина и В. К. Кюхельбекера на почтовой станции Залазы. А. А. Алексеев. «...упек меня в камер-пажи под старость лет...». С. Л. Абрамович. Об одной ошибке комментаторов. [Мнимый карточный проигрыш Пушкина в 1835 г.]. Н. Н. Петрунина. Из комментария к пушкинским текстам: (1. Лицейская надпись Пушкина; 2. Пушкин, Ж.-Ж. Руссо и Аврелий Виктор). Е. П. Гречаная. Пушкин и А. Шенье: (две заметки к теме). А. М. Гордин. Из текстологических заметок. 1. Первая программа записок: (к истолкованию плана); 2. Отрывок дневниковой записи 19 ноября 1824 г. И. Л. Альми. Татьяна в кабинете Онегина. Д. И. Белкин. «Вечер у Кантемира» К. Н. Батюшкова и «Арап Петра Великого» Пушкина. М. Д. Эльзон. Из комментария к «Евгению Онегину». А. В. Кулагин. Когда впервые было опубликовано стихотворение «Я здесь, Инезилья...». В. А. Мильчина. Записки «пиковой дамы». В. Ф. Шубин. К топографии поэмы «Медный всадник». В. П. Старк. К истории создания стихотворения «Полководец». М. Ш. Файнштейн. Вокруг одной статьи Пушкина. [Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной]. М. В. Безродный. Еще раз о пушкинском «магическом кристалле». В. А. Кошелев. Пушкин и «пастор Ганнеман». Т. К. Галушко. Об одной псевдопушкинской подписи к рисунку. [«Turban vert, tunique violette»]. Т. Г. Александрова. Две заметки о портретах Пушкина. 1. Портрет работы В. А. Тропинина; 2. Портрет работы Т. Райта. — IV. Хроника. А. Д. Гдалин, И. Л. Попелюхер. От Рима до Гаваны: (Новые сведения о памятниках Пушкину за рубежом). Р. З. Темис. Памятник Пушкину в городе Бендеры. А. М. Букалов. Балет «Евгений Онегин» на штутгартской сцене. По страницам газет 1984 года.

Галин Г. А. «Имя предков моих...» // Семья и шк. 1988. № 4. С. 52—53.
Родословная Пушкина.

Галушко Т. К. Стихия // Аврора. 1988. № 1. С. 76—79.

Ураган в Пушкинском заповеднике 6—7 августа 1987 г.

Гальцева Р. А., Роднянская И. Б. «Памяти Санкт-Петербурга» // Лит. обозрение. 1988. № 6. С. 59—63.

Рец. на кн.: Осоват А. Л., Тименчик Р. Д. «Печальную повесть сохранить...»: Об авторе и читателей «Медного всадника». М.: Книга, 1987. 350 с. («Судьбы книг»).

Гвоздиковская Т. С. А. С. Пушкин: Формирование художественной концепции реализма и закон стиля // Жанрово-стилевая эволюция реализма: Сб. науч. тр. / Кирг. гос. ун-т им. 50-летия СССР. Фрунзе, 1988. С. 3—10.

- Гдалин А. Д., Робинсон Д. Медальерная Пушкиниана: Каталог // Сов. коллекционер: Сб. ст. М.: Радио и связь, 1988. Вып. 25. С. 111—122: ил.
Начало // 1986. Вып. 23. С. 89—97; 1987. Вып. 24. С. 120—132.
- Гдалин А. Д. Филателистическая Пушкиниана: Каталог // Филателия СССР. 1988. № 7. С. 12—15: ил.; № 8. С. 12—14: ил.
- Гейченко С. С. Заветное: Рассказы // Звенья: Кн. произведений псковских литераторов. Л.: Лениздат, 1988. С. 188—200.
Содерж.: Дуб заветный на Ворониче. Рисунки О. С. Пушкиной. Прощальная элегия А. С. Пушкина. Памятка о Пушкине.
- Гейченко С. С. Поварня в Михайловском // Обществ. питание. 1988. № 6. С. 45.
- Гейченко С. С. Пушкиногорье: Гл. из докум. повести // Дали отчие, неоглядные... М.: Современник, 1988. Вып. 5. С. 284—316.
Написано в 1987 г.
- Гершензон М. О. Вдохновение и безумие / Публ. В. Вельяшева // Наше наследие. 1988, № 4. С. 112—113.
Впервые // София. 1914. Кн. 6. С. 79—83.
О творческом вдохновении Пушкина.
- Гершензон М. О. Моцарт и Сальери // Пушкин А. С. Моцарт и Сальери / Рис. М. А. Врубеля. Л.: Аврора, 1988. С. 3—9. Факс. изд.: Пг., 1917.
- Гершензон М. О. Памятник. Предисл., подгот. текста и коммент. М. Филина // Лит. в шк. 1988. № 5. С. 26—32.
Гл. из кн.: Гершензон М. О. Мудрость Пушкина. М., 1919.
- Глазунов Н. И. «Лукоморье» на Оби // Нар. образование. 1988. № 12. С. 32—37.
Пушкинский музей в средней школе поселка Могочино Томской области.
- Глинка В. М. Пушкин и Военная галерея Зимнего дворца / Вступ. ст. Б. Б. Пиотровского [2-е изд., доп.]. Л.: Лениздат, 1988. 236, [2] с., 8 л. ил.
1-е изд.: Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1949.
- Глушкова Т. М. «Чаша дружбы»: Из «Притчи о Моцарте» // Новый мир. 1988. № 7. С. 221—242.
- Гоголь Н. В. Переписка: В 2 т. / Сост. и коммент. А. А. Карпова, М. Н. Виrolайнен. М.: Худож. лит., 1988. (Переписка рус. писателей).
Т. 1. С. 136—147: «Н. В. Гоголь и А. С. Пушкин». [1831—1836 гг.].
Вступ. ст. (с. 133—135) и коммент. А. А. Карпова.
- Гозенпуд А. А. «Последние дни» («Пушкин»): (Из творческой истории пьесы) // М. А. Булгаков — драматург и художественная культура его времени: Сб. ст. М.: Союз театр. деятелей РСФСР, 1988. С. 154—167.
- Головина Т., Нестеров А. Неизвестный список пушкинской поэмы [«Братья разбойники»] // Урал. 1988. № 5. С. 173—174.
Список 1824 г., обнаруженный в Свердловске.
- Гольдман Н. Г. Портреты Пушкина: (Из опыта работы в VII классе) // Рус. яз. в нац. шк. 1988. № 10. С. 36—39: ил.
На уроках литературы.
- Горбаневский М. В. «Что за прелесть эти сказки!» // Горбаневский М. В. Ономастика в художественной литературе: Филол. этюды. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1988. С. 10—17.
Имена и названия в сказках Пушкина.
- Гордин А. М., Гордин Я. А. Ганнибал, Михайловское, Пушкин // Нева. 1988. № 6. С. 191—195.
- Гортвай Е. Ф. Влияние произведений Пушкина на развитие венгерского романа второй половины XIX века // Преподавание русского языка и литературы в школах Закарпатья: Пути повышения эффективности: (Из опыта работы учителей): Сб. ст. Киев; Ужгород: Рад. шк., 1988. С. 111—115.
- Горчакова Э. Музей на Мойке. // Юн. художник. 1988. № 1. С. 28—30: ил.
- Гранин Д. А. Заветное [Пушкина] // Гранин Д. А. Милосердие: [Очерки]. М.: Сов. Россия, 1988. С. 31—40. (Писатель и время).
- Грачева А. Д., Джумамурадов К. Пушкинская сказка на туркменском языке // Рус. яз. и лит. в туркм. шк. 1988. № 1. С. 48—53.
«Сказка о царе Салтане» в переводе Я. Насырли.
- Грекова И. Необязательные украшения // Вопр. лит. 1988. № 2. С. 182—186.

Математические методы в исследованиях по стихосложению. Критические замечания на статью: Лотман Ю. М., Лотман М. Ю. Вокруг десятой главы «Евгения Онегина» // Пушкин. Исслед. и материалы. Л.: Наука, 1986. Т. 12. С. 124—151.

Отзыв:

Баевский В. С. Математика о прекрасном // Вопр. лит. 1988. № 8. С. 228—231.

Грехнев В. А. Пушкинские заветы // Буревестник: Публицист. сб. / Сост. В. А. Базунов. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1988. С. 176—184.

Грифцов Б. А. Психология писателя. М.: Худож. лит., 1988. 462 с. С. 213—233: «Пушкинский пейзаж».

Гришунин А. Л. Текстологические уроки седьмого тома. [Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 7: Драматические произведения. Л., 1935] // Литература и искусство в системе культуры: [Сб. ст.]. М.: Наука, 1988. С. 480—486.

Гуванов В. Тропую Пушкина // Смена. 1988. № 13. С. 22—23: ил.

Пушкиниана художника Д. Д. Арсенина.

Гуменная Г. Л. Ирония и традиция в художественном целом «Гавриилады» Пушкина // Литературное произведение и литературный процесс в аспекте исторической поэтики: Межвуз. сб. науч. тр. / Кемеров. гос. ун-т. Кемерово, 1988. С. 59—66.

Гусев В. И. Вновь — Пушкин // Гусев В. И. Художественное и нравственное: Письма о литературе. М.: Худож. лит., 1988. С. 240—243.

Написано в 1974 г.

Гусев В. И. Свет памяти // Гусев В. И. Неожиданность очевидного: Дневник современного литератора. М.: Сов. писатель, 1988. С. 215—219.

Написано в 1976 г.

Гусляров Е. И жизнь, и слезы, и любовь: Жизнеописание А. П. Марковой-Виноградской (Анны Керн) в документах, свидетельствах современников, фрагментах запечатленного времени и незначительных авторских замечаниях по ходу монтажа судьбы бессмертной и незавидной / Предисл. Н. А. Равевского // Простор. 1988. № 4. С. 160—192. Предисл. с.: 159—160.

Действующие лица и исполнители... (Стенограмма обсуждения спектакля «Борис Годунов» Театра на Таганке, 1982 г.) / Публ. Е. Левиковой // Совр. драматургия. 1988. № 4. С. 197—223.

Постановка Ю. П. Любимова. Премьера 12 июня 1988 г.

Деменьтьев В. В. Пушкин и Земфира: Повесть // Деменьтьев В. В. Берегиня: Кн. лир. прозы. М.: Современник, 1988. С. 363—396.

Джанумов С. А. Реализм А. С. Пушкина в обрисовке драматических характеров: (трагедия «Моцарт и Сальери») // Метод, мировоззрение и стиль в русской литературе XIX века: Межвуз. сб. тр. / Моск. гос. заоч. пед. ин-т. М., 1988. С. 3—26.

Джанумов С. А. Своеобразие историзма поэмы А. С. Пушкина «Полтава» // Дружба. 1986—1990: Актуальные проблемы русистики: 2-й русист. сб. / Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской; Карлов ун-т Праги. М., 1988. С. 12—21.

Дмитревский Ю. [Рецензия] // Новый мир. 1988. № 11. С. 271.

Рец. на кн.: Трубе Л. А. Остров Буян: Пушкин и география. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1987. 239 с.

Дмитриева Е. [Рецензия] // Вопр. лит. 1988. № 3. С. 253—256.

Рец. на кн.: Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками: В 2 т. / Сост. В. В. Кунин. М., 1987.

Дозорец Ж. А. Семантическая организация стихотворной строки // Науч. докл. высш. шк.: Филол. науки. 1988. № 5. С. 74—78.

Многочисленные примеры из Пушкина.

Долгова С. Р. Вслед за поэтом — в глубь веков // Ленингр. панорама. 1988. № 2. С. 34.

Пушкинские документы в ЦГАДА СССР. (Родословная Пушкиных, составленная А. Ф. Малиновским в 1799 г. Доклад кн. Трубецкого от 4 октября 1744 г. о Михайловской губе, пожалованной А. П. Ганнибалу. Материалы о Суйде. Семейный архив Гончаровых).

- Дорожинский В. Домик станционного смотрителя // Турист. 1988. № 12. С. 52; ил. на 3 с. обл.
- Дружинин А. В. А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений // Дружинин А. В. Прекрасное и вечное. М.: Современник, 1988. С. 52—100. (Б-ка «Любителям рос. словесности». Из лит. наследия).
- Впервые // Библиотека для чтения. 1855. Т. 130. № 3—4. С. 41—104.
- Дудин М. А. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. М.: Современник, 1988. 559, [1] с. С. 313—318: «Пушкиным». [О Пушкинском заповеднике. Написано в 1974 г.]. С. 318—322: «Берегите Пушкина сейчас». [Написано в 1987 г.]. С. 418—424: «Хранитель Лукоморья». [Впервые // Гейченко С. С. У лукоморья. Л., 1971. С. 5—14]. С. 490—494: «По завету Пушкина». [Пушкинские традиции в творчестве Д. Кугультинова. Написано в 1982 г.].
- Дунаева Е. Н. Не гнаться за сенсациями // Нева. 1988. № 9. С. 207.
- Отклик на статью: Парчевский Г. Ф. Преданье старины глубокой // Нева. 1987. № 6. С. 188—191.
- Дюшен И. Связь времен и культур // Иностран. лит. 1988. № 8. С. 234—235.
- Рец. на кн.: M'ègim èe Pг. — А. С. Пушкин: Сб. / Сост. З. И. Кирнозе. М.: Радуга, 1987. 429, [1] с.: ил. На фр. и рус. яз.
- Еремин М. П. О достоинстве и ответственности литературы // Пушкин А. С. Мысли о литературе. М.: Современник, 1988. С. 5—45. (Б-ка «Любителям рос. словесности». Из лит. наследия).
- Еркибаева Г. Словарная работа при изучении «Капитанской дочки» // Рус. яз. и лит. в казах. шк. 1988. № 6. С. 14—17.
- Еромицкий П. А. Неуспокоенность: [О учительнице В. П. Адамовской] // Рус. яз. и лит. в сред. учеб. заведениях УССР. 1988. № 12. С. 14—18.
- Из содерж.: «У каждого из нас свой Пушкин». «Береги честь смолоду». [«Капитанская дочка»].
- Ефимов В. В., Попова Н. И. Мойка, 12 после Пушкина... // Ленингр. панорама. 1988. № 12. С. 22—25: ил.
- Ремонт 1837 года. Интерьеры квартиры в рисунках А. М. Апраксиной.
- Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками: Переписка. Воспоминания. Дневники: В 2 т. / Сост., вступ. очерки и примеч. В. В. Кунина. М.: Правда, 1988.
- Т. 1: 1799—1826 гг. 733, [1] с., 8 л. ил.
- Т. 2: 1826—1835 гг. 702, [1] с., 8 л. ил.
- Жуйкова Р. Г. Загадки пушкинских рисунков // Ленингр. панорама. 1988. № 1. С. 22—24: ил.
- Жуйкова Р. Г. Обращаясь к истории [реставрации квартиры Пушкина на Мойке, 12] // Ленингр. панорама. 1988. № 12. С. 25.
- Записки краеведов. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1988. Вып. 8. 232 с.: ил., 8 л. ил.
- С. 197—212: Болдинские чтения. Ю. И. Левина. Еще о последних владельцах Болдина. В. М. Кагоров. Восстановление людской на территории музея-заповедника А. С. Пушкина в Болдине. М. М. Хорев. Об одной загадочной фотографии [фотографа А. Н. Морозова. Предполагаемый портрет А. Л. Пушкина].
- Звирибулис Ю. Пушкиниана: Каталог выставки: М., 1988 / Авт.-сост. Л. Огинская; Гос. музей А. С. Пушкина. Б.м., 1988. [13 с.]: ил.
- Зеркальная М. Е. Г. В. Плеханов о Пушкине в связи с проблемой «чистого искусства» // Тадж. гос. ун-т. Душанбе, 1988. 24 с. Библиогр.: 26 назв. Рукопись деп. в Таджик. НИИТИ № 50 Та-Д88 от 27.12.88. Реф. деп. в ИНИОН АН СССР № 7Р-89 от 17.1.89.
- Зименко В. М. Орест Адамович Кипренский. 1782 — 1836. М.: Искусство, 1988. 349, [1] с.: ил.
- С. 279—302: Гл. 11. «Портрет А. С. Пушкина» и другие произведения конца «петербургского периода».
- Золотова И. И снова «Путешествие в Арарум» // Лит. Армения. 1988. № 7. С. 108—111.

Опера «Путешествие в Арарум» в постановке Ереванского оперного театра. Композитор Э. Оганесян, автор либретто Г. Ансимов.

Зубарева К. А. Повесть А. С. Пушкина «Пиковая дама» в архиве Г. Манна // Науч. докл. высш. шк.: Филол. науки. 1988. № 4. С. 75—77.

Иванов Г. В. Жертва Пушкина / Публ. В. Захарова // Дон. 1988. № 9. С. 153—154. Впервые // Рус. воля. Пг., 1917. 23 янв. № 23.

Ивашин В. В. Александр Сергеевич Пушкин // Ивашин В. В., Лазарчук М. А., Ленсу Е. Я. Изучение русской литературы во взаимосвязи с белорусской: Пособие для учителя. Минск: Нар. асвета, 1988. С. 22—36.

Из Пушкинианы Всесоюзного музея А. С. Пушкина: Сб. науч. ст. / Всесоюз. музей А. С. Пушкина. Л., 1988. 101, [1] с.: ил.

Содерж.: А. И. Минина. Страницы истории музея. А. З. Тихантовская. Россия пушкинской поры глазами иностранных художников. (Альбомы Х.-Г.-Г. Гейслера в собрании Всесоюзного музея А. С. Пушкина). Г. И. Назарова. «Дочь Ганга». (О трех портретах М. Н. Волконской). Л. М. Солдатов. «Пушкин и гр. Хвостова». [Карикатура 20-х гг. XIX в., изображающая Пушкина и Е. П. Ростопчину]. Р. Г. Жуйкова. «Портретная галерея» на полях рукописей. (О нескольких рисунках А. С. Пушкина из альбома Ел.Н. Ушаковой). М. В. Бокариус. Неизвестный автограф А. А. Дельвига на альманахе «Северные цветы» 1826 года. И. А. Меньшова. Книги из библиотеки братьев Тургеневых в собрании Всесоюзного музея А. С. Пушкина. Р. Г. Жуйкова. Портрет А. А. Гончарова. (Из собрания Всесоюзного музея А. С. Пушкина). Т. Г. Александрова. О портрете А. П. Ганнибала. Н. И. Грановская. Загадочный портрет А. П. Ганнибала.

Ильичев А. В. Образы-символы в лирике А. С. Пушкина 1830-х годов: Автореф. дис... канд. филол. наук: (10.01.01) / ЛГУ им. А. А. Жданова. Л., 1988. 17 с. Библиогр. с.: 17 (5 назв.).

Ильичев А. В. Система образов-символов как циклообразующий фактор: (О последнем лирическом цикле А. С. Пушкина) // Проблемы жанра и стиля художественного произведения: Межвуз. сб. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1988. С. 107—117.

Иова И. Ф. О пребывании и высказке Пушкина из Одессы: (По архивным материалам) // Рус. лит. 1988. № 3. С. 164—165.

Исаков В. З. У истоков Волги. М.: Сов. Россия, 1988. 285, [3] с.: ил. (По земле Российской).

С. 181—188: «Я вас любил...». [О Е. П. Бакуниной]. С. 230—254: «Перечитывая Пушкина». [Пушкинские места Верхневолжья].

Исупова С. М. А. С. Пушкин и В. Г. Белинский о своеобразии исторических романов И. И. Лажечникова / Киров. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. Киров, 1988. 29 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 35968 от 28.10.88.

Каверин В. А., Новиков В. И. Новое зрение: Кн. о Юрии Тынянове. М.: Книга, 1988. 382, [1] с. (Писатели о писателях).

С. 271—274: «Пушкин». С. 274—280: «Это замысел грандиозный и мучительный». С. 282—288: «Годы войны». [О работе над романом «Пушкин». Гл. написаны В. А. Кавериним].

Казарин В. П. «Кавказский пленник» А. С. Пушкина и жанр романтической поэмы // Проблемы жанра и стиля художественного произведения: Межвуз. сб. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1988. С. 118—128.

Калашян А. В. А. С. Пушкин в армянской литературе XIX—начала XX веков: (Переводы, творческое освоение, критика): Автореф. дис... канд. филол. наук: (10.01.03) / АН Арм. ССР. Ин-т лит. им. М. Абега. Ереван, 1988. 24 с. Библиогр. с.: 24 (4 назв.).

Капленко В. Н. Пространственно-временная композиция стихотворения А. С. Пушкина «Анчар»: Лингвистический аспект // Содержание и форма в языке и литературе. Свердловск, 1988. С. 27—34. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 33623 от 26.04.88.

Карпов А. А. «Борис Годунов» А. С. Пушкина // Анализ драматического произведения: Межвуз. сб. / ЛГУ им. А. А. Жданова. Л., 1988. С. 91—108.

Карпова Е. Скульптор пушкинской поры // Художник. 1988. № 1. С. 32—37: ил. С. И. Гальберг.

- Карпухин О. Жизнь Н. Раевского // Простор. 1988. № 6. С. 143—152.
О писателе-пушкинисте Н. А. Раевском.
- Качурич М. Г. Организация исследовательской деятельности учащихся на уроках литературы: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. 173. [2] с.
С. 50—69: Гл. IV. Проблема художественной правды в учебном исследовании: («Капитанская дочка» А. С. Пушкина). С. 108—118: Гл. VIII. Проблемы реалистического образа в школьном исследовании: («Выстрел» А. С. Пушкина). С. 118—130: Гл. IX. Исследование в процессе изучения литературной критики: (В. Г. Белинский о «Евгении Онегине» А. С. Пушкина. Д. И. Писарев об «Отцах и детях» И. С. Тургенева).
- Кашковская М. В. К проблеме французского языка в английских переводах романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Актуальные проблемы английской филологии. М., 1988. С. 39—54. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 37308 от 27.03.89.
- Кашковская М. В. Перевод иноязычных внесений в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на английский язык // Теория и практика литературоведческих и лингвистических исследований. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 95—103.
- Кедрова М. М. И. С. Тургенев. Роль читательской памяти в творчестве писателя: Учеб. пособие / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1988. 86 с.
С. 9—41: Гл. 1. И. С. Тургенев — читатель А. С. Пушкина.
- Керева-Канафиева К., Досмаханова Р. О двух вариантах перевода романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на казахский язык // Творческая индивидуальность писателя и взаимодействие литератур: (Сб. науч. тр.) / Каз. гос. ун-т им. С. М. Кирова. Алма-Ата, 1988. С. 21—28.
Сравнительный анализ переводов К. Шангитбаева 1945 и 1985 гг.
- Керцелли Л. Ф. Мир Пушкина в его рисунках / Предисл. Ю. М. Нагибина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Моск. рабочий, 1988. 427, [3] с.: ил.
Содерж.: Мир Пушкина в его рисунках. Тверской край в рисунках Пушкина.
- Кириленко К. Н. М. А. Булгаков и В. В. Вересаев: (по новым материалам ЦГАЛИ) // М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени: Сб. ст. М.: Союз театр. деятелей РСФСР, 1988. С. 445—481.
С. 463—481: письма Булгакова к Вересаеву 1935—1937 гг. о работе над пьесой «Последние дни» («Пушкин»).
- Клейман Н. И. Варевицкий Лев: К происхождению, смыслу и функции монтажной метафоры // Киноведческие записки. М., 1988. № 1. С. 91—110.
Проблематика и образность «Медного всадника» в фильме С. М. Эйзенштейна «Броненосец Потемкин».
- Клейман Р. Я. «Бывают странные сближения...» // Кодры. 1988. № 7. С. 148—152.
«Книга Система, или состояние мухаммеданская религии...» Д. Кантемира в библиотеке А. П. Ганнибала. Интерес Пушкина к отечественной истории.
- Клипинищев М. С. От Пугачева — к «Медному всаднику» // Урал. следопыт. 1988. № 6. С. 8.
Впечатления от поездки по Уралу в поэме «Медный всадник».
- Книгин И. А. Речь Ф. М. Достоевского о Пушкине в оценке Л. Е. Оболенского // Русская литературная критика: История и теория: Межвуз. науч. сб. Саратов, 1988. С. 81—87.
- Князев А. В. Традиции пушкинской драматургии в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского // Взаимодействие жанров, художественных направлений и традиций в русской драматургии XVIII—XIX в. Куйбышев, 1988. С. 120—132.
- Коваленская Н. Н. «Медный всадник» Фальконе // Коваленская Н. Н. Из истории классического искусства. М.: Сов. художник, 1988. С. 215—223. (Б-ка искусствознания. Избр. тр.).
Образ Петра I у Пушкина и Фальконе.
Впервые // Пушкин: Сб. ст. / Под ред. А. Еголина. М.: ОГИЗ, 1941. С. 243—259.
- Коган Л. А. Пушкин и идея творческой свободы: (О философском значении «Из Пиндемонти») // Вопр. философии. 1988. № 5. С. 95—109. Рев. англ. с.: 174.

- Кожевников В. А. «Драгоценные уроки» // Лит. в шк. 1988. № 5. С. 75—78.
 Рец. на кн.: Непомнящий В. С. Пoesия и судьба: Над страницами духовной биографии Пушкина. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1987. 447 с.
- Кожевников В. А. «История села Горюхина» — история России: Предположения, гипотезы // Москва. 1988. № 6. С. 179—183.
- Кожевников В. А. Шифрованные строфы «Евгения Онегина» / Послесл. В. Турбина «Ужели слово найдено? О гипотезе Виктора Кожевникова», с. 266—268 // Новый мир. 1988. № 6. С. 259—266.
- Отзыв: Лацис А. «Дикие утки», и не только! // Вопр. лит. 1988. № 12. С. 254—256.
- Ответ А. Лацису: Кожевников В. А. Имела ли место «рассеянность»? // Новый мир. 1989. № 6. С. 268—269.
- Кожин В. В. Тютчев. М.: Мол. гвардия, 1988. 495, [1] с.: 16 л. ил. (Жизнь замечательных людей: Сер. биогр.; Вып. 9 (687)).
 С. 142—203; Ч. 2. Гл. 5. Тютчев и Пушкин.
 То же: Жизнь Тютчева: Повесть-исслед. // Подъем. 1988. № 2. С. 38—76.
- Кондаков И. В. Выездное заседание Бюро Отделения литературы и языка АН СССР, посвященное проблемам развития современного пушкиноведения, 11—12 июня 1987 г., Л. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. Т. 47. № 2. С. 195—199.
- Кондораки М., Круглый А. Пушкин в жизни: (Эксперимент. урок в IX классе) // Рус. яз. в мод. шк. 1988. № 6. С. 8—12.
- Кончин Е. В. «Чудо» с письмом Пушкина // Кончин Е. В. Революцией призванные: Рассказы о московских эмигрантах. М.: Моск. рабочий, 1988. С. 180—188.
 Письмо Пушкина к А. А. Дельвигу от 2 марта 1827 г., находившееся в архиве Баратынских-Дельвигов.
- Копылова Р. Д. Классика и телеэкран: («Пиковая дама» в телевизионной интерпретации) // Классическое наследие и современный кинематограф: Сб. науч. тр. / Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии им. Н. К. Черкасова. Л., 1988. С. 48—65.
 О телефильме режиссера И. Масленникова (1982 г.).
- Копытцева Н. М. К вопросу о преломлении традиции гуманизма Возрождения в «Маленьких трагедиях» А. С. Пушкина: («Скупой рыцарь») // Художественная традиция в историко-литературном процессе: Межвуз. сб. науч. тр. / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1988. С. 19—33.
- Коровин В. И. «Ужасный век, ужасные сердца!» // Пушкин А. С. Маленькие трагедии. Переизд. М.: Дет. лит., 1988. С. 5—20.
- Коровин В. И., Макаров А. А. Этапы развития русской поэзии: Жуковский и Пушкин // Жуковский и литература конца XVIII—XIX века / АН СССР. Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1988. С. 206—237.
- Костин В. М. «Кавказский пленник» А. С. Пушкина как романтическая общественно-философская поэма // Проблемы метода и жанра / Томск. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева. Томск, 1988. Вып. 14. С. 104—122.
- Костин В. М. Роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: (Опыт суммарной характеристики) // Примеры целостного анализа художественного произведения: Учеб. пособие / Томск. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева. Томск, 1988. С. 36—87.
- Кошелевский В. Н. Наставник А. С. Пушкина: [А. П. Куницын] // Кошелевский В. Н. Город Кашин. Калинин: Моск. рабочий, Калинин. отд-ние, 1988. С. 91—92.
- Краснов Г. В., Пугачев В. В., Динес В. А. Борис Соломонович Мейлах и комплексное изучение истории // Проблемы экономической истории и теории: Межвуз. науч. сб. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1988. Вып. 2. Ч. 4: Посвящается Н. Л. Рубинштейну. С. 195—200.
 Работы Б. С. Мейлаха по пушкиноведению.
- «Края Москвы, края родные...»: (А. С. Пушкин и Подмосковье): Краевед. библиогр. указ. / Сост. Н. Ф. Абрамова, Л. В. Вольнец. М.: Упрполиграфиздат, 1988. 57 с.
- Крестовский В. Постановки произведений А. С. Пушкина в чешских театрах и отзывы о них в чешской критике // Дружба. 1986—1990: Актуальные пробле-

- мы русистики: 2-й русист. сб. / Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской; Карлов ун-т Праги. М., 1988. С. 21—27.
- Криштоф Е. Г. Для сердца нужно верить: (Круг гения): Роман [о Пушкине]. Симферополь: Таврия, 1988. 412, [2] с.: ил.
- Крот М. С. Пушкин в современной школе // Воспитание учащихся на примерах из жизни и творческой биографии писателя: Метод. рекомендация / Мин-во просвещения БССР, НИИ педагогики. Минск, 1988. С. 5—20.
- Кручкин Ю. Пушкин на монгольском // Альманах библиофила. М.: Книга, 1988. Вып. 24: Книга Монголии. С. 299—300.
- Крылов А. Старая банкнота // Гор. хоз-во Москвы. 1988. № 5. С. 37—39.
Братя С. А. и М. А. Пушкины.
- Кудажы К.-Э. Пушкин и Тува // Улуг-Хем: Лит.-худож. альм. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1988. Вып. 24. С. 151—157.
- Кузнецова О. В. Полемика А. С. Пушкина с Дж.Г. Байроном: (Сюжетно-композиционная организация первых глав романов «Евгений Онегин» и «Дон Жуан») // Содержание и форма в языке и литературе. Свердловск, 1988. С. 62—68. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР. № 33623 от 26.04.88.
- Кулешов В. И. Пушкинская концепция русского бунта // Литература и искусство в системе культуры: [Сб. ст.]. М.: Наука, 1988. С. 393—399.
- Кулешова С. Ф. А. С. Пушкин: [Лит. вечер] // Кулешова С. Ф. Когда кончаются уроки...: Из опыта внеклассной работы по русской литературе. 3-е изд., перераб. и доп. Минск: Нар. света, 1988. С. 78—86.
- Куни И. Ф. Николай Андреевич Римский-Корсаков. 3-е изд. М.: Музыка, 1988. 155, [3] с.: 80 л. ил. (Рус. и сов. композиторы).
С. 90—96: Гл. 3. «Сказка о царе Салтане». С. 132—143: Г. 8. «Золотой петушок» — последняя опера Римского-Корсакова.
- Куприянова Н.И. К сему: Александр Пушкин / Худ. Э. Насибулин. 2-е изд., доп. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1988. 301, [2] с.: ил.
- Курганов Е.Я. «Русский Мюнхгаузен»: Из истории устного рассказа пушкинской эпохи // Кавказиони. Тбилиси, 1988. № 6. С. 410—423.
Д. Е. Цицианов.
- Лазарев В., Туганова О. Перестройка классики: Пушкин нашего времени // Вопр. лит. 1988. № 9. С. 273—275.
Пушкин в современной поэзии.
- Лакшин В. Я. Пушкин: «Спутник странный»: (Александр Раевский в судьбе Пушкина и роман «Евгений Онегин») // Лакшин В. Я. Пять великих имен: [Ст., исслед., эссе]. М.: Современник, 1988. С. 3—112.
Написано в 1977—1979 гг.
- Ланшиков А. П. О Пушкине // Ланшиков А. П. Ищу собеседника: О прозе 70—80-х годов. М.: Сов. писатель, 1988. С. 163—174.
- Ларионов А. Первый в России // Культ.-просвет. работа. 1988. № 11. С. 5—6.
С. С. Гейченко о Пушкиногорье.
- Ларионов А. Рождение традиции // Культ.-просвет. работа. 1988. № 12. С. 4—6: ил.
Пушкинские праздники в Михайловском.
- Ласунский О. Г. Загадочное издание «Братьев разбойников» [1827 г.] // Ласунский О. Г. Власть книги: Рассказы о книгах и книжниках. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Книга, 1988. С. 105—113.
- Латыева Л. Пушкинские горы // Кодры. 1988. № 3. С. 134—144.
- Лацис А. «Дикие утки», и не только! // Вопр. лит. 1988. № 12. С. 254—256.
Критический отзыв на ст.: Гулыга А. В. Пушкин и эпиграмма о «прелестях кнута» // Лит. газета. 1988. 20 июля. № 29. С. 5; Кожевников В. Шифрованные строфы «Евгения Онегина» / Послесл. В. Н. Турбина // Новый мир. 1988. № 6. С. 259—266.
- Лебедева О. Б. «Разговор книгопродавца с поэтом» // Примеры целостного анализа художественного произведения: Учеб. пособие / Томск. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева. Томск, 1988. С. 5—35.
- Лебедева Э. С. и др. Право на эксперимент / Э. Лебедева, Т. Мишина, Л. Солдатова, О. Яценко // Нева. 1988. № 2. С. 197—201.
Новая экспозиция в Музее-квартире Пушкина на Мойке, 12.

Отклики:

- «Право на эксперимент» // Нева. 1989. № 2. С. 196—208.
- Левашева О. Е. Михаил Иванович Глинка: Монография: В 2-х кн. М.: Музыка, 1988. Кн. 2. 350, [2] с. (Классики мир. муз. культуры).
С. 5—144: Гл. 6. От «Сусанина» до «Руслана». Гл. 7. Спутники «Руслана». Гл. 8. «Про славу русския земли».
- Левин Ю. Д. Шекспир и русская литература XIX века / Отв. ред. М. П. Алексеев; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1988. 326, [1] с.
С. 32—63: Гл. III. Пушкин. («Борис Годунов». «Граф Нулин». Между «Борисом Годуновым» и «Анджело». «Анджело»).
- Левина Ю. И. Болдинские рисунки А. С. Пушкина: 1830, 1833, 1834. 2-е изд., доп. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1988. 79 с.: ил.
- Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина / Отв. ред. С. А. Фомичев; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1988. 327, [1] с.
Содерж.: Предисловие. — I. Автобиографическая проза в сочинениях Пушкина. Пушкин-мемуарист. В работе над Записками. Сохранившиеся отрывки. Первые замыслы Записок. Кавказский дневник Пушкина. Замысел Записок в 1830-е годы. Последний дневник. «Table-talk». Неосуществленный замысел: [Биография]. «Посмертный обыск» и дневник Пушкина. — II. «Отрывок из письма к Д.» Письма о греческой революции. Черновые и беловые письма. Домашняя переписка. — Указатель имен.
- Леже Л. Письмо к С. А. Юрьеву от 29 мая 1880 г. / Публ. Е. М. Макаренко // Французский ежегодник. 1986: Ст. и материалы по истории Франции. М.: Наука, 1988. С. 220.
Об открытии памятника Пушкину в Москве.
- Литвиненко Н. Г. «Пушкин, который меня любил» // Театр. жизнь. 1988. № 21. С. 18—19.
Пушкин и М. С. Щепкин.
«Литературная газета» А. С. Пушкина и А. А. Дельвига, 1830 год, № 1—13 / Послесл. и общ. ред. В. Н. Касаткиной; Подгот. текста и коммент. Т. К. Батуровой; Худож. Э. Насибулин. М.: Сов. Россия, 1988. 253, [2] с.: ил.
- Литературный музей А. С. Пушкина: [в Маркучье] / Авт. текста Б. Саржицкене; Пер. с лит. Л. Черной. Вильнюс: Минтис, 1988. Буклет.
- Литературный процесс и проблемы литературной культуры: Материалы для обсуждения / Таллин. пед. ин-т им. Э. Вильде. Таллин, 1988. 129 с.
С. 3—5: С. Л. Козлов. Из комментариев к «Медному всаднику»: (античная и европейская традиция). С. 45—47: Д. Н. Медриш. Южнославянская фольклорная традиция в поэтике Пушкина: жанр, сюжет, образ, стих: («Песни западных славян»). С. 78—81: А. А. Ильин-Томич. Об эпиграфе к первой главе «Пиковой дамы». С. 100—101: В. С. Белькинд. Загадка И. П. Белкина.
- Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. 2-е изд., доп. М.: Дет. лит., 1988. 237, [1] с.: ил. (Библ. серия).
С. 183—189: «Письмо тридцать девятое: Природа России и Пушкин». [1-е изд. 1985 г.].
- Лихачев Д. С. Пушкинская тропа // Работница. 1988. № 6. С. 28: ил.
Пушкинские места Москвы и Подмосквья.
- Лобанов М. П. Вечное слово // Лобанов М. П. Страницы памятного: Лит.-крит. статьи. М.: Современник, 1988. С. 3—25.
Гоголь и Пушкин в русской литературе.
- Лобзова Л. В. «... Не зарастет народная тропа» // Рус. яз. в молд. шк. 1988. № 2. С. 32—33, 59—61: ил.
Выставка «А. С. Пушкин и его эпоха» в Доме-музее Пушкина в Кишиневе.
- Лобзова Л. В. Точно солнце озарило мое сердце: к 150-летию со дня рождения А. М. Опекушина // Рус. яз. в молд. шк. 1988. № 6. С. 58—61.
Памятник Пушкину в Москве и бюст в Кишиневе, открытый 26 мая 1885 г.
- Лонгинов М. Н. Анекдот о Пушкине / Подгот. текстов, предисл., коммент. М. Филина // Наше наследие. 1988. № 6. С. 95.
О карточной игре.

Впервые // Библиогр. записки. 1858. № 16. Стб. 494—496.

Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. 348, [3] с.

С. 6—205: Пушкин. (Этапы творчества. Своеобразие художественного построения «Евгения Онегина». [Впервые: Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Тарту, 1975. 109 с.] Идейная структура «Капитанской дочки». [Впервые // Пушкинский сборник. Псков, 1962. С. 3—20]. Типологическая характеристика реализма позднего Пушкина. Декабрист в повседневной жизни. [Впервые // Литературное наследие декабристов. Л.: Наука, 1975. С. 25—74]. — С. 235—251: Пушкин и «Повесть о капитане Копейкине». К истории замысла и композиции «Мертвых душ». [Впервые: «Повесть о капитане Копейкине»: (Реконструкция замысла и идейно-композиционная функция) // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1979. Вып. 467. Семиотика текста. Тр. по знаковым системам. Вып. 11. С. 26—43].

Лотман Ю. М. Несколько заметок к проблеме «Пушкин и французская литература» // Литература и искусство в системе культуры: [Сб. ст.]. М.: Наука, 1988. С. 378—393.

Впервые, частично: Три заметки к проблеме: «Пушкин и французская культура» // Проблемы пушкиноведения: Сб. науч. тр. Рига, 1983, С. 66—81.

Лощиц Ю. М. По следам Георгия Черного // Лощиц Ю. М. Слушание земли. М.: Современник, 1988. С. 138—172.

Написано в 1986—1987 гг. «Песни западных славян», В. С. Караджич.

Лужановский А. В. Выделение жанра рассказа в русской литературе: Пособие по спецкурсу «История рус. рассказа» для студентов пед. ин-та / Вильнюс. гос. пед. ин-т. Вильнюс, 1988. 127 с.

С. 53—77: Гл. 3. Реалистический критерий художественной достоверности и развитие рассказа. («Повести Белкина» и «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя). С. 78—97: 1. Судьба пушкинской и гоголевской традиций рассказа в 1830-е—первой половине 1840-х годов. [В гл. 4. Признание самостоятельности жанра рассказа].

Лузянин А. Н. Своеобразие реализма А. С. Пушкина 1830-х годов: Учеб. пособие по спецкурсу / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М.: МГПИ, 1988. 82, [1] с.

Содерж.: Введение. — Гл. I: После 14 декабря... («Отрывки из писем, мысли и замечания»). Гл. II: Человек и история: (Поэма А. С. Пушкина «Медный всадник»). Гл. III: «...Ничего лучше я не написал»: (Поэма А. С. Пушкина «Анджело»). Гл. IV: Спор с Руссо: («Песни западных славян»). Гл. V: Возвращение к Радищеву: (Жанровое своеобразие статьи А. С. Пушкина «Александр Радищев»). — Заключение.

Лукашевич В. К. Пушкину: [Очерки о пушкинских местах] // Там, за песней, судьба...: (В летописи Отечества). М.: Красная звезда, 1988. С. 58—80. (Бчка «Красной звезды». № 6 (510)).

Лукницкий П. Н. О гении // Лукницкая В. К. Перед тобой, земля. Л.: Лениздат, 1988. С. 346—365.

Отрывки из дневника 1926—1927 гг., посвященные высказываниям А. А. Ахматовой о Пушкине.

Лукьянова Л. Серги Гончаровых // Наше наследие. 1988. № 2. С. 11: ил.

Серги семьи Гончаровых, переданные Е. А. Мещерской Советскому Фонду Культуры. Находятся в экспозиции музея-квартиры Пушкина на Арбате.

Луначарский А. В. Статьи о литературе: В 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1988. 478, [1] с.

С. 42—47: «Пушкин и Некрасов». [Впервые // Изв. ВЦИК. 1921. № 273. 4 дек.]. С. 48—53: «Александр Сергеевич Пушкин» [1922]. [Впервые: Пушкин // Изв. ВЦИК. 1922. № 34. 12 февр.].

Лурье Ф. Щеголев и его библиотека / Предисл. Т. К. Галушко // Аврора. 1988. № 7. С. 85—93.

С. 88—89: Публикация отрывка из письма П. Е. Щеголева в Комиссию для изучения сочинений Пушкина при императорской Академии Наук от 24 мая 1910 г. об изучении дуэльных материалов из коллекции А. Ф. Онегина-Отто.

- Любин О. Самолет «Александр Пушкин» // Урал. 1988. № 7. С. 177—178.
- Лютенко О. Ю. «Спасибо, что свели меня с ума!»: К пушкинским дням // Телевидение. Радиовещание. 1988. № 6. С. 36—37.
- Цикл телепередач о Пушкине и его современниках. Автор и ведущий А. Адоскин.
- Мазья М. Г. У начала русского реализма // Нева. 1988. № 6. С. 165—166.
Рец. на кн.: Макогоненко Г. П. Лермонтов и Пушкин. Л.: Сов. писатель, 1987. 400 с.
- Майорова О. [100 лет книге Н. Н. Стрехова «Заметки о Пушкине и других поэтах». СПб., 1888.] // Памятные книжные даты. 1988. М.: Книга, 1988. С. 97—100.
- Мальчукова Т. Г. Античное наследие и современная литература: Текст лекций / Петрозавод. гос. ун-т им. О. В. Куусинена. Петрозаводск, 1988. 63 с.
С. 14—22: «Роль античности в формировании русской классической литературы. Пушкин и античность».
- Мальчукова Т. Г. Пушкин — критик Байрона // Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. / Петрозавод. гос. ун-т им. О. В. Куусинена. Петрозаводск, 1988. С. 10—22.
- Маранджан В. Рождение стихотворения // Рус. яз. в эст. шк. 1988. № 3. С. 9—13. Lm
«Зимний вечер», «На холмах Грузии».
- Марченко Н. «Евгений Онегин» в силуэтах В. В. Гельмерсена // Лит. учеба. 1988. № 6. С. 70—73: ил.
- Матвеевский Б. Магический кристалл // Декор. искусство СССР. 1988. № 10. С. 35—37: ил.
Гипотеза расшифровки поэтического образа «магический кристалл» в творчестве Пушкина.
- Мацапура В. И. Работа А. С. Пушкина над образом Онегина: (Из наблюдений над черновыми вариантами романа в стихах) // Вопр. рус. лит. Львов, 1988. Вып. 2 (52). С. 67—75.
- Мачавариани М. З. Первый тюркский перевод поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» // Востоковедение: Филол. исслед. Л., 1988. Вып. 14. С. 140—149. (Учен. зап. / ЛГУ им. А. А. Жданова. № 422. Сер. востоковед. наук. Вып. 30).
- Мильдон В. «Медный всадник» Александра Бенуа: Из истории отечественной иллюстрации // Лит. обозрение. 1988. № 2. С. 83—84: ил.
- Минина А. И. Дом Пушкина: Каким он был, какой он есть, каким он будет... / Беседу вел Н. Самвелян // В мире кн. 1988. № 2. С. 65—68.
- Минина А. И. и др. Свежо предание... / А. И. Минина, М. Седых, Н. И. Попова, Г. П. Балог, Р. Г. Жуйкова, Т. К. Галушко // Нева. 1988. № 6. С. 206.
Отзыв на ст.: Парчевский Г. Ф. Преданье старины глубокой // Нева. 1987. № 6. С. 188—191.
- Мирюшкин В. Читая пушкинские письма // Лит. в шк. 1988. № 2. С. 75—76.
Рец. на кн.: Кашкова В. Ф. Я к Вам пишу...: Тверские мотивы в переписке А. С. Пушкина. Калинин: Моск. рабочий, 1987. 144 с.: ил.
- Мисюк В. Публикола: Заметка к биографии А. С. Пушкина // Вопр. лит. 1988. № 12. С. 268—270.
Комментарий к (Заметке «О графе Нулине»).
- Михайлова Н. И. Встреча с Пушкиным // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 1988. № 5. С. 71—73.
Рец. на кн.: Кулешов В. И. Жизнь и творчество Пушкина. М., 1987.
- Михайлова Н. И. Творчество А. С. Пушкина и русская ораторская проза первой трети XIX в.: Автореф. дис... д-ра филол. наук: (10.01.01) / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1988. 48 с. Библиогр.: с. 47—48 (16 назв.).
- Мишина Т. [Выставки работ ленинградских художников-графиков, посвященные А. С. Пушкину, 1987 г.] // Аврора. 1988. № 2. С. 160.
- Могилевская Н. М. Проблема истории и личности в творчестве А. С. Пушкина второй половины 20-х годов XIX века: («Арап Петра Великого»): Автореф. дис... канд. филол. наук: (10.01.01) / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1988. 16 с. Библиогр. с.: 15—16 (4 назв.).

- Модзалевский Б. А. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание): Отд. оттиск из изд.: «Пушкин и его современники», вып. IX—X. М.: Книга, 1988. XIX, 441, [1] с. Прил. 115 с. Репринт. изд.: СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1910. Прил.: Л. Б. Модзалевский. Библиотека Пушкина. Новые материалы. Сидяков Л. С. Библиотека Пушкина и ее описание. Примечания / Л. С. Сидяков.
- Москвичева Г. В. Сюжетные мотивы и композиционные особенности баллады А. С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге» и К. Ф. Рылеева «Олег Вещий» в связи с художественным методом // Вопросы сюжета и композиции в русской литературе: Межвуз. сб. / Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Горький, 1988. С. 35—47.
- Мошинская Р. Герои и прототипы: Кто был кто в «Капитанской дочке»? // В мире кн. 1988. № 2. С. 26—27.
- Музей А. С. Пушкина в Бернове / Сост. Л. А. Казарская; Калинин. гос. объедин. ист.-архит. и лит. музей. Калинин, 1988. 15 с.: ил.
- Музей А. С. Пушкина в Торжке: Путеводитель / Сост. Т. Е. Рыжикова; Калинин. гос. объедин. ист.-архит. и лит. музей. Калинин: Упрполиграфиздат, 1988. 15 с.: ил.
- Муравьев В. Б. Московские предания и были. 2-е изд., доп. М.: Моск. рабочий, 1988. 381, [2] с.
С. 235—269: «Татьяны милый идеал...»: Конспект романа [Н. Д. Фон-визина]. С. 294—308: «К неоконченному роману „Евгений Онегин“ соч. А. Пушкина продолжение и окончание...» [соч. А. Е. Разоренова. М., 1890]. 1-е изд.: М., 1981.
- Мурadian И. В. Антропология прозы А. С. Пушкина: Автореф. дис... канд. филол. наук: (10.02.01) / Одес. гос. ун-т им. И. И. Мечникова. Одесса, 1988. 16 с. Библиогр. с.: 16 (4 назв.).
- Мурadian И. В. Имена исторических лиц в художественной прозе А. С. Пушкина // Актуальные вопросы русской ономастики: Сб. науч. тр. / Одес. гос. ун-т им. И. М. Мечникова. Киев, 1988. С. 123—128.
- Мурьянов М. Ф. Пушкин о московской речи // Рус. речь. 1988. № 3. С. 20—24.
- Мусатов В. В. Пушкин в эстетическом сознании русского символизма // Художественная традиция в историко-литературном процессе: Межвуз. сб. науч. тр. / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1988. С. 34—68.
- Муфталова Л. Пушкинский эпиграф в «Капитанской дочке» // Рус. яз. и лит. в казах. шк. 1988. № 6. С. 8—14.
- Налетов А. Г. Донской монастырь и род Пушкиных // Сов. арх. 1988. № 3. С. 88—89.
Описание утраченных надгробий Л. А. Пушкина и Н. Б. Пушкина, сохранившееся в ЦГИА СССР.
- Наследие Гоголя и современность: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. Гоголевской конф. (24—26 мая 1988 г.): В 2 ч. / Нежин. гос. пед. ин-т. Нежин, 1988. Ч. 1. 106 с.
С. 30—31: А. А. Слюсарь. Преобразование жанра идиллии в прозе А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. С. 31—32: А. А. Смирнов. Романтическая основа лирических отступлений в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» и романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин».
- Наумов А. Пушкин и юристы // Соц. законность. 1988. № 8. С. 60—63.
- Немзер А. С. Рабочая пушкинистика // Вопр. лит. 1988. № 3. С. 219—229.
Реф. на кн.: Проблемы пушкиноведения. Рига, 1983. 169 с.; Пушкин и русская литература. Рига, 1986. 147 с.
- Немировский И. В. Биографический подтекст в дружеских посланиях Пушкина периода южной ссылки // Рус. лит. 1988. № 3. С. 165—170.
- Немировский И. В. Политическая лирика Пушкина 1820—1823 гг. и кишиневский кружок Союза благоденствия: Автореф. дис... канд. филол. наук: (10.01.01) / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л., 1988. 13 с. Библиогр. с.: 13 (6 назв.).
- Никишов Ю. М. «Евгений Онегин» как динамическая художественная система: Автореф. дис... д-ра филол. наук: (10.01.01) / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Свердловск, 1988. 29, [1] с. Библиогр. с.: 29—30 (12 назв.).

- Новиков В. И. Большие Вяземы. М.: Моск. рабочий, 1988. 60, [2] с.; 8 л. ил. (Памятники Подмосковья).
С. 23—31: «Пушкин в Захарове».
- Новиков И. А. Пушкин в изгнании: Роман: В 2 ч. Ч. 2: Пушкин в Михайловском / Послесл., примеч. А. А. Макарова. Тула: Приок. кн. изд-во, 1988. 365, [2] с. (Отчий край).
- Новиков И. А. Пушкин в Михайловском: Роман. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1988. 333, [2] с.
- Новиков Л. А. Художественный текст и его анализ. М.: Рус. яз. 1988. 300, [1] с. (Б-ка преподавателя рус. яз. как иностр.).
С. 45—55: «Модарт и Сальери». С. 58—65: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». С. 76—84: «М. Ю. Лермонтов „Смерть поэта“».
- Носков А. И. Пушкин и Самарский край // Орленок: Лит.-худож. сб. для детей сред. и старш. шк. возраста. Куйбышев, 1988. С. 142—160.
- Носов С. Н. [Рецензия] // Звезда. 1988. № 10. С. 205—206.
Рец. на кн.: Исаев Н. П. Гений на островах: Повесть. Новеллы. М.: Мол. гвардия, 1987. 190 с.
- Нурмухамедов М. К. Средняя Азия в творчестве А. С. Пушкина. Ташкент: Фан, 1988. 29, [1] с.
Содерж.: Предисловие. «История Пугачева». «История Петра».
- Обернихина Г. А. Обучаем письменной работе по литературе // Рус. яз. в нац. шк. 1988. № 6. С. 41—45.
Система письменных работ при изучении лирики Пушкина в 9 классе эстонской школы: по опыту учительницы А. О. Шевелкиной.
- Овчинников Р. В. За пушкинской строкой. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1988. 206, [2] с.
- Овчинников Р. В. К изучению автобиографических записок А. С. Пушкина: (Версия об участии Льва Александровича Пушкина в дворцовом перевороте 1762 года) // История СССР. 1988. № 3. С. 156—165.
- Овчинникова С. Т. А. С. Пушкин: перелистывая страницы воспоминаний... // Дошк. воспитание. 1988. № 2. С. 62—64.
- Овчинникова С. Т. «Это горящая, как метеор, жизнь...» // Дошк. воспитание. 1988. № 7. С. 70—70: ил.
Пушкиниана Н. Рушевой.
- Огнева О. К истории вопроса: Пушкинские страницы // Студ. меридиан. 1988. № 12. С. 20—22.
VIII студенческая конференция в МГУ, посвященная творчеству А. С. Пушкина.
- Одинокое В. Г. Принцип художественного ансамбля в «Маленьких трагедиях» А. С. Пушкина // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. 1988. № 10: Сер. истории, филологии и философии. Вып. 2. С. 44—49.
- Окуджава Б. Ш. Частная жизнь Александра Пушкина, или Именительный падеж в творчестве Лермонтова: Рассказ // Окуджава Б. Ш. Девушка моей мечты: Автобиограф. повествования. М.: Моск. рабочий, 1988. С. 238—250.
Написано в 1976 г.
- Островская Н. К. Н. Гоголь и А. Пушкин // Музыкой наполняющиеся строки: Тез. докл. и сообщ. обл. Гоголевской науч.-творч. конф. 15—16 апр. 1988 г. / Одес. обл. отд.-ние муз. о-ва Украины. Одесса, 1988. С. 56—58.
- От кого же защищать «Капитанскую дочку»? // Лит. в шк. 1988. № 4. С. 75—76.
Отклик на ст.: Штейн А. Защищать «Капитанскую дочку» // Лит. Россия. 1988. 6 мая.
- Павлова С. В. В садах Лицея // Юн. художник. 1988. № 6. С. 3—5: ил.
Памяти великого русского поэта // Иностран. лит. 1988. № 6. С. 250.
Статья в парижском журнале «Кензен литерер», посвященная пушкинскому номеру «Рево дез этюд слав» (Париж, 1987. Т. 59).
- Панда А. Ф. Вечер памяти А. С. Пушкина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 1988. № 1. С. 81—82.
20 февраля 1987 г. в Научной библиотеке им. А. М. Горького МГУ.

- Панченко О. В. Пропозициональные установки восприятия и осмысления в одном типе художественного повествования // Вестн. Харьков. ун-та. 1988. № 327. С. 41—44.
 Анализ авторского повествования в «снах» и «видениях» героев произведений Пушкина.
- Парчевский Г. Ф. А был ли мальчик? // Нева. 1988. № 10. С. 206—207.
 Дополнение к статье: Парчевский Г. Ф. Преданье старины глубокой // Нева. 1987. № 6. С. 188—191. [О портрете Пушкина в детстве].
- Патримониум: Альм. библиофилов Молдавии. Кишинев: Лит. артистика, 1988. № 2. На молд. и рус. яв.
 С. 191—203: С. Фомин. Загадка архива Драганова. [С. 194—199: пушкиноведческие исследования П. Д. Драганова]. С. 204—210: С. Фомин. Г. Г. Бевиконный — пушкинист. [Впервые // Альм. библиофила. М., 1987. Вып. XXIII: Венюк Пушкину. С. 346—351]. С. 396: Автограф пушкинского Кирджали. [Подпись под адресованным И. Н. Инзову прошением о выдаче паспорта, 1821 г.]. С. 397—399: Л. В. Лобзова. На улице Антоновской, 19. [Дом-музей А. С. Пушкина в Кишиневе].
- Паустовский К. Г. Михайловские розги // Паустовский К. Г. Муза странствий. М.: Сов. Россия, 1988. С. 295—303. (Б-ка рус. худож. публицистики).
 Написано в 1936 г.
 Впервые // Красная новь. 1938. № 7. С. 112—117.
- Пахарева Г. В. Прикосновение к тайне: Опыт сравнительного анализа стихотворений А. С. Пушкина и А. А. Блока // Рус. яз. и лит. в сред. учеб. заведениях УССР. 1988. № 9. С. 76—77.
 К «Керн» («Я помню чудное мгновенье...») и стихотворение Блока «О доблестях, о подвигах, о славе...».
- Певзнер Л. И. А. С. Пушкин в русской и советской иллюстрации // Искусство. 1988. № 2. С. 71.
 Рец. на кн.: А. С. Пушкин в русской и советской иллюстрации: В 2 т. М.: Книга, 1987.
- Пеньковский А. Б. Тимофеевич или Никифорович? // Рус. речь. 1988. № 3. С. 25—30.
 Замена Пушкиным отчества героя «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя в дневниковой записи от 3 декабря 1833 г.
- Первый Ленский Лемешева [в Оперной студии им. К. С. Станиславского, 1925 г.] // Муз. жизнь. 1988. № 18. 3 с. обл.: фото.
 Воспоминания С. Я. Лемешева о К. С. Станиславском — постановщике «Евгения Онегина».
- Песков В. М. Проселки. М.: Мол. гвардия, 1988. 263 с.: ил. (Отечество: Старое. Новое. Вечное).
 С. 61—64: «Тихоструйная Сороты». [Написано в 1982 г. Впервые // На суше и на море. М., 1985. С. 163—167]. С. 101—107: «В Михайловском». [Написано в 1984 г.].
- Петров С. М. Литературно-эстетические взгляды А. С. Пушкина // А. С. Пушкин о литературе: Избр. М.: Дет. лит., 1988. С. 3—16.
- Петрова М., Самойлов Д. Загадка Ганнибалова древа // Вопр. лит. 1988. № 2. С. 187—192.
 Предполагаемое родство И. Ф. и Н. Ф. Анненских с Пушкиным по линии П. А. Ганнибала.
- Петрунина Н. Н. Проза Пушкина: (Пути эволюции): Автореф. дис... д-ра филол. наук (10.01.01) / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л., 1988. 28 с. Библиогр.: с. 27—28 (22 назв.).
- Писатель и время: Сб. докум. прозы. М.: Сов. писатель, 1988. 527, [1] с.
 С. 4—22: Д. С. Лихачев. «Мне нужен Пушкин, нужен, как Россия». С. 23—26: В. И. Гусев. Свет памяти. С. 27—35: Н. Н. Скатов. Прекрасен наш союз.
- Плетнев П. А. Александр Сергеевич Пушкин // Плетнев П. А. Статьи. Стихотворения. Письма. М.: Сов. Россия, 1988. С. 31—48. (Б-ка рус. критики).
 Впервые // Современник. 1838. Т. 10. № 2. С. 21—32.

- Плотникова В. А. Лексикографический и культурно-исторический аспекты «Словаря к произведениям А. С. Пушкина» // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: Сб. ст. М.: Наука, 1988. С. 145—149.
- Плотникова В. А. Стихотворение А. С. Пушкина «Монастырь на Кавбеке»: (Заметки о композиции и синтаксических конструкциях) // Язык: Система и функционирование: Сб. науч. тр. М.: Наука, 1988. С. 201—207.
- Поварцов С. Н. Над рекой Тишиной: (Молодые годы Леонида Мартынова). Омск: Кн. изд-во, 1988. 150, [2] с.; 8 л. ил.
С. 125—138: «Мной овладело чувство истории». [Традиции Пушкина в поэмах Л. Н. Мартынова].
- «Повод для новой встречи»: Пропаганда творчества А. С. Пушкина средствами рекомендательной библиографии // Библиотекарь. 1988. № 6. С. 58—59.
- Поддубная Р. Н. Сказочный сон Адриана Прохорова: (о специфике новеллистической поэтики «Гробовщика») // Поэтика жанров русской и советской литературы: Межвуз. сб. науч. тр. / Вологод. гос. пед. ин-т. Вологда, 1988. С. 17—34.
- Попова И. «Болдинские чтения» в пушкинский год: [17-е, 1987] // Вопр. лит. 1988. № 4. С. 266—269.
- Попова Н. И. Квартира Пушкина на Мойке, 12 // Панорама искусств. М.: Сов. художник, 1988. [Вып.] 11. С. 266—281: ил., 4 л. ил. между с.: 368—369.
- Порудоминский В. И. Даль и Пушкин // Рус. речь. 1988. № 1. С. 13—18.
Окончание. Начало // Рус. речь. 1987. № 5. С. 31—39; № 6. С. 12—18.
- Последний год жизни Пушкина: Переписка. Воспоминания. Дневники / Сост., вступ. очерки и примеч. В. В. Кунина. М.: Правда, 1988. 700, [1] с.; 8 л. ил.
- Поюрковский Б. Михаил Козаков // Мастера художественного слова. М.: Искусство, 1988. Вып. 2. С. 77—90.
Произведения Пушкина в исполнении Козакова.
- Приходько В. А. Постижение лирики: Очерки. М.: Дет. лит., 1988. 237, [1] с.
С. 30—35: Самые дорогие имена. [Пушкин и Лермонтов]. С. 67—71: «И забываю мир...» [О вдохновении у Пушкина].
- Приют, сияньем муз одетый: [Фотоальбом] / Фотолит. композиция Е. П. Кассина, Г. Д. Расторгуева; Рассказы о Пушкине и Гос. Пушкинском музее-заповеднике С. С. Гейченко; Ред. кн. П. Волков; Вступ. ст. И. Л. Андроникова; Предисл. М. А. Дудина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Планета, 1988. 367 с.: ил.
- Проблемы развития русского фольклора и литературы XII—XX веков: Тез. науч. конф. молодых ученых и специалистов, 6—7 апр. 1988 г. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л., 1988.
С. 31—33: Ильичев А. В. «Зачем кружится ветр в овраге»: источник, поэтика, концепция поэзии и поэта. С. 35—37: Мартынов В. А. «Словесность и торговля»: (Любомудры о связях литературы и общества). [Полемика с Пушкиным]. С. 37—38: Хватова М. А. Ода А. С. Пушкина «Вольность» и стихотворение Н. И. Гнедича «Перуанец к испанцу»: (Опыт сравнительного анализа).
- Прожогин Н. П. Под миртами Италии прекрасной. М.: Правда, 1988. 59, [2] с. (Б-ка «Огонек». № 52).
С. 3—24: «Бродя в краю чужом». [Поиск могилы Н. А. Корсакова. Впервые // Нева. 1978. № 6. С. 180—188]. С. 24—40: «Переводчик Пушкина Чезаре Боччелла». [Впервые // Временник Пушкинской комиссии. 1978. Л., 1981. С. 60—75. Дополнение: Кто помогал Боччелле переводить Пушкина // Там же. 1980. Л., 1983. С. 142—144]. С. 41—47: «Три портрета Е. К. Воронцовой». [Впервые, в другой ред.: Твой образ миаый // Творчество. 1981. № 9. С. 24—25. О миниатюре М.-В. Жакото; Работа Джорджа Доу(?) // Творчество. 1984. № 7. С. 23—24]. С. 47—52: «Графиня Строганова — «Португалка». [Впервые: Пушкинский поиск в Португалии // Наука и жизнь. 1985. № 8. С. 148—151].
- Прокушев Ю. Л. Дума о России: Избранное. М.: Сов. Россия, 1988. 622, [2] с.
С. 11—16: «Подвиг Пушкина». [Впервые // Прокушев Ю. Л. Подвиг Пушкина. М.: Правда, 1974. С. 3—8]. С. 32—48: Россия Пушкина. Россия Есенина. [Впервые // Прокушев Ю. Л. Даль памяти народной. М.: Сов. Россия, 1983. С. 27—42].
- Пугачев В. В. О полемике вокруг пушкинского послания В. Ф. Раевскому:

(К спорам о пушкинском понимании нравственной сущности человека) // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли: К 65-летию Ю. М. Лотмана: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1988. Вып. 5. С. 161—174.

«Ты прав, мой друг, напрасно я преврел...».

Пушкарева Н. К. Памятник А. С. Пушкину в Москве // Рус. яз. в нац. шк. 1988. № 11. С. 45—48.

А. С. Пушкин: Метод. рекомендации по проведению пушкинского вечера / Добро-во любителей кн. КиргССР. Фрунзе: Кыргызстан, 1988. 22, [1] с.

Пушкин и киргизская культура.

Пушкин в Лицее: [Заочная экскурсия] // Рус. яз. в эст. шк. 1988. № 1. С. 55—57, ил. между с. 32—33.

Пушкин в памяти поколений // Художник. 1988. № 6. С. 48—53: ил.

Художественная выставка в Центральном выставочном зале в Москве.

А. С. Пушкин в произведениях советских художников: Живопись, графика: [Каталог выставки] / Авт. ст. и сост. А. С. Девিশева. М.: Сов. художник, 1988. [32 с.]: ил.

А. С. Пушкин и художественная культура Дагестана: Сб. ст. / Даг. филиал АН СССР. Ин-т ист., яз. и лит. им. Г. Цадасы. Махачкала, 1988. 104, [2] с.

Содерж.: А. М. Абдурахманов. От составителя. — Г. Г. Гамзатов. А. С. Пушкин и Кавказ: некоторые аспекты и проблемы. Х. М. Халилов. Фольклор народов Северного Кавказа и Пушкин. Г. Г. Ханмурзаев. Особенности отражения национального характера горца и принципы его художественного раскрытия в поэме А. С. Пушкина «Тазит». Г. Б. Мусаханова. Традиции Пушкина и творчество Расула Гамзатова. У. А. Батырова. Некоторые параллели повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» и романа А.-Г. Ибрагимова «Аманхор». Б. М. Магомедгаджиева. «Каменный гость» А. С. Пушкина на сцене Кумынского театра. Э. Ю. Кассиев. Поэзия А. С. Пушкина на лакском языке. А.-Г. С. Гаджиев. Произведения А. С. Пушкина в дореволюционном Дагестане (по материалам архивов и печати). Л. Н. Седова. Произведения А. С. Пушкина на языках народов Дагестана. — II. [Стихотворения дагестанских поэтов о Пушкине]. — Список литературы по теме «А. С. Пушкин и дагестанская литература».

«Пушкин» на сцене «Блумсбери» // Иностран. лит. 1988. № 6. С. 247.

Спектакль по пьесе Р. Крейна. (Реферат рецензии Э. Файнштейн в журнале «Таймс литерари саппламент»).

Пушкинские места: Путеводитель: В 2 ч. / Сост. Н. А. Тархова. М.: Профиздат, 1988. Рец. на англ., исп., фр., нем. яз.

Ч. 1. 346, [4] с.: ил. Содерж.: Д. С. Лихачев. Музы не умирают. Н. М. Волович. Москва и Подмосковье. Н. И. Попова. Ленинград и его пригороды. В. С. Бозырев. Псковский край. Л. Ф. Керцелли. Верхневолжье. Т. Н. Кезина. Болдинская земля.

Ч. 2. 345, [5] с.: ил. Содерж.: Н. А. Тархова. Крым. Л. А. Щербина, М. Г. Хазин. Украина и Молдавия. И. С. Богомолов, К. В. Айвазян. Кавказ и Закавказье. Тархова Н. А. Поволжье и Урал.

Пушкинский праздник-88 // Свет в степи. Элиста, 1988. № 4. С. 24.

Литературный праздник в Элисте 6 июня 1988 г.

Пушин И. И. Записки о Пушкине. Письма / Вступ. ст., сост. и коммент. М. П. МIRONENKO, С. В. МIRONENKO. М.: Худож. лит., 1988. 558, [1] с.; 9 л. ил. С. 31—76: И. И. Пушин. Записки о Пушкине. С. 82—83: Письма А. С. Пушкину. С. 406—414: М. И. Пушин. Встреча с Пушкиным за Кавказом.

Пьянов А. С. Поездка в Берново // Пьянов А. С. Поездка в Берново. М.: Правда, 1988. С. 13—21. — Б.-ка «Огонек». № 32).

К. М. Симонов в Берново.

Впервые // Юность. 1985. № 12. С. 98—101.

Рассадин А. П. Н. М. Языков и литературное движение пушкинской эпохи: Автореф. дис... канд. филол. наук: (10.01.01) / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1988. 15 с. Библиогр. с.: 15 (2 назв.).

Рассадин С. Б. Почитаем Пушкина // Октябрь. 1988. № 6. С. 181—189.

Главный герой «Пиковой дамы».

- Рассовская Л. П. Финал трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Содержательность форм в художественной литературе: Межвуз. сб. науч. ст. / Куйбышев. гос. ун-т. Куйбышев, 1988. С. 3—19.
- Ратнер Б. И. О С. В. Ельцине // Ленинградская консерватория в воспоминаниях: В 2 кн. 2-е изд., доп. Л.: Музыка, 1988. Кн. 2. С. 126—131.
Написано в 1970-е гг. Воспоминания о работе С. В. Ельцина со студентами над операми П. И. Чайковского «Пиковая дама» и «Евгений Онегин».
- Рахманова С. Пророчество неслыханных перемен // Сов. музыка. 1988. № 1. С. 46—54.
Постановка оперы М. П. Мусоргского «Борис Годунов» в ленинградском Театре оперы и балета им. С. М. Кирова. Начало // Сов. музыка. 1987. № 12, с. 41—49.
- Рацер Е. Загадки «Каменного гостя» // Сов. музыка. 1988. № 6. С. 86—95, 98—100: ноты.
Опера А. С. Даргомыжского в оркестровке Н. А. Римского-Корсакова.
- Ремизов А. М. Неумный бубен: Роман, повести, рассказы, сказки, воспоминания. Кишинев: Лит. артистикэ, 1988. 598, [1] с.
С. 545—554: «Морозная тьма». [Из кн.: Ремизов А. М. Огонь вещей. Сны и предсонья. Париж: Оплешник, 1954. Содерж.: Живой воды. [О русском литературном языке]. — Дар Пушкина. — Морозная тьма. [Сон героев в произведениях Пушкина]].
- Рогачевский А. Б. Пушкинский замысел повести о стрельце и «Стрельцы» К. П. Масальского // Материалы XXVI Всесоюз. науч. студ. конф. «Студент и науч.-техн. прогресс»: Филология / Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 1988. С. 59—64.
- Рогачевский А. Б. [Рецензия] // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1988. № 4. С. 86—87.
Рец. на кн.: Петрунина Н. Н. Проза Пушкина: (Пути эволюции). Л.: Наука, 1987. 335 с.
- Родосская О. П. Образы графической сюиты: Иллюстрации В. Е. Маковского к произведениям А. С. Пушкина // Ленингр. панорама. 1988. № 2. С. 31—33: ил.
- Розанов В. В. О Пушкинской Академии; Ибсен и Пушкин — «Анджело» и «Бранд»; Домик Пушкина в Москве; Возврат к Пушкину / Подгот. текста и послесл. А. Налепина: «Разноцветная душа» Василия Васильевича Розанова, с. 113—119 // Лит. учеба. 1988. № 1. С. 102—112.
Из кн.: Розанов В. В. Среди художников. СПб., 1914.
- Розанов В. В. А. С. Пушкин / Предисл. В. Сукача // Дон. 1988. № 6. С. 151—160.
Впервые // Новое время. 1899. 26 мая. № 8348. С. 2—3.
- Романычева И. Предки Пушкина в портретах Рокотова // Искусство. 1988. № 5. С. 63—68: ил.
- Рылеев К. Ф. Письма к А. С. Пушкину // Рылеев К. Ф. Сочинения. М.: Правда, 1988. С. 295—302.
- Садыбакасова Г. К. Углубленное сопоставительное чтение русских стихов: (Оригинал и художественные переводы «Памятника» А. С. Пушкина в VIII классе) / Ст. подгот. при участии К. Х. Джидеевой // О преподавании русского языка и литературы в киргизской школе: Сб. ст. / Кирг. НИИ педагогики. Фрунзе: Мектеп, 1988. Вып. 12. С. 71—86.
- Сажин В. Н. Пушкин и цензурная реформа 1860-х годов // Функционирование русской литературы в разные исторические периоды. Тарту, 1988. С. 17—22. (Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 822; Тр. по рус. и слав. филологии: Литературоведение).
- Сазыкин А. С. Изучение советской поэзии в старших классах средней школы: Учеб. пособие по спецкурсу. Новосибирск, 1988. 78, [2] с.
С. 13—22: Гл. 2. Пушкинская романтическая традиция в стихотворениях Э. Багрицкого.
- Сайтанов В. А. [Рецензия] // Вопр. лит. 1988. № 2. С. 248—252.
Рец. на кн.: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследования и материалы / Вступ. ст. и коммент. Я. Л. Левкович. М.: Книга, 1987. 576 с.

- Сапожков С. В. Жанровое своеобразие сказок А. С. Пушкина 1830-х годов: (Проблема цикла): Автореф. дис... канд. филол. наук: (10.01.01) / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1988. 16 с. Библиогр. с.: 15—16 (4 навз.).
- Саркисян С. «Путешествие в Арврум» // Муз. жизнь. 1988. № 14. С. 4—5: ил.
Постановка оперы по мотивам произведения Пушкина в Ереванском театре оперы и балета им. А. Спендиарова. Музыка Э. Оганесяна, либретто Э. Оганесяна и Г. Ансимова.
- Сахаров В. И. «Оставь нас, гордый человек...»: (Пушкин и романтический герой) // Сахаров В. И. Страницы русского романтизма: Кн. статей. М.: Сов. Россия, 1988. С. 116—129.
- Сахаров В. И. «Слово о полку Игореве» в литературно-критических воззрениях А. С. Пушкина // «Слово о полку Игореве»: Комплексные исслед. / АН СССР. Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1988. С. 307—314.
- Сваровский Н. Н. Пушкин и мы // Наука в СССР. 1988. № 3. С. 106—115.
29-я Всесоюзная Пушкинская конференция (Л., 1987).
- Светлое имя Пушкин: Проза, стихи, пьесы о поэте / Сост. и коммент. В. В. Кунина. М.: Правда, 1988. 605, [1] с.
Произведения русских и советских писателей с 1837 по 1986 гг.
- Свободин А. Пушкинская роль Андроникова // Слово лектора. 1988. № 11. С. 55—61. Послесл. от ред.
Телепередача «Тагильская находка».
- Семенов О. С. Иван Билибин: Рассказ о художнике-сказочнике 2-е изд. М.: Дет. лит., 1988. 86, [1] с.: ил.
С. 51—54: «Три девицы под окном пряли поздно вечерком...». С. 55—65: «Я там был...». [Иллюстрации к «Сказке о царе Салтане». С. 73—87: «Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок!». [Иллюстрации к «Сказке о золотом петушке» и эскизы костюмов и декораций к опере Н. А. Римского-Корсакова].
- Семибратова И. В. «То в коляске, то верхом...»: Путешествие А. С. Пушкина по России // Турист. 1988. № 6. С. 14—16.
- Сергеев М. Д. Нота бене // Библиофил Сибири. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. Вып. 1. С. 298—318.
Тема «Пушкин и Молдавия» в исследованиях Г. Ф. Богача. Предполагаемая помета Пушкина на странице рукописи «Молдавский летописец» (1773 г.) В. Мазерана (Мззеряну) с записью молдавских сказаний «Дафна и Дабига» и «Дука», хранящейся в библиотеке Иркутского университета.
- Серебряков К. Б. Путешествие к поэту // Серебряков К. Б. Приближение прошлого: Очерки. Встречи. Воспоминания. М.: Сов. писатель, 1988. С. 222—243.
Написано в 1974 г. Пушкин на Кавказе в 1829 г.
Впервые // Звезда. 1981. № 6. С. 165—174.
- Серов А. Н. Статьи о музыке: В 7 вып. Вып. 4: 1859—1860. М.: Музыка, 1988. 442, [1] с. (Рус. клас. муз. критика).
С. 99—104: «„Мазепа“. Опера барона Б. А. Фитингофа». [Впервые // Театр. и муз. вестник. 1859. 10 мая. № 18]. С. 285—312: «Жизнь за царя» и «Руслан и Людмила». [Оперы М. И. Глинки. Впервые // Рус. мир. 1860. 1 сент. № 67].
- Силантьев И. В. К вопросу о жанре «Пиковой дамы» А. С. Пушкина // Материалы XXVI Всесоюз. науч. студ. конф.: «Студент и науч.-техн. прогресс». Филология / Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 1988. С. 70—75.
- «Сия пустынная страна священна для души поэта...» / Авт. текста М. Г. Хазин. Кишинев: Тимпул, 1988. Буклет.
Пушкин в Молдавии.
- Сквозников В. Д. Биографический аспект в содержании поэтического произведения // Методология анализа литературного произведения. М.: Наука, 1988. С. 86—107.
Высокая степень присутствия личности в лирике Пушкина. «Воспоминания в Царском Селе» (1815, 1829).
- Михаил Скорюльский: Воспоминания. Письма. Материалы. Киев: Муз. Украина, 1988. 325, [1] с.; 10 л. ил.
С. 239—241: «Дубровский». [Постановка оперы Э. Ф. Направника в Киевском театре оперы и балета им. Т. Г. Шевченко. Впервые // Пролетар-

- ская правда. Киев, 1941. 2 марта. На укр. яз.]. С. 242—243: «Мазепа». [Опера П. И. Чайковского в исполнении актеров Одесского театра оперы и балета. Впервые // Сов. Украина. 1941. 2 апр.].
- Слово о Пушкине // Перспектива-87: Сб. ст. М.: Сов. писатель, 1988. С. 74—90.
- Выступления Е. А. Исаева, Б. И. Олейника, Ч. Т. Айтматова, И. В. Абашидзе на вечеру памяти Пушкина в Большом театре СССР 1 февр. 1987 г.
- Сюсарь А. А. Баллада А. Пушкина «Песнь о вещем Олеге» и летописное сказание // Вопросы литературы народов СССР: Респ. межвуз. науч. сб. / Одес. гос. ун-т им. И. И. Мечникова. Киев; Одесса: Выща шк., 1988. Вып. 14. С. 27—40.
- Смирнов А. А. «Арион» А. С. Пушкина как романтическое произведение // Романтизм. Открытия и традиции: Межвуз. сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1988. С. 87—91.
- Смирнов А. А. Лирика Пушкина: Принципы анализа поэтического идеала: Учеб.-метод. пособие для студентов филол. фак. гос. ун-тов. М.: Изд-во МГУ, 1988. 76, [2] с.
- Содерж.: Краткий очерк изучения лирики Пушкина. Принципы анализа художественного образа в лирике Пушкина. Понятие романтического идеала в лирике Пушкина. Роль Батюшкова в становлении романтизма Пушкина. Роль Жуковского в становлении романтизма Пушкина. Романтический принцип «самовыражения» в лирике В. А. Жуковского. Ранние формы утверждения романтического идеала в лирике Пушкина. Концепция «судьбы поэта» в стихотворении «Арион» как форма утверждения романтического идеала: (Опыт целевого анализа отдельного лирического стихотворения). Литература.
- Смирнов А. А. Пушкинский вечер в московском университете [26 февр. 1987 г.] // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 1988. № 1. С. 78—81.
- Смирнова Е. И. А. С. Пушкин и Оружейная палата Московского Кремля // Памятники Отечества. 1988. № 2 (18). С. 28—29.
- Смольников И. Пушкин-баталист // Хочу все знать: Науч.-худож. сб. Л.: Дет. лит., 1988. С. 287—295: ил.
- Собиратели книг в России. Вторая половина XIX века / Сост. Л. М. Равич. М.: Книга, 1988. 295, [1] с.: ил. (Деятели книги).
- С. 38—39: А. Н. Афанасьев. Письмо к М. Ф. Де-Пуле от 12 ноября 1858 г. [Отрывок о статье Пушкина «Александр Радищев». Впервые // Сов. библиогр. 1971. № 6]. С. 140—145: Е. И. Якушкин. Неизданные записки о Пушкине [И. И. Пушина. Впервые // Библиогр. зап. 1858. № 8]. По поводу последнего издания сочинений А. С. Пушкина. [Впервые // Библиогр. зап. 1858. № 10]. Проза А. С. Пушкина. [Фрагменты. Написано в соавт. с А. Н. Афанасьевым. Впервые // Библиогр. зап. 1859. № 5—6]. Письмо к П. А. Ефремову от 27 янв. 1860 г. [Отрывок об издании «Записок о Пушкине» И. И. Пушина].
- Соболевская О. С. К. С. Станиславский работает, беседует, отдыхает. М.: Союз театр. деятелей РСФСР, 1988. 366, [1] с., 32 л. ил.
- С. 162—180: «Пиковая дама». С. 272—313: VII. «Евгений Онегин». [О постановках Станиславским опер П. И. Чайковского].
- Современник, литературный журнал А. С. Пушкина: 1836—1837: Избр. страницы / Сост., вступ. ст., примеч. и словарь С. А. Кибальника. М.: Сов. Россия, 1988. 380 с.
- Соллогуб В. А. (О А. С. Пушкине): [Из «Воспоминаний»] // Соллогуб В. А. Повести и рассказы. М.: Сов. Россия, 1988. С. 321—333.
- Впервые // Рус. архив. 1865. № 5—6.
- Средин А. В. Полотняный Завод / Вступ. заметка и публ. А. Басманова и Л. Лукьяновой // Наше наследие. 1988. № 1. С. 105—112: ил.
- Впервые // Старые годы. 1910. Кн. 7—9. С. 80—114.
- Стаменова М. И. А. С. Пушкин // Методика преподавания русской литературы в таджикской школе: Пособие для учителей и студентов вузов. 2-е изд., испр. и доп. Душанбе: Маориф, 1988. Ч. 2: VIII—X классы. С. 171—186.
- Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. М.: Искусство, 1988. 621, [1] с.; 32 л. ил. (Станиславский К. С. Собр. соч. В 9 т. Т. 1).
- С. 172—175: «Два шага назад: „Каменный гость“ и „Коварство и любовь“». С. 449—456: «Актер должен уметь говорить: Пушкинский спектакль».

- [МХТ, 1914 г. Композиция из трагедий «Каменный гость», «Пир во время чумы», «Модарт и Сальери». Режиссер В. И. Немирович-Данченко, художник А. Н. Бенуа. Станиславский в роли Сальери].
- Старкова З. С. Содружество искусств на уроках литературы: Из опыта работы: Кн. для учителя М.: Просвещение, 1988. 159, [1] с.: ил.
С. 7—52: 1. «Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы». [Искусство реалистического портрета, три типа лиризма у Пушкина и Лермонтова].
- Стеллиферовский П. А. Евгений Абрамович Баратынский: Кн. для учащихся ст. кл. сред. шк. М.: Просвещение, 1988. 206, [2] с. (Биограф. писателя).
С. 114—143: «Как младший к старшему». [В гл. 3: Кумиры сердца].
- Степанов Г. В. Образный строй лирики Пушкина // Степанов Г. В. Язык. Литература. Поэтика. М.: Наука, 1988. С. 169—176.
Написано в 1978 г.
- Строганов М. В. «Кандид» Вольтера в «Руслане и Людмиле» Пушкина // Художественное восприятие: Проблемы теории и истории: Межвуз. темат. сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1988. С. 62—72.
- Строилова К. «Пиковая дама» // Телевидение. Радио вещание. 1988. № 6. С. 46—47: ил.
Телеспектакль в постановке П. Фоменко.
- Студнева А. И. Синтаксис художественной прозы А. С. Пушкина: Учеб. пособие по спецкурсу / Волгогр. гос. пед. ин-т им. А. С. Пушкина. Волгоград, 1988. 107, [3] с.
- Студнева А. И. Сравнения в художественной прозе А. С. Пушкина // Художественная речь: Общее и индивидуальное: Межвуз. сб. науч. тр. / Куйбышев. гос. пед. ин-т им. В. В. Куйбышева. Куйбышев, 1988. С. 98—107.
- Стыркас И. Н. Комментированное чтение художественных произведений в старших классах узбекской школы: Пособие для учителя. Ташкент: Ўқитувчи, 1988. 104 с.
С. 79—90: «Повесть А. С. Пушкина „Дубровский“».
- Сурат И. З. [Рецензия] // Вопр. лит. 1988. № 1. С. 249—251.
Рец. на кн.: Черейский Л. А. Пушкин и Северный Кавказ. Ставрополь, 1986. 110 с.
- Табенцкая С. Б. К Пушкину через современное искусство: Выразительное чтение лирических произведений [на уроках литературы в 5—7 кл.] // Рус. яз. и лит. в сред. учеб. заведениях СССР. 1988. № 10. С. 25—28.
Рец.:
Корякушкина В. А. К Пушкину ли ведет современное искусство? // Рус. яз. и лит. в сред. учеб. заведениях СССР. 1989. № 11. С. 11—14.
- Тамарченко Н. Д. Типология реалистического романа: На материалах классических образцов жанра в русской литературе XIX в. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 195, [2] с.
С. 67—102: Гл. II. Пушкин и пути развития русского классического романа. С. 147—179; Гл. IV. Тургенев и пушкинская «мера» романа.
- Тарасов Л. М. Даргомыжский в Петербурге. Л.: Лениздат, 1988. 238, [2] с.; 16 л. ил. (Выдающиеся деятели науки и культуры в Петербурге, Петрограде, Ленинграде).
С. 118—129: «Ни шагу без тевки!..» [Романсы на стихи Пушкина]. С. 130—161: «Русалка». С. 211—235: «Буду писать оперу без арий...» [«Каменный гость»].
- Таск С. Папесса Иоанна: (Драматические сцены): Попытка прочтения пушкинской «Папессы» // Стихи этого года. Поэзия молодых: Сб. М.: Сов. писатель, 1988. С. 319—344.
- Тимофеевский А. П. Пророк: Сценарий мультипликационного фильма // Киносценарии: Лит.-худож. альм. М., 1988. № 3. С. 134—141.
- Тихомиров В. Н. Русско-зарубежные литературные связи: Учеб. пособие для студентов вузов по специальности «Рус. яз. и лит.» / Запорож. гос. ун-т. Киев, 1988. 74, [1] с.
С. 12—34: Тема 1. А. С. Пушкин и западноевропейская литература. [Вольтер, Мольер, Байрон, В. Скотт, Шекспир].

- Тихонов Н. С. Пушкин и советская поэзия // Тихонов Н. С. Дело жизни. М.: Сов. Россия, 1988. С. 78—97. (Писатели о творчестве).
Написано в 1937—1944 гг.
- Токарева Е. А., Шуканов А. Г. Пособие по пропедевтическому курсу русской литературы: Учеб. пособие для студентов нац. групп филол. спец. пед. ин-тов. Алма-Ата: Мектеп, 1988. 169, [2] с.
С. 17—35: «А. С. Пушкин». [О лирике].
- Томилов В. Г. Борьба с неосоциализмом в русской литературе. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1988. 204, [2] с.
С. 24—45: «А. С. Пушкин».
- Тормозова Л. И. Улица Карла Маркса, 36. М.: Моск. рабочий, 1988. 63, [1] с.; 8 л. ил. (Биограф. Моск. дома).
С. 10—23: «Дядя и племянник» [Пушкины]. С. 24—29: «Вот я вас!» [В. Л. Пушкин]. С. 30—34: «Премилая старушка». [А. С. Пушкин в доме В. Л. Пушкина]. С. 34—38: «Завещание» [В. Л. Пушкин].
- Тынянов Ю. Н. Пушкин / Послесл. Б. О. Костелянца. М.: Книга, 1988. 542, [2] с.
- Тынянов Ю. Н. Пушкин / Вступ. ст. В. А. Каверина; Примеч. Б. О. Костелянца. М.: Моск. рабочий, 1988. 572, [2] с.
С. 5—13: В. А. Каверин. Юрий Тынянов и его роман «Пушкин».
- Тынянов Ю. Н. Пушкин / Предисл. Вл. Новикова; Примеч. Б. Костелянца. Алма-Ата: Мектеп, 1988. 540, [1] с.
С. 5—16: В. Новиков. Путь к Пушкину.
- Тынянов Ю. Н. Пушкин: Роман / Вступ. ст. В. А. Каверина; Примеч. Б. О. Костелянца. Минск: Юнацтва, 1988. 586, [2] с.
С. 3—12: В. А. Каверин. Юрий Тынянов и его роман «Пушкин».
- Тынянов Ю. Н. Пушкин / Примеч. Б. О. Костелянца. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1988. 494, [2] с.
- Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения / АН ЛатвССР. Ин-т филос. и права. Рига: Зинатне, 1988. 330, [1] с.
С. 29—49: Ю. М. Лотман. Из размышлений над творческой эволюцией Пушкина (1830 г.). С. 50—60: Е. В. Душечкина. Автохарактеристика «Цыган»: святочный сюжет в полемическом контексте. С. 61—69: А. Л. Осповат. «Олегов щит» у Пушкина и Тютчева (1829 г.).
- Тышко С. В. Национальный идеал и национальный стиль: (Редакции оперы «Борис Годунов» в контексте пушкинской традиции) // Из истории национальных оперных школ: Сб. науч. тр. / Киев. гос. консерватория им. П. И. Чайковского. Киев, 1988. С. 3—22.
Опера М. П. Мусоргского в редакции Н. А. Римского-Корсакова.
- Уварова И. В. Эстетические взгляды Пушкина и его стихи о поэте и поэзии / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 1988. 19 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 33014 от 10.03.88.
- Уртминцева М. Г. Изобразительное искусство на уроках литературы в 5 классе: (при формировании теоретико-литературного понятия «эпите») // Эстетическое воспитание молодежи: (Тез. науч.-практ. конф.) Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Горький, 1988. С. 42—47.
На примере изучения стихотворения «Зимнее утро».
- Фаворский В. А. Литературно-теоретическое наследие. М.: Сов. художник, 1988. 586, [1] с.: ил.
С. 346—351: «О работе над гравюрами к „Маленьким трагедиям“ Пушкина». [Выступление 22 дек. 1960 г. на творческом вечере секции графики Московского Союза художников. Впервые, в сокращении // Московский художник: [Газета]. 1961. № 2]. С. 353—355: «О том, как я оформлял „Бориса Годунова“ Пушкина». [Написано в 1963 г. Впервые // Лит. Россия. 1965, 1 янв.; в другой редакции // Фаворский В. А. Рассказы художника-гравера. М., 1965. С. 76—86]. С. 365—367: «О „Домике в Коломне“ А. С. Пушкина». [«Из Бесед с искусствоведом Г. С. Левитиным», 19 мая 1961 г.]. С. 377: «О „Домике в Коломне“ А. С. Пушкина». [«Из бесед с кинорежиссером Ф. А. Тяпкиным». Впервые, в сокращении // Фаворский В. А. О худож-

нике, о творчестве, о книге. М., 1966. С. 77—78]. С. 502—503: «Для Пушкинского музея». [Написано в 1963 г. для авторской выставки во Всесоюзном музее Пушкина. Частично опубликовано // Книга о Владимире Фаворском. М., 1967].

Фалилеева А. «Духовной жаждою томим» // Лит. Армения. 1988. № 2. С. 88—91.
Спектакль «Маленькие трагедии» в Театре им. Моссовета, реж. А. Хандиан.

Федоров В. Д. Наш Пушкин: 175 лет со дня рождения великого русского поэта // Собр. соч.: В 5 т. М.: Современник, 1988. Т. 4. С. 50—61.

Впервые // Федоров В. Д. По главной сути. М.: Современник, 1978. С. 463—477.

Федоров В. Д. С Пушкиным на балу: [Рассказ] // Федоров В. Д. Сны поэта. М.: Сов. писатель, 1988. С. 185—194.

Впервые // Москва. 1982. № 7. С. 115—120.

Федосеев Н. Г. Романтическая поэма и эволюция русского реалистического романа («Евгений Онегин» А. С. Пушкина, «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова, «Кто виноват?» А. И. Герцена, «Рудин» И. С. Тургенева): Автореф. дис... канд. филол. наук (10.01.01) / ЛГУ им. А. А. Жданова Л., 1988. 17 с. Библиогр. с.: 17 (2 назв.).

Фесенко Ю. П. «Путешествие в Арарат во время похода 1829 года» А. С. Пушкина и «Болгарка» В. И. Даля // Творческое наследие В. И. Даля в идейно-нравственном формировании личности: Тез. докл. и сообщ. четвертых Далевских чтений. Ворошиловград, 1988. С. 30—31.

Филатов П. С. С. Т. Аксаков и А. С. Пушкин // Аксаковские чтения. Абрамцево, 1988. Вып. 1. С. 46—48.

Филин М. Под сенью кулис: Секретная записка о театре пушкинской поры, которая, однако, кое в чем актуальна и поныне // Театр. жизнь. 1988. № 21. С. 15, 19, 20.

Публикуется «Записка о Театральной школе, пьесах, абонементе, протекциях, репертуаре, гардеробе и пьесах, выбранных для двора», составленная Е. А. Хотьинцевой 26 ноября 1826 г.

Филин М. «Противоречий очень много»: (Загадки первой главы романа «Евгений Онегин») // Лит. в шк. 1988. № 2. С. 14—17.

Фирсова И. С. А. С. Пушкин глазами Ю. Н. Тынянова. Дрогобыч, 1988. 20 с. Библиогр. с.: 19—20. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 36586 от 30.12.88.

Флоренский П. А. О литературе / Публ. П. В. Флоренского и др. // Вопр. лит. 1988. № 1. С. 153—176.

Содерж.: Из писем семье. Об А. С. Пушкине и литературе [1931—1937]. Из автобиографических воспоминаний. [Восприятие творчества Пушкина в детстве и юности. Записано в 1920, 1923 гг.]. Имена. [Написано в 1923—1926 гг. В разделе II: «„Цыганы“ — есть поэма о Мариуле»].

Фоменко И. В. Романтизм и жанрообразование в лирике: К интерпретации пушкинских «Подражаний Корану» // Романтизм. Открытия и традиции: Межвуз. сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т. Калинин. 1988. С. 91—104.

Фоменко О. Набережная Мойки, 12... // Турист. 1988. № 3. С. 30—31.

Франк С. Л. Пушкин об отношении между Россией и Европой / Предисл. от ред.; Послесл. Ю. П. Сенокосова: «Самобытность» и «превосходство», с. 156—160. // Вопр. философии. 1988. № 10. С. 147—155.

Фридкин В. М. Записки Каролины Собаньской // Наука и жизнь. 1988. № 12. С. 140—144.

Фридкин В. М. Пропавший дневник Пушкина // Отчизна. 1988. № 12. С. 62—63: фото.

Впервые, в расширенной редакции // Наука и жизнь. 1983. № 3. С. 86—92.

Фрицман Л. Г. Декабристы и русская литература. М.: Худож. лит., 1988. 301, [2] с.

С. 89—112: «Пушкин». [В ч. 1-й: Современники].

Хализев В. Е. Восьмая глава «Евгения Онегина»: (Опыт интерпретации) // Лит. в шк. 1988. № 3. С. 12—19, 30.

Хандрос Б. Н. Приглашение в дорогу // Радуга. Киев, 1988. № 9. С. 152—155.

- Рец. на кн.: В. Н. Гоцуленко. Дорога к Пушкину: Стихи и поэма — фантазия. Киев: Молодь, 1987. 238 с.: ил.
- Ханмурзаев Г. Г. Русские писатели XIX в. о Дагестане: Изображение национального характера горца. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1988. 127, [1] с.
С. 7—96: Гл. 1. Проблема романтического героя. [«Кавказский пленник» в сопоставлении с произведениями А. А. Шишкова, А. А. Бестужева, М. Ю. Лермонтова].
- Хармс Д. И. Литературные анекдоты [о Пушкине] // Сов. библиография. 1988. № 1. С. 95.
- Хармс Д. И. Полет в небеса: Стихи. Проза. Драммы. Письма. Л.: Сов. писатель, 1988. 558, [1] с. (Наследие).
С. 360: «Пушкин и Гоголь». С. 392—393: «Анекдоты из жизни Пушкина».
- Хармс Д. И. Пушкин и Гоголь: Рассказ из цикла «Случаи» / Публ. М. Б. Мейлаха // Радуга. Таллинн, 1988. № 7. С. 28—29.
- Ходасевич В. Ф. О чтении Пушкина. Глуповатость поэзии / Предисл. В. Перельмутера // Лит. Армения. 1988. № 6. С. 94—101; Предисл. с.: 93—94.
- Ходоров А. Как работал гений // Нева. 1988. № 2. С. 165—166.
Рец. на кн.: Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л.: Наука, 1986. 302 с.
- Цветаева М. И. Мой Пушкин // Цветаева М. И. Мой Пушкин; Высоцкий В. С. Стихи; Ахматова А. А. Стихотворения; Волошин М. А. Стихотворения; Северянин И. Стихотворения. М.: Книга, 1988. С.: 1-94, 1-й паг. (Сделай сам, научи других: Б-чка журн. «Полиграфия»);
Мини-книга, напечатанная в журн. «Полиграфия» (1987, № 1—3).
- Цветаева М. И. Мой Пушкин. Баку: Язычы, 1988. 280, [6] с.: ил.
С. 2—37: Мой Пушкин. С. 38—63: Пушкин и Пугачев.
- Цветаева М. И. Мой Пушкин // Цветаева М. И. Соч.: В 2 т. Минск: Нар. асвета, 1988. Т. 2. С. 290—354.
С. 290—327: Мой Пушкин. С. 327—354: Пушкин и Пугачев.
- Чагин Г. В. Федор Иванович Тютчев: (185 лет со дня рождения). М.: Знание, 1988. 63 с. (Новое в жизни, науке, технике. Сер. Литература; № 8).
С. 21—25: «Тебя ж, как первую любовь...».
- Челышев Б. Д. Литературные маршруты Молдавии. Кишинев: Тимпул, 1988. 227 с.: ил.
С. 74—97: «Здесь, лирой северной пустыни оглашая, скитался я...».
С. 98—106: «Узник тираспольской крепости В. Ф. Раевский». С. 107—117: «Путешествуя с А. Ф. Вельтманом».
- Черейский Л. А. Пушкин и его окружение / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкинская комис. 2-е изд., доп. и перераб. Л.: Наука, 1988. 543, [1] с.
1-е изд.: Л., 1976.
- Чернов А. Ю. По вспышке света // Огонек. 1988. № 6. С. 6—8: ил.
Пушкин о месте захоронения декабристов.
- Чехановец Я. [Пушкиниана художника Ю. Шабанова] // Аврора. 1988. № 6. С. 160; ил. на 3 с. обл.
- Чижова И. Б. «Души волшебное светило...». Л.: Лениздат, 1988. 351 с.: ил.
Женщины пушкинского времени.
- Чуковский К. И. Онегин на чужбине / Послесл. Е. Чуковской // Чуковский К. И. Высокое искусство. М.: Сов. писатель, 1988. С. 324—345.
То же // Дружба народов. 1988. № 4. С. 246—257.
- Чумаков Ю. Н. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина и русский стихотворный роман XIX — начала XX веков: Вопросы исторической поэтики жанра: Автореф. дис... д-ра филол. наук: (10.01.01) / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1988. 35 с. Библиогр. с.: 34—35 (22 назв.).
- Чэнь Сюньмин. Су Ши и Пушкин о вдохновении // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока: (Алексеевские чтения): Тез. тринадцатой науч. конф. М., 1988. М.: Наука, 1988. Ч. 2. С. 262—263.
- Шаталова Л. «Москва... как много в этом звуке» // Студ. меридиан. 1988. № 3. С. 58—59: ил.
Рисунок Покровского замка в рукописи «Евгения Онегина».

- Шейман Л. А., Соронкулов Г. У. Пробуждение интереса к чтению русской лирики // Рус. яз. в нац. шк. 1988. № 7. С. 35—37.
На примере лирики Пушкина и К. М. Симонова.
- Шек А. В., Блоштейн Е. А. А. С. Пушкин и народно-поэтическое творчество: (Учеб. пособие). Самарканд, 1988. 142, [2] с.
Содерж.: Введение. 1. Значение и место Пушкина в истории России и русской литературы. Факторы, определившие народность Пушкина. 2. Этапы развития фольклористической деятельности Пушкина. Что такое пушкинский фольклоризм? 3. Теоретические воззрения Пушкина на природу народно-поэтического творчества и характер его взаимодействия с национальной литературой. 4. Деятельность Пушкина как собирателя и пропагандиста русского народно-поэтического творчества. 5. Пушкин — замечательный знаток мирового фольклора, знаток и ценитель фольклора народов и народностей России. 6. Влияние народной поэзии на мировоззрение Пушкина, становление его народности и реализма. 7. Взаимодействие творчества Пушкина с народным творчеством. 8. Значение народности Пушкина в последующем развитии отечественной литературы. Народность Пушкина и советская литература.
- Шестакова Н. Театр пушкинских времен // Театр. 1988. № 12. С. 173—174.
Крепостной театр Н. Б. Юсупова в Москве.
- Шесталов Ю. Н. Я читаю Пушкина // Сиб. огни. 1988. № 6. С. 167—168.
- Ширинкин В. И. К вопросу о типе литературно-критической оценки в рецензиях А. С. Пушкина // Типология литературного процесса: (На материале русской литературы XIX века): Межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького. Пермь, 1988. С. 42—53.
- Шифферс Е. Е. Воспитание сердца // Эстетическое воспитание и экология культуры: Сб. ст. / Союз художников СССР. М., 1988. С. 214—219.
«Я памятник себе воздвиг нерукотворный» как модель Вселенной.
- Шкляревский Г. И. «Милые, любите Пушкина!» // Рус. речь. 1988. № 3. С. 13—19.
С. Я. Маршак о Пушкине.
- Шмидт С. О. А. С. Пушкин и «Слово о полку Игореве» // Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988. С. 169—174.
- Шолохов С. Л. От пьесы к фильму: («Моцарт и Сальери» А. С. Пушкина на сцене и на экране) // Кино и современная культура: Сб. науч. тр. / Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии им. Н. К. Черкасова. Л., 1988. С. 135—148.
- Шолохов С. Л. «Пушкинский спектакль» в постановке А. Бенуа на сцене МХТ (1915 год) // Русский театр и драматургия 1907—1917 годов: Сб. науч. тр. / Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии им. Н. К. Черкасова. Л., 1988. С. 112—133.
Композиция из трагедий Пушкина «Пир во время чумы», «Каменный гость», «Моцарт и Сальери».
- Штейн А. Л. Еще о народности «Евгения Онегина»: [Очерки] // Штейн А. Л. На вершинах мировой литературы. М.: Худож. лит., 1988. С. 269—316.
- Шульгин А. В. Атрибутивные семантические окказионализмы в прозе А. С. Пушкина // Лингвистические исследования. 1988: Проблематика взаимодействия языковых уровней: Сб. тр. / АН СССР. Ленингр. отд.-ние Ин-та языкознания. Л., 1988. С. 210—216.
- Эльяш Н. Бросая вызов «дворовости» // Театр. жизнь. 1988. № 14. С. 3—5.
«Маленькие трагедии» в театре-студии «Лица Москвы» в постановке А. Кравцова.
- Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX—XX веков. М.: Сов. писатель, 1988. 414, [1] с.
С. 82—119: «Новое в классике (Державин, Пушкин, Блок в современном восприятии)». [Написано в 1980 г. Впервые: М.: Знание, 1982. 40 с.].
- Юрский С. Пробный камень / Беседу вела Е. Ольхович // Культ.-просвет. работа. 1988. № 7. С. 19—20.
Пушкинский стих в исполнении чтецов.

- Юрьева И., Смирнов Л. «Детская» пушкинского Дома: Захарово // Наше наследие. 1988. № 2. С. 130—139: ил.
- Юсин А. А. Душой исполненный полет... М.: Физкультура и спорт, 1988. 365, [2] с.: ил.
С. 6—46: «И чудную поведал он мне тайну»: История одного поиска. [Спорт в жизни Пушкина].
- Янушкевич А. С. В. А. Жуковский: Семинарий. М. Просвещение, 1988. 174, [1] с.
С. 128—130: § 45. А. С. Пушкин и В. А. Жуковский.
- Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. Т. 47. № 3.
С. 221—227: А. Б. Рогачевский. Пушкин о «метафизическом языке». С. 228—235: А. М. Гуревич. Сокровенный смысл «Полтавы». С. 265—270: М. М. Гиршман. О ритмической композиции стихотворений А. С. Пушкина, написанных четырехстопным ямбом. С. 271—274: С. Кусака. О влиянии Пушкина на японскую поэзию. / Послесл. А. И. Мамонова: с. 274—275.
- Русский язык за рубежом. 1988. № 1.
Пушкину посвящается. С. 124—125: Т. Балла Тиборне, Т. Н. Волкова, А. В. Лужановский. Пушкинские чтения в Филиале Института русского языка им. А. С. Пушкина в Будапеште. [9 марта 1987 г.]. С. 125: В. Н. Юдина, Л. Шепелевич. Научная сессия в Варшаве [24 февр. 1987 г., посвящ. 150-летию со дня гибели Пушкина]. С. 125—126: А. Червеняк. Словацкая Пушкиниана. С. 126—127: М. С. Пуиг. Пушкинские дни в Испании [в 1987 г.].

В. Е. ХОЛШЕВНИКОВ

О СТИХОВЕДЧЕСКИХ ПРИМЕЧАНИЯХ К ЛИЦЕЙСКИМ СТИХОТВОРЕНИЯМ ПУШКИНА

Как известно, юбилейное академическое издание Пушкина было своеобразным уникамом среди изданий этого типа. Только седьмой том успел выйти с солидным научным аппаратом. Так как подготовка остальных томов требовала времени, а работа текстологического характера была в основном закончена, издание же требовалось выпустить к юбилею, то «сверху» пришло указание, не подлежащее обсуждению, выпустить издание без научного аппарата.

Поэтому редакция подготавливаемого нового академического издания Пушкина столкнулась с трудностями большими, чем обычно в такого рода работе. За четыре десятилетия наука ушла вперед. Нужно было вновь продумать проблемы текстологические и, главное, практически заново создать научный аппарат издания. То немногое, что уцелело от сделанного учеными, готовившими юбилейное издание, требовало многочисленных дополнений и уточнений. Наконец, надо было продумать самый тип комментариев.

Редакция, полагая, приняла правильное решение: выпустить первый том, включающий лицейские стихотворения, пробным изданием для возможного обсуждения как самих принципов подготовки академического полного собрания сочинений, так и его достоинств и неизбежных недостатков. Целям такого обсуждения одной частной проблемы и служит эта статья.

К несомненным достижениям редакции следует отнести прибавление к традиционным примечаниям развернутого стиховедческого комментария (обычно о том, что автор по неясным соображениям писал не прозой, а стихами, можно было узнать только по цитатам и эпизодическим упоминаниям, что в таком-то стихотворении автор подражал стихотворной форме другого поэта).

Мне была оказана честь составить такой комментарий. Предполагалось, что сведения о стихосложении Пушкина-лицейста, связи его стиха с поэзией предшественников и современников, эволюции стихотворной формы и прочие подобные вопросы будут обобщены в отдельной статье. Такая статья была принята редакцией и не вызвала возражений.

Что касается стиховедческих примечаний к стихотворениям, то здесь у редакции и у меня тоже была общая точка зрения. Комментировать подробно каждое стихотворение, указывая его стихотворный размер, строфическую форму и т.п., нужно в хрестоматии или антологии для учащихся — студентов или школьников. Академическое издание адресовано специалистам-литературоведам или достаточно квалифицированным любителям, умеющим «ямб от хорей отличить». Поэтому комментарий нужен только к некоторым стихотворениям, форма которых требу-

ет пояснения: например, указание на источник редкой строфической формы или на то, что строфа оригинальна; на традиционную связь стихотворного размера с тем или иным жанром или, напротив, преодоление такой традиции и т.п.

Однако в конкретном вопросе о том, какие именно особенности отдельных стихотворений следует отмечать в комментариях, а о каких достаточно суммарно сказать в статье-преамбуле, возникло расхождение во мнениях между мной и редактором тома. Суть расхождения в том, что я предполагал сделать комментарий несколько подробнее. Мы пришли к компромиссному решению, что целесообразно напечатать сокращенный вариант примечаний к отдельным стихотворениям, а более полный, с мотивировкой, зачем он нужен, в этой статье.

По тематике, жанровым и стилистическим признакам лицейское творчество достаточно отчетливо делится на два периода: 1813—1815 и 1816—1817. Эволюция стихотворной формы (метрики и ритмики, стихотворной композиции, рифмы) почти идеально совпадает с таким делением. Это достаточно подробно развито в статье-преамбуле.

В первом периоде, ученическом, более заметны архаичные формы, восходящие к русской поэзии XVIII в., но еще не сошедшие со сцены в десятые годы XIX в. Во втором периоде Пушкин уже отказывается от ряда примет архаики, в это время уже начинает складываться самостоятельная поэтическая система, характеризующая петербургский период и время южной ссылки, а некоторые черты — все творчество Пушкина. Мне представляется, что именно для лицейского творчества, времени необыкновенно быстрого роста юного поэта, нужны более подробные, особенно в первом периоде, комментарии к отдельным стихотворениям. В последующих томах их, по-видимому, нужно будет значительно меньше.

Расхождение во мнениях между мной и редактором тома касалось только трех близких тем: характер рифм, особенности рифмовки (рифменной композиции) и композиции метрической (так называемые полиметрические композиции или полиструктуры).

Речь идет о следующем.

В первом периоде нередко встречаются неточные рифмы, в которых заударные гласные совпадают, а согласные частично или полностью различны (*он — сонм, покрытый — копытом*), а также приблизительные, в которых, напротив, совпадают заударные согласные, но различны гласные (*новым — покровом*). В дальнейшем Пушкин пользуется только точными рифмами, включая узально точные, йотированные, канонизированные еще Жуковским (*светлее — лилеей*).

В XVIII в. ударное *e* в рифмах произносилось перед твердыми согласными только как *é* (э), не переходя в *ё* (о). Это рифмы типа *свѣтъ — взойдѣтъ* (*ѣ* перед твердыми согласными в *ё* не переходило). Исключения были единичны и только после шипящих, при этом большей частью писалось *о*: *щотъ, чотки* и т.п. Начиная с Державина разговорная форма с *ё* начинает проникать в рифму, при этом бессистемно, непредсказуемо. Такое же смещение фонетических форм постоянно встречается в первом периоде лицейского творчества: в одном и том же стихотворении *свѣтъ — взойдѣтъ* соседствует с *протечѣтъ — воротъ*; краткие причастия на -ен рифмуются то с *é*, то с *о*. В дальнейшем у Пушкина выработается четкая система: полные причастия на -енный до конца дней Пушкин будет рифмовать с *é* (*бесцѣнный — уединѣнный*), краткие на -ен — с *о* (*он — пробуждѣн*).

Начиная с Сумарокова в отношении крупных астрорифмических стихотворениях встречаются довольно длинные цепи одинаковых рифм, иногда по несколько цепей в одном стихотворении. В первом периоде тройные созвучия постоянны,

часты и цепи от четырех до шести рифм. В дальнейшем они постепенно исчезают (имеются в виду только астрофические стихотворения).

Наконец, в первом периоде находим три стихотворения характерной для крупных стихотворных произведений XVIII в. (кантат, оперных либретто) «кусковой» композиции: одна полиметрическая (т.е. состоящая из звеньев, «кусков», написанных разными метрами) и две так называемых полиструктуры, звенья которых написаны одним метром (у Пушкина — ямбом), но размерами различной стопности и строфической организации.

Именно о примечаниях с перечисленными выше формами возникло у нас расхождение в вопросе о степени нужной подробности в комментариях.

Привожу отрывки из первоначального варианта предисловия к примечаниям к отдельным стихотворениям.

«Стиховедческий комментарий дается не ко всем стихотворениям, а лишь там, где это представляется необходимым. Отмечается следующее...

2) Неточные и приблизительные рифмы...

3) Рифмы с *é*, типа *глядёл — повёл*, и с *ё*, типа *гол — нашёл*; так как причастия на -енный у Пушкина всегда... рифмуются с *ё* (*драгоценный — береженный* и т.п.), то они не отмечаются...

5) Редкие холостые стихи.

6) Цепи рифм от четырех и более.

7) Редкие у Пушкина композиционные формы (рефрены, полиметрические композиции и т.п.)».

К этому надо добавить, что мною не просто отмечался факт наличия в данном стихотворении рифм перечисленных типов, холостых стихов, цепей рифм, а приводились эти рифмы, рифменные цепи (конечно, не целые строки, а только рифмы), схемы полиметрических композиций.

По мнению редактора тома, такое подробное перечисление в академическом издании излишне: слух читателя-специалиста, которому адресуется издание, сам отметит звучание рифм, наличие рифменных цепей и т.д. Достаточно в статье-преамбуле дать характеристику явления, указать частоту встречаемости, проанализировать эволюцию, назвать стихотворения.

По моему мнению, никакого сомнения в высокой квалификации читателя и неуважения к нему в указании на все примеры нет. Просто читатель избавляется от необходимости верить на слово моим утверждениям и выводам. Более того: я даю читателю возможность не только проверить мои выводы, но и заметить мои неточности и даже ошибки, если они есть, и дать ему возможность сделать свои выводы из собранного мною материала, которые я не догадался сделать.

Ниже приводится первоначальный, более подробный вариант стиховедческих комментариев к отдельным стихотворениям. В этой статье даются заглавия стихотворений. В тексте примечаний в издаваемом томе они не нужны: стиховедческие примечания предполагались в конце обычного комментария.

Обсуждение покажет, какой тип комментария будет признан более целесообразным. Но в любом случае публикуемый здесь материал может быть, как мне думается, полезным для исследователя, который заинтересуется этим вопросом.

Наконец, соображение технического, если можно так выразиться, порядка. Каждая фиксируемая здесь особенность дается с абзаца. В сумме накапливается более полутора строка. Для экономии места можно воспользоваться шрифтовым выделением, например, вместо:

«Р и ф м а с *ё*: *тог — поёт*.

Цепь из 4 рифм: *судьбой — дурной — собой — тобой*, — можно напечатать в подборку: РИФМА С Ё: *тот — поёт*. ЦЕПЬ ИЗ 4 РИФМ: *судьбой — дурной — собой — тобой*.

Переходим к тексту примечаний. Он печатается не целиком, а только в той части, что была сочтена чрезмерной и что была пояснена выше.

* * *

1813

К НАТАЛЬЕ

Неточные рифмы: *Наталья — Серая, китайца — американца, руки — грехи, мрак — монах*.

Рифмы с ё: *пол — сошёл, лишён — Селадон — он*.

МОНАХ

Неточные и приблизительные рифмы: *покров — любовь* (или это — особенность произношения?), *рука — пастуха, кота — беда, Панкратий — косматый, он — сонм; на... волосах — Вакх, покрытый — копытом, бутылка — забыл, пушу — богачу — причешу, вспомнил — молвил; Панкратий — проклятый; ада — стадо, нагорела — забелело, пред иконой — поклоны; искушение — зренья*.

Рифмы с ё: *четки — водки, моём — дом, гол — нашёл*.

Холостые стихи: К монастырям свободная дорога; Зажмурился встревоженный монах.

НЕСЧАСТИЕ КЛИТА

Неточная рифма: *поносит — заморозит*.

1814

К ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ

Неточная рифма: *богатства — государства*.

Рифма с ё: *стезёй — бой*.

КОЛЬНА

Неточные и приблизительные рифмы: *Каломоны — волны, Кроны — сонны, брег — поверг, волны — Кольны — Каломоны; новым — покровом*.

Рифмы с ё: *стрежёт — побёд, согбён — времён*.

ЭВЛЕГА

В 1-м строфоиде цепь из 4 рифм: *глубина — волна — луна — одна.*

ОСГАР

Рифмы с *é*: *прошлых лет — полёт.*

Цепь из 4 рифм: *окровавлённый — иноплемённый, пригвождённый — вдохновённый.*

К СЕСТРЕ

Неточные и приблизительные рифмы: *диванну — застану; келье — веселий; пренесённый — Иппокрене; новоселье — келью.*

Цепь из 4 рифм: *бесценный — забвенной, окриленный — уединенный.*

Рифмы с *é*: *пробуждён — награждён — блажён; свет — взойдёт.*

Рифмы с *ё*: *протечёт — ворот, решётки — чётки (? в «Монахе» было: чётки — водки).*

Редкая мужская усеченная рифма: *Рамо — немой.*

КРАСАВИЦЕ, КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАК

Неточная рифма: *зелёну — превращённую.*

Приблизительные рифмы: *Геттингена — толчёный, воображенья — в заточеньи — в... восхищеньи.*

КАЗАК

Неточные и приблизительные рифмы: *выступал — вдаль; луна — коня; подойти — воды.*

Рифма с *ё*: *в нём — окном.*

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ

Неточные рифмы: *гас — князь; ныне — именины.*

ОПЫТНОСТЬ

Обычная у Пушкина рифма: *любовь — оков, слов — любовь* (неточная? особенность произношения?).

Последние два стиха 10-стишной строфы — варьирующий рефрен.

БЛАЖЕНСТВО

Неточные рифмы: *в весельи — исчезли, тихой — дикой — повилкой, вздохом — роком, наставленья — веселья — похмелья.*

Рифма с *é*: *исчез — поднёс.* Рифма с *ё*: *ручеек — пастушок.*

Рифменные цепи: *клюкой — ночной — головой — младой — мечтой — тьмой* (6); *приходил — мил — постыл — уныл — мил* (5).

К НАТАШЕ

Неточная рифма: *зрит — разделить.*

ПИРУЮЩИЕ СТУДЕНТЫ

Неточные и приблизительные рифмы: *рождённый — задушевный; президентом — студентам.*

Рифмы с *ё*: *сонный — усыпленный* (единственное у Пушкина причастие на -енный с *ё*), *чинов — краёв.*

К БАТЮШКОВУ

Неточные рифмы: *ленивец — любимец, златострунной — юный, российский — Тиисский.*

Рифма с *é*: *белой — веселый.*

Рифма с *ё*: *огнём — дом.*

НА РЫБУШКИНА

Неточная рифма: *кущи — уши.*

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Неточные рифмы: *отчизны — жизни, стороны — одни.*

Рифмы с *ё*: *вод — цветёт, дол — перешёл.*

РОМАНС

В заключительном 8-стишии нечетные рифмы сквозные: *осветила — ухватила — положила — отвратила.*

ЛЕДА

Единственная полиметрическая композиция в лицейском творчестве Пушкина, состоящая из следующих тематически обособленных звеньев («кусков»): 1) Одинокое восьмистишие вольного ямба, 2) Три 4-стишия 4-стопного хорая, 3) 10 стихов вольного ямба воль-

ной рифмовки, 4) Два неразделенных 6-стишия 2-стопного дактиля, 5) 6 стихов вольного ямба вольной рифмовки и 6) Три 4-стишия 4-стопного хоря; первое и третье, точно повторяясь, образуют кольцо.

Недостаточная рифма: *красоты — воды*.

STANCES

Стихотворение состоит из пяти 4-стиший французского силлабического 8-сложника АВАВ. Своеобразная неполная кольцевая композиция: рифмы предпоследнего 4-стишия повторяют в измененном порядке рифмы первого. Правила французской версификации, как и в следующем стихотворении, строго выдержаны.

MON PORTRAIT

Стихотворение состоит из восьми неравносложных силлабических 4-стиший по 8-6-8-6 слогов, аВАВ.

1815

ГОРОДОК

Неточные рифмы: *полднєвны — темны, любезный — прелестной, Аристарх — томах, воспевать — рад — писать, творцы — часы, ночи — рощи, невидимкой — волынкой, коленях — томленьях, вдаль — пропал, провождать — виноват, старушки — ручке*.

Приблизительные рифмы: *ленивым — счастливом, творенья — забвенья, в сомненьи — сочиненья, в... смятеньи — сраженья, в упоеньи — наслажденье, развлеченья — ученье, творенья — терпенья*.

Рифмы с *é*: *веселый — престарелы, полднєвны — темны, расцвєл — удел, Лафонтєн — побеждєн, смелый — веселый, льет — совет, светом — полєтом*.

Рифмы с *è*: *ручєк — цветок, тот — возьмєт, розы — слєзы, часок — чаєк, стєрон — влюблєн*.

Две цепи из 4 рифм: *сочиненья — псалмопенья — творенья — забвенья; просвещєнный — вдохновєнный — бесцєнный — освещєнный*.

Холостой стих: Я ныне вдохновен.

ИЗМЕНЫ

Имеется единственное в лицейском творчестве нарушение размера: в стихотворении, написанном 2-стопным дактилем, один стих 2-стопного амфибрахия: Себя услаждал.

Неточные рифмы: *Елены — прельщеный, возженный — Елены*.

Рифма с *è*: *цветєт — народ*.

Цепь из 5 рифм: *играл — обожал — посвящал — срывал — пылал.*

К ЛИЦИНИЮ

Рифма с ё: *идёт — Дамёт.*

БАТЮШКОВУ

Неточные рифмы: *Иппокреной — напоённой, рано — непре-
станно.*

НАПОЛЕОН НА ЭЛЬБЕ

Ямбическая полиструктура из 5 звеньев («кусков»), тематиче-ски обособленных: 1) Три неразделенных разноstopных 4-стишия 6663, АБАБ; 2) Пять 5-стиший 5-стопного ямба, АББАБ; обрамлены повторяющимся 5-стишием; 3) 42 стиха вольного ямба с амплитудой стопностей 6-3, вольной рифмовки; 4) 6-стишие ААБВВВБ, 666664; 5) Не отделенные пробелом от предыдущего 6-стишия два неразделенных 4-стишия АБАБ, 6664. Последней, «несколько уединенной», по словам Б. В. Томашевского, строфой через много лет будет написан «Памятник» (*Томашевский Б. В. Стих и язык. С.243*). Подобная асимметричная строфа, но с обратным чередованием клаузул аБаБ, встречалась в начале века у Жуковского («Вечер», 1806) и Державина («Евгению. Жизнь Званская», 1807). (Ср. с примечаниями к стихотворению «Воспоминание в Царском Селе»).

Приблизительные рифмы: *ополченья — паденье — заточенье.*
Рифмы с ё: *волн — полн — чёлн, стезёю — рукою.*

К ПУЩИНУ

Приблизительная рифма: *небогатым — Гиппократом.*
Рифма с ё: *в... влатом — днём.*

К ГАЛИЧУ

Приблизительная рифма: *в... уединеньи — наслаждений.*
Рифма с ё: *к... Золотарёву — багрову.*

МЕЧТАТЕЛЬ

Приблизительные рифмы: *сиянье — мечтанья, гений — тёней.*
Рифма с ё: *сон — склонён.*

МОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Неточная рифма: *звезды — череды — груди;*

Приблизительные рифмы: *свиданья — обещанье — завещанье, ленью — забвенью — погребенья — уединенья* (или это две пары точных рифм?).

Холостой стих: *Друзья! вам сердце оставляю.*

К НЕЙ

Рифма с ё: *сон — осуждён.*

К МОЛОДОЙ АКТРИСЕ

Рифма с ё: *тот — поёт.*

Цепь из 4 рифм: *судьбой — дурной — собой — тобой.*

ПОСЛАНИЕ К ГАЛИЧУ

Неточная рифма в цепи из 4 рифм: *дни — сыны — разлучены — оживлены.*

Приблизительные рифмы: *в ожиданьи — посланье — старанья, в... шумном — полоумным.* Рифма с ё: *напевом — ревом.* Рифмы с ё: *Аполлон — оглушён, он — награждён, мудрецом — заснём.*

Холостой стих: *Форелью, пирогами.*

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ

Неточная рифма: *глухом — холм.*

К ДЕЛЬВИГУ

Рифма с ё: *сторон — принуждён — Аполлон.*

Цепь из 4 рифм: *остряки — стишки — ручейки — цветки.*

РОЗА

Сложная система звуковых повторов.

Тавтологические рифмы: *роза — роза, говори — говори.*

НА ВОЗВРАЩЕНЬЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА...

Рифма с ё: *шлём — алтарём, полёт — бéd.*

Рифма с ё: *костылём — холмом.*

К БАР. М. А. ДЕЛЬВИГ

Ямбическая полиструктура из двух звеньев («кусков»): 1) 10 стихов 5-стопного вольной рифмовки; 2) 18 стихов 4-стопного вольной рифмовки.

МОЕМУ АРИСТАРХУ

Неточные и приближительные рифмы: *Аристарх — стихах; в... упоены — положенье — творенье.*

Шесть длинных цепей рифм: *молодой — мной — мой — холостой — толпой — ой* (6); *сочетанья — признанья — восклицанья — оправданья — посланья* (5); *ночам — стихам — углам — жрецам* (4); *покой — порой — свой — пуховой — глухой* (5); *друзьями — водами — руками — стихами* (4); *ленивой — счастливой — трудолюбивой — извивы — игривый — шутливый* (6; рифмы приближительные, или это — две тройки точных рифм?).

ТЕНЬ ФОН-ВИЗИНА

Рифмы с ё: *издаёт — кабинет, отувёл — охладёл.*

Рифмы с ё: *о том — своём, посещён — Купидон, клён — Купидон.*

Цепи рифм по 4: *творенье — предложение — в удивленьи — песнопенье; ворчать — сказать — спать — лад.*

Возможно, что неточные рифмы (*старика — мигá, дверь — Луцифер, спать — лад*) пародируют державинские (это переключилось бы с оценкой Державина в этом стихотворении).

ГРОБ АНАКРЕОНА

Рифма с ё: *поёт — лиёт* (?).

Рифма с ё: *изображён — Анакреон.*

ПОСЛАНИЕ К ЮДИНУ

Недостаточная рифма: *следы — цветы.*

Приближительная рифма: *сновиденья — уединенья — селенье.*

Рифма с ё: *сове́т — поёт.*

Рифмы с ё: *тёмной — укромной, тёмны — скромный, тёмной — томной.*

Три цепи рифм: *сад — дарят — ряд — шумят* (4); *руках — трудах — мечтах — берегах — лучах* (5); *обомлели — онемели — отлетели — свирели* (4).

1816

УСЫ

Рифма с ё: *весёлых — поседелых.*

ИЗ ПИСЬМА К КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Цепь из 5 рифм: *городском — дом — ручейком — пастухом — столом.*

ИЗ ПИСЬМА К В. Л. ПУШКИНУ

Холостой стих: И все, которые на свете. (Находится в пространной редакции стихотворения).

ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ

Рифма с ё: *окружён — трон.*

Пятое четверостишие с небольшими изменениями повторяет первое.

СОН

Рифма с ё: *глубоко — далёко.*

Цепь из 4 рифм: *дают — приют — поют — вьют.*

КЖ. В. М. ВОЛКОНСКОЙ

Необычное во французской силлабике чередование стихов в 8-9-8-9 слогов (в классической французской поэзии стихи с нечетным количеством слогов избегались). Ошибка копииста? (Автограф неизвестен).

К ЖУКОВСКОМУ

Рифма с ё: *превознесён — Шапелён.*

Рифма с ё: *тобой — струёй.*

ОКНО

Рифма с ё: *порою — стезёю.*

ОСЕННЕЕ УТРО

Две четверные цепи рифм: *берегов — лугов — следов — лесов; несравнённой — уединённый — привлечённый — незабвённый.*

ИСТИНА

Рифма с ё: *Силён — утомлён.*

Рифма с ё: *тайком — найдём.*

НАЕЗДНИКИ

Рифма с ё: *положён — сон.*

ЭЛЕГИЯ

Рифма с ё: *угрозы — слёзы.*

МЕСЯЦ

Приблизительная рифма: *воспоминанья — сиянье* в цепи рифм.

Рифма с ё: *чередой — зарёй.*

Цепь из 5 рифм: *мечтанья — страданья — желанья — воспоминанья — сиянье.*

ЛЮБОВЬ ОДНА — ВЕСЕЛЬЕ ЖИЗНИ ХЛАДНОЙ...

Цепь из 5 рифм: *другим — любим — простым — полевым — дым.*

ЭЛЕГИЯ («Я видел смерть...»)

Цепь из 4 рифм: *друзей — моей — очей — дней.*

ЭЛЕГИЯ («Я думал, что любовь...»)

Рифма с ё: *мятёжный — надёжный.*

В вольном ямбе 6-4 — длинные фрагменты одного размера.

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОК

Четыре 8-стишия, состоящие из двух перекрестных 4-стиший. Первое 4-стишие, несколько измененное, замыкает стихотворение, что создает кольцевую композицию.

ПОСЛАНИЕ ЛИДЕ

Самая длинная в творчестве Пушкина цепь из 30 рифм на *-он*, перемежающаяся в начальных стихах с цепью из 8 на *-ёры*. Из этих 30 — двенадцать на *-ён*: *спасён, мудрён, прельщён, рассержён, оболщён, умён, жён, влюблён, вознесён, лишён, отлучён, ослеплён.*

АМУР И ГИМЕНЕЙ

Рифма с ё: *тайком — фонарём.*

ПРОБУЖДЕНИЕ

Рифма с ё: *он — сон — пробуждён.*

ЭЛЕГИЯ («Опять я ваш...»)

Рифмы с ё: *розы — слёзы* и в первой цепи рифм.

Две цепи по 5 рифм: *стезёй — мной — душой — покой — гла-
вой; ревнивой — молчаливой — шутилой — красноречивой — сча-
стливой.*

К МОЛОДОЙ ВДОВЕ

Рифма с ё: *розы — слёзы.*

БЕЗВЕРИЕ

Рифмы с ё: *упрёком — пороком, он — разлучён.*

ДЕЛЬВИГУ

Цепь из 5 рифм: *песнопенья — вдохновенья — наслажденья —
упоенья — вдохновенья.*

СТАНСЫ

Рифмы с ё: *душою — зарёю, розы — слёзы.*

В. Л. ПУШКИНУ

Часты тройные рифмы, 5 более длинных цепей рифм: *Венера —
вера — Буфлера — офицера — примера (5); корнета — поэта —
света — Мегмета (4); мой — людской — рукой — собой — судь-
бой — злой (6); живей — полей — дней — усачей (4); природу —
моду — народу — свободу (4).*

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ

Рифма с ё: *навёк — протёк.*

Цепь из 5 рифм: *дубравный — недавной — равный — своенрав-
ной — славный.*

В АЛЬБОМ ИЛЛИЧЕВСКОМУ

Две цепи по 4 рифмы в первом 8-стишном строфоиде: *поэт —
нет — лет — свет и православный — неравный — своенравной —
забавной.*

В АЛЬБОМ ПУЩИНУ

Рифма с ё: *заключён — он.*

1813—1817

К ДЕЛИИ

Неточные рифмы: *краса — небеса — глаза, ночи — рощи.*

Рифма с ё: *филомéлой — весéлой.*

ФАВН И ПАСТУШКА

Неточные, недостаточные и приблизительные рифмы: *кров — любовь* (сомнительна; возможно, твердое произношение «любов» — см. примеч. к стихотворению 1817 г. «Князю А. М. Горчакову»), *ветерка — нога, Лилы — могиле, лет — сеть; счастье — сладострастья.*

Рифмы с ё: *цветёт — свет — цвет, одёт — лиёт.*

Рифмы с ё: *весною — зарёю, тёмной — скромной, тёмной — томной, он — осуждён, розы — слёзы.*

Три цепи из 4 рифм: *ногой — густой — ночной — луной; она — суждена — волна — спасена; она — тишина — сна — луна.*

«От всеобщей вечер идя домой...»

Недостаточная рифма: *дитя — тебя.*

Рифма с ё: *уголок — муженёк.*

«Пожарский, Минин, Гермоген...»

Рифма с ё: *Гермоген — напыщен.*

Когда я писал примечания и эту статью, расположение стихотворений в томе мне еще не было известно, я работал по «малому академическому» десятитомнику под ред. Б. В. Томашевского. Минувшие десятилетия принесли некоторые уточнения в датировке стихотворений, их расположение несколько изменилось. Однако перестановки в этой статье потребовали бы дополнительной корректуры, что замедлило бы выпуск книжки. Читатель легко найдет по оглавлению нужный текст.

III. ЗАМЕТКИ

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К ЛИРИКЕ ПУШКИНА

ЭПИГРАММА «ПЕВЕЦ ДАВИД БЫЛ РОСТОМ МАЛ...»

(текст, датировка, сатирическая направленность)

Впервые этот пушкинский экспромт был напечатан в 1903 г. П. А. Ефремовым в составе следующего примечания к эпиграмме «Полумилорд, полукупец...»: «... в рукописях его (Пушкина. — С.Ф.) В. Е. Якушкин нашел еще черновой набросок, который приводим, не ручаясь за правильность своего чтения двух последних крайне неразборчивых строк:

Певец Давид был ростом мал,
Но повалил же Голиафа,
Который был (и) генерал,
И поло(женьем выше) Графа».¹

В венгеровском издании последние две строчки выглядели уже несколько иначе:

...Который был [и генерал?]
И положением не ниже графа.²

Эпиграмма, пока еще в составе примечаний, была напечатана и в дореволюционном академическом Полном собрании сочинений Пушкина с новым прочтением последней строки («И побожусь [?] не ниже Графа»), воспроизведением фотокопии автографа и следующим пояснением:

«Последние два стиха набросаны очень небрежно и прочитаны нами только предположительно. По содержанию своему это четверостишие является, очевидно, эпиграммой на гр. Воронцова, — одной из тех эпиграмм, которые, вылившись в минуту раздражения, быстро распространялись в одесском обществе и еще более раздували неприязненное отношение к Пушкину его главного начальника».³

¹ Сочинения А. С. Пушкина / Под ред. П. А. Ефремова. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1903. Т. 1. С. 502. В. Е. Якушкин в полнстом описании рукописей Пушкина, поступивших в Румянцевский музей, этого текста не воспроизвел (ср.: Рус. старина. 1884. Т. 42. Май. С. 333) и, по-видимому, сообщил его П. А. Ефремову устно.

² Пушкин. [Соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Изд. Брокгауз—Ефрон, 1908. Т. 2. С. 260 (в разделе «Черновые наброски и отрывки 1823—1824 гг.»).

³ Сочинения Пушкина. СПб.: Изд. имп. Академии наук, 1912. Т. 3. / Подгот.

В первом советском полном собрании сочинений Пушкина последняя строка стихотворения снова была истолкована иначе: «И, положусь, не проще графа»;⁴ в таком виде, как правило, эпиграмма и печаталась — в том числе и в Большом академическом Полном собрании сочинений Пушкина (II, 318), но в Справочном томе решено было вернуться к редакции дореволюционного академического издания.⁵

Достаточно традиционны были и комментарии к стихотворению: «Эпиграмма вызвана обострившимися отношениями с Воронцовым после командировки Пушкина в Одесскую область по борьбе с саранчой и прошением поэта об отставке» (Т. Г. Цявловская);⁶ «В эпиграмме говорится о единоборстве Пушкина с Воронцовым. Воронцов хотя и добился удаления Пушкина из Одессы и ссылки его на север, но повредил себе доносами в общественном мнении» (Б. В. Томашевский);⁷ «Пушкин говорит о своих столкновениях с Воронцовым» (М. Еремин);⁸ «В эпиграмме проводится аналогия между нравственной борьбой Пушкина с его начальником и физической борьбой юного музыканта Давида с великаном Голиафом» (Т. Г. Цявловская);⁹ «...имеется в виду гр. М. С. Воронцов».¹⁰ Добавим к тому же, что в ряде изданий эпиграмма печаталась с редакционным заголовком «На Воронцова».

Заметим, что третья строка эпиграммы с 1903 г. никем не переосмысливалась (хотя иногда и оговаривалось ее гипотетическое прочтение). Это-то, в сущности, и создавало твердую уверенность в отнесении пушкинского экспромта к генералу и графу М. С. Воронцову. Библейский Голиаф, конечно, никаким генералом не был. Но в саркастической шутке подобная вольность вполне возможна. И все же полезно привести библейский текст, который лег в основу образности стихотворения:

«И выступил из стана Филистимского единоборец, по имени Голиаф из Гефа; ростом он — шести локтей и пяди...

И стал он и кричал к полкам Израильским...

И выступал Филистимлянин тот утром и вечером и выставял себя сорок дней...

текста В. Е. Якушкина; примеч. В. Е. Якушкина и П. О. Морозова. С. 481. П. О. Морозов здесь отнес этот текст к 1824 г., а несколько ранее печатал эпиграмму в ефремовской (якушкинской?) редакции — см.: Сочинения и письма А. С. Пушкина / Под ред. П. О. Морозова. СПб.: Просвещение, 1903. Т. 1. С. 660.

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1930. Т. 1 / Под ред. М. А. Цявловского. С. 349 (Приложение к журналу «Красная нива»).

⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1959. Справочный том: Дополнения и исправления. Указатели. С. 21. С последней строкой «И, побожусь, не ниже графа» эпиграмма печаталась также в изданиях, выходивших под редакцией Т. Г. Цявловской (1959, 1982).

⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М., 1949. Т. 1. С. 523 (текст: С. 400).

⁷ Пушкин А. С. Стихотворения. 2-е изд. Л., 1955. Т. 3. С. 791 (текст: С. 233) (Б-ка поэта. Б. сер.).

⁸ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. 1. С. 402.

⁹ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1982. Т. 1. С. 550

¹⁰ Пушкин А. С. Соч.: В 3 т. М., 1985. Т. 1. С. 309.

Когда Филистимлянин поднялся и стал подходить и приближаться навстречу Давиду, Давид поспешно побежал к строю навстречу Филистимлянину...

И опустил Давид руку свою в сумку и взял оттуда камень, и бросил из пращи и поразил Филистимлянина пращою и камнем в лоб его, и он упал лицом на землю...» (1-я кн. Царств, гл.17, ст. 4, 8, 16, 48, 49).

Этому событию посвящен и 151-й псалом Давида «Мал бех в братии моей...», который еще в XVIII в. был переложен в стихи А. Сумароковым («Из псалма*»), В. Майковым («Ода осьмая. Переложение псалма. Внегда единоборствовал Давид на Голиафа»). В 1820-х гг. к теме того же псалма обращались П. А. Катенин (в стихотворении «Мир поэта», 1822), А. С. Грибоедов («Давид», 1823), Ф. И. Глинка («Победа», 1826), В. К. Кюхельбекер (в поэме «Давид», 1826—1829), позже — И. Бороздна («Псалом на единоборство Давида с Голиафом», 1840) и Е. Л. Милькеев («Псалом на Голиафа», 1845). Можно сказать, что эпиграмма Пушкина вписывалась в русскую поэтическую традицию, правда, с необычным, рискованно вольным применением Священного Писания. На данное обстоятельство в свое время обратил внимание Ю. Н. Тынянов.¹¹ Он предположил, что тема пушкинской эпиграммы была навеяна стихотворением Грибоедова, которое открывало новый альманах «Мнемозина»¹² и было замечено в литературной жизни того времени; в частности, вызвало такую уничижительную оценку в сатире А. Писарева «Певец на биваках у подошвы Парнаса»: «Давиду перевод его // Страшнее Голиафа».¹³ Это, казалось бы, давало некоторые дополнительные аргументы для датировки эпиграммы Пушкина: первая книга «Мнемозины» могла быть получена им в Одессе в начале 1824 г.

Впрочем, Ю. М. Лотман обнаружил использование той же темы собственно в эпиграмме, которая, как считает исследователь, и послужила образцом для Пушкина:

«... внимание Пушкина привлекли „Historiettes“ («Занимательные истории») Таллемана де Рео. О бесспорном внимании Пушкина в начале 1820-х гг. к этому источнику свидетельствует следующее: рассказывая о своих любовных похождениях, автор мемуаров замечает: „Однажды мне передали, что мой соперник отозвался обо мне как о молокососе; я написал следующий куплет на модный в ту пору мотив:

Ну что ж, соперник мой, я по сравненью с вами
Не выше ростом и годами,
Но все же вспомните, как был неправ,
Давида презирая, Голиаф.“

Эпиграмма Таллемана де Рео вдохновила Пушкина на вольный ее перевод, приспособленный к условиям конфликта с гр. М. С. Ворон-

¹¹ Тынянов Ю. Н. Заметки о Грибоедове // Звезда. 1941. № 1. С. 124.

¹² Цензурное разрешение 17 января 1824 г.

¹³ Библиографические записки. 1859. № 20. Стб. 617.

довым... Чтение двух последних строк (эпиграммы Пушкина. — С.Ф.) предположительно. Это не удивительно: первые два стиха — точный перевод из Таллемана де Рео, и Пушкин их написал быстро и уверенно. Вторые два — приспособление французской эпиграммы к одесской ситуации 1824 года».¹⁴

Давая ссылку на русское издание «Занимательных историй» (Л., 1974), Ю. М. Лотман делает такое примечание:

«Э.Л. Линецкая, переводя эти стихи, видимо, не заметила, что они уже были переведены Пушкиным. Приводим французский текст эпиграммы:

Mon rival, il est vrai, vous avez du mérite;
Contre vous ma force est petite
Vous en faites peut-être aussi trop peu d'état:
David était ainsi méprisé par Goliath».

Однако дословный смысл эпиграммы Таллемана де Рео, пожалуй, еще дальше отстоит от пушкинского текста, нежели перевод Э. Л. Линецкой, — ср.:

Соперник мой, это верно, вы достойны;
Против вас моя сила мала,
Но вы, возможно, слишком недооцениваете ее:
Так Давид был презираем Голиафом.¹⁵

Едва ли вообще Пушкин знал эту эпиграмму,¹⁶ хотя и не исключено, что могла существовать французская традиция юмористического, игривого переосмысления темы борьбы Давида с Голиафом.

Однако более актуален для нас вопрос о совершенно иной традиции: традиции отечественного пушкиноведения. Выше было показано, что начиная с П. А. Ефремова никто и никогда не усомнился в воронцовском адресате эпиграммы Пушкина. Более того, эта версия со временем была расцвечена дополнительными оттенками, ее вроде бы подтверждавшими.¹⁷

Между тем непосредственное и непредвзятое обращение к автору пушкинской эпиграммы убеждает в том, что написана она задолго до столкновения Пушкина с Воронцовым.

¹⁴ Лотман Ю. М. Три заметки к проблеме «Пушкин и французская культура» // Проблемы пушкиноведения. Рига, 1983. С. 66—67.

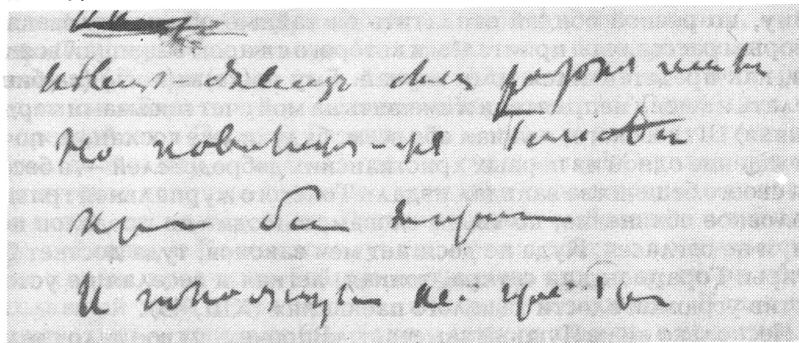
¹⁵ Перевод Н. Сперанской.

¹⁶ «Занимательные истории» Таллемана де Рео были впервые изданы в Брюсселе в 1834—1835 гг. Они сохранились в составе Пушкинской библиотеки (см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. 9—10. С. 346). Шестой том этого издания, где и была напечатана эпиграмма, Пушкиным не разрезался. Ю. М. Лотман, однако, высказывал предположение, что в России записки Таллемана де Рео были известны задолго до выхода из печати, в рукописных копиях.

¹⁷ Справедливости ради следует отметить, что и автор этих строк внес свою лепту в подтверждение традиционной версии; ср.: Фомичев С. А. Рабочая тетрадь ПД № 832: (Из текстологических наблюдений) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. 12. С. 228, 230.

мнение палеографические признаки автографа эпиграммы, — и тогда ее отнесение к М. С. Воронцову несостоятельно, так как обострение отношений Пушкина с одесским начальником произошло не ранее весны 1824 г. Только с этой поры Пушкин приступает к созданию эпиграмматической «Воронцовиады», стремясь широко обнародовать свои сатирические стихотворения. Так, эпиграмма «Полумилорд, полукупец...» известна нам во множестве списков. Эпиграмма же «Певец Давид был ростом мал...» так и осталась «невостребованной» в пушкинской рабочей тетради: ни одного списка этого произведения нам не известно. Почему? Думается, потому, что данная эпиграмма к борьбе Пушкина с Воронцовым никакого отношения не имела.

Вот после этих предварительных замечаний мы можем, наконец, беспрепятственно прочитать текст, записанный скорописью на л. 26 тетради ПД 832:

Автограф стихотворения «Певец Давид был ростом мал...» (ПД № 832, л. 26).

Певец Давид был ростом мал
 Но повалил же Голиафа
 Кот(орый) б(егал)¹⁸ и крич(ал)¹⁹
 И поклянусь²⁰ не гро(мче) Гр(афа)

Против кого же был направлен этот сатирический выпад?

Вполне очевидно — против графа Ф. И. Толстого-Американца, к дуэли с которым Пушкин готовился серьезно и основательно в течение нескольких лет (понятно, что при всей его вражде с Воронцовым здесь и речи не могло идти о поединке).

В 1822 г. Пушкин постоянно вспоминал о Толстом-Американце.

«Ума не приложу, — писал он 19 июля 1822 г. П. А. Катенину, — как ты мог взять на свой счет стих: *И сплетней разбирать*

¹⁸ Может показаться, что можно прочитать «бег(ал)», но нужно иметь в виду, что слово это писалось через ъ, так что после первой буквы мы имеем здесь просто росчерк, обозначающий все слово. Конечно, можно подобрать в данном случае какие-то иные слова («баял», «блудил», «брехал» и т.п.), но надо иметь в виду, что скорее всего здесь должно стоять какое-то самое обычное (отнюдь не неожиданное) слово, что и позволило Пушкину не прописывать его как следует.

¹⁹ Здесь у Пушкина союз «и» написан слитно с глаголом, что для пушкинских рукописей обычно.

²⁰ Это слово правильно прочитано А. В. Дубровским.

игривую затею. Это простительно всякому другому, а не тебе. Разве ты не знаешь несчастных сплетней, коих я был жертвою, и не твоей ли дружбе (по крайней мере так понимал я тебя) обяван я первым известием об них?» (XIII, 41).²¹

Здесь имеется в виду строка из послания «Чаадаеву» (вариант пушкинской эпиграммы «В жизни мрачной и презренной»), направленная против Толстого-Американца, который в петербургских гостиных распустил слух о том, что перед высылкой из Петербурга Пушкина подвергли порке в полиции (см. о том же в «Евгении Онегине», гл. 4, строфа 19).

1 сентября 1822 г. Пушкин писал П. А. Вяземскому: «Извини меня, если буду говорить с тобою про Толстого, мнение твое мне драгоценно. Ты говоришь, что стихи мои никуда не годятся. Знаю, но мое намерение было (не) заводить остроумную литературную войну, но резкой обидой отплатить за тайные обиды человека, с которым расстался я приятелем и которого с жаром защищал всякий раз, как представлялся тому случай. Ему по(ка)за(лось) (за)бавно сделать из меня неприятеля и смешить на мой счет письмами чердак к.(нязя) Шаховского, я узнал обо всем, будучи уже сослан, и, почитая мщение одной из первых христианских добродетелей — в бессилии своего бешенства закидал издали Толстого журнальной грязью. Уголовное обвинение, по твоим словам, выходит из пределов поэзии; я не согласен. Куда не достягает меч законов, туда достает бич сатиры. Гораццианская сатира, тонкая, легкая и веселая не устоит против угрюмой злости тяжелого пасквиля» (XIII, 43).

Несколько ниже Пушкин замечает: «Впрочем, я свое дело сделал и с Толстым на бумаге более связываться не хочу» (XIII, 44). Это, как нам кажется, дает вторую дату, после которой создание эпиграммы было бы маловероятно: не позже 1 сентября 1822 г.

Нельзя не признать, что сравнить Толстого-Американца с Голиафом (хотя граф и не был великаном) у Пушкина были достаточные основания. В 1829 г., уже помирившись с Ф.И. Толстым, Пушкин заметит в письме к нему из Тифлиса (27 мая—10 июня): «...видел Ермо(лова). Хоть ты его не очень жалуешь, принуж(ден) я тебе сказать, что я нашел в нем разительное сходство с тобою не только в обороте мыслей и во мнениях, но даже и в чертах лица и в их выраже(нии)» (XIV, 46). В Кавказском дневнике 1829 г. Ермолов будет обрисован так: «Лицо круглое, огненное, серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на Геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что не естественна» (VIII, 445).

²¹ Между прочим, в той же рабочей тетради ПД № 832 на л. 16 об.—17 имеется черновой набросок (сохранившийся лишь отчасти, так как листы оборваны) письма к Катенину, которое обычно датируется (по упоминанию здесь статьи Катенина в журнале «Сын отечества») апрелем—маем 1822 г. По всей вероятности (иначе трудно объяснить, почему Катенин не сохранил и этого письма), здесь сохранился первоначальный набросок все того же письма к Катенину, которое и было отправлено 19 июля, что дает некоторые основания для датировки автографа эпиграммы на л. 26: она написана позже 19 июля, так как листы 16—29 в тетради ПД № 832 заполнялись последовательно.

Между прочим, письмо к Вяземскому от 1 сентября 1822 г. под-сказывает и то, как мог быть возбужден в творческом воображении Пушкина бег неожиданных ассоциаций — от элегических строк «Бахчисарайского фонтана» к эпиграмме на Ф. И. Толстого. Как известно, лучшим представителем русской элегической поэзии Пушкин считал Баратынского. Так вот, в письме к Вяземскому сразу же после длинного пассажа о Ф. И. Толстом, Пушкин неожиданно восклицает: «Каченовский представитель какого-то мнения!» — и дальше вспоминает Баратынского («Мне жаль, что ты не вполне денишь прелестный талант Баратынского. Он более чем подражатель подражателей. Он пол(о)н истинной элегической поэзии» — XIII, 44). Можно предположить, что, размышляя над неподатливыми строками о «печальном предании», перебирая новые и новые их варианты, Пушкин вспомнил между прочим о Баратынском, а потом в какой-то связи, обнаружившейся в письме к Вяземскому, — и о графе Толстом-Американце. Между прочим, в более раннем письме к тому же Вяземскому, от 2 января 1822 г., опять же с восторгом вспоминая о Баратынском («Но каков Баратынский? Признайся, что он превзойдет и Парни и Батюшкова — если впрямь зашагает, как шагал до сих пор — ведь 23 года — счастливцу! Оставим все ему эротическое поприще и кинемся каждый в свою сторону, а то спасения нет»), несколько выше Пушкин пишет: «...бранюсь с тобою за одно послание к Каченовскому; как мог ты сойти в арену вместе с этим хилым кулачным бойцом — ты сбил его с ног, но он облил бесславный твой веночек кровью, желчью и сивухой... Как с ним связываться — довольно было с него легкого хлыста, а не сатирической твоей палицы. Ежели я его задел в послании к Че(даеву) — то это не из ненависти к нему, но чтобы поставить с ним на одном ряду Американца Толстого, которого презирать мудренее» (XIII, 34). Ответное письмо Вяземского (оно не дошло до нас) послужило, в свою очередь, поводом для пушкинского письма 1 сентября 1822 г., где разговор о Толстом, о «поединке» с Каченовским и о Баратынском был продолжен. Таким образом, датировка эпиграммы «Певец Давид был ростом мал...» временем «перед 1 сентября 1822 г.» подтверждается и этим, хотя и косвенным, конечно, обстоятельством. Эпиграмма возникла, вероятно, после получения письма от Вяземского, при первом обдумывании возражений ему.²²

²² Конечно, разгадывание хода поэтических ассоциаций — занятие крайне благодарное. Но трудно удержаться и не вспомнить здесь еще об эпиграмме Баратынского в письме к И. И. Козлову от апреля 1825 г.:

«Всего досаднее для меня Вяземский. Он образовался в беспокойные времена междоусобий Карамзина с Шишковым, и военный дух не покидает его и ныне:

Войной журнальною бесчестит без причины
Он дарования свои:
Не так ли славный вождь и друг Екатерины
Орлов еще любил кулачные бои?

Это экспромт; и я думаю, по стихам оно заметно». (Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М., 1951. С.482).

Подведем итоги.

Эпиграмма «Певец Давид был ростом мал...» в противовес традиционному мнению не имеет никакого отношения к графу М. С. Воронцову. Текст ее следует существенно уточнить (здесь, в частности, нет упоминания «генерала»). В стихотворении предвосхищался поединок поэта с графом Ф. И. Толстым-Американцем, опытным бретером и чрезвычайно опасным соперником. Написана эпиграмма около (до) 1 сентября 1822 г.

С. А. Фомичев

Эпиграмма эта очень уж напоминает рассуждения Пушкина в приведенных выше его письмах к Вяземскому. Не делился ли сходными мыслями Пушкин с Баратынским в письмах к нему, не дошедших до нас? Не проявляет ли по-своему экспромт Баратынского ассоциативную связь, которая в тетради ПД № 832 протянулась от элегических строк к эпиграмме о схватке?

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К «СТИХАМ, СОЧИНЕННЫМ НОЧЬЮ ВО ВРЕМЯ БЕССОННИЦЫ»

*Светлой памяти
Зары Григорьевны Минц*

При комментировании стихотворений Пушкина, помимо их объяснения обстоятельствами времени, к которому они относятся, возникает необходимость проследить их дальнейшую литературную судьбу. Особенно важно это тогда, когда пушкинские образы приобретают относительную самостоятельность и их преломление в последующей литературе не единично и вызывает ассоциации, хотя и предусмотренные контекстом стихотворения Пушкина, но выходящие одновременно и за его пределы. В ряду произведений, нуждающихся в подобном комментировании, «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» занимают одно из первых мест. Написанное в Болдине в октябре 1830 г., стихотворение не было опубликовано при жизни Пушкина и появилось впервые в девятом томе посмертного издания его сочинений (1840) с известным изменением его рукописного текста («Темный твой язык учу»). Мы не знаем реакции первых читателей на это стихотворение; по-видимому, оно не обратило на себя особого внимания. Во всяком случае В.Г. Белинский ограничился поверхностной его характеристикой («Пьеса „Ночью во время бессонницы“ показывает, как глубоко вглядывался Пушкин во все явления жизни, как глубоко прислушивался он к ним»),¹ хотя и включал в перечни наиболее значительных лирических стихотворений поэта. Поэзия же второй половины XIX и особенно XX в. не только не прошла мимо «Стихов, сочиненных ночью

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 269.

во время бессонницы», но и многократно отзывалась на них, создав определенный поэтический ореол, окружающий пушкинское стихотворение.

Изучая «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», исследователи обычно включают их в определенный контекст как пушкинской, так и последующей русской поэзии. Впрочем, начало этому положил сам Пушкин; задумывая в 1836 г. публикацию стихотворения, он поместил его в ряд произведений, совокупность которых могла составить «объединение циклического типа»;² помимо «Странник», «Когда за городом, задумчив, я брожу...», «Отцы пустынные и жены непорочны...», «Вновь я посетил...», «Осень», «Из Пиндемонти», «Аквилон» и «Туча» (последнее стихотворение Пушкин вычеркнул).³ В научной литературе пушкинское стихотворение также неоднократно рассматривалось в поэтическом окружении, сопоставление с которым создавало условия для лучшего его понимания. В поэзии Пушкина это прежде всего «Воспоминание и особенно «Дар напрасный, дар случайный». Ср.: «Однозвучный жизни шум» — «Бой часов лишь однозвучный» — «Жизни мышь беготня». Повторяемость слова «однозвучный» (ср. еще в «Зимней дороге»: «Колокольчик однозвучный // Утомительно гремит») позволило А. Ф. Белоусову увидеть тяготение к созданию своего рода цикла, связанного с «поисками смысла и цели в жизни, ощущением своей зависимости от рока» и стремлением найти для себя опору в окружающем мире — «Ек. Н. Ушаковой», «Талисман», «Дорожные жалобы», «Бесы», «Стихи, сочиненные ночью...» и др.).⁴ Подобная тенденция находит свое продолжение в выходе за пределы пушкинского творчества, — и тут в ряд выстраиваются произведения многих поэтов, от «Бессонницы» Ф. И. Тютчева до стихотворения А. Тарковского из цикла «Пушкинские эпитафии».

Особое место в этом ряду занимают поэты «серебряного века», заново осмыслившие значение пушкинского стихотворения и включившие ассоциации и реминисценции из него в ряд созданных ими произведений. В этих условиях повышается престиж «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы», получающих теперь самую высокую оценку и в научной литературе: «перл лирики»,⁵ «одно из самых гениальных стихотворений Пушкина»,⁶ «одно из самых зна-

² Измайлов Н. В. Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20—30-х годов // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 261.

³ См.: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 285—286.

⁴ Белоусов А. Ф. Стихотворение А. С. Пушкина «Зимний вечер» // Русская классическая литература: Анализ художественного текста. Таллинн, 1988. С. 20

⁵ Овсяннико-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 425.

⁶ Гудзий Н. К. К вопросу о пушкинских текстах: О посмертном издании сочинений Пушкина // Проблемы современной филологии: Сб. статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова. М., 1965. С. 382.

чительных „раздумий“ в лирике Пушкина»⁷ и т.п. Разумеется, это не случайно. Стихотворение, в котором «Пушкин, кажется, единственный раз вводит в свою поэзию выражение смутных, подсознательных ощущений и переживаний»,⁸ оказалось созвучным поэзии конца XIX—начала XX в., что и привело к возникновению многочисленных откликов на «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» и модифицированию образной системы стихотворения.

Вопрос этот поднимался в литературе; наиболее подробно рассмотрен он в статье А. Д. Григорьевой, в которой прослежены ре-минисценции из пушкинского стихотворения у И. Анненского («Парки — бабье лепетанье»), А. Белого («Усадьба» и «Карма»), О. Мандельштама («Когда удар с ударами встречается»)⁹. Этим перечнем дело, однако, не ограничивается; в частности, А. Д. Григорьева проходит мимо, пожалуй, наиболее пространного поэтического отклика на пушкинские «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» — стихотворения В. Брюсова «Парки бабье лепетанье» (1918). Не рассматривавшееся в пушкинской литературе, оно было, хотя в основном по другому поводу, охарактеризовано лишь М. Л. Гаспаровым в учебном пособии по русскому стиху.¹⁰ Вместе с тем для представления о судьбе пушкинских образов из «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы» в русской поэзии XX в. стихотворение Брюсова, включенное, в свою очередь, в аналогичный поэтический ряд, также не нашедший пока полного отражения в научной литературе, имеет, на наш взгляд, очень существенное значение. Поскольку стихотворение Брюсова не принадлежит к числу наиболее известных его произведений, приводим его полностью:

Парки бабье лепетанье
Жутко в чуткой тишине...
Что оно пророчит мне —
Горечь? милость? испытанье?
Темных звуков нарастанье
Смысла грозного полно.
Чу! Жужжит веретено,
Вьет кудель седая пряжа...
Скоро ль нить мою с размаха
Ей обрезать суждено!

Спящей ночи трепетанье
Слуху внятно... Вся в огне,
Бредит ночь в тревожном сне.
Иль ей грезится свиданье,
С лаской острой, как страданье,
С мукой пьяной, как вино?

⁷ Измайлов Н. В. Лирические циклы... С. 262.

⁸ Бонди С. М. Рождение реализма в творчестве Пушкина // Бонди С. О Пушкине: Статьи и исследования. М., 1978. С. 144.

⁹ Григорьева А. Д. «Мне не спится...»: К вопросу о поэтической традиции // Изв. АН СССР: Сер. лит.-ры и яз. 1974. № 3. С. 207—215.

¹⁰ Учебный материал по литературоведению: Русский стих / Сост. и примеч. М. Л. Гаспарова. Таллинн, 1987. С. 138—140.

Всё, чего мне не дано!
Ветви в томности трепещут,
Звуки страстным светом блещут,
Жгут в реке лучами дно.

Ночь! зачем глухой истомой
Ты тревожишь мой покой?
Я давно сжился с тоской.
Как бродяга в край искомый,
Я вошел в наш мир знакомый,
Память бедствий сохраняя.
В шумах суетного дня
Я брожу, с холодным взглядом,
И со мной играет рядом
Жизни мышья беготня.

Я иду в толпе, ведомый
Чьей-то гибельной рукой, —
Как же в плотный круг мирской
Входит призрак невесомый?
Знаю: как сухой соломой
Торжествует вихрь огня,
Так, сжигая и казня,
Вспыхнет в думах жажда страсти...
Ночь! ты спишь! но чарой власти
Что тревожишь ты меня!¹¹

Стихотворение это было опубликовано в сборнике 1928 г.: Брюсов Валерий. Незданные стихи (1914—1924). По архитектонике текст состоит из четырех децим (10-стиший) с рифмовкой АББА-АВВГТВ. По определению М. А. Гаспарова, брюсовское произведение представляет собой «глоссу» («комментарий»): «Брюсов отступил от этой схемы только в том, что свое „мотто“ — четверостишие из пушкинских «Стихов, сочиненных ночью...» — он не выписал перед текстом отдельной строфой, считая общеизвестным, и что первые два ее стиха он повторил в начале, а последние два в конце своих четырех строф».¹² Стихотворение Брюсова создавалось в год выхода его книги «Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам» (1918), т.е. тогда, когда были сознательно каталогизированы навыки поэтического «ремесла», представлены потенциально возможные формы и приемы версификации. Вместе с тем брюсовское произведение вряд ли являлось попыткой воспроизведения в версификационной практике классической испанской децимы. К тексту «Парки бабье лепетанье» вполне приложим тезис о двух сторонах искусства — творческой и технической, — с которого начинается статья Брюсова «Ремесло поэта», открывающая его «Опыты...».¹³ Переложение пушкинской темы в стихотворении Брюсова явно уступает оригиналу. Но если подойти к

¹¹ Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1974. Т. 3. С. 377.

¹² Учебный материал... С. 140.

¹³ См.: Брюсов В. Собр. соч. Т. 3. С. 457.

сопоставлению двух текстов иначе, учитывая судьбоносный смысл в поэтическом сознании начала XX в. «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы», то обнаружится ряд семантически сложных символов, связанных комплексом мотивов пушкинского произведения.

Из выбранного Брюсовым второго четверостишия пушкинского стихотворения («могто») каждой строке символисты придали мифогенный характер. Механизм «творческого» восприятия поэтического образа «чужого» текста «задан» А. Белым в сборнике статей «Символизм»: «Стихотворение, воспринятое нами, требует определенно нашего творческого отношения, чтобы завершить символ, который лишь загадан в стихотворении, но не дан в определенно кристаллизованном образе».¹⁴ Брюсовская «версия» пушкинского четверостишия представляет собой менее всего вариации на тему, но вмещает по возможности полный комплекс символистских реминисценций и аллюзий.

Остановимся на открывающей стихотворение Брюсова пушкинской строке «Парки бабье лепетанье». А. Д. Григорьева также сосредоточила свое внимание на поэтической интерпретации именно этого образа; сопоставляя с пушкинской традицией образ Парки — богини жизни и судьбы — в лирическом творчестве ряда поэтов, она обнаружила семантический ореол пушкинского образа и его трансформацию в стихотворении Брюсова «Ожерелье» (1912), в котором Парки не прядут, а нанизывают на нить жизни жемчуг и замыкают эту нить золоченой застежкой — Смертью.¹⁵ Проследивая «отзвуки» пушкинского стихотворения у некоторых поэтов XX в., автор статьи опускает известное стихотворение «Парки» (1892) Д.С. Мережковского, поэта, который, по словам Брюсова, одним из первых попытался «сознательно усвоить русской поэзии те темы и те принципы, которые были отличительными чертами получившей в то время известность и распространение „новой поэзии“».¹⁶ Стихотворение Мережковского акцентировало мотив веретена, который будет возникать и в других символистских текстах:

Будь, что будет — всё равно.
Парки дряхлые, прядите
Жизни спутанные нити,
Ты шуми, веретено.¹⁷

Ср. у Брюсова в первой дециме: «Чу! жужжит веретено, Вьет кудель седая пряха...».¹⁸ Кульминационный эффект заключительных стихов Мережковского: «Пусть же петлю роковую, Жизни спутанную

¹⁴ Белый А. Символизм. М., 1910. С. 426.

¹⁵ Григорьева А. Д. «Мне не спится...»... С. 209.

¹⁶ Брюсов В. Собр. соч. Т. 6. С. 238.

¹⁷ Мережковский Д. С. Полн. собр. соч. М., 1914. Т. 22. С. 178.

¹⁸ В том же 1918 г. Брюсов еще раз возвратился к образу «веретен» в одноименном стихотворении, помещенном в книгу «Опыты...»:

Это — парки. Неуклонно неустанными руками
Довершают начатое бесконечными веками:

нить (...) Разрежут единым взмахом, Парка, ножницы твои!» — явствен и в конце брюсовской строфы: «Скоро ль нить мою с размаха // Ей обрезать суждено!». Устанавливается и весьма неожиданная (но существенная в ареале Ночи и Бессонницы) связь тематического комплекса Парки с произведением Мережковского «Дети ночи» (1896), где мотивы предчувствия и трепетного ожидания обрываются Смертью, Роком:

Мы — над бездною ступени,
Дети мрака, солнца ждем,
Свет увидим и, как тени,
Мы в лучах его умрем.¹⁹

Далее атмосфера роковой предопределенности («Пускай беду пророчит злая Парка») пронизывает автобиографическое произведение Мережковского «Старинные октавы» (опубликовано в 1906 г.), где ощутимо влияние пушкинского стихотворения с его мотивами бессонницы («Порой не мог заснуть и весь дрожал»), ночного «мрака» и «трепета», «лепета вещей Парки». Ср. у Пушкина «Парки бабье лепетанье // Спящей ночи трепетанье» и рифму заключительного двустипшия строфы Мережковского:

С тех пор доньне в бурях и в покое,
Бегу ли я в толпу или под сень
Дубрав пустынных, — чую роковое
Всегда, везде, — и в самый светлый день.
То древнее, безумное, ночное
Присутствует в душе моей, как тень,
Как ужаса непобедимый трепет,
Как вещей Парки неотвязный лепет.²⁰

Описание бессонницы в пространстве трепетного сна, кошмара во второй дециме Брюсова («Бредит ночь в тревожном сне») обрело характер прорицания или сна-воспоминания:

Ночь! зачем глухой истомой
Ты тревожишь мой покой?
(.....)
Как бродяга в край искомый,
Я вошел в ваш мир знакомый,
Память бедствий сохраняя.

Ср. в стихотворении А. Белого «Карма», где сопряжены понятия прежних и будущих существований: «злая, лающая Парка» изливает «свои бормочущие были (...)». Подняв мышинный шорох слов». ²¹ В

Что назначено, то будет! исполняется закон
Под звенящее жужжанье вдохновенных веретен!
(Собр. соч. Т. 3. С. 481)

¹⁹ Мережковский Д. С. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 171

²⁰ Там же. Т. 24. С. 12.

²¹ Белый А. Стихотворения. М., 1988. С. 416.

«поэме-сне» А. Блока «Ночная Фиалка» «бодрствование» героя в мире сна, —

Где сидит под мерцающим светом,
За дремотой четы королевской,
За уснувшей дружиной,
За бесцельною пряжей —
Королевна забытой страны,
Что зовется Ночною Фиалкой, —²²

овеяно дурманом «кружения прялки»:

Цепенею, и сплю, и грущу,
И таю мою долгую думу,
{ }
И проходят, быть может, мгновенья,
А быть может, — столетья.²³

Характерно сближение у поэтов-символистов двух пушкинских образов: Парки и «мышинной беготни» (шороха); ср. у Блока: «Щит упал. Из-под шлема // Побежала веселая мышка».²⁴ Оппозиция «сна» и «бессонницы», синонимически связанная с противопоставлением «смерти» — «жизни», в ряде текстов является условием ирреальной природы «бодрствования» как состояния героя. См. суждения М. Волошина: «Там, где прекращается непрерывность аполлинического сна и наступает свойственное бессоннице горестное замедление жизни, поэт чувствует близкое и ускользящее присутствие мыши.

Сновидение противопоставляется здесь бессоннице. И во время бессонницы, как маленькая трещинка в светлом и стройном Аполлоновом мире, появляется мышь.

Присутствие мыши еле уловимо и с первого взгляда кажется случайным и неважным. Во время бессонницы, когда напряженное ухо более чутко прислушивается к малейшим шумам ночи, так естественно слышать тонкий писк, шорох и беготню мышей». И несколько ранее: «Самому ясному и аполлиническому из русских поэтов во время бессонницы слышится:

„Парки бабье лепетанье, жизни мышья беготня...“».²⁵

Как и сон, «бессонница» создает атмосферу мучительной таинственности, по словам Волошина, «священного ужаса», который во многих вызывается одним присутствием мыши {...} Этот ужас реально связывает нашу душу с какими-то древними и темными силами, память о которых сохранилась лишь в виде почти стертого, почти потерявшего смысл символа».²⁶ Мышь, продолжает Волошин

²² Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 31.

²³ Там же, с. 32—33.

²⁴ Там же.

²⁵ Волошин М. Лики творчества. Л., 1988. С. 97.

²⁶ Там же.

в другом месте статьи, «изваянная Скопасом под пятой Аполлона, мышь, беготню которой во время бессонницы слышали и Пушкин, и Бальмонт, и Верлэн, мышь, внушающая безотчетно-стихийный ужас многим людям, она явилась нам теперь как олицетворение убегающего мгновения».²⁷ Автор статьи «Аполлон и мышь» цитирует стихотворение К. Бальмонта «Дождь» (1901), в котором мотивы «слияния» с «тяжелой тишиной» ночи («Я весь был тьмой ночной»), угнетающей «тревожащими» звуками, воспроизводят атрибутивные черты пушкинского сюжета:

В углу шуршали мыши,
Весь дом застыл во сне.
{.....}
Шел дождь ленивый, вялый,
И маятник стучал.
И я душой усталой
Себя не различал.
{.....}
Равняя звуки точкам,
Началу всех начал,
Он тонким молоточком
Стучал, стучал, стучал.²⁸

Тема «бессонницы» у символистов в силу пушкинских ассоциаций, породивших целые пласты текстов о бодрствовании в ночи, была сопряжена с «прорицанием», «вещанием», «Паркой» или метонимическим образом «веретена»:

И мертвый, бездыханный,
Как труп задутых свеч,
Я слушал в скорби странной
Вещательную речь.²⁹

Характерное для символистов акцентирование мотива Рока, Судьбы накладывало особую печать и на восприятие личности Пушкина. Б. М. Энгельгардт отмечал: «Мудрецу-Пушкину такие, как их называет Вал. Брюсов, „отвлеченные идеи“, как идея Судьбы, личного счастья, истории, народа, мирского суда, были гораздо ближе, чем тезисы в стиле Монтегье {...} И среди этих отвлеченностей идея Рока всегда особенно тревожила сердце поэта». «Топот Медного Всадника не переставал раздаваться за ним, то стихая и превращаясь в „однозвучный жизни шум“, в „Парки бабье лепетанье, сонной ночи трепетанье“, в „жизни мышью беготню“, то снова разрастаясь до грохотанья грома».³⁰

²⁷ Там же, с. 101.

²⁸ Бальмонт К. Будем как Солнце. М., 1903. С. 37.

²⁹ Там же. Ср. со стихотворением «Сон» той же книги (с. 28—29) с мотивами «беспредельного мира», «лунного света», «цельности и свободы».

³⁰ Энгельгардт Б. Историзм Пушкина: К вопросу о характере пушкинского объективизма // Пушкинист: Ист.-лит. сб. / Под ред. С. А. Венгерова. Пг., 1916. Т. 2. С. 155,157.

Как видим, мифологизация комплекса образов пушкинского текста объединяет близкие по семантике мотивы символистских произведений, так или иначе связанных с темой Парки (Рока), ночного часа,³¹ повседневной суеты жизни, сна и бессонницы. Рассмотрение круга ассоциаций, связанных с образами «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы», определивших их интерпретацию в стихотворении Брюсова и других символистских текстах, позволяет увидеть направление художественной мысли поэтов начала XX в., обращавшихся к мотивам пушкинского стихотворения. Значение брюсовской «гlossы» как поэтического комментария усматривается не только в своеобразной интерпретации одного из актуальных в начале XX в. произведений Пушкина, но и в системе ассоциативных отсылок к разнообразным текстам русского символизма, в которых реализовалась мифологизация темы «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы». Множественность смысловых вариаций, восходящих к образам пушкинского стихотворения, вообще характерна для его восприятия русской поэзией конца XIX—начала XX в. Например, Р. Д. Тименчик видит в «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы» текст, «властно предопределивший трактовку мотива часов в русской поэзии».³² И подобные наблюдения можно было бы расширить, в частности, и при более полном разборе рассмотренного стихотворения Брюсова. Наша задача заключалась в том, чтобы, обратив внимание на незамеченные ранее связи последующей русской поэзии со «Стихами, сочиненными ночью во время бессонницы», указать на значение этого материала для комментирования пушкинского стихотворения, раскрытие содержания которого вне поэтического контекста последующих эпох оказывается обедненным и неполным.

А.В. Спроге, А.С. Сидяков

³¹ Ср. отражение пушкинской строки «Ход часов лишь однозвучный» в лирике Ю. Балтрушайтиса:

И что ни ночь, в тоске однообразной —
Всё та же боль медлительных часов,
Где только шорох, смутный и бессвязный,
Меняет глубь одних и тех же снов...

или:

Как Молот, вскинутый судьбой,
Ночных часов пустынный бой...

(Балтрушайтис Ю. Дерево в огне.
Вильнюс, 1969. С. 73, 154)

³² Тименчик Р. Д. Ахматова и Пушкин: Заметки к теме: III. «Невидимых звон копыт» // Пушкин и русская литература: Сб. науч. тр. Рига, 1986. С. 128.

СТИХОТВОРЕНИЕ А.С. ПУШКИНА «ЗАКЛИНАНИЕ»

(из наблюдений над текстом)

О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые,
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы —
Я тень зову, я жду Леилы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, холодна, как зимний день,
Искажена последней мукой.
Приди, как дальняя звезда,
Как легкий звук иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне все равно, сюда! сюда!..

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомненьем мучусь... но тоскуя
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой: сюда, сюда!

(III, 246)

Стихотворение «Заклинание», написанное 17 октября 1830 г., при жизни Пушкина, как известно, не печаталось. Оно было впервые опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании собрания сочинений Пушкина.¹ Хранящийся в ИРЛИ РАН (Пушкинском Доме) белой автограф с поправками,² поступивший в 1904 г. в дар библиотеке Академии наук в составе пушкинской коллекции А. А. Майковой, описан В. И. Срезневским.³ Им указано, что «вся вторая строфа вычеркнута, но затем опять восстановлена; против нее сбоку карандашом приписано: писать; — рука не Пушкина».⁴ В научном описании рукописей Пушкина, составленном Л. Б. Модзалевским и Б. В. Томашевским, отмечены карандашные пометы, сделанные неизвестной рукой.⁵ Т. Г. Цявловская в Полном академическом собрании сочинений Пушкина в 17 т. напечатала текст «Заклинания» по автографу полностью, не указав в текстологическом комментарии имеющиеся на автографе пометы. Между тем при

¹ Пушкин А. С. Соч.: В 11 т. СПб., 1841. Т. 9. С. 164.

² ПД, ф. № 244, оп. 1, № 141.

³ См.: Пушкин и его современники. СПб., 1906. Вып. 4. С. 13—14.

⁴ Там же.

⁵ См.: Рукописи Пушкина. М.; Л., 1937. С. 59

Заклинание

Осквернена ты ^{на} ^{то} ^{костер}
Угнетенная ^{на} ^{то} ^{костер} ^{костер} ^{костер}
И ^{костер} ^{костер} ^{костер} ^{костер}
Сквозь ^{костер} ^{костер} ^{костер} ^{костер}
О ^{костер} ^{костер} ^{костер} ^{костер}
Круто ^{костер} ^{костер} ^{костер} ^{костер}
И ^{костер} ^{костер} ^{костер} ^{костер}
Косит ^{костер} ^{костер} ^{костер} ^{костер}

25

~~Смерть, возмущенная ^{от} ^{костер}
И ^{костер} ^{костер} ^{костер} ^{костер}~~

Автограф стихотворения «Заклинание» (ПД № 141). Начало.

Вот ты мила и не жаль твою
Твою красоту ^{лишь} ~~так~~ ~~как~~ ~~я~~ ~~люблю~~
Улыбка твоя моя —
Или справа улыбка справа справа
Кругом моего полюбовья
Самостоятельно люблю... но люблю
~~люблю~~ люблю люблю люблю
люблю люблю люблю люблю!

3 17 июль

Автограф стихотворения «Заключение» (ПД № 141, оборот листа). Окончание.

изучении автографа нужно обратить внимание на то, что карандашом написано не только слово «писать», карандашом прочерчена и пунктирная линия — знак восстановления текста второй строфы, вычеркнутой Пушкиным чернилами.

Слово «писать», адресованное переписчику, по мнению Р. В. Иезуитовой, написано, по-видимому, рукой В. А. Жуковского. Вероятно, им же сделан для переписчика и знак восстановления текста второй строфы. Насколько нам известно, в настоящее время нет документальных свидетельств тому, что В. А. Жуковский, восстанавливая текст второй строфы «Заклинания», выполнял желание Пушкина. Таким образом, на основании изучения автографа «Заклинания» можно считать, что строфа восстановлена при публикации стихотворения вопреки авторской воле.

Почему Пушкин вычеркнул вторую строфу «Заклинания»? Разумеется, на этот вопрос можно дать лишь гипотетический ответ или гипотетические ответы.

Не исключено, что один из таких ответов может быть связан с биографическим планом стихотворения. Возможно, что в вычеркнутой строфе был заключен намек на Амалию Ризнич, намек, понятный современникам Пушкина и потому нежелательный для обнародования.

Другое возможное объяснение связано, на наш взгляд, с той поэтической традицией, к которой обратился Пушкин в «Заклинании». В исследовательской литературе отмечено обращение Пушкина к стихотворению Барри Корнуола «Призыв» (именно это стихотворение английского поэта легло в основу пушкинского «Заклинания»), отсылки к поэзии Байрона, творческое переосмысление в «Заклинании» художественной системы элегий В. А. Жуковского.⁶ В данном случае хотелось бы указать на то, что именно в вычеркнутой Пушкиным строфе наблюдается своеобразное нагнетание традиционных поэтических мотивов и образов, именно здесь больше всего цитат и реминисценций. Так, пушкинские строки «Иль как ужасное виденье, // Мне все равно...» перекликаются со строками из поэмы Байрона «Гяур»: «Ах, если даже твои красы столь же холодны, // Мне все равно...».⁷ Пушкинское «ужасное виденье» восходит к ужасному виденью из стихотворения Барри Корнуола «Призыв». Образ звезды в «Заклинании» соотносится со звездой, хранящей тень умершей возлюбленной и дающей знать о ее приближении, из стихотворения В. А. Жуковского «Узник». «Как легкий звук, как дуновение» приходит к Минване весть об умершем Армиии в стихотворении В. А. Жуковского «Эолова Арфа».

⁶ См.: Яковлев Н. В. Последний литературный собеседник Пушкина (Барри Корнуолл) // Пушкин и его современники. Пг., 1917. Вып. 28. С. 17—20; Ахматова А. А. Пестрые заметки // Ахматова Анна. О Пушкине. М., 1989. С. 245—246; Благоев Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967. С. 494—499; Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986. С. 88; Грехнев В. А. Пушкинское «Заклинание» и проблема элегической традиции // Филологические науки. 1972. № 1. С. 14—23.

⁷ Цит. по кн.: Ахматова Анна. О Пушкине. С. 246.

Наблюдения, связанные с преломлением в тексте вычеркнутой Пушкиным строфы «Заклинания» поэтических произведений других авторов, могут быть дополнены.

Стихотворение «Заклинание» в целом и, в частности, рассматриваемая строфа соотносится со стихотворением Г. Р. Державина «Призывание и явление Пленеры»:

Приди ко мне, Пленера,
В блистании луны,
В дыхании вефира,
Во мраке тишины!
Приди в подобье тени,
В мечте иль легком сне
И, седши на колени,
Прижмися к сердцу мне...

(...)

Я вижу, ты в тумане
Течешь ко мне рекой!
Пленера на диване
Простерлась надо мной,
И легким осязаньем
Уст сладостных твоих
Как ветерок дыханьем,
В объятиях своих
Меня ты утешаешь...⁸

Первый стих интересующей нас строфы «Заклинания» включает цитату из стихотворения Н. М. Карамзина — песни из его повести «Остров Борнгольм»: у Пушкина — «Явись, возлюбленная тень...»; у Н. М. Карамзина — «Явися мне, явися, // Любезнейшая тень!».⁹

Возможно, обилие цитат и реминисценций, традиционных мотивов и образов, цитата из Н. М. Карамзина и тот ассоциативный ряд, который она влекла за собой, и были одной из причин, по которым Пушкин отказался от всей строфы, начинающейся стихом «Явись, возлюбленная тень», вычеркнул ее.

И еще одно возможное объяснение. «Истинный вкус, — писал Пушкин, — состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности» (XI, 52). В строфе, о которой идет речь, образ умершей возлюбленной создан с помощью сравнений (союз «как» повторяется пять раз). Как знать, быть может, Пушкин отверг эту строфу, чтобы придать своему стихотворению иную соразмерность частей, наполнить его энергией иного, более стремительного движения поэтической мысли.

Но как бы там ни было, вторую строфу «Заклинания» Пушкин вычеркнул, и думается, это нельзя не учитывать при подготовке нового академического издания полного собрания сочинений Пушкина: основной текст печатать без второй строфы; вычеркнутую

⁸ Державин Г. Р. Анакреонтические песни. М., 1986. С. 58—59.

⁹ Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. Л., 1966. С. 129.

Пушкиным вторую строфу поместить в раздел «Другие редакции и варианты».

Итак — неизвестная нам ранее окончательная редакция стихотворения «Заклинание»:

О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы —
Я тень зову, я жду Леилы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомнением мучусь... но тоскуя
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой: сюда, сюда!

Н. И. Михайлова

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ СТИХОТВОРНОГО НАБРОСКА «[КОНЕЧНО] ПРЕЗИРАТЬ НЕ ТРУДНО...»

В числе мелких стихотворений Пушкина, не поддающихся датировке, имеется черновой набросок «[Конечно] презирать не трудно». Не без труда его удалось прочесть, и в качестве дефинитивного печатается следующий текст:

[Конечно] презирать не трудно
Отдельно каждого глупца,
Сердиться также безрассудно
И на отдельного страмца.
Но что чудно —
Всех вместе презирать и трудно —
Их эпиграммы площадные,
Из Бьеврианы¹ занятые.

(Ш (1), 471)

Этот текст датируется в различных изданиях по-разному в пределах десяти лет. П. В. Анненков (1855) и И. А. Шляпкин (1903),

¹ Бьевриана — *Almanach des calambours* (Paris, 1771) итальянского остролова маркиза Бьевра (1747—1789). В пушкинское время воспринимался как собрание расхожих, тривиальных шуток.

первые публикаторы, относили его к 1826—1827 гг., связывая тематически с «Альбомом Онегина».² Большое академическое издание отвергло такое решение, предложив датировать набросок 1830—1836 гг. (III, 1292). Б. В. Томашевский в малом академическом издании расширяет границы его создания до целого десятилетия: с 1827 по 1836 гг.³ Объясняются столь широкие границы тем, что, по мнению его редактора, набросок не поддается датировке на основании содержания. И действительно, в тексте не содержится имен, дат, каких-либо очевидных реалий. А его автограф представляет собой отдельный листок голубой бумаги размером в 1/3 часть листа, заполненный от начала до конца, с припиской на полях, работой над текстом. На бумаге просматриваются остатки водяного знака — буква «Ф», но так как это всего лишь часть целого листа, то определить точно, к какому из известных типов бумаги относится данный автограф, нельзя. Б. В. Томашевский в составленном им каталоге бумаги отнес его к № 94 — бумаге, на которой Пушкин писал в 1827 г. При этом Б. В. Томашевский делает характерную оговорку: «Автограф представляет клочок. Отнесен сюда предположительно. По содержанию не датируется никак».⁴ Таким образом, и анализ бумаги не дает достаточных данных для точной датировки.

П. В. Анненков, указывая на принадлежность, по его мнению, этого текста к «Альбому Онегина», не мотивирует свое решение. Не будем подробно останавливаться на его маловероятности, лишь отметим, что еще до работы над VII главой, над «Альбомом Онегина», в IV главе, уже написанной к 1827 г., встречается экспрессивное выражение «площадная эпиграмма» — строфа XIX:

Я только в скобках замечаю,
Что нет презренной клеветы
На чердаке вралем рожденной,
И светской чернью ободренной,
Что нет нелепицы такой,
Ни эпиграммы площадной,
Которой бы ваш друг с улыбкой,
В кругу порядочных людей,
Без всякой злобы и затей
Не повторил сто крат ошибкой.

(IV, 80—81)

Практически невероятно, чтобы на «тесном» пространстве романа в стихах дважды в различных ситуациях могло бы употребляться столь запоминающееся сочетание. И. А. Шляпкин, пытаясь определить место наброска, обращает внимание на якобы его сходство с XI строфой VI главы «Евгения Онегина». Напомним, что в ней идет

² Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984. С. 336; Шляпкин И. А. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903. С. 5—6.

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1963. Т. 3. С. 531.

⁴ Описание бумаги // Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание. М.; Л., 1937. С. 314.

речь о предстоящей дуэли, о вмешательстве старого сплетника и дуэлиста Зарецкого, и в частности, говорится:

Конечно: быть должно презренье
Ценой его забавных слов;
Но шепот, хохотня глупцов...
И вот общественное мнение!
Пружина чести, наш кумир
И вот, на чем вертится мир!

(VI, 122)

Связь наброска с преддуэльными размышлениями основывается скорее на лексическом, а не смысловом сходстве. В строфе «Евгения Онегина» идет речь о ложно понятой чести, в результате чего происходит бессмысленная дуэль. Разумное, должное презрение оказывается невозможным для героя, озабоченного сохранением романтического ореола сильной личности. Иная мысль формулировалась в наброске. Поскольку она не получила завершённого поэтического воплощения, сформулируем ее на языке прозы: можно («не трудно») презирать отдельного глупца, безрассудно сердиться на отдельного «страмца», но удивительно («что чудно!») — всех их собравшихся вместе презирать уже нельзя («трудно»). Отдельно в рукописи упоминаются «Их эпиграммы площадные // Из Бьеврианы занятые». Мысль об эпиграммах была важна для Пушкина, она несла какой-то существенный смысл, так как в рукописи она выделена в рамку: см. ПД, № 248. Рукопись сохранила следы нелегкой работы, некоторые ее строки имеют по 5—7 вариантов. Обратившись непосредственно к рукописи, обнаруживаем интересную и существенную деталь. До сих пор она приводила в недоумение публикаторов этого текста. В одном из вариантов 5-й строки появляется слово «купцы»: «но в купцы». Появление «купцов» в этом тексте удивило уже Шляпкина, впервые опубликовавшего транскрипцию этого наброска. Напечатав строку «но в купцы», он ставит рядом с ней красноречивое латинское *sic!*⁵ Н. В. Измайлов, редактируя набросок для Большого академического издания, видимо, также не нашел объяснения «купцам». На первый же взгляд это слово и ему показалось странным, вероятно, отсюда и его вывод о том, что здесь имеем дело со случайной опиской. И пушкинская фраза «но в купцы» с пометой редактора «в автографе описка» выносится им за пределы вариантов, в сноску, см.: III (2), 1066. Нам представляется, что все-таки здесь не следует говорить об описке, так как слово «купцы» употреблено не в социальном значении, а как полемическое литературное прозвище. И то, что оно зафиксировано здесь рукою Пушкина в столь красноречивом контексте: «презирать глупца, сердиться на страмца, но в кучке подлецы, их эпиграммы площадные», — позволяет проникнуть в замысел Пушкина, понять, о чем и о ком идет речь, и в результате — точнее датировать текст. Так, обнаруживается непосредственная связь между «купцами» и

⁵ Шляпкин И. А. Из неизданных бумаг... С. 6.

«площадными эпиграммами». Напомним, что эпитет «площадной» употребляется Пушкиным в значении «грубый, вульгарный, непристойный»⁶ и особенно часто используется в полемических текстах для характеристики некоторых литературных противников. Под «площадными эпиграммами» подразумевались скорее всего многочисленные эпиграммы и пародии на пушкинский круг писателей, сплотившихся вокруг «Литературной газеты», которые печатались Н. А. Полевым на страницах «Московского телеграфа» и сатирического приложения к нему — «Нового живописца общества и литературы». В качестве примера упомянем лишь некоторые эпиграммы 1830 г.: «Московский телеграф». № 1 — «Шалун, Гораций наших лет» на Е. А. Баратынского, здесь же стихотворные пародии на А. А. Дельвига и Пушкина; «Новый живописец...». № 2 — «Зачем мою хорошенькую Музу» и «Поэт Оргон вдруг выдумкой задорной» на Е. А. Баратынского и П. А. Вяземского; «Новый живописец...». № 4 — «Когда тебя свистком своим лихим» на Е. А. Баратынского; «Новый живописец...». № 8 — «На ниве бедной и бесплодной» эпиграмма на «Собрание насекомых» с подписью «Обезьянин», здесь же — пародии на А. А. Дельвига и Пушкина; «Новый живописец...». № 13 — «Пришел поэт и пущен на Парнас» на Е. А. Баратынского и Пушкина. Н. А. Полевой был не единственным, писавшим эпиграммы на Пушкина. Были и грубые эпиграммы Н. И. Надеждина в «Вестнике Европы» (1830. № 1) — «Младой певец Фактыдурая» и «О Гений гениев! Неслыханное чудо!». Именно в «Вестнике Европы» появилась пушкинская эпиграмма «Собрание насекомых» с подставленными вместо точек названиями его собственных произведений, но интенсивность эпиграмматического творчества Н. А. Полевого все-таки не может идти в сравнение с другими противниками пушкинского круга, предпочитавшими вести полемику в иных жанрах. Эпиграммы Полевого не оставались незамеченными Пушкиным. Свидетельством тому может служить заметка «Сам съешь» из «Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений», где речь идет об эпиграмме «Пришел поэт и пущен на Парнас», появившейся в ответ на эпиграмму Пушкина «Мальчишка Фебу гимн поднес»: «Является колкое стихотворение, в коем сказано, что Феб, усадив было такого-то, велел его после вывести лакею за дурной тон и заносчивость, нестерпимую в хорошем обществе, — и тот час в ответ явилась эпиграмма, где то же самое пересказано немного похуже, с надписью „сам съешь“. Поэту вздумалось описать любопытное собрание букашек. — Сам ты букашка, закричали бойкие журналы, и стихи-то твои букашки, и друзья-то твои букашки. Сам съешь» (XI, 151). Учитывая сказанное, упоминание в тексте наброска о купцах становится вполне логичным и оправданным: образ «литературного купца», пишущего «площадные эпиграммы», стоял перед глазами — отсюда и один из вариантов 5-й строки. Прозвище же «купцы» по отношению к Н. А. и К. А. Полевым столь же часто употреблялось в полемике, как и «семинарист» по отношению к Н. И. Надеждину,

⁶ Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1959. Т. 3. С. 371—372.

«литературные аристократы» и «знаменитые друзья» по отношению к кругу «Литературной газеты». В дальнейшем в изданиях Н. А. Полевого, да и Н.И. Надеждина, мы уже не обнаруживаем ничего подобного эпиграмматическому всплеску 1830 г., более того, литературные отношения с ними приобретают постепенно пристойную форму, а иногда, как было в случае с «Телескопом» Н.И. Надеждина, Пушкин прибегает к сотрудничеству, хотя и вынужденному. «Жаркая война на перьях» завершается к концу 1831 г. В более ранний период — с конца 1820-х гг. до 1830 г. отношения Пушкина с Полевым носили сдержанно-отстраненный характер, открытой полемики между ними не велось и эпиграмм со стороны Полевого не было. Poleмика назревала, но в других жанрах. Таким образом, наиболее вероятно, что набросок Пушкина был написан под впечатлением эпиграмм и пародий «Московского телеграфа» 1830 г. В пользу этого года говорит и еще одна реалья текста: настойчивое, постоянное упоминание о совместных действиях противников. В автографе читаем: «но в кучке подлецы», «но подлецы толлою», «но глупцы толлою», «всех вместе презирать и трудно», «но вместе мудреней конечно» (выделено мною. — А. А.) А столь редкое для журналистского мира единодушие различных изданий, объединившихся против сотрудников и издателей «Литературной газеты», наблюдается именно в 1830 г., когда совместно выступают такие крупные фигуры, как Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч, Н. А. Полевой, к ним тотчас с энтузиазмом присоединяются низовые полубульварные издания типа «Северного Меркурия» М. А. Бестужева-Рюмина. Анти-пушкинские выступления сливаются в многоголосый, хотя и не всегда стройный хор, на фоне которого одиноко звучат сочувствующие и доброжелательные голоса.⁷

Невозможность презрения к суждениям «глупцов» и «страмцов», объединившихся вместе и оказывающих существенное влияние на общественное мнение, осознается Пушкиным с горечью и недоумением, но как неизбежная реальность, с которой необходимо считаться и в условиях которой надо действовать, бороться за читателя, влиять на общественно-литературный процесс. Похожие по экспрессивной окрашенности фрагменты встречаются в полемической прозе; ср. «... Спрашиваю, по какому праву „Сев(ерная) Пч.(ела)“

⁷ Подробнее об этом: Гиппиус В. В. 1) Пушкин и журнальная полемика его времени // Памяти Пушкина. СПб., 1900. С. 277—328; 2) Пушкин в борьбе с Булгаринным в 1830—1831 гг. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Вып. 6. С. 235—255; Калаш В. В. Пушкин, Н. Полевой и Булгарин // Пушкин и его современники. СПб., 1904. Вып. 2. С. 32—49; Фомин А. Г. Пушкин и журнальный триумвират 30-х годов // Пушкин. [Соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1911. Т. 5. С. 451—492; Замков Н.К. К истории «Литературной газеты» барона Дельвига // Рус. старина. 1916. Кн. 5. С. 245—281; Орлов В. Н. Ксенофонт Полевой и его «Записки» // Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х годов. Л., 1934. С. 360—503; Гукасова А. Г. Из истории журнальной борьбы второй половины 20-х годов XIX века // Учен. зап. МГПИ. М., 1957. Т. 115, вып. 7. С. 3—43; Блинова Е. М. «Литературная газета» А. А. Дельвига и А.С. Пушкина 1830—1831: Указатель содержания. М., 1966; Еремин М. П. Пушкин-публицист. М., 1976, и др.

будет управлять общим мнением русской публики; какой голос может иметь „Сев.(ерный) Меркурий“?» (1831) (XI, 194), — но ведь управляют мнением и имеют голос! Такое возмущенное недоумение близко по эмоционально-экспрессивной окраске к строкам наброска: «Но что чудно! Всех вместе презирать и трудно!». Обратясь к критико-полемической прозе 1830 г., обнаруживаем мысль, так и не получившую законченного поэтического воплощения в наброске. Она ясно сформулирована в написанной осенью этого года незавершенной статье (Баратынский): «довольно легко презирать ребяческую злость и площадные насмешки — тем не менее их приговоры имеют решит.(ельное) влияние» (XI, 186); ср. с написанным тогда же примечанием к статье (О народной драме и драме «Марфа Посадница»): «Не говорим уже о журналах, коих приговоры имеют решительное влияние не только на публику, но даже на писателей, которые *хотя ими пренебрегают, но опасаются печатных насмешек и ругательства*» (XI, 181) (выделено мною. — А. А.). Приходилось всерьез считаться с подобными приговорами и принимать условия навязываемой игры, в противном случае угроза потери читательской аудитории становилась реальностью. Трезвое осознание этой реальности отразилось не только в полемических текстах, но и в определении линии собственного литературного поведения. Подробнее об этом шла речь в нашей статье «Из наблюдений над критико-полемической прозой Пушкина 1830 года».⁸ На протяжении этого года Пушкин стремится активно участвовать в полемике, ведет интенсивный поиск тональности и приемлемого уровня, на котором возможен полемический диалог с противником, прибегающим к недостойным «площадным» приемам, инсинуациям, личным оскорблениям.

На основании сказанного можно сделать вывод, что набросок «[Конечно] презирать не трудно» органично входит в число многочисленных полемических текстов 1830—1831 гг. Среди них — крупные стихотворения и эпиграммы, многочисленные критические статьи, наброски и циклы полемических заметок, сатирические памфлеты и полемические фрагменты, включенные в художественные произведения. Главная мысль наброска формулируется в неоконченной статье (Баратынский) и варьируется в других полемических текстах. Кстати, значительная их часть осталась в черновиках и незавершенных набросках. Анализ рукописи раскрывает дополнительную информацию о содержании наброска и обнаруживает скрытые реалии: «купцов» как-то связанных с «площадными эпиграммами», «глупцов» и «страмцов», которых трудно презирать, так как они объединились вместе. Только связь наброска с событиями «войны журналов» позволяет объяснить реалии, понять темный, на первый взгляд, смысл текста. Поэтому предлагается датировать набросок в пределах 1830—1831 гг; при печатании вариантов следует восстановить ход работы над рукописью без произвольных

⁸ А. С. Пушкин: Проблемы творчества. Калинин, 1987. С. 95—105.

редакторских решений, т.е. включить незавершенную строку «но в купцы» в число вариантов, а не считать ее опиской.

А. А. Алешкевич

1

«БЕРЕЗА» ИЛИ «БЕСЕДА»?

В лицейском стихотворении «Сон» в Большом академическом и последующих изданиях печатается:

...Случалось ли ненастной вам порой
Дня зимнего, при позднем, тихом свете,
Сидеть одним, без свечки в кабинете:
Все тихо вокруг; березы больше нет;
Час от часу темнеет окон свет...

(I, 188)

В этом отрывке вызывает недоумение слово «березы». Вероятно, это ошибка переписчика, неправильно прочитавшего слово «беседы».

Пушкинский автограф не сохранился. Можно только предположить, что ошибка была допущена в одном из ранних списков, а оттуда перешла в сохранившиеся копии.

Графически смешение «бесѣды» с «березой» вполне объяснимо. В «писарском» начертании XVIII—начала XIX в. «с» часто представлено длинной свисающей петлей, которая может быть принята за палочку «р», а следующая затем спинка «ятя» совпадает с хвостиком «р».

Конъектура вызывает сомнения другого порядка. «Беседы больше нет» означает отсутствие разговора, но не отсутствие собеседников, то есть не вполне соответствует фразе «сидеть одним».

Однако значение «разговор» в слове «беседа» вторично. Этимологически это слово означает «сидение» и в разных славянских языках имеет значения: «компания», «общество гостей», «разговор в собрании»¹ (ср. «Беседа любителей русского слова»). В аналогичном значении употребляется оно и у Пушкина:

Уж редко, редко именуют
Его в беседе юных дев.

(II, 211)

Он посещал беседы наши

(III, 331)

¹ Этимологический словарь славянских языков / Ред. О. Н. Трубачев. М., 1974. Вып. 1. С. 211—212.

В этом значении употребляется слово и в данном отрывке. «Беседы больше нет» означает «компания больше нет», «друзья разошлись».

Такое прочтение поддерживается общим смыслом отрывка. Вечерняя пора, которая здесь описана, — традиционное время «бесед» (среди значений этого слова есть и «вечеринка», «посиделки»). Ср. в «Евгении Онегине»:

Вечерняя находит мгла...
(Люблю я дружеские враки
И дружеский бокал вина
Порою той, что названа
Пора меж волка и собаки,
А почему, не вижу я).
Теперь *беседуют* друзья.

(VI, 93)

Но та же самая пора — время поэтического вдохновения. Это сумерки «Осени», когда «гаснет краткий день» и «в сладкой тишине // Я сладко усыплен моим воображеньем». Это белая ночь «Медного всадника» —² «когда я в комнате моей // Пишу, читаю без лампы». Тот же сумеречный час и то же состояние «первосония» описано и в лицейском стихотворении. «Сон» обозначает здесь не сновидение и не дрему, а творческий процесс — поэтическое мечтание:

Терялся я в порыве сладких дум...
И в вымыслах носился юный ум.

Возникает аналогия между творчеством и вечерней беседой. Творчество — это тоже беседа, но беседа безмолвная, парадоксальный способ внесоциальной коммуникации.² Противопоставление элегической «мечты» дружеским «пирам» сохраняет для Пушкина постоянную актуальность («Слеза», «19 октября», «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», «Вновь я посетил», «Пир во время чумы»).

2

РОЗА И ВИНОГРАД

Стихотворение «Виноград» написано в Михайловском, датируется мартом—маем 1825 г.³

² Ср.: Hunter J. Novels and «the novel»: The poetics of embarrassment // *Modern philology*. 1988. № 5. P. 480.

³ Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 833 (из текстологических наблюдений) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Вып. 11. С. 63.

ВИНОГРАД

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной;
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины влачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

(III, 342)

Внешне стихотворение примыкает к аллегорическим сравнениям типа «Фиалка и роза», «Роза и лилея» (ср. у Пушкина «Золото и булат», «Вода и вино»).⁴ Однако здесь в заглавие стихотворения вынесен только один символ. Кроме того, здесь нет самого сравнения или «спора»: речь идет не о том, что *лучше*, а о том, что *мил*, что *нравится*.

Это напоминает мазурочный пароль — выбор кавалером «своего» цветка. Ср. бальный эпизод из воспоминаний А. Смирновой-Россет:

«Мы все были в черных платьях. Я сказала Стефани: „Мне ужасно хочется танцевать с Пушкиным“. — „Хорошо, я его выберу в мазурке“, — и точно, подошла к нему (...) Потом я его выбрала и спросила: „Quelle fleur?“ («Какой цветок?») — „Celle de votre couleur“ («Вашего цвета»), — был ответ, от которого все были в восторге».⁵

Ср. в «Детстве» Л. Толстого:

«Большая девица, с которой я танцевал (...) подвела ко мне Сонечку и одну из бесчисленных княжен. „La rose ou le hortie?“ («Роза или крапива?») — сказала она мне (...)

Я встал, сказал „gose“ и робко взглянул на Сонечку. Не успел я опомниться, как чья-то рука в белой перчатке очутилась в моей, и княжна с приятнейшей улыбкой пустилась вперед».⁶

Загадываться могли не только «цветы», но и «качества». Ср. в «Пиковой даме»:

«Подошедшие к ним три дамы с вопросами — *oublie ou regret?* (забвение или сожаление) — прервали разговор...» (VIII, 244).

Но и цветы символизируют качества, обозначают роль дамы в любовной игре. Выбирая цветок, кавалер выбирает и определенный сценарий этой игры.

Роза и виноград противопоставлены как цветок и плод. Соответствующие им качества — Красота и Наслаждение. Подразумевается любование цветком и вкушение плода, платонизм и чувственность,

⁴ См.: Алексеев М. П. Споры о стихотворении «Роза» // Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972. С. 326—377; Грибушин И. И. «Три розы» Д. В. Веневитинова и стихи А. С. Пушкина о трех розах // Жанр и композиция литературного произведения. Калининград, 1976. Вып. 2. С. 34.

⁵ Смирнова-Россет А. О. Из «Записок А. О. Смирновой» // Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 2. С. 158.

⁶ Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 14 т. М., 1952. Т. 1. С. 73.

«цветочки» и «ягодки». Такое понимание подсказывает последняя строка, переводящая символику в эротический план. В сущности это перевернутое сравнение: естественно сравнить не виноград с девой, а деву с виноградом (ср.: «И будут сосцы твоя яко грезнове винограда» — Песнь Песней, гл.7, ст.8).

Кроме того, эти качества подсказаны анаграмматически. Звуковые комплексы КРАСОТА и НАСЛАЖДЕНИЕ противопоставлены внутри строк и контрастно распределены между строками:

	КРАСОТА	НАСЛАЖДЕНИЕ
1	РоЗах	ЖаЛеть
2	РАннею	веСНой
3	виноГРАд	ЛоЗах
4	КиСТях, соЗРевший, ГоРой	
5	КРАСА	ДолиНЫ ЗЛАчНой
6	отРАда	оСеНи ЗЛАтой
7	проЗРАчный	проДоЛговатый
8	пеРСТы	ДЕвы моЛоДоЙ

Стихотворение как бы отвечает на два вопроса: «La rose ou le raisin?» (с фонетически мотивированным противопоставлением символов) и одновременно — «Что важнее в любви: красота или наслаждение?».

Пушкинский ответ полемичен: он демонстрирует «мещанские» наклонности автора, сменившие романтические увлечения юга («Vivent les grisettes. C'est bien plus court et bien plus commode» — XIV, 27).

Отсюда и более прямые значения символов. Увядшая роза метонимически соотносится с грудью: это роза, приколотая на платье. Ср.:

...Но розу счастливую,
На персях увядшую
[Элизы] моей...

(III, 258)

(Отрывок связан с Югом, как и две другие «розы»: «О дева-роза, я в оковах» и «Лишь розы увядают...»).

«Укромность» винограда сближает его с «вишней» лицейского стихотворения (I, 326), что уже выходит за рамки мадригальных комплиментов. Ср. символику винограда в народной поэзии:

Девка парню говорила, не таила:
Заезжай прямо да в ограду.
Ты поставь коня да ко саду,
Ты ко саду, к винограду.

Меня замуж отдают —
Мне не хочется;
Не летай воробей,
Не сбивай виноград.⁷

Стихотворение превращается в нескромную загадку — тем более пикантную, что она скрывается под маской салонного жанра. Истоки этой двусмысленности — в перифразах легкой поэзии, в той «скромности» выражения, которая предполагает нескромность содержания (ср. «Если б милые девички» Державина).⁸

Роза противопоставлена винограду и как весна — осени, юность — зрелости. Это напоминает противопоставление *Аи* и *Бордо* в хронологически близком отрывке «Евгения Онегина» (январь 1826 г.):

Но изменяет пеной шумной
Оно желудку моему,
И я *Бордо* благоразумный
Уж нынче предпочел ему.
К *Аи* я больше не способен;
Аи любовнице подобен
Блестящей, ветреной, живой,
И своенравной, и пустой...
Но ты, *Бордо*, подобен другу,
Который, в горе и в беде,
Товарищ навсегда, везде,
Готов нам оказать услугу,
Иль тихий разделить досуг.
Да здравствует *Бордо*, наш друг!

(VI, 92)

Если *Аи* подобен любовнице, то *Бордо*, очевидно, жене (речь идет о свадебных ожиданиях Ленского). *Аи* — принадлежность холостых пирушек, *Бордо*, красное столовое вино, скорее ассоциируется с клубными обедами, т.е. с устроенным семейным бытом.

Аналогии символов очевидны: роза и шампанское сближаются пышной мгновенной красотой, а виноград и бордо — густой телесной сладостью. Красота блестяща, но мимолетна, брак прозаичен, но надежен. Выбор винограда, таким образом, связывается и с матриониальными планами.

Противопоставление Красоты и Наслаждения имеет и внутренний смысл. В конечном счете это противопоставление чтения и письма. Ряд пушкинских фрагментов уподобляет женское тело любовному письму, которое скрыто от посторонних глаз, но которое читает догадливый любовник:

⁷ Соболевский А. И. Великорусские народные песни. СПб., 1896. Т. 2. № 271, 369.

⁸ О жанре фривольной загадки у Пушкина см.: Burkhardt D. An early fairy-tale in verse of Alexander S. Puškin: the structure of the erotic riddle // Russian literature. 1988. Vol. 24. N 3. P. 275—292.

И ветер сумраков, резвясь,
На снежну грудь прохладой дует (...)
И ногу стройную рисует
Сквозь белоснежный твой покров...

(I, 172)

Сквозь чугунные перилы
Ножку дивную продень!

(III, 345)

Удовольствие чтения — это удовольствие репрезентации: постепенного раскрытия текста, угадывания текста по его фрагменту. «Наслаждение» же — это презентация объекта желания, материализация образа, и такое наслаждение дает письмо.

С этой точки зрения вторая строфа стихотворения равнозначна инскрипту, или авторской приписке. Она нарушает логическую структуру сравнения, заменяя его сосредоточенным описанием, почти графической презентацией образа («продолговатый и прозрачный»). Как бы в подтверждение этого стихотворный текст сопровождается подлинный инскрипт — рисунок грозди винограда.⁹

В. Мерлин

⁹ ПД № 835, л. 38.

**«ВОРОН К ВОРОНУ ЛЕТИТ».
РУССКИЙ ИСТОЧНИК «ШОТЛАНДСКОЙ ПЕСНИ» ПУШКИНА**

Единственный автограф стихотворения «Ворон к ворону летит» — черновой¹ — датируется осенью 1828 г. (см. III, 1167). В конце этого года стихотворение публикуется в «Северных цветах» под заглавием «Два ворона», а затем входит в «Сочинения Александра Пушкина» 1829 г. без названия, фигурируя в оглавлении как «Шотландская песня». Мысль о том, что источник стихотворения следует искать в фольклоре, возникла уже у современников поэта. Так, в марте 1841 г. Я. К. Грот писал П. А. Плетневу: «...не знаешь ли, не основывается ли пьеса Пушкина „Ворон к ворону летит“ на какой-нибудь народной песни русской или иноземной?» — на что адресат отвечал, что это перевод шотландской народной песни.² В. Г. Белинский характеризовал стихотворение как «переделку на русский лад баллады Вальтера Скотта».³ Опуская историю изуче-

¹ ПД № 838, л. 108 об.

² Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым / Под ред. К. Я. Грота. СПб., 1896. Т. 1. С. 272, 273.

³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 353.

ния «Шотландской песни», подробно изложенную Ю. Г. Оксманом,⁴ вспомним, что ее шотландский источник — баллада «Два ворона» — действительно, находится среди народных баллад, собранных и опубликованных Вальтером Скоттом и известных Пушкину по прозаическому французскому переводу,⁵ который сохранился в составе его библиотеки.⁶ Сопоставляя оригинал с переводом (или, по классификации Г. Д. Владимирского, «переводом-переделкой»)⁷ Пушкина, исследователи отмечают перенос действия в обстановку, обычную для произведений русского народного творчества: вместо «старой стены» оригинала у Пушкина появляется «ракита» — сначала «за горюю», затем «в чистом поле», вместо «рыцаря» — «молодец», затем — «богатырь», вместо «ястреба» — «сокол», вместо «собаки» — «конь», затем «лошадь» и, наконец, «кобылка вороная», вместо «дамы» или «возлюбленной» — «подружка», а затем — «хозяйка молодая». Обычно все эти элементы рассматривают как признаки некоего усредненно-фольклорного стиля, относя их к эпосу, но не связывая с определенным сюжетом в русском фольклоре.⁸ Между тем существует конкретный источник картины, возникшей в стихотворении Пушкина, причем он относится не к эпическому, а к лирическому роду народной поэзии. Это русская протяжная песня о гибели молодца. Зачин этой песни в том варианте, который мы находим в сборнике М. Д. Чулкова, таков:

Ах ты поле мое, поле чистое,
Ты раздолье мое широкое.
Ах ты всем поле изукрашено,
И ты травушкой и муравушкой,
Ты цветочками василечками;
Ты одним полем обесцещено.
Посреде тебя поля чистова
Выростал тут част ракивов куст;
Что на кусточке, на ракивовом,
Как сидит тут млад сизой орел,
Во когтях держит черна ворона:
Он точит кровь на сыру землю;
Как под кустиком, под ракивовом,
Что лежит убит доброй молодец,
Избит, изранен и исколот весь.⁹

⁴ Оксман Ю. Г. Сюжеты Пушкина: (Отрывочные замечания) // Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова. М.; Пг., 1923. С. 27—34.

⁵ Chants populaires des frontières méridionales de l'Ecosse/Rec. et commentés par sir Walter Scott, trad. de l'anglais par M. Artaud. Paris, 1826. Т. 3. Р. 217 (Oeuvres compl. de sir Walter Scott. Т. 16).

⁶ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910. № 1367 (Пушкин и его современники. Вып. 9—10).

⁷ Владимирский Г. Д. Пушкин-переводчик // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. Вып. 4—5. С. 318.

⁸ См.: Сумцов Н. Ф. Этюды об А. С. Пушкине. Варшава, 1895. Вып. 3. С. 27—28; Оксман Ю. Г. Сюжеты Пушкина. С. 33; Лернер Н. О. Примечания к стихотворениям 1828 и 1829 гг. // Пушкин А. С. [Соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1911. Т. 5. С. XVIII.

⁹ Чулков М. Д. Собрание разных песен. СПб., 1770. Ч. 1. № 146.

В большинстве вариантов об орле, поймавшем ворона, говорится:

Уж он бить-то его не бьет, только спрашивает:

«Уж где ты, ворон, ты летал, где, сизый, ты
полетывал?»

.....

«Ты кого же, ворон, видал?» —

— Видел я чудо чудное — видел тело белое...¹⁰

Отметим прежде всего элементы песни, вошедшие в пушкинский текст. Это разговор двух птиц, одна из которых обнаружила добычу; в песне — диалог орла и ворона, у Пушкина, как и в шотландском оригинале, — двух воронов; это, кроме того, ракета (в песне — «ракитов куст»), под которой лежит убитый, — и, наконец, сокол, который в некоторых вариантах песни заменяет орла.¹¹ В ряде вариантов песня имеет другой зачин, по которому она в фольклористике получила условное название «Горы Воробьевские»:

Уж вы горы, горы высокие, горы Воробьевские,
Воробьевские горы, подмосковные!

Ничего-то вы, горы, не спородили;

Спородили вы, да горы, сер горюч вы камешек.

Из-под камня бежит речка быстрая;

Подле реченьки стоит част ракитов един куст;

На кусточке сидит, сидит млад сизой орел...¹²

Не исключено, что именно этим вариантом зачина объясняются колебания Пушкина, который написал сначала: «за горою под ракитой», — а затем исправил: «в чистом поле под ракитой». Дальнейшее содержание песни таково: к телу прилетают три ласточки, одна из которых — «родная матушка», другая — «родная сестра», третья — «молода жена»:

Родная матушка плачет, плачет — как река течет;

Родная сестрица плачет, — как ручья весной бежат;

Молода жена плачет, плачет, — как роса падет.

Родная матушка плачет, плачет до гробовой доски;

Родна сестрица плачет, плачет до замужьица;

Молода жена плачет, плачет до мила дружка.¹³

В некоторых вариантах последние три стиха заменяет емкая метафора: «Красно солнышко взойдет, росу высушит»;¹⁴ иногда метафо-

¹⁰ Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. СПб., 1895. Т. 1. № 365. См. также № 358—364, 366—370; см., кроме того: Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия / Под ред. акад. М. Н. Сперанского. М., 1929. Вып. 2. Ч. 2. № 1636, 1914, 1933, 1948, 2493, 2507, 2641; Чулков М. Д. Собрание русских песен. СПб., 1770. Ч. 2. № 142.

¹¹ См.: Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровым // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым. М., 1862. Т. 4.

¹² Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. Т. 1. № 365. См. также № 362—364, 367.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. № 359, 360. Ранее опубликованы в изд.: Новое и полн. собр. российских песен: В 6 ч. М., 1780. Ч. 1. С. 160 (этот сборник Пушкин приобрел 22 июня

ра раскрывается: «Роса высохла, молода жена замуж вышла», — или: «Как замуж пойдет, то забудет его», — или: «Молода жена (...) за гульбой пошла»¹⁵ (вспомним последние строчки стихотворения Пушкина:

А хозяйка ждет милого,
Не убитого, живого).

(III, 123)

Отголосок приведенной метафоры слышен в реплике мамки в трагедии «Борис Годунов» (сцена «Царские палаты»): «И, царевна! девица плачет, что роса падет; взойдет солнце, росу высушит. Будет у тебя другой жених и прекрасный и приветливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь своего королевича» (VII, 42). Г. О. Винокур, комментируя эту реплику, указывал на цитату из народной песни, приведенную в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина как на ее источник.¹⁶ Однако есть основания считать, что Пушкину были известны не только четыре последних стиха, процитированные Карамзиным, но и вся песня.

Песня «Горы Воробьевские» относится к русской песенной классике. Она родилась в мужской воинской среде и дошла до нас из глубины веков, широко распространившись по всем губерниям и областям России. По несколько ее вариантов публиковались практически в каждом «песеннике», в каждом сборнике народных песен начиная со сборника Чулкова 1770 г.,¹⁷ некоторые из них сохранились в составе библиотеки Пушкина, некоторые утеряны, но упомянуты в описи, составленной Опекой после его смерти.¹⁸ Уже в годы Михайловской ссылки интерес Пушкина к собиранию и изучению

1827 г. — см.: Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения / Под ред. С. Д. Балухатого и др. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 39); Новейший туалетный песенник для милых девушек и любезных женщин: В 3 ч. Орел, 1821. Ч. 2. С. 191; Новейший всеобщий и полный песенник: В 4 ч. СПб., 1819. Ч. 2. С. 25; Собр. русских народных песен с их голосами, положенных на музыку Иваном Прачем. СПб., 1806. Ч. 2. С. 10, 362, 367, 368.

¹⁵ Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. Т. 1. № 358 (публиковалась в изд.: Новое и полное собрание российских песен. Ч. 2. С. 151; Собрание разных песен: В 4 ч. М., 1783. Ч. 2. С. 175; Собрание русских народных песен с их голосами... Ч. 2. С. 2, 366); Песни, собранные П. В. Киреевским. Нов. сер. Вып. 2. Ч. 2. № 2507; см. также № 1645, 1681, 1914, 1925, 2641.

¹⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1935. Т. 7. Драматические произведения. С. 473; Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1824. Т. 10. С. 266.

¹⁷ Нотная запись песни из сборника В. Ф. Трутовского 1776 г. приведена в кн.: Глумов А. Музыкальный мир Пушкина. М.; Л., 1950. С. 109.

¹⁸ Чулков М. Д. Собр. разных песен. Ч. 1. № 146 (Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. № 421); Ч. 2. Ю 142; Новое и полное собрание российских песен. Ч. 1. С. 160; Ч. 2. С. 151 (это издание значится в описи библиотеки Пушкина, составленной Опекой, под № 600; см.: Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 1002; см. также примеч. 14); Весельчак на досуге, или собрание новейших песен (...) собранный из разных старинных песенников и новейших книг, Кол. Р. Ив. Ф. Л(ьвовым). М., 1797. Ч. 1. № 181 (Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. № 73); Всеобщий российский песенник, или Новое собрание лучших всякого рода песен... СПб., 1810. Ч. 2. № 92 (Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. № 81).

народных песен был вполне осозанным и направленным, поэтому к 1828 г., т. е. к периоду работы над «Шотландской песней», он мог не только прочесть текст этой песни в сборниках, но и услышать ее в живом исполнении, а в начале XIX в. она звучала в каждой деревне; кое-где жива она до сих пор.

Возможность использования русской протяжной песни при переводе шотландской баллады заложена в близости их сюжетов. Кроме того, в фольклоре разных народов совпадают символические значения образа ворона, являющегося одним из главных персонажей стихотворения Пушкина и обоих его источников — шотландского и русского. Как показал Н. Ф. Сумцов, ворон с древнейших времен воспринимается как враг, как мрачный вестник смерти или другого несчастья, с одной стороны, и как птица, которая питается падалью и чует ее на большом расстоянии, с другой стороны. В этом качестве ворон присутствует в произведениях Пушкина «Русалка», «Гробовщик», в стихотворении «Альфонс садится на коня». В русских похоронных причитаниях черный ворон нередко олицетворяет собой смерть. В представлениях христианских народов ворон часто соотносится с нечистым, т. е. со смертью духовной, из-за своей черноты, зловещего крика и хищности. Благодаря непосредственной связи ворона со смертью его крику уделяется большое внимание в народных поверьях, с ним связано множество примет и предсказаний о будущем.¹⁹ Весь спектр указанных значений представлен в образах двух воронов как в шотландской балладе, так и в стихотворении Пушкина, причем зловещую функцию этих птиц поэт подчеркивает тем, что они не говорят, как в оригинале, а кричат, и дополнительно обыгрывает аллитерацией, инструментируя первые два стиха звуком «р»:

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит...

Этого звукоподражания нет ни в стихотворном оригинале баллады, ни, тем более, в прозаическом французском ее переводе, известном Пушкину, ни в русской песне «Горы Воробьевские», так как этот прием не характерен для эпических и лирических жанров народного творчества и является в данном случае чисто литературным.

При всей близости сюжета и совпадении некоторых персонажей шотландский и русский оригиналы в результате своего взаимодействия претерпели в произведении Пушкина ряд существенных изменений. Рассмотрим прежде всего те из них, которые произошли с шотландской балладой под воздействием русской песни.

В шотландской балладе «собака убежала на охоту, ястреб ловит дичь для нового хозяина», у Пушкина же «Сокол в роуу улетел, / На кобылку недруг сел...», т. е. сокол — гордая, вольная птица, — после гибели хозяина остался свободным. На первый взгляд, произошла простая смена функций: роль ястреба перешла к «кобылке»,

¹⁹ См. об этом подробнее: Сумцов Н. Ф. Ворон в народной словесности // Этнографическое обозрение. 1890. Кн. 4. 1. С. 61—86.

роль собаки — к соколу, хотя и здесь есть некоторая разница между безразличием собаки и поведением сокола. Однако то обстоятельство, что вместо «ястреба» оригинала у Пушкина появляется «сокол», свидетельствует о глубоком значении этой смены. Сокол возникает здесь не столько потому, что соколиная охота на Руси была распространена больше, чем ястребиная, сколько потому, что в русском народном творчестве сокол — птица особая. Образом сокола постоянно сопровождается в мужской лирике образ мблодца. В некоторых песнях мблodeц посылает сокола к родным с вестью о себе:

Что по сениям было, сениям-сеничкам,
По новым сениям решетчатым,
Что ходил-гулял добрый молодец,
Во руках носил ясного сокола;
Сам соколу он наказывает:
«Полеги, сокол, куда я пошлю,
Куда я пошлю, куда я велью!»²⁰

Неразрывная связь этих образов проявляется в виде параллелизма:

У залетного ясного сокола,
Подопрело его правое крылышко,
Правое крылышко правильно перышко,
У заезжего доброго молодца,
Что болит его буйна головушка,
Что щемит его ретиво сердце...²¹

Наконец, выражение «ясный сокол» в фольклоре нередко просто заменяет наименование молодого человека.²² Примеры этому есть и у Пушкина — в «Сказке о золотом петушке»:

Царь завыл: «Ох дети, дети!
Горе мне! попались в сети
Оба наши сокола!..»

(III, 560)

или в «Капитанской дочке»: «„Прощайте, Петр Андреич, сокол наш ясный!“ — говорила добрая попадьа» (VIII, 359). Следует также

²⁰ Великорусские народные песни / Изд. проф. Соболевским. СПб., 1990. Т. 6. № 190 (перепечатана из сборника: Новое и полное собрание российских песен. М., 1780. Ч. 4. С. 147; сборник был в библиотеке Пушкина — см. примеч. 14).

²¹ Чулков М. Д. Собр. разных песен. Ч. 2. № 175. См. также примеры параллелизма: Там же. Ч. 2. № 145; Курганов Н. Г. Писмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезногозабавного вешесловия. 4-е изд. СПб., 1790. Ч. 2. Присовокупление 5. № 3; Собрание русских стихотворений {...} изданное Василием Жуковским. М., 1810. Ч. 2. С. 313 (№ XIII раздела «Народные песни»); [Сахаров И.] Песни русского народа. СПб., 1839. Ч. 4. № 36; Великорусские народные песни / Изд. проф. Соболевским. Т. 6. № 338, 429, 439, 471—476, 479, 480, 499, 500; Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая сер. Вып. 2. Ч. 2. № 1803, 1893, 1926, 2014, 2109, 2110, 2311, 2433, 2514, 2633, 2946, 2956, 2986.

²² См.: Чулков М. Д. Собр. разных песен. СПб., 1773. Ч. 3. № 86; Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая сер. Вып. 2. Ч. 2. № 2229, 2415, 2560, 2583.

иметь в виду, что в молодецкой лирике и балладах сокол и орел часто противопоставляются вброну,²³ в том числе и в интересующей нас по преимуществу песне «Горы Воробьевские». Это противопоставление идет из глубокой древности и воспринимается в русском народном творчестве как противопоставление света и тьмы, правды и кривды (как в апокрифическом стихе о «Голубиной книге»), воли и зависимости. Это последнее понимание двух образов отразится у Пушкина позже в «калмыцкой сказке» об орле и вброне, которую рассказывает Гриневу Пугачев в «Капитанской дочке» (ср. с притчей об орле и вороне в «Письмах к свату» В.И. Даля, о которой в письме к Пушкину упоминает П.И. Мартос в 1836 г. (XVI, 167)). В стихотворении «Ворон к ворону летит» это противопоставление явно не выражено, но, поскольку сокол здесь, как и в русском фольклоре, — неперменный атрибут млодца, он противопоставлен вбронам в той же мере, в какой им противопоставлен его хозяин.

«Кобылка вороная» — персонаж, отсутствующий в оригинале, — также введен Пушкиным не случайно. Конь, как и сокол, в русском народном творчестве необходимый спутник млодца. Более того, отношения между конем и хозяином в фольклоре, как правило, — отношения двух товарищей, что у Пушкина отразилось ранее в «Песни о вещем Олеге», а затем — в стихотворении «Конь» из цикла «Песни западных славян». В песне «Горы Воробьевские» такого персонажа нет, конь и его умирающий хозяин являются героями другой песни, которая произошла от нее в результате развития ее отдельных мотивов²⁴ и распространилась не менее широко. Песня эта, безусловно, была известна Пушкину. Два ее стиха: «не курится там огонечек малешенек»²⁵ и «уж как пал туман седой на синее море» — с метрическими схемами сохранились среди его черновигов.²⁶ На листе с записью последнего стиха находится также строчка (с метрической схемой): «Он далече далече плавает в печальном тумане», — на которую, по-видимому, оказал влияние стих рассматриваемой песни: «Как далече далече во чистом поле». Песня эта приведена в «Письмовнике» Курганова, в сборнике Чулкова и во всех «песенниках» начала XIX в. Обычный зачин песни таков:

²³ Курганов Н.Г. Писмовник... Присовокупление 5. № 18 (тот же вариант см.: Новое и полн. собр. российских песен. Ч. 1. С. 147); Великорусские народные песни / Изд. проф. Соболевским. Т. 1. № 487—489.

²⁴ См. об этом: Лопатин Н.М. Объяснение вариантов песен со стороны бытового и художественного их содержания // Лопатин Н.М., Прокунин В.П. Русские народные лирические песни. М., 1956. С. 96—102.

²⁵ Ср.: «Вижу, вон, малый огонечек / Чуть-чуть брезжит в темноте за рекою» («Янко Марнавич» из цикла «Песни западных славян» — III, 341).

²⁶ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печ. и коммент. М. А. Цявловский, Л.Б. Модзалевский, Т.Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 306; Модзалевский Л.Б., Томашевский Б.В. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание. М.; Л., 1937. С. 18 (ПД, № 39, л. 1; на обороте дата: 26 сентября 1821 г.), 28 (ПД № 67, л. 2 об. — оборот письма к П. А. Плетневу от 18 июля 1825 г.). См. также: Томашевский Б.В. Из пушкинских рукописей // Литературное наследство. Т. 16—18. С. 274—278, 283.

Уж как пал туман на сине море, на сине море,
А злодейка кручина в ретиво сердце;
Как не сжаживать туману со синя моря,
А злодейке кручине с ретива сердца.

В некоторых вариантах это лирическое вступление опускается, и песня начинается непосредственно со следующего за ним стиха:

Как далече, далече во чистом поле
Разгорался огонечек малешенек;
Возле огничка послан ковричек,
А на ковричке лежит доброй молодец,
Во правой руке держит тугой лук,
Во левой руке калену стрелу;
Во скорых ногах стоит добрый конь,
Он бьет копытом об сыру землю...²⁷

Дальнейшее содержание песни составляет диалог коня и хозяина: конь предлагает отнести молодца к его семье; молодец, умирая, просит коня похоронить его, а затем бежать «во святую Русь»:

Ты скажи, объяви молодой жене,
Что женился я на иной жене,
И я взял за себя поле чистое,
А в приданы взял зеленые луга;
У нас доброй сват был булатной меч,
А сосватала калена стрела,
На постель клаала свинцова пуля.

В некоторых вариантах песни молодец предоставляет жене выбор — вдоветь или выходить замуж. Параллель смерти и свадьбы, в зачатке присутствующая уже в песне «Горы Воробьевские», здесь разворачивается в целую метафорическую картину, которая, по-видимому, повлияла на финал пушкинского стихотворения (об этом чуть позже).

Еще один отсутствующий в шотландской балладе, но введенный Пушкиным компонент обстановки, — ракита. Уже говорилось о том, что «ракетов куст» — непременная, устойчивая деталь картины, которая разворачивается в песне «Горы Воробьевские». В русском фольклоре «одинокий куст, дерево в чистом поле — символ печали, горя».²⁸ Образно об этом говорится в русской народной балладе:

²⁷ Новейший полный и всеобщий песенник...: В 4 ч. СПб., 1818. Ч. 2. № 172; идентичный текст см.: Новейший всеобщий и полный песенник...: В 6 ч. П.Ш. СПб., 1819. Ч. 2. № 136; варианты см.: Там же. Ч. 2. № 92; Курганов Н.Г. Писмовник... Ч. 2. Присовокупление 5; Новое и полное собрание российских песен. Ч. 1. С. 140; Новый российский песенник: В 3 ч. СПб., 1791. Ч. 2. С. 23; Карманный песенник: В 3 ч. М., 1796. С. 211; Новейший и полный российский общенародный песенник. М., 1810. С. 169; Новейший российский избранный песенник: В 2 ч. М., 1817. Ч. 1. С. 207; Великорусские народные песни / Изд. проф. Соболевским. Т. 1. № 381—409; Песни, собранные П.В.Киреевским. Новая сер. Вып. 2. Ч. 2. № 1657, 2406.

²⁸ Лазутин С.Г. Очерки по истории русской народной песни: (филологическое исследование). Воронеж, 1964. С. 86.

От чего ты, горе, зародился?
Зародилось горе от сырой земли,
Из-под камешка из-под серого,
Из-под кустышка с-под ракитова.²⁹

Показательно, что, судя по «Словарю языка Пушкина», слово «ракита» поэт употребил только один раз — в стихотворении «Ворон к ворону летит».³⁰

Две последние строфы шотландского оригинала, в которых в подробностях описывается поедание вбронами трупa, опущены Пушкиным в окончательном варианте стихотворения, хотя работа над ними была начата. Причина этому, вероятно, тот натурализм, который не характерен для русского народного творчества в его классических проявлениях и потому «не укладывался» в стиль, выработанный Пушкиным в этом произведении.

Посмотрим теперь, что происходит с народной песней, вступающей во взаимодействие с инонациональным материалом. Ее трансформация в пушкинском стихотворении обусловлена прежде всего тем, что поэт сохраняет жанр шотландского оригинала, и материал протяжной лирической песни начинает жить по законам баллады. Для баллады характерен острый драматизм; конфликт баллады по сравнению с эпосом и молодецкой лирикой более частный, личного, а не общественного характера;³¹ поэтому герой пушкинского стихотворения не погиб в битве, как в песнях «Горы Воробьевские» и «Уж как пал туман», а убит во время охоты. Динамичность баллады требует очень сжатой экспозиции, поэтому идущее от глубокой древности эпически развернутое описание места действия, которое мы видим в песне «Горы Воробьевские», укладывается в пушкинском стихотворении в несколько слов:

В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

То, что баллада как жанр стоит на границе эпоса и лирики, позволяет ей достаточно свободно использовать лексику всех жанров фольклора. Вероятно, поэтому вместо слова «молодец», характерного для лирической песни, Пушкин вводит слово «богатырь», принадлежащее героическому эпосу; поэтому же он зачеркивает слова «конь» и «лошадь», употребительные, как мы помним, в молодецких песнях, и заменяет их «кобылкой», а жену героя называет «хозяйкой» — оба эти слова являются принадлежностью шуточных и плясовых песен, а также бытовой сказки.

Третий пласт стихотворения — чисто литературный, т. е. те изменения, которые, будучи внесены Пушкиным в перевод по сравне-

²⁹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 4 ч. М., 1861. Ч. 1. С. 470. См. об этом также: А в т а м о н о в Я. А. Символика растений // Журнал Мин-ва нар. просвещения. 1902. Ноябрь. С. 84.

³⁰ Словарь языка Пушкина. М., 1959. Т. 3. С. 963.

³¹ Б а л а ш о в Д. М. Русская народная баллада // Народные баллады / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова. М.; Л., 1963. С. 7—8.

нию с шотландским оригиналом, не могут быть объяснены непосредственным обращением к русскому источнику. Пушкин в процессе работы над стихотворением еще больше заостряет присущий народной балладе драматизм, ее «загадочность», недосказанность: нигде прямо не сказано, кого именно ждет «хозяйка молодая», но то обстоятельство, что на «кобылку» сел «недруг», и противопоставление «живого» «убитому» подводит читателя к мысли, что ожидаемый «милбй» — не кто иной, как убийца, отнявший у соперника все его достояние. Между тем во французском переводе шотландской баллады сказано лишь, что «его ястреб ловит дичь для другого хозяина; у его дамы появился другой поклонник»; в первоначальном варианте пушкинского стихотворения эти два момента — убийство героя и замужество его жены — также были «разведены»:

Лошадь за лес вор увел
.....
А хозяйку молодую
Уж ведут в семью чужую.
(III, 673)

Таким образом, лишь в процессе работы Пушкину удалось «замкнуть» сюжет, сведя его нити в единый узел, и композиция стихотворения стала в результате более стройной и четкой: в ней два центра тяжести, уравнивающие друг друга, — смерть героя и брак его жены с убийцей. Хотя такая продуманность композиции, как и ситуация, положенная в ее основу, — черта чисто литературная (вспомним хотя бы трагедии Шекспира — «Гамлет», «Макбет», отчасти «Ромео и Джульетта»), не исключено, что первоначальным толчком для «замыкания» сюжета послужила метафора «смерть — свадьба», о которой говорилось в связи с песней «Уж как пал туман на сине море» и которая вообще характерна для народного представления и о смерти, и о браке как о переходе в иное состояние, в иной статус, в иную жизнь. «Замкнутость» сюжета, прозрачность композиции не только заостряют свойственный балладе как жанру драматизм, но и способствуют проявлению моральной оценки происходящего: автор, не морализируя, показывает нравственную победу поверженного героя.

Во взаимодействии шотландского и русского источников с авторской волей поэта возникло органичное произведение совершенной литературной формы, сохранившее сюжетную основу «материнского» шотландского оригинала, заполненную системой образов, полностью соответствующей образности русской песни «Горы Воробьевские», отпочковавшейся от нее песни «Уж как пал туман на сине море» и, шире, русского народного творчества в целом.

А. С. Лобанова

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ ХАСАНАГИНИЦЫ

(поэтическая полемика Востокова и Пушкина)

I

Востоковский перевод Хасанагиницы опубликован в 1827 г. под названием *Жалобная песня благородной Асан-Агиницы*. Оригиналом ему послужила *Жалосна пјесна племените Асан-агинице* (в редакции Вука Караджича), напечатанная в сборнике *Мала проstonародња славено-српска пјеснарица* в 1814 г.¹ К переводу русский филолог и поэт дает следующее примечание: «Мы употребили здесь русский сказочный размер, с дактилическим окончанием». Русские народные песни в три просодических периода (такта) и с дактилической клаузулой («стихи о трех ударениях дактилического окончания») подробно описаны в востоковском «Опыте о русском стихосложении». Он называет их *эпические, сказочные или повествовательные стихи русские*.² Позднее песни такого типа в научной литературе были названы *былинами*.

Первая метрическая константа востоковского перевода — трехтактность стиха: три метрически определяющих ударения в каждом стихе. При этом стих может иметь один или два (реже больше) внеметрических ударения:

*Молода-женá | прийтí | постыдýлась*³

Лицом-бéлым | о сырú-зёмлю | удáрилась.⁴

Таким образом в стихе осуществляются три «просодических периода» (по терминологии Востокова), или три синтагматических ударения как метрические сигналы.

Вторая метрическая константа востоковского перевода — дактилическая клаузула, которой этот перевод отличается от других переводов Востокова из сербской народной поэзии, имеющих хореическое (женское) окончание. Следовательно, этот перевод можно рассматривать как своеобразный эксперимент. В русских

¹ Фототипическое воспроизведение переводов А. Х. Востокова и их сербских оригиналов, снабженное вводной статьей, комментариями и литературой, см.: Маројевић Р. «Сербскія пјсни» Александра Востокова. Горњи Милановац, 1987. О поэтике востоковских переводов см. также: Мароевич Р. Между Вуком и Пушкиным — переложения сербских народных песен А. Х. Востокова // Сов. славяноведение. 1990. № 1. С. 49—57.

² Востоков А. Опыт о русском стихосложении. 2-е изд. СПб., 1817. С. 107, 139.

³ Слова с неметрическим ударением обозначены курсивом и присоединены дефисом к словам, имеющим метрическое ударение.

⁴ Дактилическое прочтение словосочетаний *молодá жена, о сырú землю*, которыми заканчивается былинный стих, дает возможность по-другому интонационно воспроизводить и востоковские стихи: *Молодá-жена | прийтí | постыдýлась; Лицом-бéлым | о сырú-землю | удáрилась*.

эпических народных песнях дактилическое окончание может варьироваться с гипердактилическим: у третьего ударения (последнего), т. е. икта, постоянное место на третьем слоге от конца: —U U (редко на четвертом: —U U U).⁵ Гипердактилическая клаузула встречается в переводе Хасанагиницы как ритмический курсив:

Кабы лебеди |были, |улетели-бы-проць.

Внеметрическое ударение на последнем слоге в этом переводе встречается неизмеримо чаще, нежели в песнях с женской клаузулой (в 40 % стихов):

«Коли-любишь-меня, |братец, |прошу-тебя,
Не могй |меня |ни за когó-отдать,
Чтоб сёрдце |не растóрглося |злой-тоской,
Когдá |увйжу |сирóт-своих».
Но брат |не увáжил |мольбы-ее.

Ритмическая инерция дактилической клаузулы настолько сильна, что нейтрализует метрическое воздействие последнего ударного слога в вышеприведенных стихах. Востоков, анализируя русские былины, подчеркнул, что ударение никогда не может быть на последнем слоге и добавил: «...ежели долгий или с ударением слог и придется когда в конце стиха, то он сокращается, по закону периода прозодического».⁶ Конечное ударение, правда, не пропадает совсем, а лишь интонационно слабеет, но важно то обстоятельство, что на последнем слоге не может стоять метрическое, определяющее ударение (икт).

Следует иметь в виду, что Востоков стихи с сербскохорватской ономастикой прочитывает с дактилической клаузулой:

«[...] То-éдет |не отéц |Асáн-Ага,
Едет |дýдя |Пинторóвич-Бег».
Успокоилась |тогдá |Агíница.

В русском эпическом стихе, т.е. в трехударном стихе с дактилической клаузулой, первые два метрических ударения «не имеют постоянного места».⁷ «Первое ударение сказочного стиха русского может переходить с 1-го слога на 2-й, и так далее, даже на 5-й слог».⁸ Это непостоянство анакрузы особенно подчеркнуто в первом куплете Хасанагиницы:

Что-белéется |у рóщи |у зелéнья?
Снэг-ли-то |или бéлые |лéбеди? [...]
Не снэг-то, |не бéлые |лéбеди,
А белéется |шатёр |Асáн-Аги,
Где-он-лeжит |тяжко |рáненный.

⁵ Востоков А. Опыт о русском стихосложении. С. 145.

⁶ Там же. С. 109; см. также примеры на с. 147.

⁷ Там же. С. 143.

⁸ Там же. С. 144.

*Его-мáть |и сестрá |посещáли-там;
Молода-женá |прійті |постыдїлася.*

В приведенном отрывке анакруза имеет от нуля (второй стих) до четырех слогов (последний стих), т.е. первый икт падает на первый, второй, третий, четвертый или пятый слог. Но все же в целой песне доминирует двухсложная анакруза (анапестический зачин) — 49 из 88 стихов. Несколько реже представлена односложная анакруза (32 стиха), в то время как нулевая представлена лишь четырьмя стихами (два стиха имеют трехсложную анакрузу, и только один, которым завершается первый куплет, имеет, как мы видели, четырехсложную анакрузу).

Место второго икта в трехтактном русском народном стихе, а следовательно, и длина первого и второго интервала, не определены. Правило, по которому между первым и вторым иктами расположен хотя бы один неударный слог, имеет исключения. Русский стиховед подчеркивает, что среди эпических песен есть и такие, где «одно ударение непосредственно следует после другого» и приводит этому примеры.⁹ Один такой пример содержит и перевод Хасанагиницы:

Где-он-лежїт |тáжко |рáненьї.

О таких примерах Востоков говорит: «Сии стихи не иначе произносить можно как с остановкою голоса (pause), которая заменит недостаток краткого слога между двумя ударениями».¹⁰

Обращение к стиху с дактилической клаузулой неминуемо должно было привести к отказу от десятисложности как ритмической тенденции, равно как и от постоянной цезуры. Таким образом, стих этой песни в сравнении с остальными восточковскими переводами ритмически дальше всех от сербского десятисложника. Русский эпический стих насчитывает от семи до тринадцати слогов.¹¹ Силлабический диапазон Хасанагиницы Востокова несколько уже: доминируют одиннадцатисложники (27), несколько менее двенадцатисложников (21) и десятисложников (19); стихов с девятью слогами — 14, а с тринадцатью — 7. Средняя длина стиха (10.86 слога) указывает на одиннадцатисложность как на неярко выраженную тенденцию. Это означает, что употреблением дактилического окончания русских былин в стихе силлабическая структура расширена на один слог.

В переводе Востокова мы встречаемся со «стихотворческими вольностями и фигурами», которые русский стиховед оправдывает требованием «стихотворной меры».¹² Сегодня мы не беремся утверждать, что эти поэтические фигуры были *вызваны к жизни* лишь требованиями метрики, но сказали бы, что они *сохранились* по ритмико-метрическим причинам: речь идет об архаических формах

⁹ Там же. С. 144, сноска.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 143.

¹² Там же. С. 148.

из более ранней эпохи исторического развития русского языка. Из поэтических вольностей и фигур русской народной поэзии в этом переводе особенно часто употребляется окончание *-ья* вместо *-ой* в родительном падеже женского рода прилагательных:

Что белеется у рощи у зеленя?

Только, вынув из сумы из шелковья

И тогда же, от безмерных жалости

и постфикс *-ся* вместо *-сь* в формах возвратных глаголов с окончанием на гласный:

Молода жена прийти постыдилася

«Постой, не мечися матушка [...]»

Чтоб в материн дом возвратилася.

Кроме того, первые два примера иллюстрируют повторение предлогов, а четвертый — употребление стяженных форм имен прилагательных.

Поэтическое слово сербского фольклора *љуба*, *љубовца* Востоков здесь заменяет синтагмой *молода жена* (дательный падеж *молодой жене*), в то время как турцизм *кадуна* переводится нейтральным *жена*.

Возникает вопрос: почему Востоков для типичной баллады, каковой является Хасанагиница, выбрал русский эпический стих с дактилическим окончанием (стих русской былины, согласно позднейшей терминологии)? Косвенный ответ на этот вопрос мы находим в его «Опыте о русском стихосложении». Востоков говорит, что эпическим метром написаны русские романсы и что он может быть применен и в литературной поэзии: «Сказочный русский стих, будучи сам по себе разнообразнее песенных, был бы удобнее для поэмы, — не для героической конечно, а для романической, во вкусе Ариоста либо Виланда».¹³

II

Перевод первой части Хасанагиницы был сделан Пушкиным в 1835 г. (первые 26 стихов) и не увидел света при жизни поэта. Публикуется без названия, по первой строке «Что белеется не горе зеленой?..». Будучи поэтически необработанным и фрагментарным, пушкинский перевод тем не менее имеет большое значение для истории переводов сербских народных песен, для поэтики перевода, но прежде всего для поиска ритмического эквивалента сербскому эпическому десятисложнику. Пушкин для своего перевода избрал русский тонический стих с *женской* клаузулой. Это было своеобраз-

¹³ Там же. С. 164.

ной художественной полемикой Пушкина с Востоковым в вопросе поэтического решения перевода Хасанагиницы. При этом следует иметь в виду, что Пушкин в поэтическом споре воспользовался оружием Востокова — теорией русских лирических песен трехударного стиха с женским окончанием, примененного в остальных востоковских переводах из сербской народной поэзии.

Первая метрическая константа пушкинского перевода (равно как и востоковского) — трехтактность стиха — три метрических ударения в каждом стихе. При этом стих может иметь одно, реже два и, как исключение, три внеметрических ударения:

Что-белёется | на горé | зелёной?
Снэг-ли-то, | али лебеди | бёлы?
Был-бы-снэг | — он-ужé бы | растаял,
Были-б-лэбеди | — онí б | улетéли.
То-не-снэг | и не лэбеди | белы,
А шатёр | Агí | Асан-аги.
Он-лежít-в-нем, | весь-люто | изрáнен,
Посетíли-его | сестрá | и мáтерь,
Его-люба | не моглá, | застыдýлась.
Как емú | от бóли | стало-лэгче,
Приказáл-он | своей- вёрной | лóбе:
«Ты-не-ищí-меня | в моем-бéлом | дóме,
В белом-дóме, | ни во всём | моем-рóде».
Как услýшала | мýжнины | рéчи,
Запечáлилась | бédная | Кадýна.
Она-слýшит, | на двóр | едут-кóни,
Побежáла | Асан- | агини́ца,
Хочет-брóситься, | бédная, | в окóшко,
За ней-вóпят | две-мíлые | дóчки:
«Воротíся, | мíлая- мать | нáша,
Приéхал | не мýж | Асан-ага,
А приéхал | брáт-гвой | Пинторóвич».
Воротíлась | Асан- | агини́ца,
И повíсла-она | брáту | на шéю —
«Братец-мíлый, | что за | посрамленье!»¹⁴
Меня-гóнят | от пятерых | дéток».

(III, 377)

В связи с нашей интерпретацией распределения иктов мы должны дать три следующих примечания:

¹⁴ Стих можно считать ритмическим курсивом и произносить его с двумя ударениями: *Братец-мíлый, | что за-посрамленье!* Нам кажется, однако, что ритмическая инерция трехтактного стиха настолько сильна, что третье ударение чувствуется и в слабых позициях. Можно было бы также предположить, что определение *мíлый* интонационно отделено от существительного *братец* (*Брáтец | мíлый, | что за-посрамленье!*), но такое прочтение не подтверждается пунктуацией пушкинского автографа и нарушает правило Колмогорова.

1) Мы не абсолютизируем правило Колмогорова, согласно которому «первым метрическим ударением является последнее из ударений, падающих на первые три слога»,¹⁵ и считаем, что в стихе:

Снег ли то, али лебеди белы?

икт на первом, а не на третьем слоге; и что в стихе:

«Ты не ищи меня в моем белом доме, [...]»

метрическое ударение падает на четвертый, а не на первый слог.

2) В стихе:

За ней вопят две милые дочки

мы выбрали ударную форму *во́пят* вместо современного *воп'ят*, так как в языке Пушкина зафиксирована форма *во́пит*.¹⁶

3) Стихи с сербскохорватской ономастикой и турцизмами мы читаем с женской клаузулой:

А шатер Аги Асан-а́ги

Запечалилась бедная Каду́на

Побежала Асан-агини́ца.

В первом из приведенных стихов лексема *ага* имеет различное ударение при употреблении в изолированном виде и в составе сложного слова. На предпочтение ударного варианта *Асан-а́га* указывает женская клаузула, в то время как на языке Пушкина зафиксирован вариант *ага́*.¹⁷ Тем самым избегается нулевой интервал между первым и вторым иктами.

Вторая метрическая константа пушкинского перевода — женская клаузула (в отличие от дактилической у Востокова). При этом на клаузуле нет внеметрических ударений, как у Востокова.

Распределение иктов у Пушкина носит более упорядоченный характер. В его переводе анапестический зачин (т. е. двухсложная анакруза) является сильной ритмической доминантой (представлена в 23 стихах, в трех остальных — нулевая, односложная и трехсложная). На анакрузе, однако, в каждом втором стихе появляется внеметрическое ударение, вызывающее ритмический эффект замедления. Первый интервал насчитывает от одного до четырех слогов (два слога в одиннадцати стихах, три в семи, один в пяти и четыре в трех стихах). Второй интервал чаще всего бывает двухсложным (в 15 стихах), реже трехсложным (в 6) и односложным (в 4 стихах); только в одном случае этот интервал нулевой — в завершающем стихе, который представляет собою ритмический

¹⁵ Колмогоров А. О metre пушкинских «Песен западных славян» // Рус. литература. 1966. № 1. С. 99.

¹⁶ Словарь языка Пушкина. М., 1956. Т. 1. С. 352.

¹⁷ Там же. С. 28.

курсив. Таким образом, пушкинский стих можно охарактеризовать как прототип трактовика.¹⁸

Пушкинский перевод с силлабической точки зрения более однороден: в нем более всего стихов с десятью слогами (15); одиннадцатисложных стихов — 8, в то время как двенадцатисложный стих появляется лишь один раз, а девятисложник — дважды. Таким образом десятисложность является ритмической доминантой (57.7 %), об этом говорит и средняя длина стиха (10.35 слога). Это означает, что пушкинский стих ближе к сербскому десятисложнику, нежели восточковский. Между тем цезура после четвертого слога не выражена, даже в качестве ритмической тенденции.

Перевод Пушкина также не свободен от «стихотворческих вольностей и фигур», но в нем представлены лишь некоторые из них:

а) стяженные формы прилагательных:

Снег ли то, али лебеди белы?

То не снег и не лебеди белы

б) постфикс *-ся* после гласных:

«Воротися, милая мать наша, [...]».

Форма *белы* (вместо *белые*) диктуется женской клаузулой, а форма *воротися* (вместо *воротись*) помогает избежать нулевого первого интервала. Это значит, что так называемые «стихотворческие вольности и фигуры», как их называл Востоков, в пушкинском переводе появляются реже и не производят такого впечатления архаичности, какое производят формы на *-ья* или повторение предлогов у Востокова.

Турцизм *Кадуна* Пушкин сохраняет (и пишет его с прописной буквы), *любу* и *любовцу* передает словом *люба*, опираясь в данном случае на пример Востокова из другого перевода. В переводе песни *Братья Якшичи* Востоков употребил именно это слово (призвал любу свою, Ангелию) и снабдил его следующим примечанием: «Люба, по-сербски: жена, супруга. Мы позволили себе употребить и в русском переводе сие поэтическое слово».¹⁹ Хотя и в русском фольклоре встречается слово *люба* в несколько ином значении («любовница»),²⁰ можно считать, что Востоков это слово позаимствовал из сербского фольклора, а его решением воспользовался и Пушкин.

Со своим тонким ощущением ритма и системы поэтических образов Пушкин у своего предшественника Александра Востокова перенял и художественно усовершенствовал то, что ему казалось наиважнейшим с точки зрения поэзии: а) использовал сформулиро-

¹⁸ Тактовик определяется как разновидность тонического стиха с колебанием интервалов между двумя иктами в диапазоне 1—2—3 слога, см.: Гаспаров М. Л. Современный русский стих: Метрика и ритмика. М., 1974. С. 371.

¹⁹ Маројевић Р. «Сербскія пѣсни» Александра Востокова. С. 61.

²⁰ Словарь русских народных говоров. Л., 1981. Вып. 17. С. 233.

ванную и примененную на практике поэтику трехтактного тонического стиха с женской клаузулой, чтобы дать свой вариант фрагмента Хасанагиницы, которую Востоков перевел стихом с дактилическим окончанием; б) дал десятисложность как ритмическую доминанту, выбрав среднее решение между песней *Марко краевич в темнице* и остальными востоковскими переводами (ближе всех к пушкинскому стиху стих песни *Смерть любовников*); в) осуществил в качестве ритмической доминанты анапестический зачин, т.е. двухсложную анакрузу, опираясь прежде всего на востоковский перевод *Яня мизиница*; г) Пушкин в меньшей степени, чем Востоков, пользовался архаичными языковыми средствами русской фольклорной и литературной традиции, но, в свою очередь, шире использовал фольклорные образы сербского оригинала (включая и турцизмы); д) Пушкин не нарушал ритмическую структуру фольклорного стиха переносами, как это кое-где делал Востоков в своих переводах (включая сюда и Хасанагиницу).

Р. Мароевич

ПУШКИНСКИЙ ПРОЕКТ ПЕРЕВОДА КОМЕДИИ К. БОНЖУРА «МУЖ -ВОЛОКИТА, ИЛИ УРОК»

Известно, что Пушкин питал большой интерес к жанру комедии, в частности к жанру легкой комедии. Он, например, очень ценил комедии Хмельницкого.¹ Сохранившиеся в пушкинском наследии отрывки, наброски, планы свидетельствуют о том, что его самого занимала мысль о написании комедии. В начале 20-х гг. светская комедия была очень популярна в России. В 1821 г. Пушкин набрасывает программу и сцену комедии об игроке («Скажи какой судьбой»); начало «Евгения Онегина» представляет собой в некотором роде «лироэпическую интерпретацию легкой комедии»;² в «Борисе Годунове» есть сцена, не вошедшая в печатную редакцию, имеющая черты салонной комедии — сцена, в которой Рузя наряжает Марину Мнишек.

Позже у Пушкина возникнет мысль о переводе светской французской комедии. Об этом неосуществленном замысле свидетельствуют сохранившиеся черновой автограф перевода одного явления из комедии французского драматурга К. Бонжура «Муж-волокиита, или Урок» (*Bonjour C. «Le mari à bonnes fortunes ou la leçon»*) (ПД № 106); написанный по-французски план (ПД № 107) и наличие помет, сделанных Пушкиным в списке действующих лиц комедии

¹ См.: XIII, 175; XIV, 157.

² См.: Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986. С. 159.

Бонжура (книга из библиотеки Пушкина — № 63 по описанию Б.Л. Модзалевского).

Впервые перевод напечатан П. В. Анненковым в 1855 г., он начинается со строки «Всё жалобы, упреки, слезы — мочи нет».³ П.В. Анненков, основываясь только на тексте перевода, смог увидеть в нем «подражание тону французской комедии» «в приложении ее к русскому быту».⁴ Позднее, связав этот отрывок с планом другой комедии — комедии «об игроке»,⁵ П. В. Анненков предположил, что речь идет о новом варианте комедии об игроке, в котором действующими лицами вместо брата и сестры становятся мать и сын.⁶ Связав отрывок с планом комедии об игроке, П. В. Анненков помещает его разбор в раздел «На Юге России — 1820—1823».⁷ В последующих изданиях пушкинских сочинений рассматриваемый отрывок печатают с датой «1821». (На автографе неизвестной рукой проставлена дата — «1821»). Можно предположить, что эта дата вписана В. И. Срезневским, описавшим собрание Л. Н. Майкова, в составе которого автограф перешел в библиотеку Академии наук в 1904 г.⁸ Такое предположение можно сделать исходя из того, что В. И. Срезневский в своем описании указывает дату создания наброска — 1821 г., но, описывая внешний вид автографа, ничего не говорит о наличии этой даты на листе, хотя во всех остальных случаях называет цифры и даты, имеющиеся в рукописях.⁹

Однако уже в 1908 г. С. А. Венгеров высказывает сомнение в правильности датировки отрывка 21 годом, отмечая спорный характер связи его с планом и наброском комедии об игроке.¹⁰

Первым соотнес отрывок из комедии с планом, написанным по-французски, Б. В. Томашевский, заметив, однако, что восстановить развитие интриги по плану и лишь одному явлению невозможно.¹¹

В собрании сочинений Пушкина 1931 г. С. М. Бонди также соотносит отрывок с планом на французском языке и приводит полный текст, дав отрывок с первой строкой «Она меня зовет — поеду или нет». Кроме того, С. М. Бонди указывает новую дату — 1828 г.¹² Он считает, что замысел комедии совпадает с замыслом романа или повести из петербургской светской жизни — «На углу маленькой площади». Обоснование датировки не указывается.¹³ (В работе, опубликованной через десять лет, С. М. Бонди, упоминая неоконченные пушкинские драматические наброски, говорит об отсутст-

³ Анненков П. В. Материалы для биографии Пушкина. СПб., 1855. С. 352.

⁴ Там же.

⁵ Анненков П. В. Пушкин в Александровскую эпоху 1799—1826. СПб., 1874. С. 160.

⁶ Там же. С. 163.

⁷ Там же.

⁸ Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1906. Вып. 4. С. 1—38.

⁹ Там же. С. 4.

¹⁰ Пушкин А. С. Собр. соч. СПб., 1908. Т. 2. С. 587.

¹¹ Томашевский Б. В. Писатель и книга. М., 1928. С. 87.

¹² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1931. Т. 3. С. 449—450.

¹³ Там же. Т. 6. Путеводитель по Пушкину. С. 130.

вии их точной датировки.¹⁴ В собрании сочинений 1960 г. он ставит дату «1826—1828 гг.»¹⁵

Самый подробный анализ интересующего нас отрывка дан в комментарии Д. П. Якубовича к академическому изданию 1937—1949 гг.¹⁶ Д. П. Якубович первым установил, что набросок является переводом одного явления из комедии Бонжура «Муж-волокита, или Урок» (1824), поставленной на сцене Французского Театра в Париже 30 сентября 1824 г. Поскольку набросок — это перевод из комедии Бонжура, ясно, что он не мог быть написан ранее осени 1824 г. Д. П. Якубович датирует отрывок по почерку приблизительно 1827—1828 гг.

Казамир Бонжур (1795—1856) — автор стихотворных комедий, написанных в 20—40-х гг. XIX в. Комедии эти, нравоучительные, но остроумные, с большим успехом шли на сцене Французского Театра в Париже. Герой комедии «Муж-волокита» — аристократ Дервиль — не занимается своей молодой женой Аделью и ищет развлечений на стороне. Его мать, г-жа Дервиль, видит это и осуждает сына. Вместе с тем она беспокоится, что влюбленный в Адель ее кузен Шарль может в конце концов увлечь ее. Г-жа Дервиль стремится воспрепятствовать этому и одновременно дать сыну урок. Ход интриги предоставляет ей удобный случай. Адель симпатизирует своему кузену и, случайно увидев, как он лобкуется какой-то миниатюрой, хочет узнать, в кого он влюблен. Горничная похищает миниатюру и отдает ее Адели. Та видит свой собственный портрет. Горничная сообщает о миниатюре г-же Дервиль (г-жа Дервиль — ее крестная мать). Опасаясь, как бы отношения между Аделью и ее кузеном не зашли слишком далеко, г-жа Дервиль представляет дело так, будто бы Шарль и Адель приготовили Дервилью сюрприз — задумали подарить ему миниатюрный портрет Адели. Шарль вынужден отдать миниатюру Дервилью. Адель знает теперь, что Шарль влюблен в нее. Понимая, что для них обоих будет лучше, если Шарль уедет, она хочет устроить его секретарем к консулу Франвалю. А тем временем Дервиль увлечка женой Франваля и пишет ей анонимные записки. Г-жа Франваль показывает одну такую записку, приглашающую ее на свидание, Адели. Адель узнает почерк мужа. Между тем страдающий Шарль пишет Адели письмо, умоляя ее встретиться с ним. Это письмо, прежде чем дойти до Адели, попадает в руки г-жи Дервиль. Время и место обоих свиданий совпадают. В результате путаницы из-за этих совпадений получается так, что Дервиль стоит на страже во время свидания Шарля с его женой. Г-жа Дервиль присутствует при этом, спрятавшись в парке. Затем она рассказывает об этом Дервилью в присутствии Адели. Попав в смешное положение, Дервиль получает урок и, раскаявшись, решает быть верным своей жене.

Сопоставляя план Пушкина с ходом действия у Бонжура, учитывая помеченные крестом действующие лица в книге с комедией,

¹⁴ Бонди С. М. Драматургия Пушкина и русская драматургия // Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М.; Л., 1941. С. 371.

¹⁵ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1960. Т. 4. С. 591.

¹⁶ VII, 677—688 (коммент. Д. П. Якубовича).

можно представить проект пушкинского перевода комедии. Пушкин собирался убрать второстепенные персонажи (чету Франвалей и слуг), выбросить ряд сцен, не имеющих прямого отношения к основному действию, и добавить две свои сцены. Во-первых, — сцену «слуга приносит миниатюру» во втором действии. Пушкин, очевидно, хотел оставить интригу с миниатюрой, но, сокращая пьесу, думал изложить ее по-своему. В третьем действии он добавляет сцену объяснения г-жи Дервиль с Шарлем — у Бонжура в третьем действии такой сцены нет. Задумав все эти изменения, Пушкин хотел сохранить главную линию — неверный муж Дервиль, его жена Адель, ее кузен Шарль и мать Дервиля, сознательно вмешивающаяся в развитие отношений трех основных персонажей. Сюжет предполагаемой пушкинской комедии фактически сводится к изложенному выше краткому содержанию комедии Бонжура. То, что Пушкин убирает слуг и Франвалей, не должно повлиять на развитие основного сюжета: чета Франвалей не играет большой роли, она введена главным образом для ее противопоставления Дервилям, как образцу идеальной супружеской пары.

Пушкин сделал перевод четвертого явления первого действия комедии. Однако первые семь строк — это своего рода сжатый пересказ того, что у Бонжура изложено в первом и третьем явлениях первого действия. В семи строках Пушкин передает содержание монолога Дервиля, его диалога со слугой и содержание авторских ремарок. Первая же строка пушкинского перевода «Она меня зовет — поеду или нет?» дает понять, что герой получил письмо с приглашением на свидание и обдумывает ответ. У Бонжура это же содержание передано с помощью более пространных рассуждений персонажа и с помощью ремарок. Затем следует близкий перевод оригинала, ряд строк переведен почти буквально. Например: «*Que vois-je? c'est ma mère... Oh les sermons! l'ennui!*» — «Ах! матушка идет...предвижу увещанья...»; «*J'ai besoin d'exprimer ici ce que je pense*» — «Я шла к тебе, мой друг, мне надобно с тобой О деле говорить...»; «*Ne la conduis-tu pas dans le monde avec toi?*» — «Ты должен бы представить жену свою везде» и др. Впрочем, тут тоже наблюдается стремление Пушкина к лаконичности: он опускает ремарку, передавая ее содержание внутри диалога (вместо «целует ей руку» — «А, здравствуйте, тапан»), выбирает длинную реплику матери. Пушкин сильно сократил образцы, однако раскрыл ситуацию и определенным образом охарактеризовал героя.

Пушкин не только хотел сократить комедию и переделать некоторые сцены, он, очевидно, собирался перенести действие в Россию: в отрывке назван Каменный (в первоначальном варианте Троицкий) мост. Надо заметить, что пушкинская переработка комедии довольно точно передает настроение и стиль оригинала. У Бонжура место действия конкретизировано: в ремарках указывается, где происходит действие, персонажи, говоря о своих перемещениях, приводят реальные географические названия. Так, например, три первых и пятое действия разворачиваются в Отёй (Autéil) — при-

городе Парижа, четвертое действие перенесено в Булонский лес — излюбленное место прогулок французской аристократии. У Пушкина также имеется конкретное указание на место действия. Б. В. Томашевский считал, что действие перенесено в Москву.¹⁷ В Москве действительно были в пушкинское время (существуют и поныне) Троицкий и Каменный мосты. Но Троицкий мост — это мост через реку Неглинную от Троицких ворот Кремля, соединявший Кремль с Занеглименьем.¹⁸ Герой комедии собирается идти за Троицкий мост — т. е. идти из Кремля или в Кремль, что явно не годится по контексту. Каменный мост в этом плане подходит больше: Большой Каменный мост через Москву-реку вел в Замоскворечье, т. е. в купеческую, мещанскую Москву.¹⁹ Однако и в Петербурге были при Пушкине как Троицкий, так и Каменный мосты. Троицкий (или Петербургский) наплавной мост вел на Петербургскую сторону (от Летнего сада), которая в то время была глухим предместьем.²⁰ Каменный мост проходил через Екатерининский канал на Гороховой улице.²¹ За Екатерининским каналом примерно как раз за Каменным мостом начиналась столичная окраина — Коломна. «Вдова с племянницей в Коломне» — может быть здесь уже звучит мотив петербургской поэмы «Домик в Коломне» (поэма написана в 1830 г., замысел и первые наброски, возможно, относятся к 1829 г.). Интересно отметить, что в «Беловом автографе с поправками» поэмы есть фрагмент, имеющий самостоятельное значение, — это фрагмент, посвященный александрийскому стиху. Может быть, это стихотворение не предназначалось для поэмы, а должно было играть роль вступления к какому-то иному стихотворному произведению. Во второй половине 20-х гг. комедии (после «Горе от ума» Грибоедова) пишутся в большинстве своем вольным размером. Пушкин же сохраняет размер оригинала и переводит отрывок александрийским стихом (В.Я. Брюсов отмечал, что Пушкин написал два отрывка комедий правильным александрийским стихом, т. к. «было уже общим местом, что российский шестистопный ямб с парными рифмами — только условная замена французских александрин. По-видимому Пушкина соблазнила мысль воскресить этот опозоренный стих, доказать, что под пером искусного мастера он может стать живым и естественным»²²).

Выше было сказано, что С.М. Бонди сопоставлял отрывок из комедии Бонжура с началом повести «На углу маленькой площади». План повести относится к 1829 г., беловая рукопись — к 1830—1831 гг. Отметим, что в вариантах упоминается Коломна: «В Коломне на углу маленькой площади», «На углу маленькой площади в Коломне». Здесь можно проследить и некоторые сюжетные параллели: в обоих случаях — сцены из жизни аристократии, переплетающиеся с жизнью мещанской среды. (Можно вспомнить и об устном рассказе Пуш-

¹⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1949. Т. 5. С. 608.

¹⁸ Москва: Энциклопедия. М., 1980. С. 610.

¹⁹ Там же. С. 147.

²⁰ Михневич В. Петербург как на ладони. СПб., 1874. С. 106—107.

²¹ Там же. С. 109.

²² Брюсов В. Я. Пушкин — мастер // Пушкин: Сборник. М., 1924. С. 109—110.

кина «Уединенный домик на Васильевском», который относится к 1828 г.). В пушкинском переводе показан аристократ, которому надоела дамы света («откланяюсь, пора — она мне надоела») (жена надоела ему еще раньше) и который ищет разнообразия в мещанской среде (у Бонжура этого нет — Дервиль меняет роман с одной аристократкой на роман с другой дамой света). К концу 1820-х гг. относятся незавершенные прозаические наброски «Гости съезжались на дачу», «Роман в письмах»: очевидно, в этот период Пушкина занимает сюжет о романах светского молодого человека. Однако едва ли комедия «Муж волокита» могла привлечь Пушкина только сюжетной линией.

Почему в конце 20-х гг. Пушкин обращается к жанру легкой комедии? М. Загорский объясняет это возродившимся после Михайловской ссылки интересом к театру, актерам, желанием видеть свою пьесу на сцене.²³ Д. П. Якубович полагает, что Пушкина привлекли легкость стиля, живой стих, остроумие комедии Бонжура.²⁴ Л. И. Вольперт пишет о том, что комедия, и особенно французская, всегда имела большое значение для Пушкина, и, хотя он так и не написал ни одной законченной комедии, все его творчество проникнуто комедийностью. Комедия же Бонжура привлекла Пушкина тем, что она интересна в психологическом отношении, убедительно раскрывая чувства светской женщины.²⁵

Комедия «Муж волокита» остроумна, занимательна, отличается живостью действия и легкостью языка. Недаром она пользовалась успехом у французской публики и получила самую положительную оценку в прессе. (Любопытно отметить, что один из отзывов на комедию находится в том же журнале, в котором помещена рецензия на «Бахчисарайский фонтан» Пушкина).²⁶ Комедия шла и в театрах России, и, судя по всему, в Петербурге она впервые была поставлена весной 1828 г. О спектакле «Le mari à bonnes fortunes ou la leçon», показанном на сцене Малого театра в Петербурге, сообщают газеты «Северная пчела» и «Le Journal de Saint-Petersbourg», причем в последней отмечается, что речь идет о «новой комедии». В это время Пушкин был в Петербурге.²⁷ Можно предположить, что Пушкин видел комедию на сцене весной 1828 г. и она настолько привлекла его, что ему захотелось ее перевести. Если обратиться к тексту перевода, то видно, что Пушкин не стремился к точной передаче содержания реплик персонажей, для него главное — выразить общее настроение (может быть, поэтому он сохраняет размер оригинала). Например, работа над переводом октав «Неистового Роланда» носит совсем иной характер: тут наблюдается стремление быть как можно ближе к тексту оригинала (в то же время стихотворный

²³ Загорский М. Драматические замыслы Пушкина // Театр. 1938. № 4. С. 122.

²⁴ См.: VII, 687.

²⁵ Вольперт Л. И. Пушкин и психологическая традиция во французской литературе. Таллинн, 1980. С. 128.

²⁶ Rev. encyclopédique. 1824. T. 28. Sept.

²⁷ См.: Лернер Н. О. Труды и дни Пушкина. СПб., 1910. С. 172.

размер оригинала не сохранен). Случай же перевода отрывка из Бонжура — это не столько перевод текста, сколько желание передать основной тон комедии — и это говорит в пользу версии о том, что на перевод комедии Пушкина подвигло не ее прочтение, а то, что он увидел ее на сцене. Г. Д. Владимирский совершенно прав, считая, что набросок из комедии Бонжура следует отнести к «смешанным» переводам, т. е. переводам только частично отвечающим «точному» переводу.²⁸ М. Загорский полагает, что в академическом издании (VII) имеется неувязка в обозначении жанров: отрывок обозначен как «Перевод из К. Бонжура», но автор комментария (Д. П. Якубович) говорит о переделке, переработке комедии.²⁹ Наверное, действительно термин «перевод» не совсем точно отображает суть предпринятой Пушкиным работы. Более точным будет обозначить отрывок «Из К. Бонжура».

В пользу датировки пушкинского замысла перевода 1828 годом говорят и следующие факты. Отрывок перевода и план написаны на полулистах, составлявших изначально одно целое. Бумага белая, с золотым обрезом, без водяных знаков. В описании рукописей Пушкина Б. А. Модзалевского и Б. В. Томашевского эта бумага числится под номером «242». По описанию, сделанному Б. В. Томашевским, выясняется, что на точно такой же бумаге (№ 242) написан еще только один из известных пушкинских автографов — письмо П. А. Вяземскому от 1 сентября 1828 г. из Петербурга. Черновик этого письма находится в рабочей тетради Пушкина 1828—1833 гг. (ПД № 838) на 21-м листе. На 25-м листе этой тетради, на обороте, имеется мужской профиль, атрибутированный Л. Ф. Керцелли как портрет Николая Дмитриевича Киселева.³⁰ На листе с переводом из комедии также имеется мужской профиль, до сих пор не атрибутированный. Благодаря помощи Р. Г. Жуйковой, указавшей на сходство этих двух профилей, оказалось возможным предположить, что на автографе перевода из Бонжура тоже изображен Н. Д. Киселев. Это предположение подтверждается упоминанием имени Киселева в интересующем нас письме к Вяземскому. Письмо Пушкина — это ответ Вяземскому, который, в частности, спрашивал его о Киселеве. Пушкин пишет: «Пока Киселев и Полторацкие были здесь, я продолжал образ жизни, воспетый мною таким образом:

А в ненастные дни собирались они часто...»

И далее: «Но теперь все разбрелись. Киселев, говорят, уже в армии;...».

Итак, все говорит за то, что перевод из комедии Бонжура Пушкин сделал в Петербурге в 1828 г., более точно — в августе—начале сентября, так как черновик письма Вяземскому датируется 19—20 августа, на беловом варианте проставлена дата — «1 сентября».³¹

Н. А. Дмитриева

²⁸ Владимирский Г. Д. Пушкин-переводчик // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. 4—5. С. 318.

²⁹ Загорский М. Пушкин и театр. М.; Л., 1940. С. 392.

³⁰ Керцелли Л. Ф. Мир Пушкина в его рисунках. М., 1983. С. 169—181.

³¹ См.: Сандомирская В. Б. Рабочая тетрадь Пушкина 1828—1833 гг. (ПД № 838) // Пушкин: Материалы и исследования. Л., 1982. Т. 10. С. 246.

ПЕРВЫЕ ИСПАНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ «МЕТЕЛИ»

До недавнего времени масштабы популярности Пушкина в Испании XIX в. были явно занижены. В ряде исследований¹ мнение о почти полной неизвестности имени русского поэта для испанского читателя опровергается; что же касается переводов, то, согласно Дж. Шандеру,² первым переводом произведения Пушкина в Испании была версия «Метели», выполненная в 1847 г. Вслед за этим в 1855 г. в Париже появилась «Капитанская дочка» на испанском языке.

«Драматические поэмы» были опубликованы впервые в Барселоне в 1865 г. В сборник входили: «Борис Годунов», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери» и «Русалка».

Кроме «Метели», еще одна «повесть Белкина» — «Выстрел» — была опубликована в 1877 г. В том же году и в том же журнале, что «Метель» и «Выстрел» («Revista Europea», 1877), был опубликован «Гробовщик». В конце века, в 1899 г., вышла «Сказка о рыбаке и рыбке». Повесть «Дубровский», одно из наиболее любимых испанским читателем пушкинских произведений, появилась в 1892 г.

«Барышня-крестьянка» была впервые переведена с русского языка в 1916 г. Хулианом де Худериасом.

«Капитанская дочка» публиковалась дважды, а «Метель» — четырежды. В то же время пушкинская лирика в Испании была практически неизвестна.

Тема «Пушкин в Испании», таким образом, является, вопреки ранее существовавшему мнению, не только очень важной, но и довольно обширной.

Целью настоящей работы является сопоставительный анализ переводов «Метели» в XIX в. «Метель» заслуживает особого внимания как первое переведенное на испанский язык пушкинское произведение, к которому в то же время обращались три различных переводчика в разные литературные эпохи.

«El turbi6n de nieve»³ — первый перевод русской прозы на испанский язык. Он был опубликован в Валенсии в 1847 г. Согласно Дж. Шандеру, источником испанского перевода служил французский перевод «Le tourbillon de neige. Nouvelle russe. Traduite de Pouschkin», напечатанный в журнале «L'Illustration» 27 мая 1843 г.

Этот перевод был опубликован анонимно. В переводе много купюр, в частности эпизод возвращения армии в 1814 г., разговор

¹ См.: Алексеев М. П. Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 210—212 (очерк, в котором М. П. Алексеев касается вопроса о распространении творчества Пушкина в Испании, впервые был опубликован в 1947 г.); Багно В. Е. К теме «Пушкин в Испании»: Новые материалы // Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983. С. 163—168; Biegher E. W. Early Spanish translations of Pushkin // Hispanic rev. Philadelphia. 1938. Vol. 6. P. 348—349.

² Schanzer G. O. Las primeras traducciones de literatura rusa en Espa~na y en America // Actas del Tercer congreso de hispanistas. M6xico, 1970. P. 815—822.

³ Дословно «Снежная буря».

Бурмина и Марии. Имена появляются без отчества: Marie (Gabrilovna), Wladimir (Nicolaevitch).

Дж. Шанцер в своей работе «Первые переводы русской литературы в Испании и Латинской Америке» перечисляет все переводы «Метели», появившиеся в Испании в XIX в. По мнению американского ученого, год спустя после публикации в 1847 г. в журнале «El Fénix» («Эль Феникс») в Валенсии «El turbión de nieve», под этим же заглавием выходит еще один перевод «Метели» в журнале «Revista hispanoamericana» («Испаноамериканский журнал»). Позже, в 1863 г., издается «El Torbellino de nieve», подписанный «F», в журнале «El museo universal» («Универсальный музей»). Шанцер предполагает, что «F» может быть инициалом неизвестного переводчика. Эта же повесть публикуется в 1871 г. как «La nevada» в журнале «Revista Europea» («Европейский журнал»). Таким образом, заключает исследователь, в Испании в XIX в. существовало четыре разных перевода повести «Метель» — одной из так называемых «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина», написанных Пушкиным в 1830 г.

Однако, обратившись к самим переводам, можно установить, что переводы 1847 и 1848 гг. — это один и тот же перевод, что не было отмечено Шанцером. Единственное, чем они отличались друг от друга, это орфография. Некоторые слова, как, например «mujer» (женщина), «viaje» (путешествие), «equipaje» (багаж), писались в валенсийской версии через «g»: «muger», «viage», «equirage». Очевидно, это не являлось попыткой передать дух времени, а было лишь характерной орфографической чертой этого района, проявившейся также и в других публикациях журнала «Эль Феникс».

Все четыре перевода были анонимными. На возможное авторство переводчиков не указывает и Шанцер. Однако здесь можно сделать некоторые предположения. Сравнивая историю двух первых журналов, («El Fénix» и «Revista hispanoamericana»), в которых впервые появилась «Метель», можно заметить, что единственными произведениями, которые печатались и в одном, и в другом журнале, были: «El arte de agradar» Эжена Сю, «No toqueis a la reina» Мишеля Массона и «El turbión de nieve» А.С. Пушкина. Две первые работы были подписаны Rafael de Carvajal (Рафаэль де Карвахаль). Отсюда можно предположить, что именно он был и автором перевода повести Пушкина с французского языка и напечатал «El turbión de nieve» в обоих журналах. Кроме этого совпадения, известно, что Карвахаль являлся литературным директором обоих журналов.⁴ Возникает вопрос: почему он не подписал эту третью работу? Известно, что, будучи директором, Рафаэль де Карвахаль совмещал несколько функций в журнале, был одновременно журналистом и писателем. Иногда он составлял театральную критику под псевдонимом «La mosca» («муха»), переводил под инициалами R. de C. или писал статьи под своим именем Rafael de Carvajal. Можно предположить,

⁴ Almela y Vives F. El Fenix. Madrid, 1955. P. 36.

что он хотел скрыть себя под этими псевдонимами, чтобы не утомлять читателя своим именем, слишком часто встречающимся на страницах журнала. Поэтому же, видимо, он публиковал иногда и переводы без подписи.

Исследователей латиноамериканской литературы заинтересовало, что именно валенсийская версия спустя три года была опубликована в Чили, в журнале «Revista de Santiago» («Журнал Сантьяго») в 1850 г.

В своей статье «Первые переводы Пушкина в Чили»⁵ М.К. Дуарте, говоря о первом переводе «Метели», опубликованном в Чили в 1850 г., предполагает, что он был сделан и опубликован несколькими годами ранее в Испании, хотя не пишет, в каком именно журнале, в каком городе и в каком году. Основой для этого предположения являются наблюдения Дуарте над тем, что язык переводчика свободен от характерной чилийской лексики и синтаксических оборотов. К тому же она замечает, что в одном из редакционных примечаний употреблено выражение «наш валенсийский поэт», что было бы невозможно, если бы перевод был сделан не в Испании.

В своей работе Дуарте уже упоминает французский перевод 1843 г. (журнал «L'Illustration») и вскользь отмечает, что при сравнении французского перевода с подлинником обращает на себя внимание известное усиление романтического элемента, которое вызвало определенные изменения в тексте самой повести (добавления, неточности, пропуски), соответствующие литературному вкусу, на который повесть была рассчитана. «Все эти изменения, — пишет Дуарте, — были сделаны уже во французском переводе, и испанский переводчик слепо их повторил».⁶

Журнал «Эль Феникс» был создан 8 июня 1844 г. для того, как объясняла редакция журнала в первом выпуске, чтобы «образованная и аристократичная Валенсия имела журнал, достойный ее культуры и способный соперничать с самыми лучшими журналами такого рода, выходившими в Испании».⁷

Вначале журнал выпускался объемом в семь листов большого формата, один из которых был посвящен литературной прозе. В 1845 г. четыре страницы журнала стали отводиться статьям различной тематики, и еще столько же страниц занимала публикация романов. В Париж и Брюссель были посланы заказы на лучшие из последних к тому времени романов Дюма, Сулье, Сю, Кока, Гюго и Щатобриана.

«Эль Феникс» представлял собой универсальный журнал, посвященный литературе, искусству, истории и другим аспектам знания. Все его номера были иллюстрированы множеством литографий на камне и гравюр на дереве, меди и стали. Целью журнала было, с

⁵ Дуарте М.-К. Первые переводы произведений Пушкина в Чили // Русско-европейские литературные связи: Сборник статей к 70-летию со дня рождения М. П. Алексеева. М.; Л., 1966. С. 192—196.

⁶ Там же. С. 193.

⁷ Almela y Vives F. El Fénix. P. 15.

одной стороны, учить и развлекать, с другой — всемерно прославлять литературную и художественную Валенсию. Как писали в журнале, его девиз — «Все для „Эль Феникса“ и ничего для его редакторов».

Литературная часть журнала состояла из статей по литературе, науке, изящным искусствам, очерков в манере «костумбрес» (от исп. «costumbre» — нрав, обычай), работ, посвященных памятникам Валенсии и остальной части Испании. Также публиковались биографии знаменитых людей, сатирические произведения, оригинальные и переводные романы, литература о путешествиях, стихи, театральная и литературная критика. Журнал всегда отражал значительные события, происходившие в городе и в стране.

Журнал «Эль Феникс» характеризовался, с одной стороны, чертами романтизма, свойственными некоторым его сотрудникам, и с другой — тенденцией к «костумбризму» — раннереалистическому литературному направлению, затрагивающему бытовую тематику, своего рода испанской «натуральной школе». Интересен тот факт, что директор журнала, Рафаэль де Карвахаль, был одним из противников «костумбризма»,⁸ ему был гораздо ближе романтизм.

Кроме того, журнал отличался интересом к фольклору Валенсии и театральной жизни города. Благодаря разносторонней тематике журнала и разнообразию затрагивавшихся в нем проблем «Эль Феникс» и просуществовал гораздо дольше, чем другие журналы того времени.

Прежде чем анализировать характер проникновения русской литературы в Испанию и, конкретно, восприятие повести «Метель» испанским читателем, необходимо рассмотреть общие тенденции литературной жизни Испании XIX в. Традиционно испанская литература XIX в. разделяется на два периода. Первая половина века рассматривается как характеризующаяся романтизмом, а вторая — реализмом. Однако в действительности было немного иначе. Реалистический роман появился в Испании позже, чем в других европейских странах. Его зарождение в испанской литературе связано в публикации в 1870 г. первого романа Бенито Переса Гальдоса «Золотой фонтан» («La fontana de oro»), написанного в 1867 г. К 80-м годам благодаря произведениям таких писателей, как Педро Антонио де Аларкон, Хуан Валера, Бенито Перес Гальдос, реалистический метод стал определяющим в испанской литературе.

Однако важной особенностью испанской литературы в этот период является исключительная живучесть в ней, с одной стороны, романтизма, а с другой — так называемого «костумбризма».

Исходя из этого становится легче понять ту эпоху, в которую впервые была опубликована в Испании повесть «Метель», переведенная с французского языка. Это была эпоха вполне романтическая. В связи с этим показательно, что первыми произведениями Пушкина, появившимися во Франции, были его стихотворения. Из

⁸ Ibid. P. 42.

«Повестей Белкина» первой на французский язык была переведена повесть «Выстрел». Естественно, возникает вопрос, почему в Испании больше внимания уделялось повести «Метель»? Вероятно, дело в том, что время, в которое переводилась эта повесть, было периодом господства романтизма в Испании. Благодаря русскому колориту своих произведений Пушкин воспринимался в Испании как романтический писатель. А кроме того, что может быть более экзотичным и романтическим для испанцев, чем снежная метель, которой они никогда не видели?

Именно «романтизацией» русского оригинала и характеризуется «El turbión de nieve». Определяя таким образом перевод 1847 г., мы не обвиняем переводчика в неправильности его решения. Время, эпоха всегда оставляют свой след на всем, в том числе и на литературе, поэтому, оценивая произведение, нельзя не принимать во внимание те обстоятельства, которые прямым образом повлияли на решение переводчика. Хотя романтический характер не присущ произведению Пушкина в целом, однако писатель ориентирует «Метель» на романтические традиции и, переосмысляя их, усложняет повесть. Несомненно, что из-за этих романтических тенденций повесть «Метель» первый переводчик, не полностью разобравшийся в сложностях повести, мог принять ее за чисто романтическое произведение. Нельзя не учитывать также, что отмеченная тенденция к «романтизации» была заложена уже во французском тексте, который был так старательно переведен на испанский язык. Несмотря на многие неточности, испанский переводчик сумел, однако, отразить своеобразие великого русского писателя. В конечном итоге перевод 1847 г. был достоин своей эпохи.

Представляется целесообразным начать сопоставление русского и испанского текстов с эпиграфа к повести. Интересно, что в испанском варианте отсутствуют строки из «Светланы» Жуковского, которые Пушкин выбрал эпиграфом к своему произведению.

Во французском варианте также отсутствует эпиграф из Жуковского. Можно предположить, что перевод стихов Жуковского был для французского переводчика слишком трудной работой. Кроме того, специфика перевода стихов очень отличается от специфики перевода прозы. Однако истинная причина отсутствия эпиграфа из Жуковского видится в другом. Стоит только вспомнить о функции эпиграфа вообще, чтобы понять, что эпиграф из Жуковского французскому читателю ни о чем не говорит, ни на что известное не направляет его воображение. Ведь этим эпиграфом, состоящим из известных стихов романтического произведения Жуковского, Пушкин определенным образом ориентировал русского читателя, чтобы создать потом неизбежный контраст между тем, чего ожидает от него читатель, и тем, что получает. Эти стихи, которые хорошо знал и помнил русский читатель того времени, оставались, однако, неизвестными французскому или испанскому читателю, поэтому не имел смысла и их перевод.

Аналогично поступает переводчик и с цитатой из «Горя от ума» Грибоедова: «И в воздух чепчики бросали», также опуская ее. Про-

изведение Грибоедова стало для русского читателя источником популярных афоризмов. Строка «И в воздух чепчики бросали» для русского читателя имеет большую смысловую нагрузку. Поскольку эта фраза сама по себе ни о чем не напоминает французскому читателю, она, естественно, не переводится. В связи с этим в испанском варианте она также отсутствует.

Следует особо остановиться на передаче в испанском переводе собственных имен. Поместье Ненарадово, например, превращается, в *Nenacado* (Ненакадово). Здесь нашел отражение тот факт, что этот перевод был сделан с французского языка; впрочем, это можно объяснить ошибкой или опечаткой в каком-то из переводов. Однако гораздо чаще изменение собственных имен объясняется характерной для Испании манерой обращения, как, например, отсутствие отчества. Таким образом, Владимир Николаевич становится *Wladimigo*, а Марья Гавриловна — просто *María*. Имя Бурмина не изменяется. Гаврила Гаврилович Р^н, его жена Прасковья Петровна, корнет Дравин и землемер Шмит теряют свои собственные имена. О них говорится просто как о родителях или о свидетелях на свадьбе. Название деревни Жадрино передается несколько усложненно, хотя вполне логично, если иметь в виду фонетические характеристики испанского языка. Из-за отсутствия буквы «ж» Жадрино становится *Dschadrino*.

Интересна судьба слов, обозначающих традиционно русские понятия. Некоторые из них, например «кибитка», «верста», сохраняют при переводе на испанский язык свой славянский облик, передавая таким образом русский колорит: «*kbitka*», «*verstas*». Для других слов переводчик находит в испанском языке эквивалент, например: «мужик» — «*patan*».

Стилистическая «романтизация» пушкинского оригинала достигается разными приемами. Один из самых распространенных — это добавление характерных романтических эпитетов, делающих более эффективным для испанцев лаконичный язык Пушкина. Это можно легко заметить на ряде примеров. Вот, например, как переводчик приукрашивает описание пушкинской героини:

«... стройную, бледную и семнадцатилетнюю девицу» (VIII, 77):

«... *cuo pálido y melancólico semblante y airoso talle cautivaba todas las voluntades. Maria tenia entonces diez y siete años*⁹» (р. 431) («... бледное и меланхоличное лицо и воздушный стан, которые покорили всех. Марии было тогда семнадцать лет»)¹⁰.

«Бледное» лицо становится «меланхоличным», а стан «воздушным» и «пленительным» в отличие от русского источника, вследствие чего текст значительно разрастается.

Атмосфера встречи героев приобретает более романтический характер. Пушкин сообщает о своих героях:

⁹ Перевод 1847 г. цитируется по изданию: Pushkin A. S. *El turbión de nieve* // *El Fénix*. Valencia. 25-7-1847 y 1-8-1847. P. 431—436.

¹⁰ Далее во всех примерах дается дословный перевод.

«... выдались наедине в сосновой роще или у старой часовни» (VIII, 77).

Французский и испанский переводчики изменяют эту фразу:

«...у se daban misteriosas citas en el cercano pinar, junto a las ruinosas tapias de una antigua capilla» (р. 432) («...таинственные встречи в ближайшей сосновой роще, неподалеку от полуразрушенных стен старой часовни»).

По мнению Пушкина, точность и простота — это первое достоинство прозы (см. XI, 19). Однако его переводчику порой приходится добавлять отдельные слова или даже целые фразы. Романтическое повествование далеко не лаконично. Поэтому заметна тенденция к украшению фраз, которое достигается многословными описаниями.

«Марья Гавриловна была воспитана на французских романах, и следственно была влюблена» (VIII, 77).

«Habia leído Maria una multitud de novelas francesas, y, por natural efecto de tales lecturas, no tardó en abrir su alma a /.../ los tiernos arrullos...» (р. 432) («Марья прочла множество французских романов, и, как естественный эффект подобного чтения, она очень скоро открыла свою душу нежным воркованиям...»).

Ироническая логика слова «следственно» на испанский язык не передается, в переводе представлено нейтральное причинно-следственное отношение.

Или другой пример:

«...Владимир успокоился» (VIII, 80).

«Wladimiro cobró algun aliente y dio treguas a su mortal angustia» (р. 434) («Владимир вздохнул и стряхнул с себя смертельное оцепенение»).

Переводчик добавил не только новые слова, но и новые эмоции. То же самое мы наблюдаем и в следующем примере:

«...и залилась слезами» (VIII, 79).

«Y estuvo mucho tiempo llorando amargamente» («и она очень долго горько плакала»).

Противоречащий «романтизации» реалистический прием «чужой речи» у Пушкина не находит отражения в испанском варианте. Воспроизведение специфики «чужой речи» было не характерным для романтического повествования. В результате все персонажи повести говорят одним языком, в котором не находит отражения различие их социального положения.

Реплики некоторых персонажей повести включают в себя просторечия. Так, например, мужик из деревни говорит:

«Что те надо?»; «Недалече; верст десяток будет» (VIII, 80).

На испанском языке эта стилистическая окраска не передается: «¿Qué se te ofrece?»; «No mucho; diez poco mas o menos» (р. 434) («Что ты хочешь?»; «Не очень; около десяти верст»).

Еще один подобный пример:

(Речь служанки) «Девчонка воротилась, объявляя, что барышня почевала-де дурно, но что ей-де теперь легче, и что она-де сей час придет в гостиную» (VIII, 81).

«El criado volvió con la noticia de que la señorita había pasado mala noche pero que ya estaba mejor e iba a bajar» (р. 434) («Слуга вернулся с новостью, что барышня спала плохо, но что ей уже стало легче и она собирается спуститься»).

Неадекватно переводятся и фразеологизмы. Переводчик только передает значение, но не пытается найти испанский эквивалент:

«...что суженого конем не объедешь, что бедность не порок, что жить не с богатством, а с человеком, и тому подобное» (VIII, 82).

«...y que al fin y al cabo, la pobreza de su amado no era un vicio tan imperdonable» (р. 432) («... и что в конце концов бедность ее любимого не такой уж непростительный порок»).

Характерное свойство произведений, входящих в цикл «Повести Белкина», — сложность принятой в них формы повествования. Так, например, «Метель» рассказана от имени «девицы К.И.Т.». Однако ни Белкин, ни «девица К.И.Т.» не могут быть носителями такой тонкой и сложной иронии, которая характеризует повесть «Метель». За рассказчиком появляется фигура самого автора — Пушкина, который даже не старается спрятать свою личность. Ирония в повести этого цикла является особым рода формой переосмысления традиционных ситуаций. Посредством иронического описания передается авторская позиция по отношению к героям и событиям.

Испанский переводчик не мог в 1847 г. быть в курсе сложного композиционного замысла Пушкина. Он перевел только одну повесть, а не целый цикл (лишь в 1877 г. в «Европейском журнале» впервые на испанском языке появились «Выстрел» и «Гробовщик»).

В. Э. Вадуро в своей статье «Повести Белкина»¹¹ пишет о созданном «контрасте между полупародийным обличком „автора“ и подлинным, лишенным всякой стилизации, повествовательным стилем Пушкина, который лукаво возлагал на Белкина и его приятелей ответственность за выбор сюжетов». По мнению исследователя, «этот контраст создавал в читательском восприятии эффект постоянно обманываемого ожидания». Видимо, и испанский переводчик чувствовал себя обманутым, в своем романтическом решении он отбрасывал те куски текста, которые показались ему ненужными или просто его не устраивали. Когда переводчик переводит иронические слова, они теряют свой тонкий юмор, носят только прозаический объяснительный характер. Например:

«Само по себе разумеется, что молодой человек пылал равною страстию...» (VIII, 77).

«Excusado es decir que el joven por su parte estaba perdido de amores por María» (р. 432). («Надо сказать, что и молодой человек, со своей стороны, был влюблен в Марию»).

Иногда Пушкин описывает очень подробно какие-то бытовые моменты, которые снижают возвышенную романтическую окраску героев. Особенно Марья Гавриловна благодаря этим бытовым деталям выглядит часто как самая заурядная девушка. Это противоре-

¹¹ Вадуро В. Э. Повести Белкина // Пушкин А. С. Повести Белкина. 1830—1831. М., 1981. С. 38—39.

чит тому, что о ней говорится: «героиня романа», «романтическое воображение...». Переводчик точно переводит все, что пишет Пушкин, до того момента, когда в повествовании начинают изобиловать бытовые детали. Это обилие деталей, вероятно, кажется ему ненужным, и он не дает их перевода.

Пушкин описывает вполне «романтическую» ситуацию: «идеальная» героиня покидает дом, ее ожидает встреча с возлюбленным. Но Пушкин не вырывает героиню из быта, показывает ее вполне прозаические заботы, ее практицизм. В этом ирония; но эти детали переводчиком либо опускаются, либо воспринимаются как незначущие. Так, например:

«Он помог барышне и ее девушке усесться и уложить узлы и шкатулку...» (VIII, 79).

«... ayudó a Maria y a su doncella a subir» (р. 433) («...помог Марии и ее служанке подняться»).

То же самое происходит, когда акцентируется прозаичность обстановки:

«Гаврила Гаврилович в колпаке и байковой куртке, Прасковья Петровна в шлафроке на вате. Подали самовар...» (VIII, 81).

«A la mañana siguiente entraron los padres de Maria en el comedor, donde ya estaba servido el té...» (р. 434) («На следующее утро вошли родители Марии в гостиную, где уже был подан чай...»).

Несомненно, переводчик выпускал то, что, согласно его эстетическому чувству, было лишним или не соответствующим его вкусам или вкусам эпохи. Так, например, переводя эпизод, когда Владимир заблудился во время метели, переводчик опускает следующие строки:

«... а с него пот катился градом, несмотря на то что он поминутно был по пояс в снегу» (VII, 80).

Иногда Пушкин выражает свою иронию, употребляя подчеркнuto литературные выражения. Таким образом он создает контраст со своим лаконичным, сдержанным стилем, и ирония возникает как результат этого контраста. Испанский переводчик относится весьма положительно к такого рода выражениям и старается повторять их, хотя, по всей видимости, не совсем улавливает улыбку писателя.

Бывают такие моменты, когда переводчик просто отказывается воспроизводить иронию Пушкина.

«Поручив барышню попечению судьбы и искусству Терешки-кучера, обратится к молодому нашему любовнику» (VIII, 79).

«Dejemosle continuar su camino y veames que es entre tanto del joven abanderado» (р. 433) («Пусть они едут своей дорогой, а мы посмотрим, что тем временем происходит с молодым прапорщиком»).

Остановимся еще на одной особенности испанского перевода. Дуарте в своей работе пишет о том, что «все места, говорящие о войне 1812 г. и победе русских войск, в переводах пропускаются целиком».¹² Действительно, пропускаются довольно большие абзацы. Видимо, французскому переводчику не хотелось упоминать по-

¹² Дуарте М.-К. Первые переводы произведений Пушкина в Чили. С. 194.

тери и поражения французских войск, а испанский переводчик, не зная подлинника, не мог перевести его в точности.

«Он умер в Москве, накануне вступления французов» (VIII, 83).

«Wladimiro habia muerto» (р. 434) («Владимир умер»).

«Музыка играла завоеванные песни: Vive Henri-Quatre, тирольские вальсы и арии из Жюконда» (VIII, 83).

«Por todas partes resonaban músicas militares» (р. 434) («Везде играли военную музыку»).

Произведенное исследование показало, что перевод 1847 г., несмотря на имеющиеся в нем недостатки, в целом свое назначение выполнил. Основная его заслуга в том, что он впервые познакомил испанского читателя с произведением Пушкина.

Второй испанский перевод повести «Метель» появился в 1863 г. в журнале «El museo universal» под заглавием «El torbellino de nieve. Cuento guso».¹³ Этот вариант также является анонимным, хотя автор поставил в конце перевода в качестве подписи букву «F».

Практически три французские версии могли попасть в поле зрения испанского переводчика, не знавшего русского языка: «Le tourbillon de neige», переведенная Ксавье Мармье в 1854 г.,¹⁴ «Le chasse-neige», переведенная Александром Дюма в 1858 г., и «Le chasse-neige», переведенная Эженом де Порри в 1861 г. Уже само название перевода Мармье указывает довольно ясно на него как на основу испанского «El torbellino de nieve». При сравнении этого французского перевода с испанским справедливость этого предположения полностью подтверждается.

Особенно явственно сходство двух сопоставляемых переводов проявляется в концовке повести. Мармье немного изменяет ее, и это с очевидностью отражается в испанском варианте. Если в русском подлиннике Бурмин говорит: «...молчите, ради бога, молчите. Вы терзаете меня» (с. 85), — то во французском тексте эти слова исходят из уст Марьи Гавриловны: «Taisez-vous, s'ecria Marie, taisez-vous, je vous en conjure, vous me déchirez l'âme».¹⁵

То же самое находим в испанском варианте: «Callaos, exclamó Maria, callaos os lo ruego: me haceis pedazos el corazón» (р. 184).¹⁶ «(Молчите, — сказала Мария, — молчите, я вас умоляю; вы терзаете мое сердце»).

В конце «Метели» Марья Гавриловна по рассказу Бурмина узнает в нем своего мужа. Во французском переводе оба героя узнают друг друга. Таким образом, если у Пушкина Марья Гавриловна говорит: «Боже мой, боже мой! <...> так это были вы! И вы не узнаете

¹³ Дословно: «Снежный вихрь. Русская повесть».

¹⁴ Этот перевод был опубликован в кн.: Les Perce-neige. Nouvelle de Nord traduites par Xavier Marmier de l'Academie francaise. Paris, 1854.

¹⁵ Перевод Мармье цитируется по изданию: Pushkin A. S. Le tourbillon de neige. Paris, 1854.

¹⁶ Перевод 1863 г. цитируется по изданию: Pushkin A. S. El torbellino de nieve // El museo universal. Madrid. 7-6-1863 y 31-5-1863. P. 175—176, 183—184.

меня?» (с. 86), то во французском варианте герои находятся в равном положении:

— Mon Dieu! mon Dieu! — C'était donc vous? — Ne me reconnaissez-vous pas?

Испанский переводчик дословно отражает эти изменения:

— Dios mio! Dios mio! — Con que erais vos? — No me habeis reconocido? (р. 184) (— Боже мой! Боже мой! — Так это были вы! — Вы не узнаете меня?).

В результате этого изменения получается немного более драматизированная концовка, чем в самом русском подлиннике.

15 января 1857 г. впервые вышел в свет испанский журнал «El museo universal» («Универсальный музей»). Под заглавием уточнялось, что это «журнал наук, литературы, искусств, промышленности и полезных знаний, иллюстрированный множеством гравюр лучших испанских художников».

Первые три года журнал выходил раз в пятнадцать дней. В 1860 г. он стал выходить раз в неделю. Журнал просуществовал до 1869 г., когда его заменил другой журнал — «La ilustración española y americana» («Испанское и американское просвещение»).

В первом номере редакция заявила: «Откроем книгу для всех умов, альбом для всех художников, „memorandum“ всем любопытным людям, которые захотят представить нам свои исследования».¹⁷ И она выполнила до конца свою программу.

С 1857 по 1864 г. директором этого журнала был знаменитый журналист Немесио Фернандес Куэста. Его деятельность оказала огромное влияние на журнал.

В числе сотрудников были очень известные писатели: Фернандес Куэста, Вентура Руис Агилера, Педро Антонио де Аларкон, Франдиско Хинер, Густаво Адольфо Беккер и художники: Валериано Беккер, Ортега, Переда, Лапорта, Парис и Рико.

В журнале были представлены статьи различного рода: биографии известных людей, объявления о новых изобретениях и их внедрении, рецензии и критические заметки о различных выставках (в Англии, Франции, Испании) и т.д. В нем находили также отражение научные открытия, освещалась экспедиция в Тихий океан, печатались литературные статьи, стихи, переводы.

Э. Паес в своей книге «El museo universal» (Madrid, 1952) посвящает целый раздел сотрудникам журнала. В этом разделе перечисляются фамилии всех сотрудников и расшифровываются инициалы, которыми журналисты подписывали свои работы. Отметим, что «F» — это первая буква первой фамилии Enrique Fernandez Iturralde. Фернандес Итурральде часто публиковал свои сочинения и переводы в «Универсальном музее» с 1862 по 1868 г. Данный факт остался вне поля зрения Дж. Шандера.

Обращает на себя внимание удачная передача в этом варианте собственных имен: «Nenaradof», «Jadrino», «Vladimiro», «Schmidt». В отличие от первого перевода, где имена родителей не передава-

¹⁷ Paes E. El museo universal. Madrid. 1952. P. 9.

лись, во втором переводе родителей называют по отчеству: «Gabrilowitch» и «Petrovna». Любопытно заметить при этом, как отчество Марьи Гавриловны превращается в ее собственное имя: «Maria Gabriela».

Хотя повесть «Метель» в своем втором переводе, «El torbellino de nieve», в целом уже не характеризуется активной «романтизацией» оригинала, как первый перевод («El turbión de nieve»), однако в нем осталось несколько черт романтического характера. Интересно отметить, что именно испанский переводчик, а не французский делает усилие, чтобы сохранить некоторые элементы от прежнего романтического понимания мира. Так, когда французский переводчик пишет: «... ou de la vieille chapelle», испанец добавляет слово «замок»: «...de la capilla antigua del castillo» («...или у старой часовни замка»). Испанский переводчик любит романтическими представлениями о жизни в замке, вводя его по возможности в текст.

«Романтизация» также прослеживается в стремлении переводчика возвысить характер Владимира. Переводчик представляет героя более талантливым человеком, чем у Пушкина.

«...по крайней мере она берегла все, что могло его напомнить: книги, им некогда прочитанные, его рисунки, ноты и стихи, им переписанные для нее» (VIII, 83).

«...conservaba con mucho cuidado todo lo que habia pertenecido al desventurado joven, los libros que habia leído, sus dibujos y los versos que habia hecho para ella» (р. 184) («Она очень заботливо хранила все, что принадлежало несчастному молодому человеку, книги, им прочитанные, его рисунки и стихи, им написанные для нее»).

Если верить испанскому варианту, Владимир был человеком, способным не просто переписывать стихи, но и достаточно талантливым, чтобы писать их самому.

Однако, как мы уже говорили, романтические тенденции для этого перевода в целом не характерны. Необходимо отметить, что, несмотря на некоторые переводческие ошибки, данный перевод можно считать очень удачным.

Ошибки уже есть в тексте Мармье. «Сын капитан-исправника» переведен плохо. Получается, что должность капитана становится его собственным именем. Испанский переводчик, не задумываясь, повторяет это: «hijo del capitán Ispravnik» (р. 176).

Жаль, что в испанском переводе старая мать Марьи Гавриловны уже не играет в карты. Но еще хуже то, что Бурмин потерял свою «интересную бледность», которая так нравилась «тамошним барышням» (VIII, 83).

Наряду с этим в «El torbellino de nieve» встречаются очень удачные моменты. Например, перевод более точный, чем первый и третий, в нем сохраняется больше пушкинских деталей. Так, фраза «поиграть по пяти копеек в бостон с его женою» (VIII, 77) передается достаточно подробно:

«...y a jugar alguna partida de boston con su esposa Petrovna, lo mas a cinco copeks la ficha» (р. 175) («...чтобы сыграть партию в бостон с его женою Петровной максимум по пяти копеек за фишку»).

Удачным является и сам испанский язык переводчика, Переводчик выражается гибко и свободно, пользуясь яркими, выразительными средствами испанского языка, чтобы лучше передать иронию автора произведения по отношению к героям, как, например, при передаче следующего выражения:

«Там они клялись друг другу в вечной любви, сетовали на судьбу и делали различные предположения» (VIII, 77).

«Allí se juraban amor eterno, y quejándose del rigor de la suerte formaban mil y mil proyectos» (р. 175) («Там они клялись в вечной любви, и, жалуясь на жестокую судьбу, строили много планов»).

Выражение «mil y mil» представляет собой усилительную разговорную форму, передающую значение «много всего равного» (ср. с русским «миллион»).

Большое внимание переводчика к тексту Пушкина проявляется в том, что он правильно передает фразеологические обороты, используя возможности испанского языка.

«... что суженого конем не объедешь, что бедность не порок, что жить не с богатством, а с человеком, и тому подобное» (VIII, 82).

«Que contra el destino nada se puede, que la riqueza no constituye la verdadera felicidad, y otras maximas por el estilo» (р. 175). («Что против судьбы ничего нельзя сделать, что богатство не создает настоящее счастье, и тому подобное»).

Переводчик даже старается воспроизвести по-испански «чужую речь», если не во всех случаях, когда Пушкин пользуется ею, то по крайней мере в некоторых. Например, при передаче речи служанки несколько раз повторяется союз «que» («что»), чтобы придать ей форму просторечия, характерную для прислуги. Однако частица «де» по-испански никак не передается.

Тот факт, что перевод был более точным и верным, чем прежний, позволяет читателю лучше понять замысел самого автора. В отличие от «El turbión de nieve», в «El torbellino de nieve» переводчик старается отразить все бытовые моменты, которые Пушкин акцентировал в повести. В этом можно увидеть попытку переводчика передать более верный взгляд на героев.

Если автор первого перевода старался избегать описаний бытовых моментов в изображении персонажей, то во втором переводе оригинал передается довольно точно.

Ирония автора, выражающая его точку зрения, его отношение к событиям и героям, не упущена и хорошо передана в большинстве случаев. Так, например:

«Само по себе разумеется, что молодой человек пылал равною страстию...» (VIII, 77).

«Casi es inútil decir que el joven se moría por Gabriela» (р. 175) («Само по себе разумеется, что молодой человек сходил с ума по Габриэле»).

В этом примере следует обратить внимание не только на то, как хорошо переведен на испанский иронический оборот «само по себе разумеется», но и на то, как удачно найден эквивалент для выраже-

ния «пылал страстью» — здесь употреблено живое и яркое испанское выражение «morirse por alguien».

Так же хорошо в отличие от других переводов передана ирония в следующем примере:

«Марья Гавриловна была воспитана на французских романах, и следственно была влюблена» (VIII, 77).

«*María Gabriela había leído una multitud de novelas francesas y de resultas se había forjado un amor fantástico*» (р. 175) («Мария Габриэла прочла множество французских романов, и, следственно, она уже придумала себе невероятную любовь»).

Если бы переводчик перевел «была влюблена» дословно, как «*estaba enamorada*», это было бы правильно, но не чувствовалась бы пушкинская ирония. Нужно было поднять уровень выразительности в испанском переводе на одну ступень выше, чтобы этот оборот вызвал внимание и улыбку читателя.

Фраза с иронической нагрузкой: «Запечатав оба письма тульской печаткою, на которой изображены были два пылающие сердца с приличной надписью...» (VIII, 78) была плохо переведена в первом и третьем переводах. В первом переводе она недостаточно понятна: «*Después de haber cerrado las dos cartas con un sello que representaba dos corazones inflamados, y que tenía un lema análogo a las circunstancias*» (р. 432) (После того как она закрыла оба письма печаткою, которая изображала два пылающих сердца и на которой была надпись, соответствующая обстоятельствам...).

В третьем ее просто неправильно переводят:

«*Puso la carta en un sobre en que había grabados dos corazones inflamados, con una inscripción alegórica*» (р. 726)¹⁸ («Положила письмо в конверт, на котором были два пылающих сердца с аллегорической надписью»).

В переводе 1863 г. найдено наиболее адекватное решение:

«*Lacró las dos cartas con un sello de Tula que representaba dos corazones inflamados en medio de una divisa sentimental*» (р. 175) («Запечатала оба письма тульской печаткою, на которой изображены были два пылающих сердца с сентиментальной надписью»).

Впервые переводится слово «тульская», которое несет большую часть иронической нагрузки, хорошо переведено «*con una divisa sentimental*» («с сентиментальной надписью»).

В отличие от первого перевода испанский вариант 1863 г. отражает все упоминаемые Пушкиным события, связанные с Отечественной войной 1812 г.

«*El torbellino de nieve*» был несомненно лучшим переводом «Метели» в XIX в., несмотря на имеющиеся в нем отдельные незначительные отклонения от русского текста. Этот вариант наиболее верно во всех смыслах донес до испанского читателя XIX в. своеобразие пушкинской повести.

¹⁸ Pushkin A. S. *La nevada* // *Rev. Europea*. Madrid, 1876. P. 726.

В третьем переводе на испанский язык «Метель» приобретает новое название. В 1876 г. в журнале «Revista Europea» произведение Пушкина публикуется как «La nevada». Так же как и в прежних случаях, перевод анонимный. К сожалению, мы не располагаем пока фактами, позволяющими выдвинуть ту или иную гипотезу о его возможном авторе. Однако можно определить французский перевод, который послужил посредником в этот раз. Это был «Le chasse-neige», перевод Александра Дюма, опубликованный в журнале «Le Monte Cristo» в 1858 г. Доказательств этому немало, особенно убедительно следующее. Имя «Терешка» («Он отправил своего надежного Терешку»), преломившись в серии опечаток, как «Керодека» («Kerodeka») передано во французской версии и вслед за нею — в испанской. Показателен также перевод фразы:

«Восторг их был истинно упоителен, когда, встречая победителей, кричали они: ура!» (VIII, 83).

«Elles criaient: Hurrah! et faisaint flotter leur mouchoirs». ¹⁹ «Todas gritaban Hurra! y agitaban sus pañuelos» (р. 729). ²⁰ («Все кричали: ура! и махали платками»).

В этом переводе восклидание «ура!» пишется по-испански на французский манер, когда должно было быть иначе: «i Hurra!». Во французском же варианте появляются «платки», которых не было в оригинале. Это находит отражение и в испанском переводе.

Иногда кажется, что либо французский переводчик не понял мысль Пушкина, либо опечатки исказили слово донеузнаваемости. В испанской версии переводчик переписывает это слово, совершенно не понимая, о чем идет речь, как, например:

«...Бурмин с Георгием в петлице и с интересной бледностью...» (VIII, 83).

«Bourmine, avec son charmant uniforme de hussard, avec la croix de Saint-Georges à sa boutonnière, et décoré par dessus tout d'une „interesante dalno“» (р. 432).

«Bourmine, con la cruz de San Jorge en el pecho, y sobre todo adornado con un „interesante dalno“» (р. 729) («Бурмин, с Георгием на груди и особенно украшенный „интересным дально“»).

Однако в переводе есть и удачные моменты; впервые переводится, например, одна ироническая фраза Пушкина, которая ранее опускалась переводчиками:

«...написала длинное письмо к одной чувствительной барышне, ее подруге...» (VIII, 78).

«Elle ecrivit une longue lettre à une amie romanesque comme elle...» (р. 418).

¹⁹ Pushkin A. S. Le chasse-neige / Trad. par Alexandre Dumas // Le Monte Cristo. Paris. 25-10-1858. № 26—27. P. 432. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

²⁰ Перевод 1876 г. цитируется по изданию: Pushkin A. S. La nevada // Rev. Europea. Madrid, 3—12—1876. P. 726—731.

«Escribió una larga carta a una amiga tan romántica como ella» (р. 726) («Она написала длинное письмо к одной такой же чувствительной барышне»).

В целом же испанский перевод так приближен к французскому тексту, что теряет свою свежесть, гибкость, становится тяжелым, каменным, неестественным. Это точный, дословный перевод, сделанный без особой фантазии. В нем встречаются фразы, плохо построенные по-испански, как, например:

«...выйти в сад через заднее крыльцо...» (VIII, 78).

«Salir por la puerta de la espalda del jardín» (р. 726) (...выйти через дверь спины сада).

В отличие от первого испанского перевода версии 1876 г. ориентация на буквализм позволила сохранить все фразеологизмы (правда, в дословной передаче) и комментарии рассказчика по поводу происходящих событий. Передается и ирония писателя; однако эта ирония не имеет той тонкости, которой всегда отличался юмор Пушкина. В переводе ирония становится грубой:

«Марья Гавриловна была воспитана на французских романах, и следовательно была влюблена» (VIII, 77).

«En la educación de Maria Gabriolowna entraban por mucho las novelas francesas y por consiguiente estaba constantemente enamorada» (р. 726) («В воспитании Марии большое место имели французские романы, и поэтому она была постоянно влюблена»).

Все эти мелкие детали могли бы не иметь особого значения, если бы концовка повести не была изменена. В конце повести французский переводчик не просто добавляет эпитеты или убирает из текста какие-то фразы, а изменяет характер Бурмина и его поступок. Раскаяние преувеличено:

«...я женат уже четвертый год и не знаю, кто моя жена, и где она, и должен ли свидетельствовать с нею когда-нибудь!» (VIII, 85).

«...casado desde hace tres años, y cosa extraña, inaudita, insensata, y sin embargo verdadera; casado sin conocer a mi esposa, sin saber dónde está é ignorando si la volvere a ver» (р. 730) («Я женат уже три года, это странно, неожиданно, ненормально, безумно, но все-таки правда; я женат и не знаю мою жену, где она и увижу ли ее когда-нибудь»).

Лаконичная фраза: «...сказал Бурмин...» (VIII, 85) превращается в: «Bourmine continuó con voz conmovida y penosa» (р. 730) («...Бурмин продолжал взволнованным и жалобным голосом»).

В переводе Бурмина даже уговаривали венчаться. Сцена свадьбы рассказывается таким образом, что можно понять, что у Бурмина просто нет другого выхода.

«Прикажете начинать?» (спрашивает священник у Бурмина) (VIII, 86).

«— Caballero, — me dijo — no hay un instante que perder; pueden sorprendernos de un momento a otro; apresurémonos» («Господин, мы не можем терять ни одной секунды; нас могут найти в любой момент. Давайте побыстрее»).

Бурмин в переводе даже протестует, хочет остановить все эти события:

«„Начинайте, начинайте, батюшка“, — отвечал я рассеянно» (VIII, 86).

«Pero ya veis que apenas puede sostenerse esa señorita» — le contesté» (р. 730) («Но вы же видите, что барышня еле стоит на ногах, — ответил я»).

Старый священник в русском тексте молчит, а в испанском отвечает довольно цинично:

«Con tal que pueda decir sí será bastante» (р. 730) («Если она сможет сказать „да“, то этого будет достаточно»).

«Испанский» Бурмин даже успел подумать:

«Además, creía que nada era tan fácil como anular aquel matrimonio» (р. 731) («Кроме того, я думал, что нет ничего легче, чем аннулировать этот брак»).

В конце концов «испанский» Бурмин женился потому, что «все этого хотели».

«Vamos, — dije, — puesto que todos lo queréis...» (р. 731) («Давайте, — сказал я, — раз вы этого хотите...»).

Кульминация всей этой сцены — это появление некоего «друга», который осведомляет Бурмина об ответственности, которую налагает на него этот брак. Такого персонажа в русском тексте нет вообще.

«Un amigo más reflexivo que yo me asustó diciéndome que estaba realmente casado, unido para toda la eternidad en este mundo y en el otro; que sería posible el divorcio si encontraba a la joven, y de comun acuerdo lo pedíamos. Me he puesto en su busca pero inútilmente. ¿Que teneis' Maria? Parece que vais a morir» (р. 731) («Один друг, более серьезный, чем я, напугал меня, сказав, что я в действительности женат, соединен навеки в этом мире и в другом; что развод невозможен, если я не найду эту женщину и, согласно с ней, мы его не попросим. Я уже начал ее искать, но безнадежно. Что с вами, Мария? Похоже, что вы умираете!»).

Простой вопрос Марьи Гавриловны: «И вы не узнаете меня?» (VIII, 86) приобретает в переводе совершенно новое значение, изменяя тем самым смысл всей повести:

«¡ Oh! ¡ Desgraciada de mí si no os hubiera encontrado, o si al encontraros... no os hubiera amado!» (р. 731) («О, несчастная! Если бы я вас не нашла, или, найдя вас, не полюбила бы вас!»).

Бурмин становится «положительным героем», он способен на самые «драматические» эффекты:

«Бурмин побледнел... и бросился к ее ногам...» (VIII, 86).

«Bourmine palideció, lanzo un grito de angustia y de alegría a la vez, y cayó de rodillas ante Maria Gabrielowna» (р. 731) («Бурмин побледнел, вскрикнул от огорчения и радости одновременно и упал к ногам Марии Гавриловны»).

Итак, перед нами набор литературных штампов, которыми и завершается, трансформируясь под пером переводчика, пушкинская повесть.

Проведенное исследование трех испанских переводов повести Пушкина «Метель», сделанных в XIX в., позволило установить, что наибольшими достоинствами отличается перевод 1863 г. «El torbellino de nieve».

Этот перевод очень точно передает содержание повести Пушкина вплоть до мельчайших деталей. Несмотря на то что перевод этот был сделан с французского источника, он выполнен настолько добросовестно, что доносит до испанского читателя дух повествования и особенности стиля Пушкина.

Чутко воспроизводятся ирония писателя, верно отражаются бытовые детали, доходчиво передается русский национальный колорит.

Однако, несмотря на то что перевод 1863 г. представляется нам наиболее удачным, это отнюдь не уменьшает ценности первого испанского перевода «Метели», сделанного в 1847 г.

Что же касается перевода 1876 г., то это типичный пример литературного шаблона. Основным недостатком этого перевода является изменение концовки повести, хотя мы не вправе возлагать ответственность за это на испанского переводчика, поскольку последний, не зная русского языка, полностью ориентировался на французский перевод Александра Дюма.

Таким образом, традиционно сложившееся в литературоведении мнение о том, что произведения Пушкина стали известны испанскому читателю, по существу, лишь к концу XIX в., к тому же в искаженном переводчиками виде, представляется ошибочным, поскольку первые два перевода «Метели» (1847 и 1863 гг.) достаточно верно передают оригинал и сделаны на довольно высоком уровне.

Р.М.И. Мартинес Мартинес

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» В КИТАЕ

На сегодняшний день в Китае большим тиражом изданы пять переводов романа в стихах «Евгений Онегин».¹ Первый перевод выполнил Люй в тяжелых военных условиях. Его первое издание вышло в свет в 1944 г., второе — после образования КНР, в переработанном виде, в 1954 г. В том же году появился в печати другой перевод романа, предпринятый поэтом Ча Лячжен. Лишь в 1981 г. после длительного перерыва в истории переводов русской литературы в Китае был опубликован новый перевод «Евгения Онегина», предпринятый автором этих строк. Спустя год в Шанхае напечатан

¹ Полный учет изданных в Китае отрывков из романа затруднителен; я знаю по крайней мере пять переводчиков, занимающихся переводом этого романа и не успевших пока закончить свою работу.

перевод романа, выполненный Фун Чунь. И наконец, в 1985 г. был издан в Пекине пятый перевод, выполненный Ван Чжилян.

«Существовала ли какая-нибудь хронологическая преемственность между (...) переводами, — размышлял М.П. Алексеев, — помимо того естественного ритма, который сообщали их появлению пушкинские юбилейные даты? Чем объяснить, что в одних странах на каком-либо языке эти переводы появлялись чаще, чем на другом?» И еще: «Возможно ли воссоздание в переводе „онегинской строфы“, мелодики пушкинской речи, игры слов, всей суммы его стилистических приемов без ощутительных потерь?». ² Понятно, что мне как лицу заинтересованному неудобно судить о достоинствах и недочетах нашей работы, но вопросы, заданные выдающимся советским пушкинистом, требуют ответа. Ведь двух первых переводчиков уже нет в живых, а из остальных — только мне посчастливилось побывать на родине великого поэта. Ниже попытаюсь как можно объективнее изложить свои мысли по этим вопросам.

Когда Пушкин в 1828 г. рвался в Китай, о нем вряд ли знал кто-нибудь из моих соотечественников. Тогдашние правители Китая проводили по отношению к соседним странам политику шовинизма и замкнутости, которая кончилась только под пушками английских кораблей в 1840 г. Имя великого русского поэта стало известно у нас только в самом начале нынешнего века, и с тех пор оно всегда связывалось и связывается с демократией. Пушкина высоко ценили великие китайские писатели, которые стояли во главе борьбы за свободу и независимость нашей страны: Лу Синь, Го Можо, Мао Дунь, Цюй Иубай.

Первым произведением Пушкина, с которым смог познакомиться китайский читатель, стала «Капитанская дочка». В 1903 г. Ди Чхуй перевел повесть с японского языка и издал под названием «Русский роман, история мисс Марии». Книга вышла в серии «Новые романы», основанной буржуазными демократами во главе с Лян Чицао, руководителем реформистского движения за новую литературу.

Должную оценку великому русскому поэту дал Лу Синь, который в своей первой статье об иностранной поэзии назвал имя Пушкина в ряду революционных романтиков. Лу Синь был зорче всех писателей того времени, зорче правителей обеих империй. Он ясно видел сходство между старым Китаем и Россией и, — видимо, именно с такой мыслью взялся за перевод поэмы Гоголя «Мертвые души». Он даже предвидел дальнейшее развитие обеих стран и в 30-х годах неустанно пропагандировал советскую литературу и поощрял переводы советских произведений. Лу Синь сам перевел роман Фадеева «Разгром», а также поддержал издание «Железного потока» Серафимовича, переведенного Цзао Динхуа. В 1937 г. в Шанхае сразу было издано четыре номера журналов, посвященных 100-летию со дня гибели А. С. Пушкина и, хотя к тому времени Лу Синя

² Алексеев М. П. Разноязычный «Евгений Онегин» // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 360—361.

уже не было в живых, все воспринимали эти издания как продолжение его дела. Первый перевод нескольких строф из «Евгения Онегина» был помещен в одном из юбилейных выпусков. Вскоре после этого появился полный перевод романа в стихах, выполненный Люй Ином, который жил в одной из глухих провинций Китая; не имея достаточных пособий, он, конечно, не мог достичь высокого качества перевода.

Значительно удачнее был Ча Лячжэн. Как поэт он хорошо владел искусством слова, и язык его перевода был изящен. Но зная английский язык лучше, чем русский (он учился в Америке), Ча Лячжэн, по-видимому, переводил роман Пушкина, ориентируясь на английский перевод, о чем свидетельствуют некоторых характерные ошибки, искажающие смысл пушкинского текста. Вот почему перед китайскими русистами встала задача нового перевода «Евгения Онегина» — непосредственно с русского оригинала.

Таким образом, я как бы уже ответил на первый вопрос, заданный академиком М. П. Алексеевым. Появление переводов всегда связано с общественно-политической обстановкой в стране, с духовными потребностями, предъявленными культурой. Понятно, что больше переводов из русской культуры появляется там и тогда, где усиленно осваивают русский язык. Первые два переводчика были из старшего поколения, а мы с Фун Чунем и Ван Чжилянном из первого поколения русистов, которых подготовили сразу после образования КНР.

Если военных переводчиков можно подготовить за год, технических и торговых — за три года, то переводчик художественной литературы «зреет» не меньше десяти лет. Сужу по себе: с 1950 г. я стал изучать русский язык, а первый мой перевод — «Звездный билет» В. Аксенова — вышел в свет отдельной книжкой в 1963 г. «Евгений Онегин» же потребовал 18 лет работы и трех вариантов; его выход в свет, конечно же, задержал некороткий период «Культурной революции», а потому вышел он только в 1981 г. Так и любой перевод — не только плод долголетней работы переводчика, но и результат общественного развития. Без благоприятных условий никакой, даже самый талантливый, переводчик не добился бы успешного результата.

Теперь перейдем к вопросу об онегинской строфе. Прежде всего надо выяснить, что мы подразумеваем под этой строфой? Если только четырнадцать строк стихов, то можно сказать, что в Китае все переводчики переводили «Евгения Онегина» строфами. Если речь идет о ритме и рифме, то получается иная картина. В переводе Ча (втором по порядку) чувствовался ритм несколько более медлительный, чем у Пушкина, хотя и очень плавный. И рифмовка у него была свободная; в каждой строфе только четыре или пять рифмованных строк. А в переводах Фун Чуня и Ван Чжиляна не очень ясен ритм. Язык первого из этих переводов, как мне кажется, многословен и поэтому более близок к прозе, а язык перевода Ван Чжиляна кажется мне несколько тяжеловесным. Что касается рифмы, то у Фун она более свободная, как и у Ча, а Ван Чжилян в своем переводе следовал

рисунку рифм онегинской строфы. Может быть, это и сделало ему честь. Ведь есть переводчики или теоретики перевода, которые агитируют за прямой перевод и предложили лозунг: «Переведите так, как пишут авторы». Но, как я знаю, сам по себе такой метод перевода еще не предвещает успеха у читателя.

Над этими вопросами я тоже долго бился, даже пробовал следовать поэту в его рифмах. Но результаты подобных опытов меня не удовлетворяли. Мелодика китайского стиха качественно отлична от русского, так что в китайской поэзии, в частности, не может быть аналога чередования мужских и женских рифм. Далее, китайская поэзия традиционно привержена к перекрестной рифме с одним гласным. Например, в стихотворении Ли Бо «Тоска по Родине» из четырех строк рифмуются только три (гуан, суан, сян), которые и создают благозвучие. Поэтому я и решил подражать классической китайской поэзии, т. е. перевести «Евгения Онегина» только перекрестными рифмами с одним гласным в семи строках. Например, строки из исповеди Татьяны: тут рифмуются Хуан, Фан, Шан, Лян, Фан и Нян. Во всех онегинских строфах я последовательно выдерживал подобную рифмовку, передавая тем самым строгость формы строгостью рифмы.

Что касается ритма, то и здесь вопрос сложный. Как известно, классическая китайская поэзия называлась «Гелюйсы», т. е. стихи со строгой формой и строгим ритмом. Современная же поэзия более свободна и в ритме и в рифме. Только за последние годы наши теоретики-стиховеды более или менее обосновали понятие «дон» (стопы). Я согласен с такой теорией и постарался передать четырехстопный ямб при помощи «четырёх дон» в каждой строке. Кроме ритма и рифмы, онегинская строфа еще отличается огромным разнообразием ритмико-интонационных комбинаций стихов и преобладанием интонационно-тематического обособления первого четверостишия и афористичности заключительного двустипшия.³ Некоторые советские исследователи склонны считать, что преобладающим является деление строфы на 4 + 4 + 4 + 2 (таких стрóf в романе одна треть), но стрóf с обособлением только первого четверостишия много больше (почти 4/5), и среди них имеет место деление на 4 4 3 3 (шесть стрóf), и 4 4 6 (пять стрóf). Есть и совершенно оригинальные случаи. Так, в первой главе выделяется сорок третья строфа (5 3 3 3). Такое разнообразие структуры онегинской строфы при тщательном анализе нетрудно передать, только мало кто обращает на это внимание.

Как ни важны сами по себе формальные особенности, главным все же является язык перевода. Я постарался передать пафос великого поэта. Особенно в работе над лирическими отступлениями, пользуясь всеми красками и оттенками китайского языка, стремился выразить авторскую радость и горечь, надежду и разочарование, иронию и сатиру и т. д. Ведь поэт сам говорил, что его роман в стихах — «собрание пестрых глав». Это авторское определение мно-

³ Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 551.

竟然做了低级感情的奴隶？

四十六

在我看来，奥涅金，这堂皇富丽，
这可厌生活的金碧辉煌，
我在这热闹社交界的成功，
这些晚会和新式楼房
算得了什么？我情愿抛却
这假面舞会的破烂衣裳，
这豪华、这热闹和纸醉金迷，
去换取满架诗书和故园荒凉，
和我家那间简陋的小屋，
和我们初次会面的地方，
和那座平平常常的坟丘，
那里埋葬着我可怜的奶娘，
如今坟头只有一个十字架
和几株老松，郁郁苍苍……

四十七

而当时，幸福就在我们眼前，
本来可以结成美满婚姻！……
如今，我的命运已经决定，
可能我做得不够审慎。

283

Отрывок из восьмой главы «Евгения Онегина» (строфа XLVI) в переводе на китайский язык проф. Ван Шисе.

гозначно, но прежде всего оно касается поэтического языка. Достаточно сравнить интимность «Посвящения» с живым разговором няни и Татьяны, чтобы увидеть это многоголосие. Нельзя же перевести все однообразно сглаженным языком. Необходимо, чтобы читатели почувствовали эту пестроту.

В заключение хочу сказать, что форму стихов вообще невозможно передать на другом языке без определенных потерь. Недавно вышел сборник «Стихи яшмовой флейты» советского переводчика Писманова. Надо признать, переводчик сделал свою работу умело, воспроизведя тонкость поэтического языка и его экзотику. Но форма «Цы» в переводе утрачена. С точки зрения носителя языка подлинника эта потеря очень ощутительна, а для носителя языка перевода — едва ли заметна. Так и китайские читатели «Евгения Онегина», даже зная, что переводчик допустил изменение в рифмах стихов, должен ощутить красоту, силу и изящество рифмы подлинника. Он может уловить поэзию и мысль подлинника, а красоту рифмы — уже перевода. Ведь Сервантес говорит, что перевод как бы ковер с узорами: узоры такие же, но неясные и некрасивые. По-моему, работа переводчика в том и заключается, чтобы своей вышивкой сделать эти узоры столь же красивыми, как и в подлиннике.

Ван Шисе

ОБ ИСТОЧНИКАХ ПУШКИНСКОЙ ЗАМЕТКИ «МНЕНИЕ МИТРОПОЛИТА ПЛАТОНА...»

1

В бумагах Пушкина сохранилась следующая заметка:

«Мнение митроп.(олита) Платона о Дм.(итрии) Сам.(озванце), будто бы восп.(итанном) у езуитов, удивительно детское и романтическое. Всякой был годен, чтоб разыграть эту роль: доказ.(ательство): после смерти Отрепьева — Тушинский Вор и проч. Езуиты довольно были умны, чтоб знать природу человеческую, и невежество русск.(ого) нар.(ода).

6 июля 1831» (XII, 203).

Источник, в котором изложено «мнение митрополита Платона», до сих пор не был установлен. Это «Краткая церковная история», сочиненная митрополитом и изданная впервые в 1805 г., затем — в 1823 и 1829 гг.¹ Одним из этих изданий и мог воспользоваться Пушкин.

¹ См.: Справочный словарь о русских писателях и ученых... / Сост. Г. Геннади. М., 1906. Т. 3. С. 143.

Митрополит Платон (Петр Егорович Левшин, 1737—1812) — виднейший церковный деятель последней четверти XVIII—начала XIX в.: с 1775 г. — архиепископ, а с 1787-го — митрополит Московской епархии; с 1776 г. — архимандрит Троице-Сергиевой лавры. Теоретик единоверия. Протектор Московской духовной академии, ее «Петр Могила». Автор европейски известного курса по православному учению веры. Наконец, первый историк русской церкви.²

Обратимся к его «Краткой церковной истории».

Саму идею воспитания у иезуитов молодых россиян как средства вести в Россию «папскую веру» Платон приписывает иезуиту Антонию Поссевино, бывшему посредником в переговорах о мире между Иваном Грозным и польским королем и уже в 1587 г. писавшему: «Не бесполезно бы некогда было, ежели б или при жизни сего государя, или, может быть, при принятии государем Римской веры, то было бы поставлено, о чем теперь между христианскими государями идет дело...».³ В этих словах иерарх видит несомненный «умысел», предвещающий развернувшиеся вскоре события.

Этот план объективно подкреплялся действительным по тогдашним европейским меркам «невежеством русского народа» (в образовательном смысле). Но по убийнии царевича Димитрия и воцарении Бориса Годунова, вызвавшего «общее неудовольствие и роптание» убийством (в этом Платон тоже не сомневается), ситуация резко меняется. У иезуитов появляется шанс утвердить под именем Димитрия своего воспитанника вместо «сомнительного» самодержца и уже через него подвести Россию под католицизм. Поэтому для них, считает митрополит, и не важно, кто именно будет самозванцем. Важно лишь внешнее сходство и соответствующее воспитание, что неоднократно подчеркивает Платон, говоря об Отрепьеве. Причем сам объем и уровень его «иноземного» знания, позволяющий переписывать книги у самого патриарха Иова и даже сочинять в 17—18 лет каноны святым, «убедительно доказывает, что он уже в младенчестве в Польше не малое время обучался, и в науках довольно успел».⁴ По мнению Платона, Самозванец прибыл в Россию и стал монахом Чудова монастыря, уже приступив к своей миссии, а в 1602 г. после бегства в Польшу только *продолжил* ее осуществление. «Можно ли предположить, — пишет Платон, — чтобы какой-нибудь природный россиянин и по-русски воспитанный на сие отважиться не утратился? Но положив, что уже он в Польше несколько лет жил, и там воспитан, и ко всему приготовлен (...) то все удобное статья могло, и он в Польшу (в 1602 г. — П.К., А.К.) шел, как на готовое»,⁵ а иначе мог бы там и

² Подробно о Платоне см.: Смирнов С. История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855; Громогласов И. Новые исследования о московском митрополите Платоне: Критико-биографич. очерк. М., 1907. Автобиография митрополита изложена в кн.: Платон (Левшин), митрополит Московский. Полн. собр. соч. СПб., 1913. Т. 2. С. 218.

³ Цит. по кн.: Платон (Левшин), митрополит Московский. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 218.

⁴ Там же. С. 239.

⁵ Там же. С. 238.

погибнуть, не исключает митрополит. Он убежден, что в противном случае Отрепьев, даже зная сильную неприязнь Польши к России, не решился бы на такое предприятие. Авантюризм Самозванца при этом во внимание не берется.

Общая народная неприязнь к Борису Годунову и особенно, отмечает церковный историк, бунты донского казачества (как будет показано ниже, Пушкин будет склонен видеть в бунтах проявление «невежества русского народа») предопределили первоначальный успех крестового похода, или «крозады», против России.

Теперь проясняется смысл пушкинского замечания о «природе человеческой». Ключ к нему находим в цикле «Table-talk» (1835), в заметке, начинающейся словами: «Человек по природе своей склонен более к осуждению, нежели к похвале — (говорит Макиавель, сей великий знаток природы человеческой)» (XII, 157). Стало быть, знавшие, как и «Макиавель», природу человеческую иезуиты рассчитывали добиться успеха именно через природную склонность человека к осуждению. По отношению к конкретной исторической эпохе начала XVII в. под «осуждением» надо понимать отмеченное выше недовольство народа правлением Годунова.

Платону свойствен пристальный интерес к иезуитскому окружению Лжедмитрия I, его дружеской переписке с римским папой, полной посулов латинизировать свое государство. «Быв окружен таковыми злыми духами, — пишет Платон, — на что не мог отважиться Лжедмитрий? Конечно его собственной головы на таковой вымысел и на производство его стать не могло...».⁶ Это еще один штрих, уточняющий степень «годности всякого» (Пушкин) на роль Самозванца — правда, не без противоречия Платона своей же высокой оценке «собственной головы» прекрасно подготовленного Отрепьева.

Весомым аргументом в пользу пушкинского мнения является история с «Тушинским вором». Однако церковный историк трактует ее иначе. Хотя Лжедмитрий I убит днем, у всех на виду, уточняет Платон, все же возник слух об его якобы чудесном спасении. «Не очевидно ли сие доказывает, что и первый умысел выдуман и приготовлен в Польше? А чтоб его поддержать, и свой предпринятый единожды умысел привести к конечному исполнению, вот, выставлен и другой самозванец».⁷

Как видим, живая, непосредственная страсть патриота в разоблачении иезуитов, категоричность его выводов, не лишенных оттенка упрямой капризности, могли дать Пушкину право назвать платоновское мнение о Самозванце «удивительно детским». Конечно, Смутное время не обошлось без прямого участия «папистов», но оно не сводится к «крозаде»... Не сквозит ли здесь озабоченность ав-

⁶ Там же. С. 231. Реальная картина католического влияния на Самозванца неоднозначна: помимо иезуитов, он испытал и некоторое влияние ариан и до известной степени пользовался их помощью, особенно в период, предшествовавший его союзу с А. Вишневецким (см.: Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 111—115).

⁷ Платон (Левшин), митрополит Московский. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 243.

тора в связи с мальтийскими симпатиями императора Павла — его законоученика, в правлении которого «Краткая церковная история» в основном и писалась? Но это уже особая тема.

«Романичность» же мнения Платона в пушкинском восприятии пока можно истолковать как вальтерскоттовскую занимательность сюжета. Ведь речь идет о делом заговоре против России с немислыми перипетиями, с происками врагов православия, исполненных хитрости и коварства. Впрочем, к этому пушкинскому определению мы еще вернемся.

2

«Краткой церковной истории» в библиотеке Пушкина нет, и могло быть так, что он ее и не читал. Дело в том, что между Пушкиным и Платоном в любом случае был литературный посредник.

В 1830 г. появился роман Ф. В. Булгарина «Димитрий Самозванец». Как известно, Булгарин рецензировал в рукописи пушкинского «Бориса Годунова», и следствием его отзыва были высочайший запрет на публикацию трагедии. Булгарин же использовал пушкинский сюжет в своем романе, чем вызвал определенную реакцию Пушкина и литераторов его круга. Эта история подробно воссоздана и проанализирована в ряде работ.⁸

В предисловии к своему роману Булгарин рассуждает о его главном герое и утверждает при этом, что «он не мог быть Гришкою Отрепьевым, и совершенно соглашаюсь с мнением митрополита Платона, изложенным в его сочинении: *Краткая церковная история*». А далее, после подробной, вплоть до страницы, ссылки Булгарин приводит обширную цитату из этого труда. Позиция Платона нам уже известна. Булгарин дает, однако, и свой комментарий: «Не только митрополит Платон, но и другие современные писатели верят, что явление Самозванца было *следствием* великого замысла иезуитского ордена, сильно действовавшего в то время в целой Европе к распространению римско-католической веры. Это мнение самое вероятное и основано на многих исторических доказательствах.

Сии-то сомнения на счет рождения Самозванца, его воспитания и средств, употребленных им к овладению русским престолом, послужили основой моего романа». ¹⁰ В самом деле, писатель беллетризировал концепцию Платона, которую, кстати, поддерживал и Карамзин.

⁸ См.: Винокур Г. О. Кто был цензором «Бориса Годунова»? // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Вып. 1. С. 203—214; Гиппиус В. А. Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830—1831 г. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Вып. 6. С. 235—255; Яценко А. Л. «Борис Годунов» А. С. Пушкина и подделка «Димитрий Самозванец» Фаддея Булгарина // Традиции и новаторство в художественной литературе. Горький, 1980. С. 107—114.

¹⁰ Булгарин Фаддей. Димитрий Самозванец: В 4-х ч. СПб., 1830. Ч. I. С. IV. Там же. С. VI—VII.

Говоря о «современных писателях», Булгарин намекает на Пушкина, не отрицавшего в «Борисе Годунове» влияния иезуитов на Самозванца. Напомним диалог его с иезуитом Черниковским в сцене «Краков. Дом Вишневецкого»:

Нет, мой отец, не будет затрудненья;
Я знаю дух народа моего;
В нем набожность не знает исступленья:
Ему священ пример царя его.
Всегда, к тому ж, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двух годов
Весь мой народ, вся северная церковь
Привнают власть наместника Петра.

(VII, 50)

Это, однако, не отменяет пушкинской мысли о том, что Самозванец является порождением русской жизни. Об этом говорят частые размышления героев о народе, власти и т. д. С годами же пушкинская точка зрения становится более цельной. В заметке 1831 г. появление Лжедмитрия объясняется не происками иезуитов, а национальными и общечеловеческими свойствами подданных. Он открывает собой целую галерею самозванцев: «Всякой был годен, чтоб разыграть эту роль...». Излишне говорить о том, как интересовал Пушкина феномен русского самозванства.¹¹ Таким образом, мнение Пушкина о Дмитрии Самозванце в заметке 1831 г. полемично по отношению к мнению Булгарина. Пушкина к тому же задело, что Булгарин ссылается на него, а именно на «Бориса Годунова», сюжет которого сам же и обокрал. Эта ссылка как бы ставила Пушкина в один ряд с «Видоком Фигляриным».

Полемично и упоминание о Лжедмитрии II, ибо Булгарин принципиально разделял двух самозванцев, утверждая, что «Тушинскому вору» поляки не верили, а «употребляли только как орудие к завоеванию России». Для Пушкина же это явления равнозначные.

Булгарин полагает, что «вся ученость тогдашних русских состояла в том, чтоб знать наизусть Св. Писание», и что «они были не образованы, но умны, сметливы, и знали все, чего требовал от них дух времени и тогдашний порядок вещей».¹² А далее идет пассаж о русском народе в духе известной уваровской формулы.

Между тем Пушкин в заметке пишет о «невежестве» народа. Это может показаться странным, особенно если вспомнить, как важно «мнение народное» в «Борисе Годунове». Отношение авторов «Бориса Годунова» и «Дмитрия Самозванца» к «мнению народному» различно: у Булгарина постоянно звучат народные славословия в адрес Лжедмитрия; Пушкин же завершает пьесу бездонной ремаркой «Народ безмолвствует».¹³

¹¹ См.: Эйдельман Н. Пушкин: История и современность в художественном сочинении поэта. М., 1984. С. 182—195.

¹² Булгарин Фаддей. Дмитрий Самозванец. Ч I. С. XIII, XVIII, XXII.

¹³ Подробнее см.: Яценко А. Л. «Борис Годунов» А. С. Пушкина и подделка «Дмитрий Самозванец» Фаддея Булгарина. С. 107—114.

В написанной спустя шесть лет заметке акценты меняются. Похоже на то, что Пушкин уже не верит в «мнение народное». Обязывающее замечание о «невежестве русского народа» нуждается в комментарии.

Во-первых, Пушкина раздражает официозная «народность» в болгаринском понимании. «Невежество» он полемически противопоставляет той «грамотности», которую видел в русском народе сочинитель «Димитрия Самозванца».

Во-вторых, лето 1831 г. было беспокойным. В письме к Чаадаеву, написанном в один день с заметкой, 6 июля 1831 г., Пушкин рассуждает о народных волнениях: «Вам известно, что у нас происходит: в Петербурге народ вообразил, что его отравляют. Газеты изощряются в увещаниях и торжественных заверениях, но, к сожалению, народ неграмотен (курсив наш. — П.К., А.К.), и кровавые сцены готовы возобновиться» (XIV, 187 (франц. ориг.), 430 (пер.)). Налицо текстуальная перекличка с заметкой, где говорилось о «невежестве русского народа».

В это время еще полыхает польское восстание — отсюда ассоциация со Смутным временем, когда Польша тоже выступила против России, хотя и в другом качестве. Теперь ясно, что обращение Пушкина к событиям далекого прошлого, на первый взгляд неожиданное, во многом предопределено современной ситуацией, которую он пытается увидеть сквозь призму истории. Думается, скепсис автора заметки по отношению к русскому народу субъективно обусловлен тревогой за нынешний день.

Мнение Платона Пушкин назвал «романическим». Теперь это определение получает для нас более конкретный смысл: оно имеет в виду роман «Димитрий Самозванец». Ведь заметка делит не только и не столько в митрополита Платона, сколько в пушкинского современника и противника — Булгарина.

В 1831 г. история с болгаринским плагиатом еще не утратила для Пушкина своей злободневности: зимой появился наконец из печати «Борис Годунов», который непосвященный читатель мог воспринять как плагиат по отношению к «Димитрию Самозванцу». Готовя осенью 1830 г. полемическое «Опровержение на критики», Пушкин язвительно замечал по поводу критики Булгариным седьмой главы «Онегина», что «г. Булгарин не сказал бы, что описание Москвы взято из Ивана Выжигина, ибо г. Булгарин не сказывает, что трагедия Борис Годунов взята из его романа» (XI, 150). Позже, в памфлете «Торжество дружбы...» (Телескоп. 1831. № 13) поэт писал под псевдонимом «Феофилакт Косичкин»: «...разве А. С. Пушкин не дерзнул вывести в своем *Борисе Годунове* все лица романа г. Булгарина, и даже воспользоваться многими местами в своей трагедии (писанной, говорят, пять лет прежде и известной публике еще в рукописи)?» (XI, 209—210). В таком же духе было выдержано анонимное выступление в «Литературной газете» (1830. 6 апр. № 20), автором которого был Дельвиг.¹⁴

¹⁴ См.: Блинова Е. М. «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина 1830—1831: Указатель содержания. М., 1966. С. 65.

Но антибулгаринская направленность еще не исчерпывает смысла заметки.

Как отмечалось выше, в день ее написания Пушкин, живший в это время на даче в Царском Селе, пишет письмо к Чаадаеву. В письмо речь идет о рукописи Чаадаева, находящейся в данный момент у поэта. Известно, что это были шестое и седьмое «Философические письма».¹⁵ Пушкин привез их в Петербург с тем, чтобы через Д. Н. Блудова хлопотать об издании писем Беллизаром. Замысел этот, однако, не осуществился.

Делая ряд полемических замечаний, Пушкин, в частности, пишет: «Вы видите единство христианства в католицизме, то есть в папе. Не заключается ли оно в идее Христа, которую мы находим также и в протестантизме? Первоначально эта идея была монархической, потом она стала республиканской» (XIV, 188 (франц. ориг), 431 (пер.)).

Действительно, Чаадаев в шестом письме истолковывал папство как «видимый знак единства, а вместе с тем — ввиду происшедшего разделения — и символ воссоединения. На этом основании как не признать за ним верховной власти над всеми христианскими обществами? (...) оно *централизует* христианские идеи...».¹⁶ Чаадаев полагал, что Реформация была ошибкой и что отделившимся церквам в будущем предстоит соединиться под сенью папства. Именно эта идея и не была принята Пушкиным, вновь вернувшимся к этой теме в письме к Вяземскому 3 августа 1831 г. (см.: XIV, 205).

Итак, 6 июля поэт под влиянием прочитанного размышляет о судьбах европейского мира, о христианстве, о католицизме. В отличие от Чаадаева он не склонен абсолютизировать значение католицизма. Та же мысль, но уже в связи с другим историческим материалом, прозвучит и в заметке «Мнение митрополита Платона...».

Во втором «Философическом письме» католическая идея и события Смутного времени оказались косвенно сближены. Чаадаев напоминает, что «римские первосвященники первые вызвали уничтожение рабства в области, подчиненной их духовному управлению. Почему же христианство не имело таких же последствий у нас? Почему, наоборот, русский народ подвергся рабству лишь после того, как он стал христианским, а именно в царствование Годунова и Шуйского?».¹⁷ Иначе говоря, Чаадаев как бы допускает возможность другого, лучшего пути России, нежели тот, что был ею выбран, а именно — пути католического. Здесь позиции Чаадаева и Пушкина вновь должны разойтись.

Знал ли поэт второе письмо, если в письме к Чаадаеву он говорит о шестом и седьмом? Во-первых, не исключено, что у него были не

¹⁵ См.: Модзалевский Л. Б. Примечания // Пушкин. Письма: В 3 т. М.; Л., 1935. Т. 3. С. 333.

¹⁶ Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1987. С. 111.

¹⁷ Там же. С. 54.

только те два письма, но и другие чаадаевские тексты. Во-вторых, перед этим они встречались в Москве, беседовали, и Пушкин мог услышать от Чаадаева эту мысль, мог сам навести его на разговор об эпохе, ставшей предметом «Бориса Годунова». Кстати, экземпляр трагедии 2 января 1831 г. был подарен Чаадаеву с надписью: «Вы прочтете его, так как оно (сочинение. — П.К., А.К.) написано мною — и скажете свое мнение о нем» (XIV, 139 (франц. ориг.), 423 (пер.)). Вполне возможно, что мнение было высказано и что разговор касался, в частности, проблемы католического влияния на события Смуты.

Как это у него было, ясно одно: к наброску заметки Пушкина подтолкнуло чтение «Философических писем». Не случайно спустя пять с лишним лет Пушкин по прочтении в «Телескопе» первого «Философического письма» вернется к этой теме и в своем неотправленном письме к Чаадаеву от 19 октября 1836 г. будет заочно полемизировать с ним.¹⁸

Полемика между Пушкиным и Чаадаевым важна не только как факт частного общения поэта и философа. Она включается в общий идейно-политический контекст эпохи.

3 января 1831 г., за полгода до написания пушкинской заметки, генерал-майор князь А.Б. Голицын подал императору Николаю письмо, в котором сообщал о «злоумышленном 25-летнем заговоре против Престола, Самодержавия и Славы России», якобы исходящем от ордена иллюминатов — неканонической масонской организации, существовавшей в Европе в 1780-х годах. Обострение внутренней и внешней политической ситуации, неостывшая память о 14 декабря, кавалось бы, должны были провоцировать императора на принятие мер. Однако донос показался ему не слишком убедительным и серьезных последствий не имел.¹⁹

Хотя дело было секретным, не исключено, что какие-то слухи о нем просочились в свет. Надо учитывать и то, что летом 1831 г. двор находился в Царском Селе, где и написана пушкинская заметка. В конце концов, голицынская идея — из тех, что «носятся в воздухе». Интерес Пушкина к событиям Смуты именно в таком ракурсе мог быть связан с новыми разговорами о «масонском заговоре» против России.

Заслуживает внимания еще одно обстоятельство. На том же листе (ПД № 175), где записан текст заметки, находится следующий стихотворный набросок:

¹⁸ О взаимоотношениях и полемике Пушкина с Чаадаевым см. ряд новейших работ: Волков Генрих. Пушкин и Чаадаев: Высокое предназначение России // Новый мир. 1978. № 6. С. 250—266; Тарасов Борис А. С. Пушкин и П. Я. Чаадаев // Литература в школе. 1984. № 3. С. 55—60; Макаровская Г. В. «Философические письма» Чаадаева в оценке Пушкина // Освободительное движение в России. Саратов, 1986. Вып. 11. С. 8—29; Кантор В. «Имя роковое»: (Духовное наследие П. Я. Чаадаева и русская культура) // Вопросы литературы. 1988. № 3. С. 77—79.

¹⁹ Подробнее об этом см.: Гордин Я. «Донос на всю Россию», или Миф о масонском заговоре // Звезда. 1990. № 5. С. 143—152; № 6. С. 119—136.

Ну, послушайте, дети: жил-был в старые годы
Живописец, католик усердный.

(III, 467)

Трудно сказать, каким мог быть сюжет начатого и оставленного в самом начале работы произведения, но набросок этот, предположительно датируемый тем же 6 июля, несомненно связан с заметкой и с письмом к Чаадаеву самой католической темой, которая на сей раз должна была воплотиться не в публицистической и не в эпистолярной, а в поэтической форме. Все три текста этого дня образуют единый комплекс пушкинских размышлений о католицизме.

Наконец, в заметке звучит, как нам представляется, один автобиографический мотив.

В программе записок, датируемой предположительно 1830 г., Пушкин среди прочих событий своего детства отметил следующие: «Меня везут в П.Б. Езуиты. Тургенев. Лицей» (XII, 308). Из воспоминаний сестры поэта О.С. Павлицевой известно, что Пушкина поначалу хотели поместить в Иезуитский коллегиум в Петербурге, но планы родителей изменило «особенное обстоятельство — основание Царскосельского лицея».²⁰ Устроить будущего поэта в Лицей помог, как известно, А. И. Тургенев. Трудно представить, как сложилась бы судьба Пушкина, окажись он у езуитов. Безусловно, поэт, много размышлявший о роли случая в истории, должен был задуматься и о превратностях собственной судьбы. Вот почему мысль о Самозванце, «будто бы воспитанном у езуитов», наверняка вызвала у поэта и собственные, пусть косвенные, биографические ассоциации.

Так в сочетании исторических, политических, литературных, автобиографических факторов проясняется смысл пушкинской заметки.

4

Каково же ее практическое назначение?

В Большом академическом издании она включена Б.М. Эйхенбаумом в цикл «(Заметки по русской истории)». Такое решение было резонным, но отсутствие в издании историко-литературного комментария вело к изолированному восприятию текста. Другая традиция соотносит заметку с работой над «Борисом Годуновым». Так, С. А. Венгеров поместил ее среди материалов, отразивших размышления Пушкина о своей трагедии;²¹ Ю. Г. Оксман полагал, что она «связана, вероятно, с работой Пушкина над предисловием к отдельному изданию трагедии...».²² Согласиться с последним автором трудно, так как ко времени написания заметки «Борис Годунов» уже был издан.

²⁰ Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 34.

²¹ См.: Пушкин. [Соч.]: В 6 т. / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1911. Т. 5. С. 420.

²² Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1976. Т. 7. С. 352: Примеч. Ю. Г. Оксмана и Т. Г. Цявловской.

Может быть, Пушкин задумал новое антибулгаринское выступление? Ведь перед этим он опубликовал «Торжество дружбы...» и «Несколько слов о мизинце г. Булгарина». Новый замысел мог продолжать эту линию. Митрополит Платон в этом задуманном памфлете мог быть таким же «третьим лицом», каким был в «Торжестве дружбы...» А. А. Орлов. Ссылка на Платона подчеркивала бы вторичность булгаринского романа, а именно это его качество в первую очередь должно было стать мишенью для автора «Бориса Годунова». Правда, эта гипотеза сразу вызывает возражение: «Димитрий Самозванец» вышел в свет уже полтора года назад и в июле 1831 г. поводом для непосредственного отклика в печати быть уже не мог.

В июле (около 21-го) 1811 г., именно в ту пору, когда появился интересующий нас набросок, Пушкин просил А. Х. Бенкендорфа о «дозволении заняться историческими изысканиями в наших государственных архивах и библиотеках» с целью «написать Историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III» (XIV, 256). Надо полагать, в это время он обдумывает свой исторический замысел.

Обратившись к пушкинскому наброску «Москва была освобождена...» (1832), Н. Н. Петрунина показала, что он является началом будущей «Истории...».²³ Речь в нем идет тоже о событиях начала XVII в. — именно с их краткого изложения Пушкин собирался начать свой труд. По наблюдениям Н. Н. Петруниной, Пушкину-историку было свойственно предварять основную работу начальными набросками. Не исключено, что и заметка «Мнение митрополита Платона...» возникла если не в качестве подготовительного материала, то хотя бы в косвенной связи с будущей «Историей Петра», серьезная работа над которой началась уже в том же 1831 г.

П. В. Калитин, А. В. Кулагин

²³ См.: Петрунина Н. Н. О наброске Пушкина «Москва была освобождена...» // Рус. лит. 1982. № 3. С. 149—153.

ЛЮБОПЫТНАЯ ДАТА В ПОВЕСТИ «ГРОБОВЩИК»

В литературе, посвященной «Гробовщику», давно было обращено внимание на прямое противопоставление Пушкиным героя повести Адриана Прохорова соответствующим персонажам двух всемирно известных авторов: «Просвещенный читатель ведаёт, что Шекспир и Вальтер Скотт оба представили своих гробокопателей людьми веселыми и шутивыми, дабы сей противоположность сильнее поразила наше воображение. Из уважения к истине мы не можем следовать их примеру и принуждены признаться, что нрав нашего гробовщика совершенно соответствовал мрачному его ремеслу». (VIII, 89).

«Просвещенный читатель» легко определил, какие именно произведения имелись в виду Пушкиным («Ламмермурская невеста» Вальтера Скотта и «Гамлет» Шекспира), и, разумеется, не раз предпринимал попытку сопоставить указанные персонажи с пушкинским гробовщиком. Но никто, насколько нам известно, не отметил в тексте «Гробовщика» одно поразительное совпадение с «Гамлетом». Речь идет о приснившемся гробовщику фантазмагорическом разговоре с одним из мертвецов, приглашенных им к себе на новоселье: «Ты не узнал меня, Прохоров, — сказал скелет. — Помнишь ли отставного сержанта Петра Петровича Курилкина, того самого, которому, в 1799 году, ты продал первый свой гроб — и еще сосновый за дубовый?» (VIII, 94).

Дата, которая в этом разговоре названа, обращает на себя внимание: это год рождения самого Пушкина. Такой выбор даты — еще одно, скрытое указание на V акт «Гамлета».

В самом деле, шекспировский 1-й Могильщик вырыл свою первую могилу в год рождения молодого Гамлета, что становится известным из их диалога:

Г а м л е т . . . Как давно ты стал могильщиком?

1-й М о г и л ь щ и к . Из всех дней в году я начал в тот самый день, когда покойный король наш Гамлет одолел Фортинбраса.

Г а м л е т . Как давно это было?

1-й М о г и л ь щ и к . А вы сами сказать не можете? Это всякий дурак может сказать: это было в тот самый день, когда родился молодой Гамлет...».¹

Если сопоставить это с другой репликой 1-го Могильщика: «...Я здесь могильщиком с молодых годов вот уж тридцать лет»,² то мы получим возраст Гамлета. Примечательно, что он оказывается равным возрасту Пушкина в момент создания «Гробовщика» (разница в один год в данном случае не существенна).

Заметим, кроме того, что имеется аналогия и другому событию, происшедшему в день рождения молодого Гамлета: победе короля Гамлета над Фортинбрасом. Такой аналогией является победа русских войск, возглавлявшихся А. В. Суворовым, над наполеоновскими войсками в Италии в 1799 г. — в год рождения Пушкина.

Таким образом, в «Гробовщике» повторен прием Шекспира: для обозначения начала профессиональной деятельности своего «гробовщика» Шекспир выбирает год рождения главного героя трагедии, Пушкин для этой же цели использует год своего рождения. При этом мы невольно отмечаем про себя, что возраст Пушкина в период первой болдинской осени равен возрасту Гамлета.

Если отмеченное совпадение не случайно, а многое, в том числе прямая ссылка на Шекспира в тексте «Гробовщика», говорит именно в пользу этого, то мы имеем свидетельство определенного сопоставления Пушкиным самого себя с Гамлетом.

В. М. Есинов

¹ Шекспир В. Избранные произведения. М.; Л., 1950. С. 460.

² Там же.

Первый адрес

В литературе, посвященной жизни Пушкина в Петербурге, существуют разночтения относительно времени, когда его впервые привезли в столицу. Одни авторы называют осень 1799 г., другие — осень 1800 г., а третьи — и вовсе начало 1801 г.: «Начало года. Кратковременное пребывание Пушкиных в Петербурге. Встреча полуторогодовалого А. С. Пушкина, сопровождаемого няней Ариной Родионовной, с Павлом I».¹ То же самое в статье «Пушкин в Петербурге» замечает Л. Шлионский: «Некоторые сведения дают основание предполагать, что Пушкины осенью 1799 г. выехали из Москвы в Михайловское, а затем в Петербург, откуда вернулись обратно в Москву весной 1801 г.»²

«Некоторые сведения» — единственное на этот счет воспоминание Алексея Юрьевича Пушкина, племянника бабушки поэта Марии Алексеевны. Сообщая о получении от двоюродной сестры Надежды Осиповны в 1799 г. известия о рождении у нее сына Александра, он пишет: «В конце того же года, возвратясь из похода в Москву, я уже Сергея Львовича с семейством не застал; они уехали к отцу своему Осипу Абрамовичу в Псковскую губернию в сельцо Михайловское, а Марья Алексеевна в Петербург для продажи Кобрина».³ Далее мы вступаем в область предположений. Семейство Пушкиных, погостив часть осени в Михайловском, на зиму переезжает в Петербург, поселившись в квартире, которую уже сняла М. А. Ганнибал. Только в наше время удалось установить, когда же Пушкины вернулись в Москву. Первое свидетельство их пребывания в Москве относится к 4 декабря 1800 г., когда «Сергей Львович подписывается в качестве свидетеля на купчей, заключенной И. В. Скворцовым при продаже им купцам Злобиным своего двора на Немецкой улице».⁴ Таким образом, целый год Пушкины прожили в Петербурге, покинув его только в ноябре 1800 г., когда установилась зимняя дорога. Затянувшееся пребывание в Петербурге было связано, по всей вероятности, с трудностями по продаже Кобрина и Рунова. В конце концов их удалось продать, но врозь: Руново досталось инспектрисам Смольного института сестрам Жиоржи, а Кобринно — вдове петербургского архитектора Шарлотте Карловне Жандр, вскоре вышедшей замуж за знаменитого мореплавателя Ю. Ф. Лисянского.

¹ Назарова Л. Хронологическая канва (Пушкин в Петербурге) // Пушкинские Петербург. Л., 1949. С. 353.

² Шлионский Л. Пушкин в Петербурге // Там же. С. 41.

³ Москвитянин. 1852. № 24. Дек. Кн. 2, отд. IV. С. 23.

⁴ Романюк С. К. Пушкины в Москве в конце XVIII — начале XIX в. (по новым документальным данным) // Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л., 1982. С. 7.

Задерживаться дольше в Петербурге Пушкины уже не могли, так как в марте ожидалось появление на свет очередного ребенка. 26 марта 1801 г. родился Николай Пушкин, раннюю кончину которого 25 сентября 1807 г. Пушкин отметит позднее в «Программе автобиографии»: «Смерть Николая» (XII, 311).

Продажа петербургских имений состоялась, по всей видимости, только к осени 1800 г., и потому можно высказать предположение, что лето этого года семейство Пушкиных провело в Кобрине. Предания, упорно бытующие в бывших ганнибаловских селениях, где и сейчас живут потомки Арины Родионовны, о том, что сюда привозили младенца Пушкина, подтверждают эту версию. В «Начале автобиографии» Пушкин упомянет петербургские имения своих предков, в том числе и Кобрينو.

Доказательством же того, что Пушкин действительно был тогда привезен родителями в Петербург, служит его собственный рассказ в письме Наталии Николаевне от 20 и 22 апреля 1834 г.: «Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку...» (XV, 129—130). П. В. Анненков связывал эту встречу младенца Пушкина и Павла I с юсуповским садом в Москве.⁵ По этому поводу еще П. А. Ефремов заметил: «Пушкин родился в Москве и до 1811 г. его возили оттуда только в подмосковное с. Захарово, а император Павел со дня рождения Пушкина в Москве не был».⁶ В отношении Павла I, чьи передвижения тщательно фиксировались, все справедливо. Павел I с весны 1799 г. и до конца своей жизни 1 марта 1801 г. в Москве не бывал. Пушкина же, как мы теперь знаем, вывозили из Москвы в Петербург, где и произошла его встреча с царем.

Позже В. Вересаев замечает: «Высказывают предположение, что дело происходило в Петербургском Юсуповском саду».⁷ Представляется, что ни московский, ни петербургский юсуповские сады к этой истории не имеют никакого отношения. В московский его водили гулять трех лет, когда Пушкины жили в доме князя Н. Б. Юсупова с конца 1802 г. по конец 1803 г. С этим временем связываются первые собственные воспоминания Пушкина, которые он фиксирует в «Программе записок»: «Первые впечатления. Юсупов сад» (XII, 308). Петербургский же Юсупов сад располагался слишком далеко от Литейной части, где в 1799—1800 гг. жили Пушкины. Старый адрес дома, в котором сняла квартиру М. А. Ганнибал, первой приехавшая в Петербург, установил А. И. Ульянский. Он нашел указание на место ее жительства в списке отъезжавших из столицы в «Санкт-Петербургских ведомостях» за № 101 от 18 декабря 1800 г.: «Мария Алексеевна Ганнибалова с сестрою Екатериною Алексеевною Пушкиной с девидею Александрою Гавриловной Золотовою и дворовыми людьми, живущие Литейной части в доме под № 70». Тут же Ульянский поясняет: «Дом находился в Моховой улице».⁸ В конце

⁵ Анненков П. В. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874. С. 28

⁶ Пушкин А. С. Собр. соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1903. Т. 5. С. 553.

⁷ Вересаев В. Пушкин в жизни. М., 1929. Ч. 1. С. 20.

⁸ Ульянский А. И. Няня Пушкина. Л., 1940. С. 119.

XVIII в. в Петербурге пользовались сплошной порядковой нумерацией домов по частям города. Дом № 70 приходился одно время действительно на Моховую улицу. После Ульянского Моховая улица стала упоминаться как первый адрес Пушкина в Петербурге. Однако исследователь совершил ошибку, воспользовавшись планом Петербурга 1797 г., на котором дом № 70 в Литейной части обозначен на участке нынешней нечетной стороны Моховой улицы и соответствует теперешнему дому № 13. Но в 1798 г. была произведена перенумерация, и под № 70 оказался с этого времени вплоть до следующей перенумерации в 1834 г. дом по Соляному переулку (современный адрес — Соляной, 14).⁹ До 1844 г. на этом участке находился двухэтажный дом с каменным первым и деревянным вторым этажами. В пушкинское время он принадлежал семейству лицейского товарища Пушкина С. Д. Комовского. В 1844 г. братья Комовские предпринимают строительство нового дома. В архиве сохранились его чертежи и рисунки фасадов, выполненные архитектурным помощником Гребенко.¹⁰ При перестройке был снесен деревянный этаж, а каменный вошел в массив нового трехэтажного дома с воротами по центру. Следующим его владельцем стал генерал-майор Швенгольм, затем его дочь Александра. После них и до революции хозяевами дома были три поколения семьи Смельских. Последними владельцами были камер-юнкер А. А. Смельский и его брат С. А. Смельский.¹¹

Дом состоял в приходе Пантелеймоновской церкви и располагался чуть наискосок от ее восточной алтарной стены. Так что эта знаменитая церковь, построенная в честь Гангутского и Гренгамского сражений Северной войны, стала первой приходской для Пушкина в Петербурге. Совсем рядом за Фонтанкой расположены Михайловский замок и Летний сад. Именно сюда водили, конечно же, гулять Пушкина, и именно здесь и произошла скорее всего встреча его с императором Павлом I, постоянно наблюдавшим за отделкой своего дворца. Спустя тридцать три года в доме Оливье по Пантелеймоновской улице поселился Пушкин уже женатым человеком (современный адрес — ул. Пестеля, 5). Дом расположен против южной стены Пантелеймоновской церкви, в двух шагах от того, который был для Пушкина первым петербургским приютом. Квартиру в доме Оливье сняла Наталия Николаевна в отсутствие мужа, переехав в него в первых числах сентября 1833 г. Прожили в нем до середины августа 1834 г. На этот раз перемена квартир была совершенна Пушкиным, жена была в Полотняном Заводе. Живя в доме Оливье, Пушкин вновь стал прихожанином Пантелеймоновской церкви, снова гулял по Летнему саду. Он писал жене: «Ведь Летний сад — мой огород. Я, вставши от сна, иду туда в халате и туфлях. После обеда сплю в нем, читаю и пишу. В нем я дома» (XV, 157).

⁹ Атлас столичного города Санкт-Петербурга из одиннадцати частей и 51-го квартала. СПб., 1798.

¹⁰ Дом по Соляному пер. 14 // ЦГИА СПб., ф. 513, оп. 102, д. 4470.

¹¹ Весь Петроград на 1917 год: Адресная и справочная книга г. Петрограда. Пг., 1917. С. 369.

Именно из дома Оливье пишет Пушкин то письмо Наталье Николаевне, в котором вспоминает о встрече с Павлом I, первом событии в своей жизни. Единственным свидетелем тогда была няня. Эту историю он именно теперь узнал в пересказе родителей. В 1834 г. они жили в ближайшем соседстве на Гагаринской улице в доме Ефремова в трех минутах ходьбы от сына. О постоянном общении той поры родителей с сыном свидетельствуют их письма дочери Ольге Сергеевне Павлицевой. В то время, когда Наталия Николаевна отсутствовала в Петербурге, они особенно часто навещали Пушкина в доме Оливье, а он их в доме Ефремова. Соседство обоих домов с тем на Соляном, где они жили вместе в 1800 г., могло вызвать воспоминание об этом далеком прошлом. Эпизод с Павлом I, который приводит Пушкин в цитированном уже письме Наталии Николаевне, скорее всего был услышан им от родителей только теперь.

Письмо написано в два приема — 20-го апреля, в пятницу страстной недели, и 22-го, в Светлое Воскресенье. Из письма С. Л. и Н. О. Пушкиных от 25 апреля дочери в Варшаву мы узнаем, что Пасху они встречали с сыновьями: «В тот день мы обедали всей семьей, мы двое и два твои брата, Натали уже в Москве. Богослужение мы слушали в Конюшенной церкви...».¹² Посещение этой малой придворной церкви объясняется официальным положением Пушкина, на новый, 1834 год пожалованного в камер-юнкеры. В письме, говоря об Александре I и Николае I, Пушкин поминает и свое камер-юнкерство: «Второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфиородным своим теской; с моим теской я не ладил. Не дай Бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями!» (XV, 130).

Шутливая форма рассказа не может скрыть горечи раздумья над своей судьбой. Семейное предание, осмысленное в Страстную пятницу, приобретает на этом фоне неожиданно глубокий характер. Возвращение в тот уголок Петербурга, где он жил впервые в этом городе, рассказ родителей, соседство Михайловского замка, где был убит Павел I, вызвало к жизни пушкинский пассаж о «Трех царях». Воспоминание прошлого, переживание настоящего и раздумье о будущем оказались переплетенными в ассоциативных связях.

2

«...он живет у дяди на Мойке...»

И. И. Пущин в своих «Записках», вспоминая знакомство с Пушкиным в 1811 г. и называя его «ближайшим соседом», пишет: «Я узнал от него, что он живет у дяди на Мойке, недалеко от нас».¹³

¹² Письма Н. О. и С. Л. Пушкиных к их дочери О.С. Павлицевой. СПб., 1993. С. 220.

¹³ Пущин И. И. Записки о Пушкине // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 1. С. 73.

Пузины жили тогда в собственном доме на наб. р. Мойки (ныне Мойка, 14). Указание И. И. Пузина — единственное мемуарное свидетельство, касающееся места жительства дядюшки с племянником в Петербурге в 1811 г. Первый биограф Пушкина П. В. Анненков сообщает только, что «Василий Львович привез племянника в Петербург и держал его у себя в доме все время, покуда он готовился к экзамену».¹⁴ «Своего дома» в столице В. Л. Пушкин не имел, следовательно, речь может идти о номере в гостинице или квартире, снятых на какое-то время. Позднейшие биографы Пушкина или обходили этот вопрос по недостатку сведений, или, опираясь на свидетельство Пузина, туманно сообщали, как например Л. Шлионский в статье «Пушкин в Петербурге»: «Поселились Пушкины на Мойке, возле Летнего сада, недалеко от Невского проспекта и Зимнего дворца, вблизи Невы».¹⁵ Другие без всяких на то оснований указывали, что жили они в Демутовом трактире на Мойке. Так, А. Гессен пишет: «Около месяца прожил Александр с дядей в Петербурге, в гостинице Демута».¹⁶ Категоричность подобных утверждений была инспирирована в какой-то мере известным романом Ю. Н. Тынянова «Пушкин», вторая глава которого посвящена как раз приезду в Петербург дядюшки с племянником: «Друзья наняли для Василия Львовича три комнатки, довольно мрачные, в Демутовой гостинице, на Мойке».¹⁷ И только М. А. Цявловский в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» осторожно обходит этот вопрос, ограничившись цитированием «Записок» И. И. Пузина. Спустя сорок лет после выхода в свет «Летописи» было подготовлено ее второе, дополненное издание, в котором впервые было использовано письмо В. Л. Пушкина от 7 августа 1811 г., адресованное П. А. Вяземскому, с указанием места его жительства в Петербурге. Василий Львович пишет своему юному другу в Москву: «Я прожил несколько дней в гостинице „Бордо“, где меня ужасно ободрали. Я в ужасах переезда, и у меня все еще вверх дном» (подлинник по-французски). При этом он сообщает свой адрес: «На Мойке, близ Конюшенного моста, в доме купца Кувшинникова».¹⁸

На основании этого эпистолярного свидетельства во втором издании «Летописи» прямо указывается: «В Петербурге В. Л. Пушкин с А. Н. Ворожейкиной и племянником Александром поселяются в гостинице „Бордо“»;¹⁹ а чуть ниже — «Пушкин с дядей и А. Н. Ворожейкиной переезжают из гостиницы „Бордо“ на частную квартиру на Мойке».²⁰ Итак, в Демутовом трактире В. Л. Пушкин вовсе не

¹⁴ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984. С. 43.

¹⁵ Шлионский Л. Пушкин в Петербурге. С. 43.

¹⁶ Гессен А. И. Жизнь поэта. М., 1972. С. 28.

¹⁷ Тынянов Ю. Н. Пушкин. Л., 1936. С. 280.

¹⁸ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина / Сост. М. А. Цявловский. 2-е изд. Л., 1991. С. 40. Выписки из писем В. Л. Пушкина предоставлены издателям «Летописи» Л. А. Катанской. (РГАЛИ, ф. 195 (Вяземских), оп. 1, ед. хр. 2611, л. 2).

¹⁹ Там же. С. 39.

²⁰ Там же. С. 40.

жил в 1811 г., зато неожиданно спустя сто восемьдесят лет открылись два новых пушкинских адреса. По ходу поиска, связанного с определением местоположения гостиницы «Бордо» и дома Кувшинникова, обнаружился еще один адрес — дома, где жили родители Пушкина, приезжавшие в Петербург для выбора учебного заведения, в которое они намеревались определить старшего сына.

Об этой поездке Сергея Львовича и Надежды Осиповны в столицу было известно давно, но в «Летописи» время ее обозначено весьма приблизительно: «Февраль (?) — Апрель (?)».²¹ Основанием служило воспоминание О. С. Павлицевой: «В то время иезуитской коллегии в Петербурге пользовался общею известностью, и первым намерением родителей было поместить его туда, для чего они и ездили нарочно в Петербург...».²² Анненков, опираясь на эти воспоминания, писал: «Пушкины нарочно ездили в Петербург для устройства этого дела и переговоров с директорами заведения, когда положение об открытии Царскосельского лицея совершенно изменило планы их».²³ Совет А. И. Тургенева определил окончательный выбор в пользу Лицея. В пушкинской «Программе автобиографии» этот момент обозначен так: «Езуиты. Тургенев. Лицей.» (XII, 308).

Сплошной просмотр подшивки газеты «Санкт-Петербургские ведомости» за 1811 г. позволил найти ранее не учтенное сообщение. Среди прибывших между 22 и 26 февраля из Москвы в Петербург значится: «Оттудаж, комиссариатской комиссионер 7го класса Пушкин, жив. [ущий] в Офицерской улице в доме Порохова».²⁴ Это не кто иной, как отец поэта, числившийся в ту пору подполковником (что соответствует 7-му классу Табели о рангах) комиссариатского ведомства в Москве. Дом Порохова по Офицерской (ныне ул. Декабристов) располагался на углу Вознесенского проспекта во 2-й Адмиралтейской части под № 159 (современный адрес — Вознесенский, 13 или Декабристов, 2). Хозяин дома в адресных книгах значится полностью как «Порохов, Дмитрий, поручик».²⁵ Этот трехэтажный каменный дом хорошо сохранился до нашего времени с незначительными переделками.

1 марта Сергей Львович подал прошение на имя министра народного просвещения гр. А. К. Разумовского о приеме в Лицей своего сына. Тогда же он обратился и в Герольдию с просьбою о выдаче свидетельства о дворянстве сына, подписанного 23 марта.²⁶ Никаких других документальных свидетельств этого пребывания родителей Пушкина в столице, связанного с определением его в Лицей, неизвестно. Квартира в доме Порохова была снята, по всей видимости, на месяц и, завершив свои дела в Петербурге, родители возвратились в Москву.

²¹ Там же. С. 36.

²² Павлицева О. С. Воспоминания о детстве А. С. Пушкина // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 1. С. 48.

²³ Анненков П. В. Материалы... С. 43.

²⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1811. 28 февр. № 17.

²⁵ Санктпетербургская адресная книга на 1809 год. СПб., 1809. С. 131.

²⁶ Летопись... С. 36—37.

Уже в Москве тотчас по прочтении в тех же «Санкт-Петербургских ведомостях» от 11 июля объявления об обязательном представлении кандидатов в Лицей 1 августа 1811 г. гр. Разумовскому С. А. Пушкин 14 июля подает прошение об отпуске на 28 дней. Получив 17 июля это разрешение, он им не воспользовался, хотя, вероятно, собирался сам везти сына в Лицей. Эту миссию исполнил дядюшка В. Л. Пушкин и его гражданская жена Анна Николаевна Ворожейкина. В «Программе автобиографии» отмечено: «Меня везут в П. Б.». Как мы теперь знаем из уже цитированного выше письма В. Л. Пушкина от 7 августа 1811 г., «несколько дней» они прожили в гостинице «Бордо». Поскольку в письме упоминается только название гостиницы и не указывается вовсе ее местоположение, то для определения ее адреса пришлось провести специальный поиск. Он оказался затруднен тем, что ни в одном справочном адресном издании такая гостиница не значится. Из адресных книг нам известны, помимо Демутовой, такие гостиницы пушкинского времени, как «Европа», «Париж», «Лондон», «Неаполь», «Веймар». «Свеабург», «Лейпциг», «Отель дю Нор»; отель Цехеля, трактиры «Желтенький», «Ревельский» и другие, но ни в одной не упоминается отель «Бордо». Пришлось вновь обратиться к газете «Санкт-Петербургские ведомости». В ней за интересующий нас 1811 г. в разделе «Прибывших и отъезжающих» несколько раз упоминается отель «Бордо». Первый раз в № 6 от 20 января: «Из Житомира, Павлоградского гусарского полка Шеф генерал-майор Чаплин; жив(ущий) в трактире Бордо». Последним перед приездом Пушкиных отъезжающим указан «Ксавье де Регель, французской подданной; жив(ущий) в трактире Бордо под № 16».²⁷

Подобные сообщения публиковались трижды с тем, чтобы могли объявиться возможные кредиторы и другие лица, имеющие к отъезжающему за границу какие-либо претензии. Только после третьей публикации объявитель мог отправляться в путь. Последнее объявление К. де Регеля помещено в № 57 от 14 июля. Таким образом, к приезду Пушкиных в гостинице «Бордо» как раз освободился № 16, который вполне мог быть предоставлен им. Между тем и в этих объявлениях адрес гостиницы не указывался. Только в пятничном 58-м номере газеты от 21 июля в разделе «Отдача в наем или на откуп» встретилось объявление с указанием адреса гостиницы: «В Петербурге в Леконтовом доме отдаются в наем омеблированные покои. Спросить близ Синяго моста в трактире Бордо под № 173-м у хозяина». В переводе на современную нумерацию дом № 173 4-го квартала 2-й Адмиралтейской части соответствует дому № 82 по наб. р. Мойки и расположен на углу Фонарного переулка. Дом принадлежал в ту пору «портновского цеха мастеру» Мейеру, гостиница находилась в его четырехэтажной части, выходявшей на набережную Мойки. Сохранилось описание дома и прилегающего участка на 1806 год: «Спереди по Мойке каменные жилые покои в 4 этажа, внутри двора сбоку флигель каменный в 2 этажа, посреди на дворе

²⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1811. 7 июля. № 54. С. 822.

также флигель каменный в 2 этажа с жилыми покоем; по Фонарному спереди деревянный жилой покой в 1 этаж, а от одного забор дощатый, внутри двора разные дворы, разгороженные заборами. Сзади оных посреди двора еще каменный флигель с жилыми покоем в 1 этаж с каменными конюшнями. По Глухому переулку забор дощатый и подле одного флигель в 1 этаж, подле него забор дощатый, сзади одного сарай дощатый же, а в конце сего флигель жилых покоев в 1 этаж».²⁸ К 1822 г. дом уже числился за новым владельцем — купцом 3-й гильдии Игнатием Егерманом.²⁹ Гостиница «Бордо» более не существует, новый владелец сдает дом Военно-Счетной экспедиции. Правителем ее канцелярии состоит тогда А. А. Жандр — поэт, драматург, переводчик, друг А. С. Грибоедова, А. И. Одоевского, знакомый и Пушкину. П. А. Катенин 3 февраля 1826 г. в письме к Пушкину назвал А. А. Жандра «общим знакомым» (ХІІІ, 258). В этом доме переписывалась в 1820-х годах комедия «Горе от ума», а ее автор, освобожденный после содержания в Главном Штабе по делу 14 декабря, жил здесь недолго у Жандра.³⁰

Возможно, что и Пушкин на правах знакомства бывал у Жандра в послелицейской своей юности в том доме, где прожил первые дни своей жизни в столице перед определением в Лицей. Отсюда совершал он свои первые прогулки по Петербургу, сопровождал дядюшку в его первых визитах по приезду в город. 1 августа из этого дома В. Л. Пушкин везет племянника представляться гр. А. К. Разумовскому, в доме которого состоялся в тот же день медицинский осмотр кандидатов в воспитанники Лицея.

Ко времени экзамена, который Пушкин держал 12 августа, они уже переселились из гостиницы «Бордо» в дом купца Кувшинникова. Как явствует из письма В. Л. Пушкина П. А. Вяземскому от 7 августа, он еще не вполне устроился на новом месте: «Я в ужасах переезда, и у меня все еще вверх дном».³¹ То, что переезд уже состоялся, несомненно следует из контекста письма — о гостинице «Бордо» пишет Василий Львович уже в прошедшем времени: «Я прожил несколько дней в гостинице „Бордо“...». Новое жилье, в котором Пушкину суждено было прожить до 9 октября 1811 г., числится по 1-й Адмиралтейской части, выходя одним фасадом на Миллионную улицу под № 37, другим, где жили Пушкины, на Мойку под № 36 (современный адрес дома: Мойка, 13). Установление этого адреса не представляло никаких трудностей, так как В. Л. Пушкин указал и его местоположение, и фамилию хозяина. Дом и хозяин обозначены во всех адресных книгах пушкинского времени.³² Владелец дома при Пушкине числился купец 1-й гильдии Николай Кувшинников. До него дом принадлежал семейству

²⁸ ЦГИА, ф. 2263, оп. 1, д. 40, л. 69 об. За указание на этот источник приношу свою благодарность Л. И. Бройтман.

²⁹ Аллер С. И. Указатель жилищ и зданий в Санктпетербурге, или Адресная книга ... на 1823 г. СПб., 1822. С. 16.

³⁰ Фомичев С. А. Грибоедов в Петербурге. Л., 1982. С. 64, 75, 144.

³¹ Летопись ... С. 40.

³² Санктпетербургская адресная книга на 1809 год. С. 105.

Рубановских. Глава семьи Василий Кириллович Рубановский был близок Новикову и Фонвизину. С младшим его братом Андреем Кирилловичем учился в Пажеском корпусе и Лейпцигском университете А. Н. Радищев. На дочерях старшего брата Василия был последовательно женат Радищев — сначала на Анне Васильевне Рубановской, а после ее смерти на ее младшей сестре Елизавете. После суда и высылки Радищева Е. В. Рубановская и продала дом купцу Кувшинникову, сама отправившись вослед писателю в Сибирь.

В доме Кувшинникова на Мойке Пушкин прожил два месяца. Здесь он видел многих друзей своего дядюшки, прежде всего И. И. Дмитриева, рекомендовавшего его в Лицей, Д. В. Дашкова, Д. Н. Блудова. Именно в этом доме постоянно вплоть до отъезда в Царское Село и бывают у Пушкина Иван Пущин, Ломоносов, Гурьев. Атмосфера дома прекрасно описана Пущиным в его знаменитых «Записках». Пушкин позднее отметит эту пору в «Программе автобиографии»: «Дядя Василий Львович. — Дмитриев. Дашков. Блудов. Возня с его Ан. Ник. — Светская жизнь». Покидает Пушкин этот дом 9 октября 1811 г., когда Василий Львович отвозит его в Царское Село, сам же продолжая жить в нем до отъезда в Москву. Спустя двадцать пять лет Пушкин снова поселился в этих кварталах на Мойке, так что из окон его последней квартиры были видны окна первой.

3

Гостиница «Париж»

Петербургский «Отель де Пари», трактир, или гостиница «Париж», располагался в центре города на Малой Морской угол Кирпичного переулка (ныне дом № 4/1). Дом сильно пострадал во время войны и перестроен. В пушкинское время содержанием гостиницы и ресторана при ней был француз Луи, известный петербургский ресторатор. Еще в послелицейской юности Пушкин, вероятно, посещал его заведение. В письме П. А. Вяземскому и В. Л. Пушкину от 1 сентября 1817 г. он упоминает Луи: «Любезный князь, если увидите вы Ломоносова, то напомните ему письмо, которое должен был он мне вручить и которое потерял он у Луи, между тем как я скучал в псковском моем уединении» (XIII, 8). Речь идет, конечно, о лицейском товарище и сослуживце Пушкина по Коллегии иностранных дел С. Г. Ломоносове. Письмо, утерянное им у Луи, до нас не дошло.

Название же гостиницы «Париж» указано на конверте письма А. А. Дельвига Пушкину из Харькова от 18 февраля 1828 г. Рукою Антона Антоновича указан адрес: «Его высокоблагородию Николаю Ивановичу Павлицеву. В С. Петербурге. На Владимирской улице, в доме Кувшинникова. Доставьте А. С. Пушкину». Тут же сделана приписка другой рукой: «М. (алой) Морской д. Колержи в трактир Париж.» (XIV, 4). Этой приписке не было придано до на-

стоящего времени никакого значения. Между тем она имеет самое прямое отношение к Пушкину. Ведь иначе как переадресовку понимать ее нельзя. На конверте указаны два имени — Павлицева и Пушкина. Николай Иванович с женою Ольгою Сергеевною со дня свадьбы 25 января занимал в то время пустующую квартиру Дельвига с согласия последнего. Они покинули ее в первых числах марта 1828 г., приислав собственную.³³

А. П. Керн вспоминала: «Дельвиг был тогда в отлучке. В его квартире я с Александром Сергеевичем встречала и благославляла новобрачных». И чуть дальше она уточняет, что квартира Дельвига «была приготовлена для новобрачных». После того как Павлицевы съехали с квартиры, в нее вселилась А. П. Керн со своими родными «по случаю отсутствия хозяев».³⁴ Поскольку Павлицевы никогда не жили в гостинице «Париж», то очевидно, что переадресовка сделана именно Пушкину. Что же нам известно о тогдашнем месте его жительства в Петербурге?

По рассказу той же А. П. Керн, мы знаем, что по приезде в Петербург впервые после ссылки 22 мая 1827 г. и до отъезда в Михайловское 27 июля того же года «он жил в трактире Демута».³⁵ В следующий раз гостиница Демута как место его жительства упоминается в «Записках» К. А. Полевого, приехавшего в столицу весной 1828 г.: «В первое время по приезде в Петербург я жил в гостинице „Демут“, где обыкновенно квартировал А. С. Пушкин. Я каждое утро заходил к нему...».³⁶ 30 апреля 1828 г. у Пушкина в «Демуте» импровизировал А. Мицкевич. «Третьего дня, — писал П. А. Вяземский жене 2 мая, — провели мы вечер и ночь у Пушкина с Жуковским, Крыловым, Хомяковым, Мицкевичем, Плетневым и Николаем Мухановым. Мицкевич импровизировал на французском Языке...».³⁷

Относительно жизни Пушкина в Петербурге с осени 1827 г. до весны 1828-го: неизвестно ни одного указания на его адрес. Даже бывшая с ним в постоянной переписке П. А. Осипова свое ноябрьское (?) 1827 г. письмо адресует: «А. С. Пушкину, где он найдется» (XIII, 350). Есть одно лишь воспоминание, которое косвенно может служить подтверждением того, что Пушкин жил тогда в гостинице «Париж». 10 декабря 1827 г., как свидетельствует Николай Малиновский, историк и издатель польской петербургской газеты «Tygodnik Peterburgski», в ресторане Луи Пушкин устроил обед в честь Мицкевича.³⁸ Тот прибыл в Петербург 6 декабря 1827 г. в отпуск на двадцать восемь дней «по собственным делам», но пребывание его в столице значительно затянулось. Н. Малиновский писал

³³ Об этом см. подробнее в 4-й главке настоящей работы.

³⁴ Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1974. С. 53—55.

³⁵ Там же. С. 41.

³⁶ Полевой К. А. Из «Записок» // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. С. 60.

³⁷ Пушкин в неизданной переписке современников // Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 76.

³⁸ Dziennik Mikolaja Malinowskiego. Wilno, 1914. S. 36.

И. Лелевело о Мицкевиче; «Приезд его в Петербург вызвал небывалую сенсацию. Русские и поляки спешат проявить ему свое внимание. У нас здесь сплошная масленица: обеды продолжаются за полночь, следуют один за другим. Мицкевич не успевает принимать все приглашения. Он часто не знает, какое приглашение принять».³⁹ Приглашение Пушкина Мицкевич принял, как мы видим, одним из первых.

Выбор Пушкиным ресторана Луи, а не какого-то другого, например Дюме или Талон, как раз и можно объяснить тем, что в гостинице у Луи квартировал поэт в это время. Место гостиницы указано в адресных книгах Петербурга, а также фигурирует в объявлении, помещенном в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 3 января 1829 г.: «У Луи, содержателя гостиницы Париж на углу Кирпичного переулка в доме г. надворной советницы Калержи № 108 отдаются в наем большие и малые покои хорошо умеблированные». Мария Федоровна Калержи, дочь генерала Ф.В. Нессельроде, племянница знаменитого канцлера, шестнадцати лет была выдана замуж за богача Ивана Калержи, грека, выходца из Венеции, «генерального консула семи греческих островов». В Академическом собрании сочинений Пушкина ошибочно указывается «Калержи, Иван, домовладелец» (XVII, 228) вместо его жены, которая числилась владелицей дома, где помещался трактир «Париж». «Под этим скромным именем скрывается одна из самых блестящих светских женщин Европы 40—50-х годов», «предмет увлечения целого ряда великих людей того времени, обессмертивших ее в своих произведениях». Прекрасная музыкантша, ученица Шопена, «красавица-авантюристка», «шпионка Нессельроде», — как утверждали злые языки, большую часть жизни она провела в Париже, где в ее салоне «можно было встретить весь цвет художественного и музыкального мира».⁴⁰ В Петербурге, где она бывала лишь наездами, ей принадлежало в ту пору два дома — один на Невском проспекте и второй на М. Морской, арендованный французом Луи под ресторан и гостиницу «Париж».

Один раз Пушкин упоминает гостиницу «Париж». Его письмо С. А. Соболевскому из Москвы в Петербург от 9 сентября 1834 г. было шутливо адресовано: «В Париже (что в П.Б. на Малой Морской)». В письме выражена уверенность в том, что, вернувшись в Петербург, он еще застанет своего приятеля в гостинице «Париж»: «Надеюсь на твою медлительность и полагаю наверное, что ты еще в Париже — и что даже я там тебя застаю по приезде моем в П.(етер) Б.(ург.)» (XV, 189). Из контекста письма явствует, что перед своим отъездом из Петербурга 25 августа 1834 г. в Полотняный Завод Пушкин уже бывал у Соболевского в «Париже». Вполне вероятно и то, что, когда в июле 1833 г. Соболевский вернулся из Парижа (не Санктпетербургского), несколько дней, проведенных в столице, он прожил в той же гостинице «Париж», общаясь с Пушкиным и вспо-

³⁹ Беккер И. И. Мицкевич в Петербурге. Л., 1955. С. 31.

⁴⁰ Яцевич А. Пушкинский Петербург. Л., 1935. С. 282—284.

миная Францию. После этого они 18 августа, как известно, вместе выехали из Петербурга и расстались только в Торжке.

Очевидный обыгрывш Пушкиным названия гостиницы, где жил Соболевский, получил весьма странное толкование в примечаниях к письмам, выполненным И. Семенко: «Ты еще в Париже» — шуточный намек на долгие сборы Соболевского (он уехал в Париж только в 1837 г.).⁴¹ Отсутствует данное упоминание Пушкиным гостиницы «Париж» и в указателе к Академическому собранию сочинений, хотя в тексте оно имеется. Остается предположить, что соотнесенность пушкинской шутки с реальной петербургской гостиницей не была понята издателями.

Помимо Соболевского, в 1833 г. Пушкин посещает в «Париже» своих родителей. Как явствует из писем С. А. и Н. О. Пушкиных к дочери Ольге Сергеевне, они по крайней мере трижды останавливались в гостинице «Париж», и Пушкин несколько раз посещает их. В письме от 8 мая 1833 г. Сергей Львович сообщает дочери: «Приехав в субботу в 7 часов вечера, остановились в Отель де Пари в тех же комнатах, которые занимали 3 или 4 года назад. — Нам хотелось бы остановиться здесь елико возможно меньше и скорее ехать в Михайловское. Александр и Натали пришли тотчас же».⁴² Итак, в субботу 6 мая вечером после 7 часов Пушкин с женой навестили только что прибывших из Москвы Сергея Львовича и Надежду Осиповну в гостинице «Париж». Они именно «пришли тотчас», так как жили в соседнем квартале на Большой Морской в доме Жадимеровского. Родители, в свою очередь, посетили сына и невестку, посмотрели на внучку Машу, о которой также написали дочери: «...их маленькая очень была больна, но благодаря Бога, со вчерашнего дня совершенно избавилась от болезни, и, право хороша, как ангелок».⁴³

В том же письме Надежда Осиповна пишет: «...в этой комнате всякое место напоминает мне минуты, которые я проводила с тобой, мой добрый друг».⁴⁴ Анализ писем родителей к Ольге Сергеевне приводит к однозначному выводу, что в прошлый раз они жили здесь осенью 1830 г. после совместного возвращения из Михайловского. Пушкин был тогда в Болдино и в тот год уже не встал их в гостинице.

На этот раз родители прожили в «Париже» довольно долго. День рождения Сергея Львовича 23 мая они отметили еще в гостинице. В письме того же дня, написанном матерью Пушкина, можно прочесть: «Александр пришел нас поздравить и звать к обеду, и при нем, дорогой друг, мы имели удовлетворение получить твое письмо».⁴⁵ В тот день родители обедали у сына, а вернувшись от него, покинули

⁴¹ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. 10. С. 398. (Вторично в Париж Соболевский уехал в августе 1836 г. — В.С.).

⁴² Письма Н. О. и С. А. Пушкиных дочери О. С. Павлицевой. С. 150.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 154.

гостиницу. Надежда Осиповна торопится закончить письмо: «...я тороплюсь, мы едем обедать к Александру, а вечером перебираемся, — мы покидаем Париж, дабы переехать на Фонтанку близ Семеновского мосту в дом Устинова. Очень хорошенькая квартира во втором этаже...».⁴⁶ Таким образом, в гостинице «Париж» Пушкины прожили с 6 по 23 мая.

В том же 1833 году, вернувшись 22 ноября из Михайловского, они опять на время поселились в полюбившейся им гостинице: «...мы опять в Отель де Пари и в поисках домов».⁴⁷ Как пишет Надежда Осиповна дочери 24 ноября: «Александр уже был в Петербурге за два дня до нас...».⁴⁸ Из письма ясно, что 23 ноября Пушкин вместе с братом был у родителей в гостинице: «...вчера мы много говорили о тебе, твой брат меня уверяет, что ты счастлива, здорова и приедешь нас повидать. Знаешь ли ты, что Александр был в Казани и в Оренбурге? Я нашла его несколько похудевшим, что до Леона, то он все тот же, Натали у нас еще не была, мне не терпится посмотреть на детей».⁴⁹

Интересно отметить, что в том же письме от 24 ноября упоминается Соболевский. «Я еще никого не видала, — пишет Н.О. Пушкина, — кроме Соболевского (...) он вчера два раза был у нас». Из этого следует, что он остался верен гостинице «Париж» и ее ресторатору. На другой день к своему вчерашнему письму Надежда Осиповна делает приписку: «Вчера я видала Натали, она очень хороша, хотя похудела, они все трое ехали на большой вечер к Фикельмон. Леон очень был элегантен и весь раздушенный».⁵⁰ Тогда же, 24 ноября 1833 г., Пушкин писал о посещении родителей и о Льве Сергеевиче П.В. Нащокину: «Отца видел, он очень рад моему предположению взять Болдино. Денег у него нет. Брат во фраке и очень благопристойен» (XV, 96). Записью того же дня открывается и пушкинский дневник 1833 г. с упоминанием вечера у Фикельмон: «24 ноября. Обедал у Жуковского. Он здоров и помолодел. Вечером Rout у Фикельмонт» (XII, 314).

В гостинице «Париж» старшие Пушкины прожили до первых чисел декабря 1833 г., переехав затем в квартиру, снятую в ближайшем соседстве с сыном, жившим с семьей на Пантелеймоновской улице. Пушкин мог после этого бывать в «Париже» у Соболевского, других знакомых, но никаких свидетельств тому не сохранилось. Но и то, что мы теперь знаем о гостинице «Париж», позволяет с полным основанием причислить ее к пушкинским местам Петербурга.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 188.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 189.

Дом Павлицевых, где скончалась Арина Родионовна

Вопрос о доме, в котором скончалась няня Пушкина, возник около 1899 г. в предпраздновании 100-летия со дня рождения поэта. О. С. Павлицева рассказывала в 1851 г.: «Умерла она у нас в доме в 1828 году семидесяти с лишним лет от роду, после кратковременной болезни». ⁵¹ То же повторяет и первый биограф Пушкина П. В. Анненков: «Почтенная старушка умерла в 1828 году 70-ти лет, в доме питомицы своей О. С. Павлицевой». ⁵² Наконец, Л. Н. Павлицев со слов матери писал, что «няня переехала в дом отца тотчас после его свадьбы, где мать моя и закрыла ей глаза в конце 1828 года». Но если мать не называет адрес дома, то сын прямо пишет о «скромной квартирке, которую отец нанял тотчас после свадьбы — в Казачьем переулке, близ Введенской церкви Семеновского полка», где его «мать и провела 4 г. до отъезда своего в Варшаву...». ⁵³

Утверждение Л. Н. Павлицева ввело в заблуждение многих самых добросовестных пушкинистов. Так, А. Ядевич в своей известной книге «Пушкинский Петербург» пишет: «Озабоченный присканием квартиры, Павлицев остановил свой выбор на небольшом доме Дмитриева в Казачьем переулке <...> Добрым гением дома была няня Пушкиных, Арина Родионовна, переехавшая в квартиру Ольги Сергеевны тотчас после ее замужества. Но ей недолго суждено было прожить в доме Ольги Сергеевны». ⁵⁴ В 1899 г. А. Щеглов посвятил дому Дмитриева статью «Дом, где скончалась няня Пушкина» и опубликовал его фотографию. ⁵⁵

Действительно в доме Дмитриева на Большом Казачьем жили Павлицевы. Об этом свидетельствует и Пушкин в письме П. В. Нащокину от 7 октября 1831 г.: «Отвечай мне как можно скорее в Петербург, в Казачьем переулке в доме Дмитриева, О. С. Павлицевой, для доставления А.С.П.» (XIV, 231). Но поселились ли Павлицевы в нем «тотчас после свадьбы», как пишет их сын, и жили ли они в этом доме ко времени смерти няни — эти вопросы до сих пор не решены. Как мы знаем, первое время после свадьбы Павлицевы жили в квартире А. А. Дельвига на Владимирской в доме Кувшиņикова, а не в Казачьем.

Единственным исследователем, усомнившимся в показаниях Л. Н. Павлицева, оказался автор книги «Няня Пушкина» А. И. Ульяновский. Пользуясь архивными материалами, по записям в церковных книгах он устанавливает, что в приходе Введенской церкви, к которой приписаны были жители Б. Казачьего, Павлице-

⁵¹ Павлицева О. С. Воспоминания о детстве А. С. Пушкина. С. 44.

⁵² Анненков П. В. Материалы... С. 35.

⁵³ Павлицев Л. Воспоминания об А. С. Пушкине. М., 1980. С. 51.

⁵⁴ Ядевич А. Пушкинский Петербург. С. 101.

⁵⁵ Щеглов А. Дом, где скончалась няня Пушкина // Новое время. 1899. 12 авг. № 8425. Фото (Прил. к № 8441).

вычисляются только с 1830 г. Зато в приходе Владимирской церкви на 1828—1829 гг. он встречается записи о «господах Павлицевых» (имеются в виду, конечно, Павлицевы) и их крепостных.⁵⁶ Обнаруженная им же ведомость Смоленской кладбищенской церкви указывает на то, что «приобщена святых тайн и исповедана» Арина Родионовна была иереем Владимирской церкви Алексеем Нарбековым. На этом основании он и делает вывод о том, что в 1828—1829 гг. Павлицевы жили в приходе Владимирской церкви. В составленной Ульяновским родословной няни прямо сказано: «Знаменитая няня А. С. Пушкина родилась в с. Суйде, умерла в Петербурге у Павлицевых в придворных слободах (приход Владимирской церкви)».⁵⁷

Установив приход, Ульяновский не мог все же установить дом, где жили Павлицевы и умерла няня. Мимо его внимания прошла публикация В. Враской «Пушкин в переписке родственников»,⁵⁸ где цитируются отрывки из неопубликованных писем С.А. и Н.О. Пушкиных к дочери. На первом из них от 5 сентября 1828 г. рукою матери выведен адрес: «Ея высокоблагородию милостивой Государыне Моей Ольге Сергеевне Павлицевой, у Владимирской в Грязной Улице, в доме Мадатовой».⁵⁹ Враская, назвав в своей статье этот адрес, не придала ему никакого значения.

Пройдут годы, прежде чем правнучка Ольги Сергеевны Л. Л. Слонимская возьмет на себя труд перевести и откомментировать эти письма. Приводя указанный адрес, она также никак его не оговаривает, а когда еще раз встречается упоминание дома Мадатовых, то поясняет: «Мадатов, вероятно, владетель дома в Казацьем пер., где в 1828 г. жила Ольга Сергеевна и где умерла няня».⁶⁰ Исходные данные для нашего поиска — имя хозяйки дома 1828 г., название прихода и улицы. Нумерация домов тогда была сплошная по частям города, в данном случае по Московской, но в переписке ее не употребляли. Кроме того, с пушкинского времени нумерация трижды менялась. Поскольку Павлицевы прожили у Мадатовой недолго, то в адресные книги, издававшиеся с большими интервалами, они не попали. В адресной книге С. Аллера на 1823 г. есть лишь одна домовладелица в Петербурге с фамилией Мадатова. Ее дом числится в 1-м квартале Московской части по улице Кузнечной и Графскому переулку.⁶¹ Здесь налицо явная несуразица. Кузнечную и Графский разделяют два квартала и Владимирский проспект. Пользуясь архивными документами, удалось соотнести тогдашний номер дома 143 с планом Московской части. Дом оказался на углу Кузнечной улицы и Грязной,⁶² которая, как мы помним, и значится

⁵⁶ Ульяновский А. И. Няня Пушкина. М.; Л., 1940. С. 63—65.

⁵⁷ Там же. С. 76.

⁵⁸ Враская В. Пушкин в переписке родственников // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 771—802.

⁵⁹ Письма Н. О. и С. А. Пушкиных к дочери О. С. Павлицевой. С. 15.

⁶⁰ Там же. С. 107.

⁶¹ Аллер С. Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге... на 1823 год. СПб., 1822. С. 62.

⁶² Список владельческим домам, находящимся в 1-м квартале Московской части, с означением №№ оным и улиц // ЦГИАЛ, ф. 513, оп. 168, № 406, л. 4 об.;

на конверте письма. Опечатка в книге С. Аллера получила объяснение. Она явно произошла по вине наборщика, не разобравшего в рукописи названий, схожих по написанию: Графской — Грязной. Архивные и справочные источники позволили перевести старый номер на современный. Нынешний адрес дома — ул. Марата, 25/12.

В следующей адресной книге и в деле этого дома он числится уже за новым владельцем — тайным советником Александром Ивановичем Блоком, прадедом поэта.⁶³ Из объявления о свершении купчей на дом мы узнаем и имя Мадатовой, и дату его продажи: «Совершена купчая 5 мая 1833 года Грузинскою дворянкою Магдалиною Мадатовою, Дейст. ст. сов. Александру Блоку, камен. дом под № 143».⁶⁴ А. И. Блок предпринял небольшие переделки дома с сохранением его прежнего облика. Последующие владельцы, как свидетельствуют архивные планы, вознамерились превратить дом в доходную громаду, но эти планы так и остались на бумаге. В то время как все окружающие дома утратили свой первоначальный облик, он сохранился своеобразным островком пушкинского Петербурга. Двухэтажный, привемистый каменный дом с высокой кровлей, со скругленным углом, украшенным балконом с ажурной решеткою, был построен еще во второй половине XVIII в.

Установить приблизительную дату поселения Павлицевых в этом доме помогло знакомство с письмами Н. И. Павлицева матери Луизе Матвеевне. Через два месяца после свадьбы 25 марта 1828 г. он сообщает ей: «...адрес на мою квартиру: на Грязной улице в доме Мадатовой под №»⁶⁵ (не указан). Таким образом, можно утверждать, что в этот дом Павлицевы переехали из квартиры Дельвигов в начале марта 1828 г. и прожили во всяком случае до сентября, а значит, в нем и скончалась няня.

Дату ее смерти установил А. И. Ульяновский, найдя документы о ее отпевании во Владимирской церкви и захоронении на Смоленском кладбище. В метрической книге Владимирской церкви за июль месяц 1828 г. под № 73, «числа умертвия» — 31-го вписана скончавшаяся «старостию» в возрасте 76 лет «5 класса чиновника Сергея Пушкина крепостная женщина Ирина Родионова».⁶⁶ В другой книге — «Умершие Смоленской кладбищенской церкви 1828-го по 1829-й по июль месяц» — Ульяновский также обнаружил запись от 31 июля: «Ирина Родионова дому 5-го клас. чиновника Пушкина служащая женщи-на».⁶⁷ Поскольку Ульяновский установил дату ее рождения, то он пишет: «Возраст Арины Родионовны указан в записи неправильно, она родилась в 1758 г. и умерла 70 лет от роду».⁶⁸

Атлас столичного города Санктпетербурга // ЦГИА СПб., ф. 513, оп. 168, № 3917, л. 3.

⁶³ Нумерация домов в Санктпетербурге. СПб., 1836. С. 62, 191; Дом Марата, 25 // ЦГИА СПб., ф. 513, оп., 102, № 4917.

⁶⁴ Санктпетербургские сенатские объявления. 1833. 7.VII.С. III. № 54.

⁶⁵ Письма Н. И. Павлицева к родным. ПД, ф. 244, оп. 20. № 82. С. 210.

⁶⁶ Ульяновский А. И. Няня Пушкина. С. 113.

⁶⁷ Там же. С. 114.

⁶⁸ Там же. С. 65.

После выхода в свет книги Ульяновского днем ее смерти до настоящего времени везде называлось 31 июля 1828 г. Н.И. Грановская первой высказала другое предположение: «Но Ульяновский ошибся, считая днем смерти няни 31 июля. Хоронили всегда на третий день, включая день кончины. Следовательно, отпели и похоронили Арину Родионовну 31 июля, а умерла няня Пушкина 29 июля 1828 года». ⁶⁹ Действительно, запись в графе «Умершие» книги Смоленской церкви означает не день смерти, а день погребения. Об этом говорит оглавление «Ведомости», в которую под 31 июля внесена Арина Родионова. В нем четко обозначено, что следует сюда записывать «...сколько { ... } погребено умерших тел, которого числа...». ⁷⁰ Безусловно, что Ульяновский учел это обстоятельство. К ошибке его привела запись в метрической книге Владимирской церкви, где дата 31 июля занесена в графу «Числа умертвия».

Попытаемся проанализировать порядок регистрации в книгах тех же церквей, беря за основу записи о тех людях, даты смерти которых нам хорошо известны из других источников. Так, А. А. Дельвиг умер 14 января 1831 г. в доме Тыччинкина во Владимирском приходе. Между тем в церковной метрической книге в графе «Кто именно померли» он записан тремя днями позже: «Семнадцатого числа надворный советник Антон Антонов Дельвиг Барон, по свидетельству штаб-лекаря коллежского советника Федора Отсолич». ⁷¹ Ряд примеров можно продолжить. Вывод один — метрические книги фиксировали не день смерти, а день отпевания. Интересно отметить, что Дельвига и Арину Родионовну отпевал один и тот же священник Алексей Нарбеков.

Таким образом, следует считать, что няня Пушкина Арина Родионова умерла 29 июля 1828 г. в доме Магдалины Мадатовой, где снимали квартиру в ту пору О. С. и Н. И. Павлищевы, на Грязной улице под № 143, была отпета во Владимирской церкви 31 июля и в тот же день похоронена на Смоленском православном кладбище.

Вскоре после смерти няни Павлищевы переехали на новую квартиру. Это ясно из письма Николая Ивановича матери от 10 сентября 1828 г.: «Теперь я переехал на годичную квартиру: у Владимирской церкви в доме Г-жи Храповицкой». ⁷² Новая квартира была снята, вероятнее всего, с 1 сентября 1828 г. Следовательно, предыдущий контракт с Мадатовой был полугодовым — с 1 марта по 1 сентября. По справочным книгам, дом Храповицкой находился на Басманной-Хлебной улице Московской части первого квартала под № 71 (ныне — Дмитровский пер., 12). «Сорокоуст», т. е. сороковой день по смерти няни — 6 сентября, приходился уже на то время, когда Павлищевы жили по этому адресу. В этом доме, как и в предыдущем на Грязной, у них не раз бывал Пушкин. Только спустя год, в

⁶⁹ Грановская Н. И. «Если ехать вам случится...». Л., 1989. С. 101.

⁷⁰ Ульяновский А. И. Няня Пушкина. С. 114.

⁷¹ ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 111, № 226.

⁷² Письма Н. И. Павлищева к родным. С. 216.

середине сентября 1829 г., Павлищевы наконец-то поселятся в доме Дмитриевых по Казачьему переулку.

К дому на Грязной следует отнести все те слова и воспоминания о смерти Арины Родионовны, которые в разные годы были сказаны и написаны касательно дома в Казачьем переулке.

В. П. Старк

КОГДА ПУШКИН ВПЕРВЫЕ УВИДЕЛ БЕРЕГА КРЫМА?

«С полуострова Таманя, древнего Тмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма» (XIII, 18),¹ — писал Пушкин 24 сентября 1820 г. брату Льву из Кишинёва, вспоминая недавнюю поездку с Раевскими на Кавказ и в Крым.

Когда это произошло?

М. А. Цявловский в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» датирует события 12-м августа 1820 г.: вечером этого дня, считает исследователь, Раевские и Пушкин прибывают в «заштатный город Тамань».²

Естественно, что эта дата утвердилась в биографической и краеведческой литературе. Ее называет в своей книжке «Пушкин в Крыму» ялтинский краевед М. И. Выгон.³ 12 августа путешественники прибывают в Тамань, как указано в двухтомном издании «Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками»,⁴ а также в другом недавнем двухтомнике — путеводителе «Пушкинские места».⁵

Мимо внимания большинства биографов и краеведов прошли поправки, которые внес в этот вопрос кубанский краевед Н.Ф. Веленгурин в своей книжке «Дорога к лукоморью», вышедшей двумя изданиями — 1976—1984 гг. Эти поправки учтены во втором изда-

¹ Здесь и далее все ссылки на сочинения Пушкина с указанием римской цифрой тома, арабской — страницы даются по изданию: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. АН СССР, 1937—1949. Справочный том. АН СССР, 1959.

² Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. М.: АН СССР, 1951. С. 235. Называя Тамань «заштатным городом», составитель «Летописи» ошибается. В 1820 г. на землях Черноморского казачьего войска числились два города (Екатеринодар и Тамань), три местечка (Шербиновка, Гравина и Темрюк), 42 селения и 6 засёлков (Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске.... С 1816 по 1826 год. СПб., 1829. С. 403—404).

³ Выгон М. И. Пушкин в Крыму. Симферополь: Таврия, 1974. С. 18.

⁴ Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками: В 2-х т. / Составление, вступительные очерки и примечания В.В. Кунина. Т. 1. М.: Правда, 1987. С. 344.

⁵ Пушкинские места: Путеводитель: В 2-х ч. / Сост. Н. А. Тархова. Т. 2. М.: Профиздат, 1988. С. 13.

нии «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина», в котором прибытие в Тамань датируется 13—14 августа 1820 г.⁶

Дополнительно изучение вопроса обнаруживает ошибочность старого и неточность нового представлений.

Одновременно с Раевскими, многократно с ними пересекаясь, путешествует по Кавказу и Крыму третьеразрядный литератор Гавриил Васильевич Гераков, автор несколько претенциозных, но зато достаточно подробных «Путевых записок по многим Российским губерниям».⁷

В словаре Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» в статье о Г. В. Геракове отмечено, что в «Путевых записках» путешественник фиксирует шесть встреч с Пушкиным — 2, 8, 9, 14, 15 августа и 8 сентября.⁸ Это не так. Если подходить строго, то Г. В. Гераков упоминает Пушкина всего дважды — в записи от 2 августа. Пять остальных упоминаний о встречах относятся к Раевским, но так как Пушкин путешествовал вместе с ними, то косвенно они, конечно, относятся к нему. Однако в этом случае надо говорить не о шести встречах, а еще по крайней мере о пяти, из которых две несомненно имеют отношение к Пушкину (записи от 17 августа и 9 сентября), а одна (от 17 сентября) — предположительно. Записи о встречах с семейством Раевских от 19 и 20 сентября сделаны тогда, когда поэта уже, судя по всему, не было в Крыму. Кстати, последние три записи именно из второго тома «Путевых записок» Г. В. Геракова, который Л. А. Черейским, как и некоторыми другими, не упоминается.

Г. В. Гераков свидетельствует (и это учтено в «Летописи» М. А. Цявловского), что 9 августа 1820 г. он вместе «с генералом Н. Н. Раевским и его фамилиею обедали» у коменданта Кавказской крепости 35-летнего подполковника Александра Федоровича Урнежевского,⁹ командира Навагинского полка.¹⁰ М. А. Цявловский далее указывает, что в этот же день — 9 августа — Раевские отправляются в дорогу и к вечеру 12 августа прибывают в Тамань. Заметим, что у дотошного Г. В. Геракова о последовавшем за обедом отъезде Раевских упоминания нет.

⁶ Веленгурин Н. Ф. Дорога к лукоморью: Очерки. — Краснодар: Кн. изд-во, 1984. С. 26; Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: 1799—1826 / Сост. М. А. Цявловский. Изд. 2-е, испр. и доп. Л.: Наука, 1991. С. 223.

⁷ Попутно заметим, что в ряде трудов и библиографий это двухтомное издание описывается почему-то как однотомное: Петроград, 1828 (см., напр.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Изд. 2-е, доп. и переработ. Л.: Наука, 1989. С. 532). Но это дата выхода в свет первого тома, второй был издан в Петербурге в 1830 г. и продолжает описание пребывания Г. В. Геракова в Симферополе с 14 сентября 1820 г., т. е. в то время, когда Пушкин, как можно предполагать, еще не покинул Крым.

⁸ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. С. 98.

⁹ В первом издании «Летописи» фамилия коменданта упоминается дважды и оба раза искажена: Урженевский (Цявловский М. А. Летопись... С. 234), Урженовский (Цявловский М. А. Летопись... С. 872). Во втором издании «Летописи» эта неточность устранена.

¹⁰ Гераков Г. В. Путевые записки по многим Российским губерниям: В 2-х т. Т. 1. С.-Петербург, 1828. С. 103, 104, 106.

Г. В. Гераков отправляется в дорогу 10 августа после 6 часов утра в сопровождении «гостеприимного коменданта» А.Ф. Урнежевского и находится в пути почти до 16 часов. 11 августа он вновь пускается в дорогу после 6 часов утра в сопровождении офицера, полкового есаула и сотни казаков и останавливается в восьмом часу вечера. 12 августа Г. В. Гераков трогается в путь в 4 часа утра в сопровождении 150 казаков и прибывает в Тамань после 20 часов, с гордостью отметив, что он и его спутники двигались необыкновенно быстро: 185 верст последнего дня пути преодолели за 12 часов езды. Естественно, после такой дороги путешественники «утомленные возлегли на сено и предались сладкому сну».¹¹

Такой темп движения для Раевских был совершенно невозможен. Во-первых, потому, что с ними были женщины: совсем юные Мария (14 лет) и Софья (13 лет), а также, по-видимому, немолодые англичанка Мятен (у Г. В. Геракова — Матень), компаньонка Анна Ивановна и няня, для которых такие нагрузки (тяжелые и для мужчин) были бы слишком велики.

Во-вторых, поезд Н. Н. Раевского состоял не только из легких и быстрых экипажей (как у Г. В. Геракова), но и более тяжелых и менее быстроходных карет, которых было две.¹² Мало того, в поезде была кухня со всеми принадлежностями.¹³

В-третьих, Н. Н. Раевский был не простой путешественник, а особенный. Это отметил Пушкин в своем письме брату Льву, которое мы уже цитировали: «Хотя черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на них положиться; в надежде большого выкупа — они готовы напасть на известного русского генерала. И там, где бедный офицер безопасно скачет на перекладных, там высокопревосходительный легко может попасться на аркан какого-нибудь чеченца» (XIII, 18). Именно поэтому у Н. Н. Раевского был не только отряд сопровождения из 60 казаков (как и у Г. В. Геракова со спутниками), но и готовая к стрельбе пушка — «заряженная», «с зажженным фитилем». Ясно, что она тоже отнюдь не способствовала быстроте передвижения. Доверимся точности пушкинского художественного определения: поэт написал брату, что пушка «тащилась» за путешественниками.

И наконец (и это в-четвертых), если уж Г. В. Геракова часто и торжественно встречали в пути, то с Н. Н. Раевским это, конечно, происходило не реже и не менее торжественно. «Путешественников, — писал П. И. Бартнев, — везде встречали с большим почтом; в городах обыватели с хлебом и солью выходили к славному защитнику отечества».¹⁴ Думается, что вообще быстрота движения Г. В. Геракова («мы не ехали, а летели»)¹⁵ объясняется тем, что

¹¹ Гераков Г. В. Путевые записки... Т. 1. С. 112.

¹² Бартнев П. И. Пушкин в Южной России. Русский архив. 1866. № 8—9. Стлб. 1103.

¹³ Жизнь Пушкина, рассказанная... С. 337.

¹⁴ Бартнев П. И. Пушкин в Южной России... Стлб. 1104.

¹⁵ Гераков Г. В. Путевые записки... Т. 1. С. 108.

сопровождавший его отряд с офицерами должен был готовить дорогу, встречи и ночлег для именитого гостя, ехавшего следом. Ведь кто-то передавал по эстафете письма-распоряжения того же генерала А. П. Ермолова — товарища Н. Н. Раевского по оружию и по славе, из владений которого путешественники выезжали, покидая Кавказ, — начальникам вверенных ему, а также прилегающих земель. Отрывок из подобного документа приводит в своей книжке «Раевские мои...» Т. К. Галушко. Это, видимо, письмо генерала А. П. Ермолова атаману Черноморского казачьего войска Г. К. Матвееву: «Если генерал Раевский, знаменитый заслугами своими, сам ответится с похвалой на счет Ваш, похвала его делает Вам много чести».¹⁶ Для понимания истинного значения этого письма следует помнить, что 17 апреля 1820 г. по армии был объявлен приказ № 20 о передаче Черноморского казачьего войска в подчинение Отдельному Кавказскому корпусу А. П. Ермолова.¹⁷

Таким образом, дорога должна была отнять у Раевских больше времени, чем у Г. В. Геракова, даже если исходить из предположения, что они пустились в путь уже во второй половине дня 9 августа, сразу после торжественного обеда, а не 10-го утром.

Когда же в таком случае Раевские прибыли в Тамань?

Известно, что по приезде в Тамань Раевские остановились в крепости Фанагория. Административно составляя с Таманью единое целое, крепость располагалась в двух верстах от нее и запирала дорогу в Тамань с Кавказа. В «Путевых заметках» Г. В. Гераков, рассказывая, как 12 августа в девятом часу вечера он со спутниками прибыл в Тамань, с легкой обидой отмечает, что «через крепость не хотели нас пустить; но, видя четыре экипажа на мосту, которых нельзя было поворотить, доложили коменданту Каламаре, и он позволил». Миновав Фанагорию, путешественники спустя некоторое время уже при свете месяца прибыли в саму Тамань, где «остановились на лучшей улице в приготовленной квартире козацкого офицера».¹⁸

Пройдет ровно 17 лет, и эти места в сентябре 1837 г. увидит и даже зарисует высланный на Кавказ за стихотворение «Смерть Поэта» Лермонтов. Позднее в «Герое нашего времени» он засвидетельствует, что все осталось без изменения: та же «скверная» Тамань с удивительными видами на Крым через пролив, пристанью и «казенными квартирами» для малочинных проезжающих, в число которых попал и опальный поэт-корнет; та же неподалеку расположенная крепость Фанагория, в которую должны обращаться все отплывающие, т. к. в крепости по-прежнему находится начальство во главе с комендантом.¹⁹

¹⁶ Галушко Т. К. «Раевские мои...». Л.: Лениздат, 1991. С. 71.

¹⁷ Дебу И. О Кавказской линии... С. 401.

¹⁸ Гераков Г. В. Путевые записки... Т. 1. С. 111—112.

¹⁹ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. Собр. соч.: В 4-х т. Т. 4. Л.: Наука, 1981. С. 225, 229.

Вернемся к скрупулезному и самолюбивому Г. В. Геракову, который отмечает, что 14 августа в шестом часу вечера, когда он со своим спутником был в отлучке, генерал Н. Н. Раевский «был у нас». Вернувшись и узнав об этом, они тотчас, «взяв дрожки», поехали из Тамани, где остановились сами, в Фанагорию и «приветствовали приезжего почтенного генерала». ²⁰ Из самой фразы («приезжего») явствует, что Н. Н. Раевский и его спутники незадолго перед тем приехали.

Действительно, утром 13 августа Г. В. Гераков вместе с комендантом Фанагорийской крепости, полковником гарнизона и городничим осматривали крепость и о Раевских упоминания не было. 14 августа в 11 часов утра Г. В. Гераков осматривал в церкви Покрова Пресвятой Богородицы знаменитый Тмутараканский камень и другие находившиеся там экспонаты. Эта церковь с небольшим лапидарием при ней, устроенным в 1803 г. стараниями видного деятеля русской культуры, писателя, художника и архитектора, академика Н. А. Львова-Никольского, располагалась в полутора верстах к югу от Тамани. ²¹ Вернувшись на квартиру и плотно отобедав, Г. В. Гераков ложится спать. Никакого упоминания о Раевских у него опять же нет. Видимо, и в первой половине дня 14 августа они еще не прибыли в Тамань.

Зато во второй половине дня в Тамани неожиданно появляется атаман Черноморского (т. е. прикубанского) казачества полковник Григорий Кондратьевич Матвеев. Есть все основания думать, что он прибыл в Тамань не по личным делам (здесь постоянно проживали его жена и семеро детей), а сопровождая, в соответствии с цитировавшимся выше письмом генерала А. П. Ермолова, Раевских в их путешествии по вверенным ему землям Черноморского казачьего войска. ²²

В самом деле, 10 августа, въехав на земли черноморских казаков, Г. В. Гераков и его спутники прямо на границе, в Карантинном редуте, сталкиваются с атаманом Г. К. Матвеевым и проводят с ним остаток дня. Утром 11 августа он отправляет их в казачью столицу Екатеринодар (Краснодар), сам оставаясь в редуте. 14 августа в пятом часу вечера атаман Г. К. Матвеев неожиданно навещает Г. В. Геракова в Тамани. Через час Г. В. Гераков со спутником отправляются на дом к Г. К. Матвееву, не застают его, а в это время их собственную квартиру посещает Н. Н. Раевский. ²³

²⁰ Гераков Г. В. Путевые записки... Т. 1. С. 117.

²¹ Бертье-Делагард А. Л. Заметки о Тмутараканском камне. Известия Таврической Ученой Архивной комиссии. № 55. Симферополь, 1918. С. 68. Иногда церковь Покрова ошибочно размещают в пределах крепости Фанагория, располагавшейся в двух верстах к востоку от Тамани (см.: Пушкинские места... Т. 2. С. 16; Медынцева А. А. Тмутараканский камень. М.: Наука, 1979. С. 7; Формозов А. А. Пушкин и древности: Наблюдения археолога. М.: Наука, 1979. С. 28).

²² Веленгурин Н. Ф. Дорога к лукоморью... С. 24.

²³ Гераков Г. В. Путевые записки... Т. 1. С. 104, 108, 116—118.

Следовательно, Раевские и Пушкин прибыли в Тамань во второй половине дня (до 18 часов) 14 августа — на двое суток позже общепринятой даты.

Изменение даты прибытия Раевских и Пушкина в Тамань влечет за собой изменение представлений о графике их движения по землям Черноморского казачьего войска.

Во втором издании «Летописи» с опорой на работу Н. Ф. Веленгурина обоснованно внесены некоторые изменения в текст первого издания. Так, справедливо, думается, указано, что из Кавказской крепости Раевские и Пушкин отправляются в дорогу не после обеда вечером 9-го, а после ночевки утром 10 августа.

Вместе с тем во втором издании «Летописи» некритически повторены некоторые ошибочные тезисы Н. Ф. Веленгурина. В частности, вызывает сомнения предположение кубанского краеведа, что 10 августа после 6 часов утра Г. В. Гераков трогается в дорогу не только с подполковником А. Ф. Урнежевским, но и с Раевским и Пушкиным. Во-первых, для семейства Раевского с женщинами разных возрастов и большим путевым хозяйством шесть утра — слишком ранний срок. Во-вторых, для Раевских по только что указанной причине марш длиной в 107 верст (по свидетельству Г. В. Геракова) также слишком тяжел. В-третьих, невероятно, чтобы Г. В. Гераков, не упускающий случая упомянуть о любой встрече с Раевскими, вдруг умолчал о них, путешествуя с ними вместе целые сутки.

Можно, думается, предложить иную версию: рано утром 10 августа подполковник А. Ф. Урнежевский покидает Кавказскую крепость вместе с Г. В. Гераковым, чтобы лично проверить готовность станиц к проезду высокого гостя. В дальнейшем путешествии до Тамани роль гонца будет выполнять отряд, сопровождающий Г. В. Геракова, т. к. полковник Г. К. Матвеев присоединится к семейству Раевского. Раевские с Пушкиным трогаются позже и совершают переходы от 70 до 90 верст. В расчетах конкретной длины дневных переходов и поисках мест для ночевки может помочь хранящаяся в ЦГА Крыма «Выписка» из маршрутного листа Главного директора путей сообщения генерал-инженера А. А. Бетанкура, проезжавшего с Кавказа в Крым в сентябре 1820 г.²⁴ В «Выписке» указано, что местом двух ночевки А. А. Бетанкура были Усть-Лабинская крепость (ныне Усть-Лабинск) и город Екатеринодар (Краснодар), где тоже была крепость. Видимо, именно эти станции могли обеспечить наибольший комфорт и безопасность для ночлега такого высокого гостя, равным которому по званию был Н. Н. Раевский (оба они принадлежали ко II классу).

После этого в маршрутном листе А. А. Бетанкура запланирован переход в 112 верст до Калаузы, что для Раевских, как мы уже писали, невозможно. От Екатеринодара до Тамани, согласно «Указателю дорог» за 1804 г., было только две крепости — Копыл (ныне Славянск-на-Кубани) и Темрюк.²⁵ Переход до первой, в соответст-

²⁴ ЦГА Крыма, ф. 26, оп. 1, д. 5000, л. 26.

²⁵ Вистицкий М. Указатель дорог Российской империи. Т. 1. СПб., 1804. С. 203.

вии с маршрутным листом А. А. Бетанкура, составляет от Екатеринодара 87 верст,²⁶ переход до второй — еще 68, что вполне удовлетворяет темпу движения Раевских. Остановка в Копыле косвенно подтверждается приводимым Н. Ф. Веленгуриным местным преданием о ночлеге Пушкина в станице и участии поэта в тушении возникшего пожара.²⁷ Показательно и то, что в книге И. Дебу (которая, кстати, была в личной библиотеке поэта) Копыл отнесен к числу «примечательных мест в Черномории». Во времена Пушкина это было пограничное укрепление на Протоке, северном рукаве Кубани, впадающем в Азовское море. «Здесь некогда было местопребывание сераскира, начальствовавшего над всеми кубанскими татарами вместо крымского хана».²⁸

В пользу Темрюка свидетельствует Г. В. Гераков, отметивший, что это одна из самых благоустроенных станций на пути.²⁹ Если в Тамани было 75 домов, то в Темрюке, имевшем статус местечка, насчитывалось 70 домов (Г. В. Гераков называет иную, чем И. Дебу, цифру — 90 домов). Правда, старая крепость в Темрюке к 1820 г. пришла в полный упадок и была фактически разобрана, но здесь располагалась одна из 8 рот Таманского гарнизонного полка (в Фанагории располагались две роты) и был «хорошо содержимый» лазарет.³⁰

Наконец, от Темрюка до Фанагории сравнительно короткий переход в 50 верст,³¹ позволяющий путешественникам завершить его ко второй половине дня и вечером еще навещать знакомых и принимать гостей.

Подробное изложение нашей версии графика движения Раевских и Пушкина по Черномории дано в Приложении I.

Явившись навестить «приезжего» знаменитого генерала, Г. В. Гераков, как и следовало ожидать, застал в еще недавно тихой и сонной крепости Фанагория полный сбор: «Тут все военные были, и все препорядочные люди».³²

Кстати, последнее замечание автора «Путевых записок» позволяет ставить вопрос о пополнении сведений словаря Л. А. Черейского об окружении Пушкина в Тамани. В словаре упомянут комендант Фанагорийской крепости полковник Каламара, но не названы фигурирующие у Г. В. Геракова командир Таманского гарнизонного полка полковник Бобоедов, городничий Тамани есаул Мартын Степанович и атаман черноморских казаков полковник Г. К. Матвеев (см. Приложение II).

²⁶ В 82 версты определено это расстояние в другом авторитетном источнике: Почтовый дорожник, или Описание всех почтовых дорог Российской империи... Изд. 2-е. СПб., 1829. С. 334.

²⁷ Веленгурин Н. Ф. Дорога к лукоморью... С. 28.

²⁸ Дебу И. О Кавказской линии... С. 421, 429.

²⁹ Гераков Г. В. Путевые записки... Т. 1. С. 111.

³⁰ Дебу И. О Кавказской линии... С. 413, 417, 425, 428.

³¹ Почтовый дорожник... С. 334. В маршрутном листе А. А. Бетанкура расстояние ошибочно определено в 37 верст.

³² Гераков Г. В. Путевые записки... Т. 1. С. 117.

Ясно по крайней мере одно: в число «всех военных», съехавшихся приветствовать Н. Н. Раевского и его близких, в Тамани, где жителей было меньше 200 человек, названные лица не могли не войти как по званиям, так и по должностям.

13 августа утром после 2-месячной засухи полил долгожданный дождь. К полудню на море разыгрался шторм, который сделал невозможной переправу в Керчь. Но через «пенистые волны», как писал Г. В. Гераков, «взорам нашим представлялся Ениколь и Керчь». «Боспорский пролив с берега прекрасен особенно при непогоде»,³³ — заключал он.

Таковыми крымский берег и пролив и «открылись» в субботний день после полудня 14 августа (26 августа по н. ст.) 1820 г. Пушкину.

В. П. Казарин

³³ Гераков Г. В. Путевые записки... Т. 1. С. 113.

К ЛОКАЛИЗАЦИИ ПУШКИНСКОГО ЛУКОМОРЬЯ

В «Материалах для биографии А. С. Пушкина» П. В. Анненковым сообщается, что няня поэта Арина Родионовна «была посредницей <...> в его сношениях с русским сказочным миром, руководительницей его в узнании поверий, обычаев и самых приемов народа, с какими подходит он к вымыслу и поэзии <...> В тетрадах Пушкина находится семь сказок, бегло записанных со слов няни. Из них три послужили основой для известных сказок Пушкина, писанных им с 1831 г., именно: для сказки *О Царе Салтане*, *О мертвой Царевне и семи богатырях*, *О купце Остолопе и работнике его, Балде*, да, вероятно, и остальные простонародные рассказы Пушкина вышли из того же источника, хотя оригиналов их мы и не находим в его тетрадах».¹

Далее П. В. Анненков указывает, что многие эпизоды из сказок Арины Родионовны по-своему излагаются Пушкиным. Отдельные эпизоды он переносит из одной сказки в другую. Вот отрывок из «Сказке о царе Салтане», как он рассказан Анненковым: «Так, у ней был кот: „У моря-лукоморья стоит дуб, и на том дубу золотые цепи, а по тем цепям ходит кот: вверх идет — сказки сказывает, вниз идет — песни поет“»,² а у Пушкина этот сюжет в прологе к поэме «Руслан и Людмила» зазвучал в следующем виде:

¹ Соч. Пушкина / Изд. П. В. Анненкова. СПб. Т. 1. Материалы для биографии А. С. Пушкина. С. 119.

² Там же. С. 120.

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

(IV, 5)

Поводом для утверждения, что записи сказок сделаны со слов Арины Родионовны, послужили письма поэта из с. Михайловского к брату и друзьям. Так, осенью 1824 г. он пишет Льву Сергеевичу: «...вечером слушаю сказки { ... } Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!» (XIII, 121). В начале декабря 1824 г. та же тема повторяется в письме к Д.М. Шварцу: «...вечером слушаю сказки моей няни...» (XIII, 129), а в январе 1825 г. в письме к П. А. Вяземскому: «Жду к себе на днях брата и Дельвига — покаместь я один одинешенек; живу недорослем, валяюсь на лежанке и слушаю старые сказки да песни» (XIII, 135).

Однако сказки и легенды, собранные В. И. Чернышевым в пушкинских местах, не имеют упоминания о легендарном Лукоморье, использованном поэтом в прологе. Лишь в сказке «Иван-царевич и Иван-служанкин» имеются отзвуки легенд о Великом луге и Хортицком дубе в Запорожье: «Долго ль мало в дороге ехали. Приехали в такие степя, что ни в сказке сказать, только как сказать, потом написать. Зеленые луга и кракалястый дуб».³ Приведенный фрагмент убеждает нас, что оснований считать Псковщину или какой-либо другой район средней полосы России сказочным Лукоморьем нет и что в указанной сказке рассказ идет о дубе, находящемся в далекой южной степи, соседствующей с Зеленым лугом, легенды о котором известны на Запорожской земле.⁴ Однако это не помешало С. С. Гейченко в популярной книге «У Лукоморья» считать «лукоморьем» местность между реками Соротью и Великой, где «берега Великой расходятся, и русло превращается в покатую луговину...», таким образом «лукоморье» оказалось вблизи с. Михайловского на Псковщине.⁵

Естественно возникает вопрос: что послужило поэту источником для названия местности «лукоморьем» в прологе к «Руслану»? Как известно, еще в лицейские годы Пушкина А. И. Мусин-Пушкин издал «Слово о полку Игореве», ставшее для поэта источником творческого вдохновения и некоторых исторических фактов.⁶ В «Слове» о легендарном Лукоморье сказано:

А поганого Кобяка изъ луку моря
от жельзных великихъ пльковъ половецкихъ
яко вихръ, выторже:

³ Сказки и легенды пушкинских мест. М.; Л., 1950. С.91.

⁴ См.: Кащенко А. Великий Луг Запорожский. Екатеринбург, 1917.

⁵ Гейченко С.С. У Лукоморья. 5-е изд., доп. Л., 1986. С.170.

⁶ См.: Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980. С.156—178.

и падеся Кобякъ въ градъ Киевѣ,
в гридницѣ Святъславѣ.⁷

А в летописи сообщалось, что русские рати с кочевниками в южной степи, возглавляемые ханами Итогды, Акушем, Кунтуведем, «Юкоже преже в луцѣ морѣ быЮ хусѦ с ними крѣпко...».⁸

Киевские князья постоянно вели войны с лукоморскими половцами. Так, в 1193 г. великие князья Святослав и Рюрик делали попытку заключить мир с воинственными кочевниками. Князь Рюрик послал к ним в Лукоморье своих послов и пригласил для переговоров в Канев половецких ханов Тоглия и Акуша.⁹

Как видим, «Слово о полку Игореве» и русские летописные своды конкретно указывают имена ханов и местность, где в XI—XII вв. кочевали половцы, т.е. Лукоморьем названа территория Северного Приазовья.

Это мнение подтверждается, как полагает С. А. Плетнева, тем, что «можно проследить лукоморских половцев и по каменным статуям („идолам“ — *В.М.*),¹⁰ которые были обнаружены в районе нижнего Днепра. Как правило, относятся они к развитому периоду половецкой скульптуры, т.е. исключительно ко второй половине XII—началу XIII в.».¹¹

Таким образом, излучина между нижним течением Днепра и Азовским морем и была историческим Лукоморьем, воспетым Пушкиным, отзвуки которого сохраняются сегодня в топонимике северо-западного Приазовья — в названиях двух степных речек Большой и Малый Утлюк. В переводе с тюркского «Утлюк» — «Отлук» — «Лука» означает «выгон, луг».¹²

Отсюда, по-видимому, следует понимать «Лукоморье» как «луг у моря» (что соответствует русскому написанию в литературных источниках XII в. — «в луце моря», «из луку моря»), на территории которого в древние времена существовали пастбища для скота и где в 1981—1985 гг. Приазовской и Херсонской археологическими экспедициями АН УССР были открыты многочисленные могильники половцев.¹³

Возникает второй вопрос: что явилось источником для поэта в создании сюжета о сказочном дубе?

⁷ Слово о полку Игореве. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 18 (разрядка моя. — *Б.М.*).

⁸ Полн. собр. русских летописей. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 558 (разрядка моя. — *Б.М.*).

⁹ Плетнева С. А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 286.

¹⁰ Пушкин знал о существовании каменной скульптуры половцев. В книге А. Ф. Вельтмана «Песнь ополчения Игоря Святославича, князя Новгород-Северского» (М., 1833), хранящейся в библиотеке поэта, против 52-го примечания было его рукой написано: «Один из идолов». См.: Модзалевский Б. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. — Репр. изд. — М.: Книга; СПб., 1910 (1988). С. 21.

¹¹ Плетнева С. А. Половецкая земля. С. 286.

¹² См.: Фоменко В. Б. Звідки ця назва. Дніпропетровськ. 1969. С. 95.

¹³ Автор благодарит на чальников экспедиций Института археологии АН УССР А. И. Кубышева и Ю. В. Болтрыка за предоставленную возможность ознакомиться с материалами половецких погребений.

Как известно, Пушкин в 1829 г. был сослан на юг, в Екатеринослав, откуда он вместе с семьей генерала Н.Н. Раевского выехал на Кавказ, а затем в Крым. Путь на Кавказ пролегал от Екатеринослава через уездный городишко Александровск, перед которым путешественники переправлялись через Кичкасскую переправу на Днепре вблизи острова Хортица, где перед ними открылась живописная картина. Генерал Раевский с восторгом писал дочери Елене из Горячеводска: «Тут Днепр только что перешел свои пороги, посреди его — каменные острова с лесом, весьма возвышенные, берега также местами лесные; словом, виды необыкновенно живописные, я мало видал в моем путешествии, кои бы мог сравнить с оными».¹⁴

Из приведенных строк можно прийти к выводу, что если красота днепровских порогов и острова Хортица восхитила старого солдата, то сознание молодого поэта должно было бы переполниться восторгом от увиденной красоты, о чем он не преминул сказать:

И там я был, и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый...

(IV, 6)

Пушкин, путешествуя по Приднепровско-Азовской степи, мог вспомнить известные строки из «Слова», мог от кого-нибудь услышать легенду о знаменитом Запорожском дубе, о котором еще византийский император Константин Багрянородный писал: «Пройдя это место (Кичкас. — *В.М.*), руссы достигают острова святого Григория (о. Хортица. — *В.М.*) и на этом острове совершают свои жертвоприношения, так как там растет огромный дуб. Они приносят в жертву живых петухов, кругом втыкают стрелы, иные приносят куски хлеба, мясо и что имеет каждый, как требует их обычай».¹⁵

В 70-х годах XIX в. запорожский историк-краевед Я. П. Новицкий писал о легендарном дубе следующее: «Лет пять тому назад на острове Хортице засох священный дуб — эта замечательная древность острова, — проживший десятки веков. Он был ветвист и колоссальной толщины, стоял в стапятидесяти сажнях от Остров-Хортицкой колонии, на юг, у самой дороги, направленной через остров в длину; в настоящее время сохранился только пень дуба, по которому можно судить о его громадности... Предание говорит, что вековой дуб был сборным пунктом для запорожцев, где собиралась у „святого дуба“ козацкая рада для обсуждения политических и общественных вопросов { ... } В 1775 году, „посля троицкого свята“ (ликвидация Запорожского войска Екатериной II. — *В.М.*), запорожцы в последний раз отдали честь „святому дубови“, где распили несколько бочек горилки и в последний раз отплясали запорожского козачка; тут же лились и слезы козацкие, когда они прощались, расходясь во все концы...».¹⁶

¹⁴ Архив Раевских. СПб., 1908. Т.1. С.518.

¹⁵ Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. М.; Л., 1934. С.21.

¹⁶ Цит. по: Эварницкий Д. И. Запорожье в остатках старины и преданиях народа. СПб., 1888. Ч.1. С.231—232.

Таким образом, Пушкин, знавший о Лукоморье из «Слова» или русской летописи и слышавший от местных старожилых легенду о древнем Запорожском дубе, соединил в прологе к «Руслану и Людмиле» ранее независимые друг от друга сюжеты в знаменитых строках: «У лукоморья дуб зеленый...».

В. Д. Михайлов

«ЧЕРНООКАЯ РОССЕТИ»

Немногим из современниц Пушкина выпало на долю столько поэтических посвящений и лестных прозвищ... Ее называли «обворожительницей» и «сиреной-очаровательницей», «девой-розой» и «колибри Арзамаса»; «небесным дьяволенком» и «грозой придворных витязей»...

«Все мы, более или менее, были военнопленными красавицы», — много лет спустя вспоминал П. А. Вяземский,¹ а Пушкин скажет:

Черноокая Россети
В самовластной красоте
Все сердца пленила эти,
Те, те, те и те, те, те.

(III, 225)

«Черноокая Россети» — это Александра Осиповна Россет, по мужу — Смирнова (1809—1882). Незаурядный ум, разносторонняя образованность, тонкое поэтическое чутье и редкий дар речи создали ей репутацию умной красавицы.

В обширной литературе об А. С. Пушкине и А. О. Смирновой есть немало противоречий, ошибочных мнений, невыясненных вопросов.

Настоящая статья посвящена уточнению времени знакомства Пушкина с А. О. Смирновой и датировке посвященных ей стихотворений, а также вопросу о том, был ли Пушкин шафером на свадьбе Смирновых.

И В. В. Вересаев в книге «Пушкин в жизни»,² и биограф Смирновой Л. В. Крестова, подготовившая к печати два советских издания ее «Записок»,³ и Т. Г. Цявловская в работе, посвященной дневнику

¹ Вересаев В. В. Пушкин в жизни. 5-е изд. М.; Л., 1932. Т. 1. С. 282.

² Там же. С. 281.

³ Смирнова А. О. Записки, дневник, воспоминания, письма / Со статьями и примеч. Л. В. Крестовой. М., 1929; Смирнова А. О. Автобиография: (Неизданные материалы) / Подгот. к печати Л. В. Крестова. М., 1931.

А. А. Олениной,⁴ тщетно пытаются установить соответствие между рассказом Смирновой о начале ее знакомства с Пушкиным и датировкой пушкинских стихотворений «Ее глаза», «За Netty сердцем я летаю».

Существуют два варианта воспоминаний А. О. Смирновой о первой встрече с Пушкиным на балу у Е. М. Хитрово, не противоречащие друг другу. Приведем один из них:

«К концу года Петербург проснулся; начали давать маленькие вечера. Первый танцевальный бал был у Элизы Хитровой. Она приехала из-за границы с дочерью, графиней Тизенгаузен, за которую будто сватался прусский король. Элиза гнусила, была в белом платье, очень декольте { ... } Пушкин был на этом вечере и стоял в уголке за другими кавалерами. Мы все были в черных платьях. Я сказала Стефани:⁵ „Мне ужасно хочется танцевать с Пушкиным“. „Хорошо, я его выберу в мазурке“,⁶ — и точно подошла к нему. Он бросил шляпу и пошел за ней. Танцевать он не умел. Потом я его выбрала и спросила: „Quelle fleur?“ „Celle de votre couleur“, — был ответ, от которого все были в восторге».⁷

К какому же времени относится описываемый бал у Элизы Хитрово? Смирнова пишет: «в конце года», т. е. 1828 года, после похорон императрицы Марии Федоровны (умерла 24 октября 1828 г.).

Второй вариант рассказа Смирновой о встрече с Пушкиным на балу у Е. М. Хитрово также позволяет отнести эпизод к зиме 1828—1829 года:

«Двор переехал в Зимний дворец, и в городе были маленькие вечера в полутрауре. Первый бал у Елизаветы Михайловны Хитровой».⁸ Но в конце года — с 20 октября 1828 по 18 января 1829 г. — Пушкина не было в Петербурге. «Навряд ли описываемый случай, — уточняет В. В. Вересаев, — мог произойти раньше 24 января, до минования первого, наиболее строгого квартала годового траура, наложенного при дворе по случаю смерти императрицы-матери (См. Объявление верховного маршала, графа Мусина-Пушкина-Брюса в прилож. к № 131 «Северной пчелы» за 1828 г.). Навряд ли до этого срока возможны были танцы и белое платье Элизы».⁹

В. Вересаев высказывает два предположения:

1. «Если же они, действительно, познакомились на описываемом балу у Хитрово, то совершенно спутывается общепринятая хронология некоторых пушкинских стихотворений, как, напр., „Ее глаза“, „За Нетти сердцем я летаю“. 2. По-видимому, Смирновой изменила память, и знакомство с Пушкиным произошло у нее раньше. Когда, — мы не можем определить».¹⁰

⁴ Цявловская Т. Г. Дневник А. А. Олениной // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 250.

⁵ Стефани Радзивилл (1809-1832) — фрейлина, подруга А. О. по институту.

⁶ Какой цветок? — Вашего цвета (т. е. цвета ее платья. — Е. Ш. — франц.).

⁷ Смирнова А. О. Записки, дневник, воспоминания, письма. С. 174—175.

⁸ Смирнова А. О. Автобиография С. 110.

⁹ Вересаев В. В. Пушкин в жизни. Т. 1. С. 281.

¹⁰ Там же.

Т. Г. Цявловская совершенно отменяет доводы, требующие отнесения описания встречи А. О. Россет с Пушкиным на балу у Е. М. Хитрово к началу 1829 г. Она считает, что «приглашение Россет на бал совместно с княжной Стефанией Радзивил (...) говорит о времени, когда обе были еще фрейлинами, а это было не позднее весны 1828 года, когда Радзивил (14 апреля) вышла замуж за графа Л. П. Витгенштейна».¹¹

Действительно, на интересующем нас бале Стефани не только не могла танцевать мазурку, но вряд ли присутствовала, т. к. 16 февраля 1829 г. у нее родилась дочь.

Вполне возможно, что спустя много лет А. О. Смирнова забыла, кто из ее подруг-фрейлин был с нею на балу у Е. М. Хитрово, и имя Стефани назвала произвольно.

Нельзя не согласиться с Л. В. Крестовой, когда она утверждает, что «Смирнова точно указала время своей первой встречи с Пушкиным (начало 1829 г. — *Е. III*), и нет никаких оснований заподозреть ее показания. Память сохранила ей подробность встречи: „Все фрейлины были в черных платьях, а Элиза уже в белом“».

Но далее Крестова делает странный вывод: «На основании вышеизложенного, — пишет она, — считаем возможным датировать стих. „Ее глаза“ 1829 г.».¹²

Даже если бы мы не знали, что сам поэт пометил это стихотворение 1828 г., само содержание его говорит о том, что оно написано в те дни, когда чувства Пушкина к Олениной были в зените, когда он создал целый цикл стихотворений, ей посвященных («Ты и вы», «То Dawe Esqg.», «Город пышный, город бедный»). В 1829 г. Пушкин был уже далек от дифирамбов Олениной. В эту пору он был безоглядно влюблен в Наталью Николаевну Гончарову.

В академическом издании сочинений Пушкина стихотворение «Ее глаза» датируется серединой марта—началом июня (?) 1828 г. (III, 1161).

Т. Г. Цявловская приводит бесспорные доказательства, позволяющие датировать пушкинское стихотворение началом мая 1828 г.

Как известно, стихотворение Пушкина «Ее глаза», в котором впервые появляется имя Россети («...Розетти егоза»),¹³ является ответом на стихи князя Вяземского, воспевающего «южные очи северной девы».

Стихотворение Вяземского написано им 5 мая 1828 г. Об этом он сообщает своей жене в письме от 7 мая: «5-го я не спускал с глаз глаза девицы Россети и кончил импровизацию, которую начал было в первый раз, когда встретился с этими глазами:

¹¹ Цявловская Т. Г. Дневник А. А. Олениной. С. 250.

¹² Смирнова А. О. Записки... С. 397—398 (примеч. 33).

¹³ Первоначальный вариант второго стиха: «Твоя Розетти егоза», — имеется в списке альбома Олениных (III, 659). Под текстом рукой Олениной сделана помета: «Смягчено, придворных витязей гроза». См.: Устинович П. М. Анна Алексеевна Андрю, рожденная Оленина. — Русская старина. 1890. Август. С. 397.

Южные звезды! черные очи!
Неба чужого огни!
Вас ли встречают взоры мои
На небе хладном бледной полночи». ¹⁴

В апреле—мае 1828 г. Пушкин и Вяземский находились в непрерывном общении. Из писем Вяземского жене легко установить, что он встречался с Пушкиным у Олениных 17 апреля и 3 мая; 5 мая на балу у Мецкерских. ¹⁵ Вяземский мог показать свои стихи Пушкину даже в день их написания (5 мая на балу у Мецкерских) или в ближайшие дни. 20 мая они встретились в Приютине, 25 мая вместе участвовали в увеселительной поездке в Кронштадт. И, по всей вероятности, Пушкин не замедлил отозваться на стихи Вяземского. Свыше полугода он уже провел в Петербурге (с 16 октября 1827 г.) и, хоть был в ту пору очарован Олениной, не мог не заметить своеобразную красоту молодой фрейлины Россети, которую его друг Жуковский называл «небесным дьяволенком».

Никто из вышеупомянутых исследователей не обратил внимания на то обстоятельство, что в 1828 г. не только Пушкин, но и Вяземский не был знаком с А. О. Россет, хотя уже стал, по его выражению, «военнопленным красавицы».

Между тем она сама пишет: «В Павловске (...) когда моя императрица уехала в Одессу, она меня поручила государыне Марии Федоровне, мне дали стихи Вяземского, я помню только один стих: „И голос слаще торкватовых октав“. — Я не знала его и не знаю, где он слышал мой голос...» ¹⁶ (курсив мой. — Е.Ш.).

На этот раз память не изменяет мемуаристке. Подтверждение находим в письме П. А. Плетнева Вяземскому от 29 июня 1829 г.

«Прочие ваши поручения исполнены мною (...) Незнакомая (курсив мой. — Е.Ш.) красавица ваша уехала на нынешнее лето в милую вашу Ревель» ¹⁷.

Таким образом, одно слово Плетнева разрешило все недоумения; и импровизация Вяземского «Южные звезды, черные очи», и ответное пушкинское стихотворение «Ее глаза» относятся к тому периоду, когда оба поэта еще не были знакомы с А. О. Россет.

Первоначальный вариант второй строки стихотворения Пушкина, обращенный к Вяземскому: «твоя Розетти егоза», — такая же поэтическая вольность, как и «глаза Олениной моей». Недаром Пушкин счел нужным изменить редакцию второго стиха.

Напечатание стихотворения в альманахе «Северная Звезда» (июль 1829 г.) без разрешения автора вызвало протест поэта. ¹⁸

¹⁴ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 3267, л. 193—194. Письмо частично опубликовано в указанной работе Т. Г. Цявловской (С. 251).

¹⁵ Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 75, 77, 78, 80 (письма П. А. Вяземского к жене от 18 апреля, 3 мая, 7 мая, 21 мая, 26 мая).

¹⁶ См ирнова А. О. Автобиография С. 197. Императрица Александра Федоровна уехала в Одессу 26.IV.1828 г. и вернулась 6.X.1828 г. (Северная пчела. 1828. № 52). Лето 1828 г. Александра Осиповна провела в Павловске.

¹⁷ Старина и новизна. 1902. Кн. 5. С. 64.

¹⁸ См.: (О публикации Бестужева-Рюмина в «Северной Звезде») (XI, 82).

Итак, знакомясь с Пушкиным на балу у Е.М. Хитрово в начале 1829 г., А.О. Россет не подозревала, что поэт уже не только ее «приметил», но и обессмертил в одном из своих стихотворений.

Шутливое четверостишие «За Netty сердцем я летаю», где под буквой R. принято подразумевать Россет, по мнению Т. Г. Цявловской, было написано Пушкиным или в декабре 1828 г., или в первой половине января 1829 г., т. е. также до официального знакомства с А. О. Россет.

Вполне правдоподобно, что и в «Альбоме Онегина» (см. VI, 615—616) под буквами R.C. подразумевается Россет.

VII глава была отделана и переписана Пушкиным набело в Малинниках 4 ноября 1828 г. Хотя строфы, составляющие «Альбом Онегина», Пушкин исключил из печати, видимо, в семье Смирновых их знали. В предисловии к «Запискам А. О. Смирновой» Ольга Николаевна Смирнова утверждает, что ее мать «названа в „Онегине“ Венерою Невы и буквами R.C.». ¹⁹ Видимо, с ее слов это повторяет В. И. Шенрок. ²⁰

Нам представляется, что R.C. — собирательный образ «Венеры Невы», но есть в нем и какие-то черты молодой Россети, обвораживающей своей «самовластной красотой» мужские сердца.

* * *

В мемуарах А. О. Смирновой и ее мужа Н. М. Смирнова, где немало места отводится А. С. Пушкину, мы не найдем упоминания о том, что поэт присутствовал на их бракосочетании в Зимнем дворце.

Почему же с легкой руки П. И. Бартенева в литературе широко распространилась и дожила до наших дней легенда, приписывающая Пушкину роль шафера на свадьбе Смирновых?

В 1882 г. (год смерти А. О. Смирновой) П. И. Бартнев, публикуя в «Русском архиве» «Памятные заметки Н. М. Смирнова», ошибочно указал год свадьбы Смирновых. Он писал: «В 1831 году Пушкин был шафером на свадьбе Н. М. Смирнова...». ²¹

Как известно, свадьба Смирновых была 11 января 1832 г., а бракосочетание самого Пушкина совершилось 18 февраля 1831 г.

На очевидную неточность Бартенева обратил внимание биограф Н. В. Гоголя В. И. Шенрок: «Нам неясно только, как мог быть Пушкин, уже женатый, шафером на свадьбе Смирновой и какие причины заставили его отступить от общепринятого обычая». ²²

В том же томе «Русской старины», где напечатаны вышеупомянутые слова В. И. Шенрока, помещены примечания О. Н. Смирновой, где она, перечисляя всех присутствовавших на свадьбе ее роди-

¹⁹ Записки А. О. Смирновой: (Из записных книжек 1826—1845 гг.). СПб., 1895. Ч. 1. С. 22.

²⁰ Шенрок В. И. А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь в 1829—1852 гг. — Рус. старина. 1888. Апр. С. 39.

²¹ Рус. архив. 1882. № 2. С. 227.

²² Шенрок В. И. А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь... С. 43.

телей, путая, по своему обыкновению, все и всех, назвала Пушкина посаженным отцом жениха.²³

В советское время вслед за Бартеневым утверждают в своих работах, что Пушкин был шафером на свадьбе Смирновых, даже блистательный пушкинист Б. Л. Модзалевский²⁴ и эрудит И. С. Зильберштейн.²⁵

Еще в 1935 г. Л. Б. Модзалевский в комментариях к III тому писем Пушкина, основываясь на разысканиях П. Е. Рейнбота в камер-фурьерских журналах, опроверг легенду о шаферстве Пушкина.²⁶ Тем не менее она не исчезла со страниц даже таких солидных трудов, как сборник Всесоюзного Музея А. С. Пушкина «Пушкин и его время» (1962)²⁷ и «Временник Пушкинской комиссии» (1970 г.),²⁸ не говоря уже о других популярных изданиях.²⁹

Чтобы покончить с укоренившейся ошибкой, не будет лишним снова обратиться к камер-фурьерскому журналу за январь 1832 г., где несколько страниц занимает описание «браковенчания фрейлины Александры Осиповны Россети с камер-юнкером Николаем Михайловичем Смирновым».

Приведем только реестр лиц, бывших во время бракосочетания 11 января 1832 г. в Зимнем дворце.

Со стороны невесты:

Великий князь Михаил Павлович — посаженным отцом
Катерина Андреевна Карамзина — посаженной матерью
Софья Николаевна Карамзина
Павел Дмитриевич Дурново
Александра Петровна Дурново
Осип Россети
Камер-паж Россети
Паж Арнольди

Со стороны жениха:

Князь Петр Михайлович Волконский — посаженным отцом
Графиня Нессельроде — посаженной матерью
Граф Нессельроде

²³ Рус. старина. 1888. Июнь. С. 605. О.Н. Смирнова пишет: «Посаженная мать отца моего (Н.М. Смирнова. — Е.Ш.) была Екат.(ерина) Андр(еевна) Карамзина, посаженные отец и мать моей матери — государь и императрица; посаженный отец — Пушкин».

²⁴ Дневник Пушкина: 1833—1835 / Под. ред. и с объяснит. примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Пг., 1923. С. 123.

²⁵ Пушкин и его друзья: Портреты и рисунки / Ред. и вступит. ст. И. С. Зильберштейна. М., 1937. С. 20.

²⁶ Пушкин. Письма / Под ред. и с примеч. Л. Б. Модзалевского. М.; Л., 1935. Т. 3. 1831—1833. С. 234.

²⁷ Фокин Н. Н. О памятных местах пушкинского Петербурга // Пушкин и его время: Исследования и материалы. Л., 1962. Вып. 1. С. 545.

²⁸ Богаевская К. П. Из записок Н. М. Смирнова // Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968. Л., 1970. С. 12.

²⁹ Лебанидзе Г. Встречи на улице Табидзе // Пушкинский праздник (приложение к «Литературной России»). 1986. 6 июня. С. 12.

Граф Николай Дмитриевич Толстой
Графиня Мария Дмитриевна Толстая
Александр Сергеевич Пушкин
Наталья Николаевна Пушкина
(эти две фамилии вычеркнуты и рядом помечено: «не будет», —
остальное неразборчиво. — *Е.Ш.*)
Князь Репнин — шафером (...)
Дмитрий Петрович Воейков
Сергей Петрович Озеров³⁰

Из камер-фурьерского журнала видно, что Пушкин с женой были приглашены в Зимний дворец в качестве гостей, но по неизвестным причинам не присутствовали на церемонии бракосочетания.

Итак, Пушкин не был ни шафером, ни посаженным отцом на свадьбе Н. М. Смирнова.

Е. С. Шалина

³⁰ ЦГИА, ф. 516, оп. 1, 120/2322, ед.хр. 67, л. 41. Публикуется впервые.

ИЗ ДЕКАБРИСТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

И. Г. БУРЦОВ — ПУБЛИЦИСТ

Иван Григорьевич Бурцов (1795—1829) известен как один из деятельнейших участников первых декабристских объединений. Современники знали его и как публициста. Николай Тургенев, собираясь издавать литературно-политический журнал (конец 1818—начало 1819 г.), видел его среди предполагаемых «полезных сотрудников». ¹ Но статьи И. Г. Бурцова затерялись в старинных журналах, и сейчас библиография указывает только одну статью из относящихся к этой эпохе — «Мысли о теории военных знаний» — и позднейшую, написанную незадолго до гибели, — «Описание осады крепости Ахалциха».

В показаниях Следственной комиссии по делу декабристов И. Г. Бурцов называет себя автором статьи «Бой полковника Тиховского с закубанскими черкесами в 1810 году». ² Статья напечатана в журнале «Отечественные записки» (1820 Июль) с подзаголовком «Из бумаг Черноморского войска». Полковник Тиховский и 206 казаков, имея лишь одно орудие, приняли бой с 7-тысячным — конным и пешим — отрядом противника. Приняли бой, чтобы защитить население от насилия и грабежа. Они сумели задержать противника до подхода основных частей. Погиб почти весь отряд; только шестеро казаков оправилось от тяжелых ран. Автор статьи считает долгом рассказать о их подвиге, видя в нем пример гражданственности. Это люди, «живущие исключительно для блага сограждан, люди, почитающие общественным достоянием { ... } самую жизнь свою». Именно такие люди «во все времена служат опорой достоинства и целости народа». Из этих «малозначащих по следствиям, но великих по существу» действий и составляется «картина общего народного характера». Как следует из показаний, Бурцов считал, что статья написана «в духе общества». Действительно, здесь впервые сформулированы мысли, подтекстом звучавшие во многих декабристских статьях; становится понятным, какое значение во всей декабристской литературе придавалось повествованиям о подвигах солдат: это деталь одной из главных проблем — о роли народа в грядущих поворотах истории. Статья подписана: «Из Тульчина». В местечке

¹ См.: Тургенев Н. И. Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1816—1824 гг. Пг., 1921. Т. 3. С. 367, 373—382, 479 (Архив братьев Тургеневых. Вып. 5); Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 1915. С. 81.

² Оpubл. в отрывках в кн.: Павлов-Сильванский Н. Декабрист Пестель перед Верховным уголовным судом. Ростов-на-Дону. 1907. С. 140—142.

Тульчин, как известно, находился штаб 2-й армии. По словам декабриста Н.И. Лорера, там «служило много замечательных людей, в особенности офицеров генерального штаба», и «... армия доведена была до такой степени совершенства, что превосходила своей организацией, устройством все остальные корпуса русские». ³ «Не избегая развлечений, столь естественных в лета юности, каждый старался употребить свободное от службы время на умственное и нравственное свое образование, — пишет служивший там же другой декабрист, Н. В. Басаргин. — Лучшим развлечением для нас были вечера, когда мы собирались вместе и отдавали друг другу отчет в том, что делали, читали, думали. Тут обыкновенно толковали о современных событиях и вопросах. Часто рассуждали об отвлеченных предметах и вообще делили между собою свои сведения и свои мысли». ⁴ Здесь, в Тульчине, образовалась самая значительная управа Союза Благоденствия. И. Г. Бурцов служил в «знаменитом Тульчине» (его слова в письме к Н. Н. Муравьеву) с мая 1819 г. адъютантом начальника штаба — П. Д. Киселева. ⁵ Киселев и привез бумаги, на основе которых написана статья. Материалы эти, естественно, были известны офицерам штаба и несомненно явились предметом разговоров. Таким образом, подпись под статьей утверждала, что высказанные мысли — не одного автора, а вообще «тульчинцев».

Несомненно, И. Г. Бурцову принадлежит статья, прозрачно подписанная «Б—довь», в журнале «Благонамеренный» в марте 1818 г.: «Решение нескольких вопросов, предложенных в первой книжке „Благонамеренного“». В ответе на первый вопрос «Какая разность между ученым и просвещенным человеком?» — декабристское понимание просвещения. «Ученым обыкновенно называем мы человека, углубившегося в одну какую-нибудь науку или целую отрасль наук (...). Просвещенным именуем того, кто, не занимаясь исключительно никакой особенной наукой, снискал большую часть познаний, применяемых к общественной жизни (...). Просвещенный человек (...) почти всегда делает справедливые и верные заключения. Ученых людей потребно для государства только некоторое число, чтобы науки, ускоряя свои успехи, всегда процветали и хотя поздно, но приносили отечеству полезные плоды — просвещенных же людей необходимо великое множество для исправления государственных должностей, объяснения обязанностей и прав сограждан и составления правильного общественного мнения. От числа сих людей зависит истинное благосостояние народа. Литература, продолжает Б—дов, отвечая на два других вопроса журнала, должна формировать общественные взгляды — соединять в себе «требования разума, языка и слуха»; нужна свободная, независимая, честная критика — «зависть не столько причиняет вреда,

³ Лорер Н. И. Записки декабриста Н. И. Лорера. М., 1931. С. 78.

⁴ Басаргин Н. В. Записки Н. В. Басаргина. Пг., 1917. С. 2.

⁵ Из эпистолярного наследия декабристов: Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому. М., 1975. С. 155.

сколько раболепство»; необходимо выработать точные критерии оценки художественного произведения.

Судя по всему, именно эта статья обратила на себя внимание Н.И. Тургенева. Статья тоже всецело написана в духе Тайного общества. В «Законоположении Союза Благоденствия» значилось: «Показывать необходимость познаний для человека, всю низость невежества и различие учености и истинного просвещения», «объяснить потребность отечественной словесности, защищать хорошие произведения и показывать недостатки худых».⁶

Ланкастерские школы — детище либеральной эпохи. Тайное общество возлагало на них большие надежды. И вот 8 января 1819 г. в казармах Павловского полка открывается наконец такая школа для солдат и унтер-офицеров гвардейского корпуса — самая большая в то время, для 300 человек. Заведовал школой И. Г. Бурцов, тогда штабс-капитан Гвардейского Генерального штаба. В «Военном журнале» 1819 г. (кн.1) напечатано «Известие о заведении при Штабе Гвардейского корпуса Училища взаимного обучения», подписанное «Б.....» (с шестью точками, т. е. считая конечный «ъ»). Статья не только информационная. Здесь полемится, наоборот, возможность и необходимость образования для солдат. «Люди, одаренные превосходными способностями и многими примерами доказавшие отличные воинские доблести, часто не могут пользоваться узаконенной наградой — званием офицера потому только, что не обучены грамоте». Образование служит развитию не только личности, но и развитию общества и государства: «... по распространении способов, увеличивающих истинное просвещение народа, все состояния лучше познают свои обязанности и неразрывную связь оных как с общей, так и с частной каждого выгодой».⁷ Авторство И.Г. Бурцова подтверждается еще тем, что в письме к Н.Н. Муравьеву 23 января 1819 г. он говорит о быстрых успехах солдат теми же словами, что и в статье.⁸

Безусловно, И.Г. Бурцов — автор литературно-критической статьи «Разбор стихотворения: „Тоска араба по милой“» в журнале «Невский зритель» (1821. Май. Ч. 4. С. 156—167). Статья подписана «И. Б...въ» — с четырьмя точками. Само стихотворение напечатано в том же журнале в феврале (Ч. 5. С. 140—142). Автор его — Яков Ростовцев (1803—1860), в то время молодой офицер и подающий надежды поэт. Еще через два года В. А. Жуковский сочувственно отзовется о его трагедии «Персей»,⁹ а Александр Бестужев отметит: «В „Персее“ г. Ростовцева есть сильные стихи, удачные сцены, счастливые мысли — и недостаток действия» (Полярная звезда на 1824 г. С. 268).

⁶ Отд. 3. Распространение познаний. Цит. по: Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. 2-е изд. СПб., 1885. С. 527.

⁷ Первые о принадлежности статьи И. Г. Бурцову см.: Ромм М. Автор — декабрист // Нева. 1983. № 11. С. 206.

⁸ Из эпистолярного наследия декабристов: Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому. С. 148.

⁹ См.: Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985. С. 317.

Статья Бурцова логически связана с опубликованной за два года до этого в «Благонамеренном». Там выведена формула художественности — «требования разума, языка и слуха», здесь — практическое приложение тезиса. Декабристская эстетика утверждала в том же «Законоположении...»: «Убеждать, что сила и прелесть стихотворений не состоит ни в созвучии слов, ни в высокопарности мыслей, ни в непонятности изложения, но в живости писаний, в приличии выражений, а более всего в непритворном изложении чувств высоких и к добру увлекающих», «доказывать, что истинное красноречие состоит не в пышном облечении незначащей мысли громкими словами, а в приличном выражении полезных, высоких, живоощущаемых помышлений».¹⁰

Достоинство стихотворения, доказывает Бурцов, в том, что чувствуется стремление познать себя и познать человека. «Богатство поэзии, новые и смелые обороты, счастливые уподобления и сравнения, прелестный, исполненный жизни слог — вот что дает сей элегии неоспоримое право быть украшением всякого периодического издания» (С. 57). Здесь «чувства глубоки, выражения сильны, язык живописен» (С. 162), «простота и безыскусственность в выражениях, которая должна быть неприменным уделом элегических стихотворений» (С. 159). Отличается элегия и энергией построения. «Что же касается до горячих слез, то выражение сие может быть оправдано только одним законом употребления; впрочем, надобно желать, чтобы язык наш освободился от подобных выражений» (с. 163).

Статья «Мысли о теории военных знаний» (Военный журнал. 1819 г. Февр. Кн. 2) не раз рассматривалась, но всегда как военно-теоретическая.¹¹ В то же время статья — еще философско-публицистическая. Бурцов рассматривает процесс «исследования мира» человеком «от первой ступени бесконечной лестницы просвещения». Сначала узнавал «бытие вещей» и «оных качества». Затем с «помощью сравнения и воображения из круга физических предметов переступил в область нравственных». Из частных понятий создавались общие. Приложение этих понятий «к неизвестным предметам» дало «основание всем обширнейшим произведениям теории». Наконец, «соединение общих понятий составило знания, а изложение сих последних в систематическом порядке образовало науки». «Анализ, отличительная черта, причина и вместе действие усовершенствованной теории, мог появиться только во времена человека, обогащенного многими частными знаниями и приобихшего к умоваключениям общим». «Без сомнения, осмнадцатый век может славиться великим переворотом, произведенным в науках: в сей только век знания новейших народов явно превзошли ученость древних и получили со-

¹⁰ Отд. 3. Распространение познаний. Цит. по: Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. 2-е изд. СПб., 1885. С. 527.

¹¹ Русская военно-теоретическая мысль XIX—начала XX в. М., 1960. С. 4, 8. Бескровный Л. Г. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957. С. 260—261. Прокофьев Е. А. Борьба декабристов за передовое военное искусство. М., 1953. С. 83—90 и 165—166.

всем новое, совершеннейшее направление, Философская часть наук, теория, отделилась от материальной части оных, с коюю была дотоле беспорядочно смешана, и образовала важные, неизвестные еще человеку знания». Всеобщие достижения теории и создали возможность разработки собственно теории военного дела — так Бурцов переходит к основной теме статьи. Есть опять-таки логическая связь между этой статьей и напечатанной годом ранее в «Благонамеренном»: в одной говорится о значении общетеоретических философских знаний, в другой — о роли их в разрешении конкретной задачи.

После восстания полковник Бурцов полгода провел в заключении в Бобруйской крепости, переведен тем же чином на Кавказ и участвует в войне с Турцией. Под Ахалдихом Бурцов — «начальник траншей», т.е. один из главных руководителей осады и штурма города 15 августа 1828 г.¹² В сражении под Байбуртом он (произведенный уже в генерал-майоры) смертельно ранен (умер 23 июля 1829 г.). В этот промежуток написана последняя статья — «Описание осады крепости Ахалдиха», единственная за все эти годы. Статья опубликована В. Д. Вольховским в «Военном журнале» 1830 г. (№ 1 и 2).

С взятием Ахалдиха для России открывался новый путь на Восток, что отвечало ее политическим, экономическим и культурным интересам. «В смысле политическом взятие Ахалдиха для России отважнее взятия Парижа», — заметил десять лет спустя М. С. Лунин в одном из писем из Сибири (он имел в виду 1814 год).¹³ Но И. Г. Бурцов оценивает события с иной позиции. Наряду с подробнейшим описанием укреплений и удобного для обороны местоположения крепости Бурцов включает раздел «Дух народа». Пользуясь удобным местоположением, «жители Ахалдиха могли невозбранно производить набеги на Карталинию и Имеретию без разбора в военное и мирное время. Замки и башни, коими усеяна Карталиния, доказывает, сколь сильно вредит безопасности сей страны соседство Ахалдиха. Не углубляясь в прежние времена, достаточно упомянуть, что даже в прошлом 1827 году жители гор неоднократно лишались стад своих, угнанных в Ахалдих». «Присвоенное право грабительства и местные выгоды с давних времен привлекали в Ахалдих всех преступников и удальцов с целого Кавказа. Не ведая ничего, кроме отважности, люди сии более и более развивали в коренных жителях воинственные свойства, кои наконец сделались известными в целой Азии и представляли Оттоманской Порте неоценимую выгоду иметь на нашей границе столь пагубное гнездо разбойников».

¹² В «Тифлиских ведомостях» (1828. 16 окт. № 16) напечатана заметка «К г. Издателям С.-Петербургских газет», подписанная «полковник Бурцов», где указываются «немаловажные ошибки» в описании осады и штурма Ахалдиха, в результате которых читатели неминуемо должны сделать вывод о неумелости военного руководства. «Под Ахалдихом, — ревуирует Бурцов, — решительная смелость составляет смысл всех военных действий, равно и осадных работ: ею одною, можно утвердительно сказать, заменены и число войск, и число припасов».

¹³ Лунин М. С. Письма из Сибири. М., 1987. С. 15.

Таким образом, необходимость ввязывания Ахалциха объясняется не с имперской, а с гражданской позиции. С победой России ставится заслон власти Турции, в которой декабристы и раньше видели поработительницу Греции. В войне с Турцией, доказывает Бурцов, армия защищает народ, как это сделал когда-то полковник Тиховский со своим отрядом.

Так всей своей литературной деятельностью И. Г. Бурцов выполнял задачу, которую декларировал в показаниях на следствии: «Я $\langle \dots \rangle$ почитал за великое счастье, если бы в течение своей жизни хотя на одну каплю успел улучшить нравственность в своем малом кругу действия».¹⁴

¹⁴ Цит. по: Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 281.

ИЗ ПУБЛИЦИСТИКИ П. Д. ЧЕРЕВИНА

Павел Дмитриевич Черевин (27 января 1802 — 27 мая 1824) — член Союза Благоденствия, а затем Северного общества, историк и публицист. Главная его статья «О преподавании истории детям», опубликованная уже после смерти (Вестн. Европы. 1825. № 2. С. 117—129), занимает видное место в декабристской публицистике. Через восемь лет заключений в Динабургской крепости В. К. Кюхельбекер, перечитывая старые журналы, с восторгом запишет: «... статья $\langle \dots \rangle$ заслуживает, чтоб ее перевели на иностранные языки; она у нас редкое явление; тут русский мыслящий писатель говорит истинное и при том новое, новое не для одних русских».¹ Сейчас, через полтора с лишним столетия, когда статья впервые переиздана,² можно с тем же чувством повторить эти слова. В юбилейный декабристский 1975 год вспомнилось и несколько статей П. Д. Черевина.³

Но большой труд П. Д. Черевина остался известен исследователям лишь по названию, хотя упомянут и в «Некрологии», с болью и нежностью написанный его другом С. Д. Нечаевым, и в биографических очерках позднейшего времени.⁴ «История упадка и разруше-

¹ Кюхельбекер В. К. Дневник В. К. Кюхельбекера: Материалы к истории русской литературной и общественной жизни 10—40 годов XIX века. Л., 1929. С. 93—94.

² Их вечен с вольностью союз: Литературная критика и публицистика декабристов. М., 1983. С. 238—243.

³ Мухина С. Л. Безвестные декабристы: (П. Д. Черевин, С. Д. Нечаев) // Исторические записки. М., 1975. Т. 96. С. 231—251.

⁴ Вестн. Европы. 1824. № 14. С. 150—152; Энциклопедический словарь / Брокгауз, Ефрон. СПб., 1903. Т. 38^a. С. 537; Русский биографический словарь. СПб., 1905. Чаадаев-Швитков. С. 156.

ния Римской империи. Сочинение Гиббона, сокращенная Г. Адамом. Перевод с Французского с примечаниями Русского переводчика. Москва. В Типографии Решетникова. 1824» — вот титульный лист книги (дензурное разрешение дано 19 мая 1824 г.).⁵ Здесь и предисловие, и примечания — публицистические статьи.

В «Предисловии» говорится о роли литературы в жизни общества: «К сожалению, большая часть писателей наших трудится для одной литературы, забывая, что успехи словесности находятся в тесной связи с образованием, которое в государстве самодержавном почерпается из бытописания». «От писателей отечественных зависит ускорить наше совершенство; кто владеет пером, тот располагает мнениями людей». Благодаря литературе читатель «пустых повестей» может постепенно перейти к чтению «сочинений полезнейших» (с.IV). Переводы «классических историков (...) откроют нам мир обширный, неизвестный, великие картины, обильный источник высоких чувств, учения назидательного» (с.VII). В «Примечаниях» — полемика и с автором «Истории ...», и с общепринятыми мнениями: «...заметим, что не искусства порождают роскошь; она происходит от правдоности людей, от незаконного приобретения собственности, от невежества, от неравенства имуществ, от худых политических и гражданских постановлений» (с.253—254). Роскошь — «потребление предметов и работы других из одного тщеславия, а не для удовлетворения каких-либо нужд»; «...всякий охотник до оных и покупатель их должен почитаться врагом общества, блеском золота переманивающим полезных работников к занятию суетному». Только «Простаковы всех стран и всех веков восклицают: „Роскошь полезна, без нее чем бы кормились тысячам семейств“» (с.252).

О самом Черевине рассказывается в «Некрологии»: «Бережливость его на время совершенно соответствовала строгой умеренности в образе жизни. Казалось, состояние его позволяло пользоваться в оном некоторыми выгодами, иметь более приятностей; но он тщательно избегал всякой роскоши, боялся выдти из скромного круга необходимости, чтоб не пала лишняя тягость на крестьян его, которых благосостояние было для него дороже всех удовольствий, чтоб не утратилась возможность доставлять себе другое, высшее наслаждение, помогая в нужде достойному человеку».

Черевин равмышляет о взаимоотношениях граждан и государства. Законы государства «должны обеспечивать права каждого и всем гражданам открывать возможность служить государству делом, а не одним именем на различных поприщах». Лишь «то государство достигло политического совершенства, где все полезные заведения поддерживаются усилиями частных людей, где каждый живет для всех ...». «Патриотизм есть также способность, и если совершенство законов раскрывает ее в сердце гражданина, то одна деятельность, на пользу общественную обращенная, питает ее и поддерживает» (с.255—256).

⁵ Ссылки на это издание — в тексте.

Нужно, «чтобы по крайней мере часть местного управления находилась в руках местных жителей, ибо все подробности и обстоятельства какой-либо страны более известны живущим в ней, нежели чиновнику, насланному из отдаленной столицы», «чтобы малейшие злоупотребления быстро делались гласными и были наказываемы общественным мнением и правительством». Но «общественное мнение у развращенного народа не наказует и не награждает». Для развития же нравственности необходимы «гласность и книгопечатание» (с.261).

П. Д. Черевин входил в управу И. И. Пущина — вместе с К. Ф. Рылеевым, Е. П. Оболенским, Александром и Николаем Бестужевыми. Как свидетельствует Е. П. Оболенский, в эти последние годы занятия Северного общества «состояли более в беседах о состоянии государства, о разных пунктах будущей Конституции, предполагаемой ввести в Отечестве нашем...».⁶

Примечания к переводу «Истории...» — мнение Павла Черевина в этой дискуссии.

Книга выходила в свет уже после смерти П. Д. Черевина. «Преждевременная смерть постигла г. переводчика посреди сего и других полезных занятий, к которым стремился его пламенная душа, просвещенный разум и сердце, исполненное человеколюбивых чувствований», — читаем примечание издателя.

М. Д. Ромм

⁶ Восстание декабристов: Материалы. М.; Л., 1925. Т.1. С.254.

ПЕРВОЕ УПОМИНАНИЕ О ПУШКИНЕ В АНГЛИЙСКОЙ ПЕЧАТИ

На эту публикацию ссылались многие исследователи.¹ Насколько нам известно, за рубежом текст этого сообщения в оригинале приведен лишь однажды,² а в СССР никогда не воспроизводился. Журнал, содержащий сообщение о выходе в свет поэмы «Руслан и Людмила»,³ отсутствует в РГБ, РНБ и ПД. Между тем текст первой информации о Пушкине весьма интересен;⁴ «The attention of the friends of literature is directed to

¹ См., например: Pushkin in English: A list of works by and about Pushkin / Comp. by the Slavic Division; ed. with an introd. by Avrahm Yarmolinsky. New York, 1937. P. 3, 22; Нилюкин А. Н. Литературные связи России и США: становление литературных контактов. М., 1981. С. 356.

² Struve G. Puškin in early English criticism: (1821—1838) // The American Slavic and East European Rev. 1949. Vol. 8. P. 296—314 (see p. 298).

³ The New monthly magazine and literary journal. London, 1821. Vol. 3. P. 621. Historical register.

⁴ Пользуясь случаем, сердечно благодарю американского русиста профессора Вильяма Эджертона из г. Блумингтона (Индиана), приславшего мне ксерокопию журнальных страниц.

a romantic poem just published there, called "Rouslan and Ludmila", the author of which, Mr. Puschkin, was formerly a pupil in the Lyceum of Tzarskoie-Selo, and at present holding a situation under the Governor-general of Bessarabia; not above 22 years of age».⁵

Автор вначале сообщает о русских журналах, издававшихся в ту пору в Петербурге, Москве и Казани, упоминает имена М. Т. Каченовского, С. Н. Глинки и Н. М. Карамзина, затем информирует читателей о том, что работа Карамзина над IX томом «Истории государства Российского» близится к концу. Завершается материал известием о Пушкине, приведенным выше.

Автор публикации не указан. Первое английское сообщение о Пушкине представляет собой сокращенный перевод анонимной публикации, помещенной в парижском журнале.⁶ В лондонском ежемесячнике ссылка на источник отсутствует, но сопоставление двух текстов — французского и английского — убеждает в справедливости вывода о заимствовании.⁷ К сожалению, в английском тексте отсутствуют два момента: упоминание о народных сказках X века как об источнике поэмы, а также выражение надежды на великое будущее молодого поэта.

Кстати, нелишним будет напомнить, что парижская публикация привлекла внимание Пушкина в апреле 1822 г.⁸

Известно, что в 1821 г. состоялось знакомство зарубежных читателей с Пушкиным. В феврале появилось сообщение в Париже. В апреле дрезденский журнал «Муза»⁹ поместил стихотворение «Роза», переведенное на немецкий язык К. А. Тидге (Christoph August Tiedge, 1752—1841).¹⁰ В декабре о молодом русском поэте узнали и лондонцы.

И. Попелюхер

⁵ «Внимание друзей литературы привлечено к только что опубликованной романтической поэме „Руслан и Людмила“, автор которой, господин Пушкин, бывший воспитанник Царскосельского лицея, ныне состоит при генерал-губернаторе Бессарабии, ему не более 22 лет».

⁶ Rev. encyclopédique. Paris. 1921. Vol. 9. Liv. 26. P. 382.

⁷ «Петербург. Недавно изданное в нашем городе произведение привлекло внимание всех друзей словесности; это романтическая поэма в десяти (следовало: шести. — И.П.) песнях, озаглавленная „Руслан и Людмила“. Автору ее, г. Пушкину, бывшему воспитаннику Царскосельского Лицея, ныне состоящему при генерал-губернаторе Бессарабии, всего 22 года. Эта поэма составлена из народных сказок времени великого князя Владимира. Она полна первостепенных красот: язык ее, то энергический, то грациозный, но всегда изящный и ясный, заставляет возлагать самые большие надежды на молодого автора» (Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 486).

⁸ См.: ПД, № 832, л. 1.

⁹ Die Muse, Monatsschrift für Freuden der Poesie und der mit ihr verschwisterten Künste / Hrsg. von F. Kind. Dresden. 1821. Apr. S. 5.

¹⁰ Gerhardt D. Die erste deutsche Übersetzung eines Puschkin-Gedichtes // Die Welt der Slaven. Wiesbaden. 1966. Jg. 11, H. 1-2. S. 1—16.

К РАСШИФРОВКЕ ОДНОЙ ПУШКИНСКОЙ ПОМЕТЫ

(две точки зрения)

«ГОНОРОПУЛО» ИЛИ «ГУБЕРНАТОР»

В рабочих тетрадях Пушкина встречаются мелкие записи автобиографического характера, которые представляют собой как бы неразвернутые страницы дневника. Иногда они писались наспех, носят черновой характер, часто бывают аббревиатурными. Многие из них прочитаны, объяснены и прочно вошли в летопись пушкинских дней, некоторые имеют неоднозначные прочтения. Одной из таких записей, вызывающих различное прочтение и толкование, является запись на заднем форзаце (л. 88) тетради № 833: в верхней части листа, с обычным отступом от края, начиная с его середины, четким беловым почерком Пушкин пишет «14 juillet 1826», а дальше следует слово, которое на листе не поместилось, и мы видим только его начало. Прочтение этого слова осложнилось тем, что последняя часть записанных букв покрыта пятном. Запись сделана очень бледными чернилами, и пятно давало возможность четко видеть только две его первые буквы: «Go».

Впервые опубликовал эту запись Е. И. Якушкин в усеченном виде, отбросив неразобранное слово и оставив только дату.¹

Попытка прочесть и объяснить пропущенное Якушкиным слово сделана М. А. Цявловским. Он читает первые три буквы как «Gop» и высказывает следующее предположение: «Может быть „Gop“ означает „Gonzaga“ или „Gonzago“», как писал Пушкин фамилию португальско-бразильского поэта, стихотворение которого («Там звезда зори взошла») перевел Пушкин.² Г. А. Невелев связал эту запись с местом захоронения декабристов и предложил читать французскую запись так: «14 июля 1826 г. Го(лодай)».³ Еще одно прочтение предложил А. Чернов. Он согласен с Невелевым, что Пушкин записал здесь день и место захоронения декабристов, но вместо «Голодай» предложил читать «Гон(оропуло)».⁴ Гоноропуло — остров, на котором, по его мнению, были захоронены казненные декабристы. Узнать о месте казни Пушкин мог только в Москве, вернувшись из ссылки. Как известно, 8 сентября 1826 г. фельдшер уезжал в Москву. Пушкин вернулся в Михайловское сперва ненадолго в ноябре 1826 г., а потом уже летом 1827 г. Тогда, по мнению Чернова, и была сделана эта запись. Датировку двадцать седьмым годом, казалось бы, подтверждают еще две известные записи на французском языке, сделанные в середине этого же листа, но явно в другое время, темными, почти черными чернилами и острым пером. Записи эти расшифровываются так: «2 августа день

¹ Якушкин Е. И. Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве // Рус. старина. 1884. Май. С. 353.

² Рукою Пушкина. М.; Л., 1935. С. 307.

³ Невелев Г. А. «Истина сильнее царя...». Л., 1985. С. 142.

⁴ Чернов А. Поминовение // Огонек. 1989. № 4. С. 22—25.

счастливым» и «4 августа. Рылеев, Жанно, Пестель, Жихарев во сне». Здесь же, в середине листа, профильное изображение молодого человека, почти мальчика. По предположению Р.В. Иезуитовой, это И. И. Пущин в лицейском мундире, или «Жанно», как звали его в Лицее.

Не будем полемизировать с А. Черновым по поводу времени и места захоронения декабристов (в подавляющем большинстве источников называется ночь с 13 на 14 июля и остров Голодай).

Постараемся сделать еще одну попытку прочтения этой записи и рассмотреть ее в контексте жизненных обстоятельств Пушкина.

Сфотографированная специальным способом и сильно увеличенная, эта запись дает возможность говорить, что третьей буквой в этом слове является не «п», а «и», а четвертая похожа на встречающуюся в рукописях Пушкина латинскую букву «v». Следует все же сказать, что в скорописи Пушкина не так уж редко совпадают написания букв п и и, так же часто он пропускает буквы, как бы сжимает слова. Поэтому при прочтении рукописи особое значение имеет контекст, в котором заключено то или иное слово, или его смысловая нагрузка.

Тетрадь заполнялась Пушкиным в 1826—1830 гг., записи велись с двух ее концов, с двух концов тетради Пушкин делал записи и в 1829, и в 1827 гг. Отметим, что рядом с л. 88 вырвано сразу не меньше чем восемь листов — целая тетрабочка и, возможно, еще два листа. Это явный след «чистки» поэтом своего архива, которую он начал в середине апреля 1826 г. и продолжал до половины августа, уничтожая записки, черновые наброски к ним и другие «крамольные» записи. Расположение интересующей нас записи рядом с вырванными листами может быть случайным, но допустима вероятность, что запись сделана в тот момент или в тот день, когда Пушкин вырвал (или собирался вырвать) листы, расположенные перед л. 88. Запись, как свидетельствует история заполнения тетради, сделана в 1826 г.⁵

Из всех французских слов, которые начинаются на «gouv» и даже просто на «gou», применимым может быть только одно — «gouverneur» (губернатор). Какое же событие в жизни Пушкина в июле 1826 г. могло быть связано с «губернатором»? Псковским гражданским губернатором, осуществлявшим надзор над опальным поэтом, был Б. А. фон Адеркас. Упоминания о нем встречаются в письмах Пушкина из Михайловского. Один раз он называет его по фамилии, но постоянно пишет «губернатор». Судя по письмам, с «губернатором» у Пушкина установились неплохие отношения. Известно, что в ходатайствах (сперва Александру I, потом Николаю I) Пушкин ссылался на необходимость оперировать свой «аневризм». Адеркас был готов способствовать освобождению поэта под этим предлогом. «Губернатор обещался отнестись, что лечиться мне в

⁵ Р.В. Иезуитова датирует эту запись 1826 годом. См. ее работу: Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 833. История заполнения // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 15 (в печати).

Пскове невозможно, — пишет Пушкин Жуковскому, — итак погодим, авось ли царь что-нибудь разрешит в мою пользу» (письмо от 6 октября 1825 г. — XIII, 236). Из писем поэта явствует, что встречи его с Адеркасом носили не только официальный характер. «Я из Пскова написал тебе письмо, — сообщает Пушкин Вяземскому, — да сжег. Тамошний архирей отец Евгений принял меня как отца Евгения. Губернатор также был весьма милостив; дал мне переправить свои стишки-с. Вот каково!» (около 7 ноября 1825—XIII, 240).

Особый интерес во всех попытках Пушкина вырваться из Михайловского представляет его письмо к новому императору, которое датируется: «11 мая—первая половина июня 1826 г.» (XIII, 283—284). «Всепопданейшая просьба» Пушкина освободить его мотивируется расстроенным здоровьем и необходимостью ехать для лечения «или в Москву, или в Петербург, или в чужие края». К ходатайству приложена вятая с Пушкина подписка о непринадлежности его к тайным обществам и обещание не принадлежать к ним впредь. Подписка написана на отдельном листе бумаги и датирована 11 мая 1826 г. О том, что такую подписку потребовал у поэта «губернатор» Адеркас, сообщает он сам, отправляя ходатайство Пушкина «по начальству» — военному губернатору Ф. О. Паулуччи.⁶ К ходатайству и подписке приложено свидетельство Псковской врачебной управы, выданное «по предложению его превосходительства, господина Псковского гражданского губернатора» и подписанное инспектором врачебной управы В. Всеволодовым 19 июля 1826 г. Именно эти документы и сослужили Пушкину добрую службу, будучи основанием для вызова его в Москву. В бумаге, полученной Адеркасом из Главного штаба, прямо говорилось, что «по всепопданейшей просьбе» на имя императора «находящемуся во вверенной вам Губернии Чиновнику 10-го класса Александру Пушкину позволить отправиться сюда при посылаемом вместе с сим нарочным Фельдъегерем...».⁷ Правда, между июлем и сентябрем был еще специальный секретный розыск о Пушкине, но ход всем этим событиям дала бумага, подписанная Пушкиным по требованию Адеркаса 11 мая 1826 г.

Так что же происходило между 11 мая, когда Адеркас взял у Пушкина подписку о непринадлежности к тайным обществам, и 19 июля, когда все документы отправились к Паулуччи, а потом к Нессельроде и к императору? Со стороны Адеркаса, вероятно, была проверка поведения поэта, которая подтвердила бы заверения о благонадежности, данные им в подписке. Со стороны Пушкина — томительное, тягостное ожидание. В эти два месяца он, вероятно, не раз ездил в Псков. Об одной такой поездке мы узнаем из письма к Вяземскому от 27 мая: «Я теперь в Пскове и молодой доктор спьяна сказал мне, что без операции я не дотяну до 30 лет. Невабавно

⁶ Все документы, связанные с ходатайством Пушкина, собраны и напечатаны Б.Л. Модзалевским. См.: Пушкин. Письма. М.; Л., 1928. Т. 2. С.156—157, 176—177.

⁷ См.: Анненков П. В. Пушкин в Александровскую эпоху. Пб., 1874. С. 321.

умереть в Опочечком уезде» (XIII, 230). Письмо явно рассчитано на распространение слухов о своем якобы безнадежном положении.

Нам представляется, что 14 июля Пушкин и получил долгожданное извещение от «губернатора», что он может быть официально освидетельствован во Врачебной управе и может написать официальное ходатайство. Б. Л. Модзалевский прав, полагая, что письмо Николаю I могло быть написано в тот же день, когда Пушкин прошел официальное освидетельствование. Возможно, у него был черновик, который сочинялся вскоре после 11 мая, когда появилась надежда, что губернатор даст ход делу, но текст, который мы имеем, был написан, вероятнее всего, в тот же день, 19 июля, когда Пушкин проходил освидетельствование, и датировать его следует 19 июлем 1826 г.

И все же необходимо дать ответ еще на несколько вопросов, которые могут возникнуть в связи с этим сюжетом. Почему запись сделана сверху листа и почему до лета 1827 г. этот лист оставался незаполненным? Еще одна запись дневникового характера «1 сент. 1826 изв.(естие) о корон(ации)» сделана в этой же тетради, но в противоположном ее конце, на л. 1. Пушкин записывает ее так же высоко — к краю листа. События в жизни царя и в жизни поэта разделены всем пространством тетради. Для чего оставлял Пушкин лист с записью 14 июля? «Несколько раз принимался я за ежедневные записки и всегда отступался от лености», — напишет он потом в так называемом «Начале автобиографии». Предчувствие важных перемен в своей жизни, возможно, подтолкнуло поэта к мысли рассказать подробнее о событиях, которые его ждут, или продолжить записи хотя бы узловых моментов своей жизни.⁸ Неожиданный приезд фельдъегеря оторвал поэта от его тетради. И когда снова в Михайловском возникла необходимость сделать записи о «счастливым дне» и увиденных во сне декабристах — друзьях юности, — Пушкин помещает ее на том же листе, но уже посередине страницы, не жалея места, сознавая, что еще один приступ к «ежедневным запискам» не состоялся. Переломный момент в его жизни смыкается на одном листе еще раз с судьбами его друзей.

Я. Л. Левкович

⁸ Отметим, что так же высоко к краю листа, как запись 14 июля 1826 года, начата и первая дневниковая запись кавказского дневника (ПД № 841, л. 2).

В Третьей кишиневской тетради на листе 88 (жандармская пагинация — 66) строка в правом верхнем углу страницы почти сливается с голубым фоном бумаги. Судя по заполнению этой части рабочей тетради поэта, находящаяся здесь французская запись сделана в июле или августе 1827 г., в Петербурге или Михайловском. Лист 88 — это оборотная сторона первого листа тетради, если тетрадь перевернуть и начать ее заполнение с обратной стороны. (Что Пушкин и сделал летом 1827 г.). На той же странице, чуть ниже, — две французские дневниковые записи, помеченные вторым и четвертым августа. На смежной, правой странице этого тетрадного разворота начинается пространный выписка из «Беральда Савойского», сделанная сильно разбавленными желтыми чернилами.

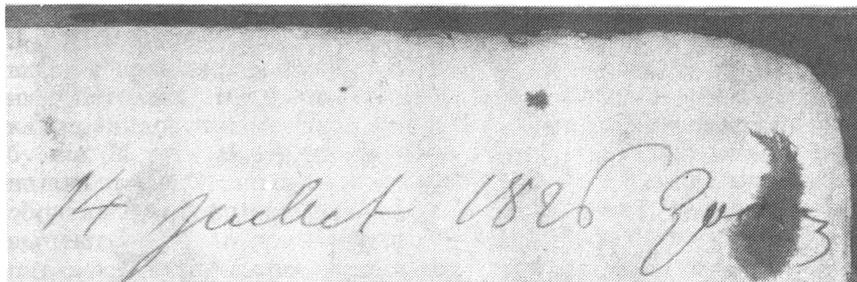
Если бы у нас под руками был спектрографический каталог пушкинских чернил, о необходимости составления которого пушкиноведы рассуждают уже с добрый десяток лет, вероятно, мы смогли бы ответить на вопрос, сделана ли верхняя запись на л. 88 теми же чернилами, что и строки из «Беральда Савойского». Но каталога нет, и появится он еще не завтра. И остается лишь гадать, что перед нами: просто потухшие от времени чернила или же чернила «симпатические», то есть в данном случае — до предела разбавленные. Можно смело утверждать, что в дошедшем до нас рукописном наследии поэта другого примера столь бледных чернил мы не знаем. И если выписка из «Беральда Савойского» все же поддается прочтению, то эта запись на л. 88 практически даже не видна при первом взгляде на лист.

М. А. Цявловский и Т. Г. Цявловская, уточняя чтение В. Е. Якушкина, разобравшего лишь начало записи «14 juillet 1826...», попытались прочесть последнее слово этой строки. Три первые его буквы они прочли как «Gop», предположив, что это может быть фамилия португальско-бразильского поэта Т.-А. Гонзаги, чье стихотворение Пушкин однажды перевел. Впрочем, исследователи на своем предположении не настаивали, а такую расшифровку сочли возможным поместить лишь в примечаниях.¹

Через полвека историк Г.А. Невелев обнаружил, что дата в этой записи совпадает с датой тайного погребения на Голодае пяти казненных накануне на кронверке Петропавловской крепости декабристов. И поскольку зашифрованные заглавными буквами имена Рылеева и Пестеля, видимо, упоминаются на той же тетрадной странице (в третьей записи), трудночитаемое слово весьма категорично предложил читать как «Goloday».² Впрочем, историк почему-то счел, что запись сделана карандашом. И не заметил, что жирное пятно, перекрывшее третью и четвертую букву в последнем слове этой записи, не чернильное, а масляное. (Края тетради обильно

¹ Рукою Пушкина. М.; Л., 1935. С. 307, 311.

² Невелев Г. А. «Истина сильнее царя...». М., 1985. С. 142.

Запись в верхней части л. 88 (ПД № 833). Общий вид. Съемка в отраженных ультрафиолетовых лучах. Ширина записи слева направо 92 мм.

залиты жирной жидкостью, очевидно лампадным маслом, и одна капля попала на эту стоку).

В конце 1988 и начале 1989 г. по нашей просьбе в Лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР Д. П. Эрастовым и Л. Г. Мазуновой было произведено фотографирование всей записи, а также отдельных ее фрагментов в отраженных ультрафиолетовых лучах. Фрагменты, в частности третья и четвертая буква последнего слова, снимались под микроскопом. Масляное пятно ослаблялось при съемке люминесценцией. Для выявления особенностей фактуры бумаги сделана съемка с трех разных углов в косых синих лучах.

При фотографировании записи целиком масштаб оказался недостаточным для различения перьевого штриха от чернильных разводов внутри масляного пятна. На снимках виден ряд причудливых мнимых штрихов, создающих впечатление того, что внутри пятна буквы зачеркнуты. Лишь при макросъемке самого пятна получен ряд фотографий, позволяющих приступить к анализу букв, попавших под пятно.

Перьевая линия при ультрафиолетовой съемке и увеличении в десять (и более) раз ясно отличается от аморфной и хаотичной графики чернильных разводов (а также от механических включений в бумажной фактуре, частично окрашенных теми же чернильными разводами). Раздвоенное перо оставляет два параллельных продава на поверхности бумаги. В продавах чернильная масса гуще, а значит, и темнее, чем в сердцевине перьевой линии. При слитном, неотрывном написании слова контур перьевой линии позволяет проследить путь пера по бумаге от первой до последней буквы. Но задача усложняется, если перо пересыхает и пишущий вынужден отрывать от бумаги перо, чтобы обмакнуть его в чернильницу.

Снимки свидетельствуют, что при написании последнего слова этой записи Пушкин дважды отправлял кончик пера за новой порцией чернил. И если слово «juillet» перо вывело «на одном дыхании», то здесь чернила закончились, когда поэт выписывал верхнюю петельку первой, заглавной буквы. Это ясно видно по тому, как раздваивается хвостик незамкнутой петли, а в центре перьевой линии в этом месте появляется, все больше расширяясь, неокрашенный вазор (см. на схеме). Пожалуй, на эту подробность мы никогда

Последнее слово в записи. Съемка фрагмента записи на л. 88 (ПД № 833) в отраженных ультрафиолетовых лучах.

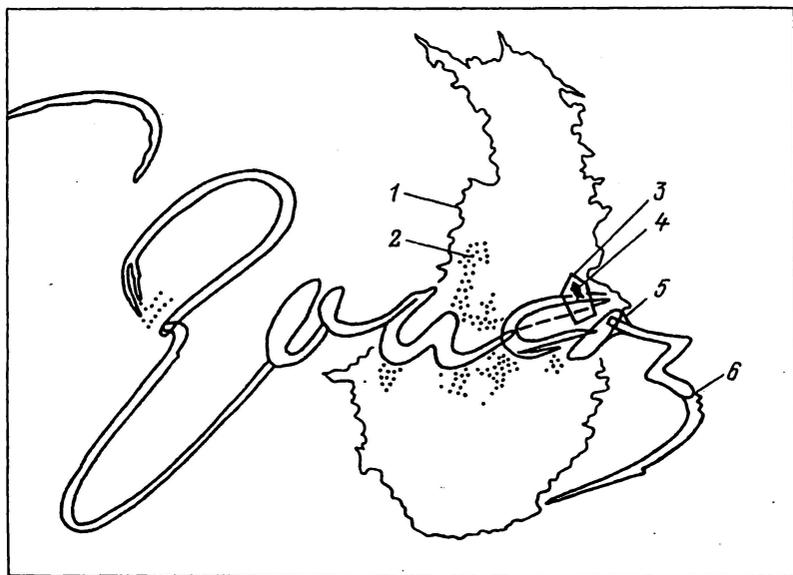

Схема последнего слова в записи. 1 — граница масляного пятна; 2 — чернильные разводы внутри масляного пятна и окрашенные ими механические включения в фактуре бумаги; 3 — граница стекловидного включения; 4 — соринка малинового цвета в бумажной фактуре листа; 5 — полукруглая чернильная дужка в месте соединения четвертой и пятой букв (вторая такая же дужка снизу); 6 — место остановки пера и ослабления нажима в точке перехода от буквы «г» фр. к росчерку.

не обратили бы внимания, если бы сотрудник Пушкинского Дома В. Д. Рак, проведя исследование графики заглавных «G» (на большой выборке из рабочих тетрадей поэта) не доказал нам, что верхнюю петельку этой буквы Пушкин писал против часовой стрелки, как правило, отрывая перо при переходе к нижнему хвостику этой буквы. И хотя нам удалось обнаружить целый ряд аномальных написаний заглавных и строчных букв в пушкинских тетрадях,³ обратившись к фотографиям Д. П. Эрстова и Л. Г. Мазуновой, мы вынуждены были признать правоту В. Д. Рака. Если бы верхняя петелька первой буквы последнего слова этой записи и впрямь была бы закручена по часовой стрелке, скорее всего, перед нами была бы другая латинская буква: не «G», а «Z».

Обмакнув перо в чернильницу (или, может, в стакан чая), Пушкин продолжил написание последнего слова. Он точно попал кончиком пера в то место, откуда начал писать верхнюю петельку «G» (что сделало работу исследователей еще более трудной, а графику всей буквы еще более похожей на графику тривиального для пушкинского почерка «Z»). Вторая и третья буквы написаны единой линией. Это «o» и «n» (или «u»). При переходе к четвертой букве на снимках хорошо читается обычный в таких случаях соединительный штрих: пишущий не отрывает пера, лишь заметно ослабляет нажим, соединяя «n» и «a». (На схеме этот соединительный штрих мы передаем регулярным пунктиром. С подлинными фотографиями, увы, не поддающимися в настоящем издании высококачественному воспроизведению, исследователи могут ознакомиться в рукописном отделе ИРЛИ РАН. При этом следует учесть, что такие подробности видны лишь на «мягких» снимках; при контрастной печати потери возникают даже на оригиналах, выполненных в ЛКРД).

Ультрафиолетовая макросъемка (тем более — съемка под микроскопом) — новый для пушкиноведения способ исследования автографа. К счастью, пушкинские рукописи дошли до нас практически в идеальном состоянии, и даже к обычной ультрафиолетовой съемке при текстологическом анализе пушкинских текстов приходилось прибегать нечасто. Макросъемка пятна в ПД № 833 вводит нас в микромир пушкинского черновика, сохраняющего едва заметный импульс пера. Мы сталкиваемся с «капиллярной жизнью» почерка поэта, с таким новым уровнем текстологических проблем, который до сих пор был для нас закрыт при простом, визуальном изучении автографов. Не исключено, что в будущем этот метод пригодится не только для чтения поврежденных записей, но и для атрибуции автографов, принадлежность которых Пушкину по тем или иным причинам сомнительна. Но уже и сегодня мы, новейшие Акакии Акакиевичи, не можем быть равнодушны к тем микропроисшествиям, которые случались с кончиком гусяного пера поэта, когда оно летело по странице слева направо.

³ См., например, в ПД № 840, л. 91, где заглавное французское «E» (En rouge...) написано в верху страницы как русское «З».

Одно из таких происшествий приключилось, едва поэт начал писать четвертую букву.

Микроскопическая малинового цвета соринка, включенная в поверхность бумажного листа, преградила перу путь. Ширина соринки — доли миллиметра, однако она окружена стекловидным полем, хорошо читающимся при макросъемке. И хотя микродозы чернил все же сохранились и на этом включении, линия продава оказалась нарушенной в верхней внешней части серповидной петли буквы «а».

Пишущий непроизвольно усилил нажим, но чернила перестали поступать с кончика пера на бумагу. Вновь мы видим это по раздвоенному хвостику внизу буквы. Причем отказал именно внешний, находящийся теперь уже внизу серповидного штриха кончик пера. Или, скажем точнее, — внешняя направляющая раздвоенного при нажиге перевого острия. Та самая, что только что наткнулась на соринку в бумажной фактуре.

Не можем поручиться за Пушкина, но нам это происшествие неприятно: мало того что перо перестало писать, так и графика буквы оказалась несколько деформированной, растянутой в ширину.

Тот, кто хоть раз пытался сам заточить для письма гусиное перо, вероятно, знает, сколь оно нежно и капризно. Этим оно отлично и от пера стального, и от шариковой ручки. Гибкое гусиное острие не столь глубоко продавливает бумагу, как металлическое, но и не столь часто вырывает из бумаги волокна целлюлозы. (Ох уж эти «прилипшие волоски», снижавшие наши баллы на уроках чистописания!). Капризность гусиного пера именно в его фантастической чуткости. Плотная, но грубая и избыточная микровключениями бумага пушкинского времени, как мы можем убедиться на этом примере, весьма активно взаимодействовала с пером в точке касания, а едва различимая невооруженным глазом соринка могла вызвать резкий прыжок одной из двух направляющих пера. При этом на бумагу летели брызги чернил (сколько их в рукописях поэта!), или, как здесь, чернильный ток мог прерваться, и пишущий должен был вновь обмакнуть перо в чернильницу.

Что Пушкин и предпринял, судя по толстому, «полнокровному» короткому штриху, которым он завершил рисунок поврежденной буквы. (При этом несколько отклонившись вправо от досадной малиновой соринки).

Ширина второй и третьей буквы 3.5 мм, если измерять букву вместе с соединительным штрихом. Как ни удивительно, но ширина четвертой буквы тоже 3.5 мм. После «микрпроисшествия» с соринкой пишущий уже не мог закончить букву «а» обычным соединительным хвостиком: буква оказалась бы безобразно растянутой. А кроме того, поле листа заканчивалось, и надо было экономить миллиметры для еще одной, пятой буквы. Пририсовав букве «а» косой — справа налево — хвостик, Пушкин повторил графику собственного заглавного «А» в заглавии «Ариона» (см. в той же тетради, л. 37). Хотя там совсем иные причины привели к появлению такой графики этой буквы. Над беловым (с позднейшей правкой) автографом этого стихотворения поэт карандашом надписал «Орион», а

повже, видимо, поняв, что спутал мифологического героя с историческим, уже пером провел вертикальный штрих, исправив этим «О» на «А».

Однако можно поручиться, что в рассматриваемом нами случае заканчивающий букву косой короткий штрих появляется сразу, то есть до появления последней, пятой буквы этого недописанного слова. Только что обмокнутое в чернильницу перо оставило на листе столько чернильного материала, что когда Пушкин начал выводить следующую букву, некоторое количество чернильной массы из верхней части непросохшего штриха было увлечено кончиком пера вправо, и в месте соединения букв с внешней стороны продава возникли две полукруглые чернильные дужки. Так, если мы захотим провести острым предметом, кончиком карандашного грифеля или тем же пером через лежащую на гладкой поверхности каплю, на выходе из нее след будет толще.

Перейдем к анализу пятой, последней буквы. Она не перекрыта жирным пятном и при первом взгляде напоминает строчное «z». Очевидно, поэтому Цявловские и предложили читать в этом слове имя бравильского поэта. Другое дело, что при таком чтении надо решительно исключить четвертую букву, которую составители книги «Рукою Пушкина» просто-напросто не могли видеть. Впрочем, и тогда пропущенного пространства достаточно, чтобы предположить лауну: не «Gonz...», а «Gon...z...».

В своих мемориальных пометах Пушкин, как правило, ставит точку после сокращенного слова. Так он поступил, сделав на этом же листе в ПД № 833 две шифрованные записи:

2 août 1827 j.h.

4 août R.J.P. Jich. en songe

Г. А. Невелев, присоединяясь к чтению этих строк своими предшественниками, справедливо полагает, что дата тайного голодаевского погребения в верхней строке может образовывать единый смысловой комплекс с этими двумя строками и традиционно расшифровывает недописанные слова. Приведем расшифровку П. В. Анненкова и Т. Г. Цявловской в переводе: 2 августа 1827 д[ень] с[частливый]; 4 августа Р[ылеев] Ж[анно] П[естель] Жих[арев] во сне.

Однако недописанное слово Пушкин нередко заканчивал и серпообразным росчерком. В той же третьей кишиневской тетради мы встречаем точно такой росчерк под зашифрованной датой внизу автографа стихотворения «Арион», где год обозначен лишь одной цифрой «7», а число записано так «16 июл...». Впрочем, вместо многоточия — серп короткого росчерка. В той же тетради на л. 40 стихотворная строка «На берега пустынных волн» вроде бы дописана целиком, но последняя ее буква («ь»), словно в подражание последней букве в нашей «симпатической» записи, идентична ей по графике. Дата стихов «Пока не требует поэта...» проставлена на том же листе и близка к датам двух шифрованных записей на л. 88: «15 августа 1827, Михайловское».

Фотоснимки позволяют выяснить и то, как двигалась рука поэта при написании последней буквы «симпатической» записи. На краткий миг рука замирает, пишущий ослабляет нашим на перо. Этого достаточно, чтобы внутри штриха образовалась поперечная перемычка, след остановки пера (см. на схеме). После этого хвостик буквы резко меняет направление и идет вниз.

Значит, у нас есть все основания читать недописанное и законченное росчерком слово как «Гонаг...». Ибо французское «г» Пушкин писал как русское «ч», или — мы это уже видели — как законченный таким же кратким полукруглым росчерком «ь».

Что же это за загадочное «Гонаг...»? Парадоксально, но мы вынуждены согласиться с текстологически некорректной, но исторически пронизательной мыслью Г. А. Невелева: последнее слово действительно указывает на место захоронения казненных декабристов. Это входящий в состав Голодая совсем крохотный островок в северной его части — остров Гонаропуло. От Голодая его отделял неширокий (в самом узком месте менее двух метров) ручеек.⁴

В пушкинское время этот урбоним Петербурга писался по-разному: Ганоропуло (Рус. архив. 1903. Кн. 3. С. 399 — см. письмо К. Я. Булгакова от 26 сентября 1829 г.); Гоноропуло (Нумерация домов в Санкт-Петербурге с алфавитными списками. СПб., 1836. С. 60);⁵ Гоноропуло (ЦГИА СПб., ф. 513, оп. 168, д. 241, л. 36 об. 1822; Из записок И. С. Жиркевича // Рус. старина. 1878. № 7. С. 416, 418; картотека Модзалевского в ИРЛИ РАН. 1857 г.); Гонурополо (Шредер Ф. Новейший путеводитель по Санкт-Петербургу. СПб., 1820. С. 242: «...у Синего мосту в Гонурополовом доме»); Гунаропол (Санкт-Петербургская адресная книга на 1809 год. СПб. С. 27); Гунаропуло (Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге. СПб., 1822. С. 5; Подробный план столичного города Санкт-Петербурга, снятый по масштабу 1:4200 под начальством генерал-майора Шуберта. СПб., 1828); Гунарупол (Адрес-календарь Санкт-петербургских жителей. СПб., 1844. Т. 1—3. С. 11, 12); Гунорапуло (Месяцеслов на лето 1822. СПб. С. 187; Месяцеслов на лето 1823. СПб. С. 196); Гуноропол (Санкт-Петербургская адресная книга на 1809. СПб. С. 45); Гунорополов (ЦГИА СПб., ф. 513, оп. 168, д. 326. 1806 г., л. 29 об.); Гуноропуло (Санкт-Петербургская адресная книга на 1809 г. СПб. С. 14; Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге. СПб., 1822. С. 160; Месяцеслов на лето 1824. СПб. С. 100).

Как мы убедились, в пушкинское время писали на слух. И хотя к началу XX в. на городских топографических планах утверждается написание имени этого островка как «Гоноропуло», на плане Санкт-

⁴ Чернов А. Ю. Скорбный остров Гоноропуло. М., 1990. (Б-ка «Огонек». № 4).

⁵ В том же (пушкинском) варианте мы видим написание этой фамилии и в «Литературной газете» 1844 г. Автор такого написания — другой русский поэт — Н. А. Некрасов. В «Петербургской хронике» он говорит о Большой Морской улице: «Там уже не найдете вы огромного дома г. Гоноропуло, не найдете даже бранных остатков его» (Лит. газ. 1844. 7 сент. № 35). На этот факт мне указала покойная Е. А. Смирнова, первый редактор этих заметок.

Петербурга 1862 г. мы находим такое же, как и в прижизненном для Пушкина издании «Нумерации домов Санкт-Петербурга...», название «Гонаропуло». Первый Поэт России тоже был дитя своего века: достаточно открыть справочный том Академического семнадцатитомника, чтобы отыскать варианты написания Пушкиным собственных имен. Годунов и Гудунов. Конгур и Кунгур. Кондрава и Кундравы.

Пушкинская запись сделана еще до выхода топографического плана Ф. Ф. Шуберта (1828 г.), где название этого островка, на более ранних планах безымянного, нанесено на карту впервые. Причем именно так, как писали свою фамилию владельцы островка, петербургские дворяне, чья мыза находилась на северной оконечности Голодае. Три брата Гунаропуло были единственными на всем Голодае помещиками. Один из них — Егор Афанасьевич, числился по лейб-гвардии Драгунскому полку, служил вместе с Александром Бестужевым. Он — адъютант военного министра А. И. Татищева, бывшего в 1826 г. председателем следственного комитета по делу декабристов. Егор Гунаропуло боевой офицер, участник Отечественной войны, был причастен и сам к следствию: его посылали в Харьков расследовать донос некоего титулярного советника Плотникова. Однако Гунаропуло, съездив в командировку, с доносчиком встречаться отказался, сославшись на мнение о нем местного гражданского губернатора, давшего доносчику нелестную(!) характеристику. Больше ему жандармских поручений, видимо, не давали, а в конце 1827 г. Егор Гунаропуло в чине капитана увольняется от службы «по домашним обстоятельствам». Второй брат — Афанасий Афанасьевич, в 1834 г. представлялся царю в качестве новоиспеченного белостокского губернатора. Некто Жиркевич (см. выше) оставил воспоминания об этом представлении. Николай I, если верить Жиркевичу, тогда заявил, что он «давно знаком» с Афанасием Гунаропуло. Третий брат — Феопемпт, известный русский масон, знакомый как минимум с тремя из пятерых казненных декабристов — Пестелем, Муравьевым-Апостолом и Рылеевым. 14 декабря он, случайно встретив Трубецкого на улице, сообщил тому, что восстание началось и уже есть первые жертвы. Дом братьев Гунаропуло в городе находился поблизости от квартиры Рылеева. (Более подробно см. нашу книжку «Скорбный остров Гоноропуло»). Покровителем братьев был известный граф В. Ф. Адлерберг, тоже член следственного комитета по делу декабристов.

В «Указателе жилищ и зданий Санкт-Петербурга на 1822 г.» адрес «на Голодае» только у Гунаропуло (с. 160). Невозможно поверить, чтобы тела казненных закопали во владениях братьев Гунаропуло, не поставив их в известность об этом. Скорее всего, Егор Афанасьевич как адъютант председателя следственного комитета мог сам предложить начальству и место для захоронения.

Пушкин же мог узнать об этом месте, вернувшись летом 1827 г. в Петербург от Николая Муханова, бывшего тогда любимым адъютантом петербургского генерал-губернатора П. В. Голенщикова-Кутузова. Руководивший захоронением казненных обер-полицмей-

стер Б. Я. Княжнин (рапорт об том до сих пор не найден!) должен был направить своему непосредственному начальнику, петербургскому генерал-губернатору. Николай Муханов рассказывал П. В. Нащокину о следствии по делу, связанному с авторством «Гавриилиады», и сохранился допросный лист Пушкина, заполненный в 1828 г. «в присутствии Военного Губернатора», то есть П. В. Голенищева-Кутузова. 25 мая 1828 г. Муханов, Пушкин, Вяземский и Мицкевич отправились на пароходе в Кронштадт. Пароход ходил из порта на Малой Неве и, спускаясь по фарватеру в залив, проходил мимо северной оконечности Голодая, на самом берегу которого Б. Я. Княжнин 14 июля 1826 г. по собственному его признанию велел устроить декабристскую могилу.

В рабочих тетрадях поэта нам удалось обнаружить ряд зарисовок с пейзажами острова Гонарапуло.⁶ Они сделаны в 1827, 1828, 1830 и 1833 гг. Характерные очертания фортификационного вала на этом островке, рва между ним и крутой возвышенностью на Голодае (на ней находилась рыбацья избушка) оказались зафиксированы на плане Ф. Ф. Шуберта столь подробно, что сопоставление рисунков с планом наглядно демонстрирует пейзажную идентичность по крайней мере плана с двумя из семи пушкинских зарисовок.

Все это подтверждает произвольную догадку А. А. Ахматовой о том, что Пушкин искал голодаевскую могилу декабристов.⁷ Заметим также, что к изображенному Пушкиным месту выводит и путеводитель, вписанный, вероятно, рукою самого поэта в повесть В. П. Титова «Уединенный домик на Васильевском». Кроме того, и сводка свидетельств современников, сделанная нами с помощью историка А. Д. Марголиса и исследовательницы Т. Н. Ознобишиной (см. с. 5—14 в нашей «огоньковской» книжке), указывает на островок Гонарапуло.

В той же тетради ПД № 833 на л. 1 есть пушкинская помета карандашом: «1 сент [ября] 1826 изв [естие] о корон [адии]». Можно предположить, что поэт не случайно использовал ту же тетрадь и для записи о месте и дате погребения казненных.

14 июля по европейскому стилю была взята Бастилия. 14 июля по русскому стилю на Голодае захоронены казненные знакомцы Пушкина. Но есть у этой даты и еще один, пророческий и трагический для Пушкина аспект. Весной или в начале лета 1825 г. поэт пишет своего «Андрея Шенье». В письме от 13 июля того же года осведомляется у П. А. Вяземского, читал ли тот эти его стихи? Дата письма здесь не случайность. Пушкин помнил, когда казнен Шенье, и сам указывал дату в примечаниях к стихотворению. Шенье обезглавлен накануне падения якобинской диктатуры 25 июля (по европейскому стилю) 1794 года. По русскому стилю для XVIII в. это 14

⁶ Чернов А. Ю. Голодай в рисунках А. С. Пушкина: Опыт топографической атрибуции. СПб., 1993. Рукопись, депонированная в Пушкинский кабинет ИРЛИ РАН.

⁷ Ахматова А. А. Пушкин и Невское взморье // Соч.: В 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 119—127.

июля. Столь «странное сближение» не могло не поразить воображение поэта, когда он узнал о дате казни и похорон повешенных на кронверке декабристов. В «Шильонском узнике» есть пророческая строка: «Нас было шесть, пяти уж нет». Начало «Ариона» вторит почти в рифму: «Нас было много на челне...». Сюда же следует, видимо, отнести и трижды встречающийся у Пушкина набросок стихотворной строки «И я бы мог...». Кстати, один раз карандашный (зачеркнутый и вновь восстановленный) этот набросок мы находим на л. 78 об. в той же третьей кишиневской тетради, а два других на листе с кронверкскими виселицами в ПД № 836.

В ПД № 833 карандашная строка «И я бы мог...» сделана летом 1827 г., то есть вскоре после того, как, вернувшись в Петербург, поэт от кого-то из друзей (Дельвига, Сомова или Муханова) мог узнать о месте голодаевского погребения, известного, впрочем, всему Петербургу.⁸

* *
* *

Материалы специального фотографирования «симпатической» записи и наша их интерпретация вызвали оживленную полемику среди специалистов-пушкинистов Пушкинского Дома. Поэтому имеющиеся фотоматериалы мы передали для изучения Д. С. Лихачеву и С. В. Житомирской, которые в письменных своих отзывах согласились с корректностью нашего чтения недописанного Пушкиным слова. После этого снимки АКРД АН СССР были направлены для экспертизы во Всесоюзный научно-криминалистический центр МВД СССР, и 25 декабря 1989 г. эксперт М. Н. Сосенушкина закончила исследование, подтвердившее нашу интерпретацию графики двух букв, попавших под масляное пятно. Справка по исследованию № 1925 вместе с текстологической экспертизой С. В. Житомирской переданы нами в рукописный отдел ИРЛИ РАН. Там же, в Пушкинском кабинете Пушкинского Дома, специалисты, изучающие графику А. С. Пушкина, могут найти и экспертное заключение автора общей теории перспективы академика Б. В. Раушенбаха о корректности пейзажной атрибуции серии голодаевских рисунков поэта с топографическим планом 1828 г.

А. Ю. Чернов

⁸ Декабрист М. А. Бестужев в своих воспоминаниях пишет, что в 1826 г. «народ повалил туда толпами» (Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 136).

IV. ХРОНИКА

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ 1988 ГОДА

Выставка «Здесь музвы гению являлись», открывшаяся в Москве, в выставочном зале на ул. Воровского, организована Всероссийском обществом охраны природы и рассказывает о природе пушкинских мест России.

(«Лесная промышленность», 5 января)

В Доме журналиста в Ленинграде открылась выставка художника В. З. Давыдова, посвященная 151 годовщине смерти А.С. Пушкина.

(«Ленинградская правда», 5 января;
«Вечерний Ленинград», 15 января;
«Ленинградский рабочий», 5 февраля)

В Ереване с успехом прошла премьера оперы Э. Оганесяна «Путешествие в Арарум».

(«Правда», 8 января; «Вечерний
Свердловск», 22 января)

В Государственном музее А. С. Пушкина в Москве открылась выставка рисунков Т. А. Мавриной — иллюстраций к произведениям поэта. Из тысячи экспонированных произведений триста художница преподнесла в дар музею.

(«Советская культура», 19 января)

Сценаристы Е. Григорьев, О. Никич и режиссер В. Никифоров, создатели телевизионного фильма «Отцы и дети», работают на экранизации романа А. С. Пушкина «Дубровский» на киностудии «Беларусьфильм».

(«Правда», 26 января; «Комсомолец», 5 марта)

В Екатерининском дворце г. Пушкина праздновалось рождение «Театра-студии-87», созданного режиссером В. Малыщуким. Афиша пригласила на спектакль «Сто братьев Бестужевых» по исторической драме Б. Голлера; второй спектакль студийцев — о Пушкине и друзьях его юности — «Лицей, который не кончается...», поставленный по документальной повести Ю. Корякина.

(«Советская культура», 26 января)

По I Всесоюзной программе телевидения будет показан документальный фильм ленинградского режиссера В. Виноградова «Вскую прискорбно...», о Квартире-музее А. С. Пушкина на Мойке.

(«Советская культура», 28 января)

Бронзовый бюст А. С. Пушкина вновь появился в г. Шанхае (КНР). Существовавшие здесь прежде памятники поэту были уничтожены, первый — японцами в годы второй мировой войны, а второй — в годы «культурной революции».

(«Труд», 30 января)

Издательство «Эльбрус» выпустило в свет две сувенирные книги — «Маленькие трагедии» А. С. Пушкина. Одна из них — на кабардинском, другая — на балкарском языке.

(«Псковская правда», 6 февраля)

В день 151 годовщины смерти Пушкина в Ленинграде, во дворе дома на Мойке, 12, состоялось торжественное памятное собрание. В Москве, в Государственном музее А. С. Пушкина, была подготовлена литературно-документальная композиция «Пушкин и Москва»; на площади имени поэта по традиции собрались московские литераторы и любители поэзии. Мемориальные торжества прошли в Михайловском.

(«Пушкинский край», 9 февраля;
«Вечерний Ленинград», 10 февраля;
«Вечерняя Москва», 10 февраля;
«Правда», 11 февраля; «Ленинградская правда», 11 февраля)

В Казани, в Доме актера, состоялось учредительное заседание совета городского пушкинского общества.

(«Советская культура», 27 февраля)

28 февраля в Государственном музее А. С. Пушкина на очередные Пушкинские чтения соберутся студенты-иностранцы, обучающиеся в московский вузах.

(«Вечерняя Москва», 27 февраля)

В Ленинградском Центральном лектории общества «Знание» 9 марта откроется цикл лекций «Рассказы о Пушкине».

(«Вечерний Ленинград», 9 марта)

Научными сотрудниками Всесоюзного музея А. С. Пушкина будет прочитан курс лекций о жизни и творчестве А. С. Пушкина для абитуриентов.

(«Смена», 5 апреля)

В Севастополе открыта новая экспозиция «Пушкин в советском изобразительном искусстве».

(«Псковская правда», 24 апреля)

Западногерманская телекомпания ЦДФ приступила к съемкам сериала «Дуэль». Сериал, посвященный поединкам, в которых участвовали великие люди XIX века, открывается фильмом «Смерть на рассвете» — о дуэли Пушкина с Дантесом. Автор сценария писатель Г. Зойрен, на роль Пушкина приглашен актер Московского театра «Эрмитаж» А. Пономарев.

(«Неделя», 1 мая)

Выставка «Образ Пушкина в работах советских художников-графиков», подготовленная Всесоюзным музеем А. С. Пушкина, экспонируется в Красногвардейске.

(«Уральский рабочий», 13 мая)

В Старом замке Выборга экспонировались выставки «Пушкиниана Нади Рушевой» и «Пушкин глазами детей» из собрания Всесоюзного музея А. С. Пушкина.

(«Ленинградская правда», 18 мая)

Традиционная «Пушкинская весна поэзии» проходит в Болдино.

(«Советская Литва», 19 мая)

Выставка в Горьковском литературно-мемориальном музее Н. А. Добролюбова «Моя Пушкиниана» представляет редкие издания произведений поэта и книги о нем из коллекции горьковского поэта Г. Бедняева.

(«Горьковская правда», 25 мая)

Встреча сотрудников Всесоюзного музея А. С. Пушкина с членами Ленинградского отделения Всероссийского общества книголюбов стала первым организационным заседанием пушкинского клуба при музее.

(«Вечерний Ленинград», 26 мая)

XXII Пушкинский праздник начался в мае на берегах Терека — в г. Орджоникидзе и в районах Сев. Осетии. Литераторы и почитатели поэта отправились в пушкинские места Верхневолжья — в Калинин, где состоялся благотворительный вечер, средства от которого были перечислены в Советский фонд культуры (там же открылась выставка ленинградского художника Э. Насибулина — в серии из ста рисунков он воплотил образы «Русалки»); в Берново, где работает выставка живописи, графики и экслибриса. Традиционная неделя праздника прошла в Крыму, в городах и поселках БАМа. В пос. Языково Ульяновской обл. было отмечено 185-летие со дня рождения Н. М. Языкова. В течение всей недели торжества продолжались в Ленинграде и Ленинградской области: в ганнибаловской Суйде и г. Пушкине, в Гатчине, в Кобрино, Рождествено, Батово, Выре. В музее на Мойке, 12 открылась новая экспозиция «Пушкин в памяти поколений». В шестидесятый раз начиная с 1924 г. прошли пушкинские торжества на Псковщине. Советские и зарубежные

гости выступили в Псковском областном драматическом театре на торжественном вечере, сборы от которого будут направлены на восстановление пушкинского заповедника, оказавшегося прошлым летом в эпицентре урагана. Маршруты праздника прошли через Калужскую область, где находилось имение Гончаровых Полотняный Завод, Горький, Болдино, Каменку, Одессу, Киев, Ташкент, Кишинев, Тбилиси, Йошкар-Олу, Курган, подмосковные места, связанные с именем Пушкина: Ярополец, с. Б. Вяземы, где первая выставка музея-заповедника открылась в церкви Преображения, построенной в XVI в. Борисом Годуновым; в д. Захарово 5 июня открылся второй сезон летней пушкинской школы. В Туле установлен бюст поэта в сквере, носящем его имя. В столице в день рождения поэта его строки звучали на улицах и площадях, поэтические вечера прошли на предприятиях Москвы, в домах творчества. В Государственном музее А. С. Пушкина открылись три выставки: «Пушкин в рисунках Нади Рушевой», «Мир пушкинских сказок в иллюстрациях Т. А. Мавриной» и «Пушкиниана Юриса Звирбулиса»; на Тверском бульваре работала книжная ярмарка. Торжественный вечер состоялся в Колонном зале Дома союзов.

«Московский комсомолец», 1 июня;
«Калининская правда», 2 июня;
«Вечерний Ленинград», 3 июня;
«Московская правда», 6 июня;
«Горьковский рабочий», 3 июня;
«Известия», 3 июня;
«Ульяновская правда», 4 июня;
«Калининская правда», 4 июня;
«Московская правда», 6 июня;
«Голос Риги», 7 июня;
«Советская культура», 7 июня;
«Литературная газета», 8 июня)

В с. Заболотовцы Жидачовского района Львовской области восстановлен памятник А. С. Пушкину, созданный усилиями Прикарпатского объединения русофилов до I Мировой войны и уничтоженный в 1914 г.

(«Львовская правда», 14 июня)

На сцене Московского Театра на Таганке состоялась премьера спектакля «Борис Годунов» (через шесть лет после генеральной репетиции, прошедшей в 1982 г.). Режиссер — Ю. П. Любимов.

«Московская правда», 24 июня;
«Известия», 26 июня; «Советская
культура», 16 июля)

В Ленинграде выпущено факсимильное издание сборника «Стихотворения Александра Пушкина» 1826 г. (Л., ЛПО им. Ивана Федорова).

«Ленинградский рабочий», 24 июня;
«Ленинградская правда», 25 сентября)

В Болдинском музее-заповеднике после двухлетней реставрации вновь открылся Дом-музей Пушкина. Воссоздан интерьер кабинета поэта, восстановлены хозяйственные постройки, парк, очищены пруды. К открытию музея была подготовлена новая литературно-мемориальная экспозиция «Пушкин в Бодино». В роще «Лучинник» состоялся поэтический праздник.

(«Литературная Россия», 1 июля;
«Горьковский рабочий», 1 июля;
«Литературная газета», 13 июля)

Московскими криминалистами представлены новые доказательства невиновности кн. П. В. Долгорукова, которому долгое время приписывалось авторство пасквиля, послужившего причиной дуэли Пушкина с Дантесом. Была проведена экспертиза по установлению автора пометок на полях книги «Воспоминания Фаддея Булгарина» (1846) — они сделаны рукою П. В. Долгорукова. В строках, написанных не для широкой публики, а для себя, содержится признание Пушкина как поэта и человека, что полностью снимает подозрения с имени П. В. Долгорукова.

(«Советская Россия», 10 июля;
«Ленинское знамя», 13 июля;
«Псковская правда», 17 июля;
«Молодежь Молдавии», 19 июля;
«Рабочий край», 20 июля;
«Новгородская правда», 24 июля;
«Челябинский рабочий», 9 августа;
«Рабочий путь», 27 августа;
«Тамбовская правда», 27 августа)

Мемориальный музей поэта создан в Армении, в с. Горгяр Степанаванского района, через которое проезжал Пушкин и которое описал в «Путешествии в Арзрум».

(«Комсомолец», 16 июля;
«Советская Латвия», 10 августа;
«Челябинский рабочий», 11 августа;
«Коммунист», 13 августа)

Президиум Советского фонда культуры утвердил долгосрочную программу «Пушкин в сердцах поколений». Задача программы — пропаганда пушкинского наследия. Фонд культуры предполагает выступить в качестве общественного заказчика на издание академического собрания сочинений Пушкина, аннотированного сводного каталога пушкинского фонда в музеях страны. Журнал «Наше наследие» будет регулярно публиковать приложение «Пушкинский альманах», материалы которого будут использованы при составлении каталога памятных пушкинских мест и «Пушкинской энциклопедии». Основная забота фонда — Государственный историко-литературный музей-заповедник А. С. Пушкина в Подмоскowie; объявлен сбор средств на восстановление Захарова и Больших Вязем. С осени в Москве и Ленинграде начнет работу пушкинский лекторий Фонда культуры. Начал дейст-

бовать научно-общественный совет СФК, который ведет работу по воссозданию Всесоюзного пушкинского общества.

(«Советская культура», 16 июля)

В Полотняном Заводе в преддверии пушкинских дней в областном краеведческом музее в Доме культуры развернулась выставка «А. С. Пушкин и Полотняный Завод».

(«Знамя», 20 июля)

Впервые на финском языке подготовлена расширенная биография Пушкина. Ее автор — Эрки Пеуранен, профессор русского языка и литературы университета в г. Йозенсу.

(«Советская молодежь», 29 июля)

В Новгороде, в выставочных залах Ярославова Дворища открыта выставка «Спутники Пушкина», подготовленная Государственным музеем А. С. Пушкина в Москве.

(«Новгородская правда», 23 августа)

Минувшим летом спектаклем «Борис Годунов» московский театр-студия «На досках» открыл программу «Ю-Феста», международного фестиваля экспериментальных и авангардных театров, в течение месяца кочевавшего по восьми городам Югославии.

(«Советская культура», 24 сентября)

Выставка «Произведения А. С. Пушкина на языках народов мира» открылась в Белграде в здании Народной библиотеки Сербии. На ней представлено около 430 книг на 36 языках из фондов Всесоюзной государственной библиотеки иностранных языков.

(«Советская культура», 29 сентября)

В Государственном музее А. С. Пушкина состоялся вечер, посвященный заключению договора о сотрудничестве между музеем и издательством «Книга», которое приступает к выпуску 40-томной «Пушкинской библиотеки». Издание рассчитано на 10 лет и должно быть завершено к юбилейному 1999 г.

(«Советская культура», 18 октября)

В г. Пушкине, недалеко от Лицея, открылись театр и концертный зал. Профессиональный коллектив «Театр-студия-87», специально для работы которого было реконструировано здание бывшего Запасного дворца, открыл сезон спектаклем «Лицей, который не кончается...» (в начале года спектакль игрался в Екатерининском дворце). В репертуаре труппы — несколько постановок, связанных с этой

темой, «Театр-студия-87» — своеобразный театральный филиал Государственного музея-заповедника г. Пушкина.

(«Смена», 18 октября;
«Вечерний Ленинград», 18 октября;
«Советская культура», 20 октября;
«Северная правда», 21 октября)

В день годовщины Лицея в Ленинградском академическом Театре драмы им. А. С. Пушкина состоялся благотворительный вечер с участием мастеров ленинградских театров, сбор от которого передан в Ленинградское отделение Фонда культуры. В фойе театра развернуты выставки: «Рисунки Нади Рушевой» из собрания Всесоюзного музея А. С. Пушкина и «Поэты пушкинской поры» — книги-раритеты из собрания ГПБ им. Салтыкова-Щедрина.

(«Ленинградская правда», 19 октября;
«Советская Россия», 20 октября;
«Советская культура», 20 октября;
«Ульяновская правда», 21 октября)

«Поэт, дама, дипломат» — так называется книга, вышедшая в свет нынешним летом в Голландии. Монографию и ксерокопии передал в дар Институту русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР голландский журналист, заместитель генерального директора радио Нидерландов Ф. Суассо. Книга написана им на основе десятилетней работы в голландских архивах, приведшей к установлению новых фактов, касающихся, в частности, Л. Б. Геккерна. Ленинградские специалисты считают книгу самым полным в наши дни сводом сведений о дуэли и смерти Пушкина.

(«Вечерний Ленинград», 27 октября)

Роман французского прозаика Патрика Бессона «Статуя Командора», посвященный жизни Пушкина, — одна из вызвавших наибольший интерес во Франции в нынешнем литературном сезоне.

(«Известия», 2 ноября; «Советская
Россия», 13 ноября)

Сюрпризом ленинградского художника Энгеля Насибулина для коллекционеров станет малотиражная книга, посвященная всего одному пушкинскому стихотворению «...Вновь я посетил». Весь тираж книги будет сброшюрован самим художником, а каждая гравюра раскрашена вручную.

(«Советская культура», 3 ноября;
«Смена», 10 ноября; «Горьковский
рабочий», 14 ноября)

20 ноября, на празднике завершения фестиваля дружбы СССР и Индии состоится открытие памятника А. С. Пушкину в Дели, у индийской Академии литера-

туры. Памятник — новая работа народного художника СССР М. К. Аникушина (архитектор — С. Л. Михайлов), продолжившая Пушкиниану скульптора).

(«Советская культура», 21 ноября;
«Вечерний Ленинград», 7 декабря)

Выпущена пластинка «Дорога к Пушкину» — вокальный цикл из двенадцати песен-романсов (поэт В. Гоцуленко, композитор В. Быстряков, исполнитель Н. Караченцов).

(«Правда», 29 ноября)

В очередном выпуске новой тематической серии художественных открыток издательства «Изобразительное искусство» — «Московская изобразительная Пушкиниана» — представлена работа академика живописи И. К. Макарова (1822—1897).

(«Тамбовская правда», 3 декабря)

В Ленинграде создан на основе программы Советского фонда культуры «Пушкин в сердцах поколений» Попечительский совет над пушкинскими местами ленинградского региона.

(«Литературная Россия», 9 декабря)

В издательстве «Советская Россия» вышел набор цветных открыток «Болдино».

(«Ульяновская правда», 27 декабря)

В Таллинне в издательстве «Ээсти Раамат» вышло на русском и эстонском языках сувенирное издание поэмы Пушкина «Медный всадник», с гравюрами В. Станишевского.

(«Тамбовская правда», 29 декабря)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Автограф стихотворения «Певец Давид был ростом мал...» (ПД № 832, л. 26).
2. Автограф стихотворения «Заклинание» (ПД № 141). Начало.
3. Автограф стихотворения «Заклинание» (ПД № 141, оборот листа). Окончание.
4. Отрывок из восьмой главы «Евгения Онегина» (строфа XLVI) в переводе на китайский язык проф. Ван Шисе.
5. Запись в верхней части л. 88 (ПД № 833). Общий вид. Съемка в отраженных ультрафиолетовых лучах. Ширина записи слева направо 92 мм.
6. Последнее слово в записи. Съемка фрагмента записи на л. 88 (ПД № 833) в отраженных ультрафиолетовых лучах.
7. Последнее слово в записи ПД № 833, л. 88. Схема.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА

- „А в ненастные дни собирались они часто“ 134
Аквилон („Зачем ты, грозный аквилон...“) 87
Александр Радищев 48, 57
Алексееву („Мой милый, как несправедливы...“) 30, 31
„Альфонс садится на коня...“ 115
Амур и Гименей („Сегодня, добрые мужья...“) 75
Анджело 47, 48, 55
Андрей Шенье („Меж тем, как изумленный мир...“) 224
Анчар („В пустыне чахлой и скупой...“) 43
[Арап Петра Великого] 36, 39, 49
Арион („Нас было много на челне...“) 57, 220, 221, 225
- Баратынскому. Из Бессарабии („Сия пустынная страна...“) 56
Барышня-крестьянка 135
Батюшкову („В пещерах Геликона...“) 71
Бахчисарайский фонтан 49, 82, 85, 133
Безверие („О вы, которые с язвительным упреком...“) 76
Бесы („Мчатся тучи, вьются тучи...“) 87
Блаженство („В роще сумрачной, тенистой...“) 69
Борис Годунов 19, 37, 38, 41, 43, 47, 55, 59, 114, 128, 135, 160—162, 164—166, 229, 231
Братья-разбойники 24, 40, 46
„Брожу ли я вдоль улиц шумных...“ 107
- В альбом Илиичевскому („Мой друг! не славный я поэт...“) 76
В альбом Пушкину („Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок...“) 76
Виноград („Не стану я жалеть о ровах...“) 107, 108
„...Вновь я посетил...“ 87, 107, 232
Воевода („Поздно ночью из похода...“) 38
Ж. В. М. Волконской („On peut très bien, mademoiselle...“) 74
Вольность („Беги, сокройся от очей...“) 24, 53
„Ворон к ворону летит...“ 111, 112, 114, 235
Воспоминание („К Пушкину“) („Помнишь ли, мой брат по чаше...“) 87
Воспоминания в Царском Селе („Воспоминаньями смущенный...“) 56
Воспоминания в Царском Селе („Навис покров угрюмой ночи...“) 56, 69
Выстрел 19, 135, 142
- Гавриилиада 41
„Город пышный, город бедный...“ 198
Городок (К***) („Прости мне, милый друг...“) 70
Князю А. М. Горчакову („Встречаюсь я с осмнадцатой весной...“) 68, 76
[Гости съезжались на дачу...] 133
Граф Нулин 47, 49

Гроб Анакреона („Все в таинственном молчанье...“) 73
Гробовщик 39, 53, 115, 135, 142, 166, 167, 235

„Дар напрасный, дар случайный...“ 87
Дельвигу („Любовью, дружеством и ленью...“) 76
Демон („В те дни, когда мне были новы...“) 28
Деревня („Приветствую тебя, пустынный уголок...“) 24
Домики в Коломне 36, 59, 60, 132
Дорожные жалобы („Долго ль мне гулять на свете...“) 87
Дубровский 38, 56, 58, 135, 226

Евгений Онегин 24, 35—37, 39, 41, 44—46, 48—50, 52, 55, 57, 60—62, 101, 102, 107,
109, 128, 152—155, 157, 162, 200, 234, 235
Ее глаза („Она мила — скажу меж нами...“) 197, 198

Завдравный кубок („Кубок янтарный...“) 75
Закливание („О, если правда, что в ночи...“) 95—100, 234, 235
„За Netty сердцем я летаю...“ 197, 200
Зимнее утро („Мороз и солнце; день чудесный!...“) 35, 39
Зимний вечер („Буря мглою небо кроет...“) 36, 49, 87
Зимняя дорога („Сквозь волнистые туманы...“) 35
Золото и булат («„Все мое“ — сказала влато...») 108

Измены („Все миновалось!...“) 70
Из Пиндемонти („Не дорого ценю я громкие права“) 44, 87
[Из письма к кн. П. А. Вяземскому] („Блажен, кто в шуме городском...“) 74
[Из письма к В. Л. Пушкину] („Христос воскрес, питомец Феба...“) 74
Иностранке („На языке, тебе невнятном...“) 30
Истина („Издавна мудрые искали...“) 74
История Петра 51, 166
История Пугачева 51
История села Горюкина 45
„И я бы мог...“ 225

К*** [Керн] („Я помню чудное мгновенье...“) 52
К бар. М. А. Дельвиг („Вам восемь лет, а мне семнадцать было...“) 72
К Батюшкову („Философ резвый и пиит...“) 69
К Галичу („Пускай угрюмый рифмотор...“) 71
К Делии („О Делия драгая!...“) 77
К Дельвигу („Послушай, муз невинных...“) 72
К другу стихотворцу („Арист! и ты в толпе служителей Парнаса...“) 67
К Жуковскому („Благослови, поэт!... В тиши парнасской сени...“) 74
К молодой актрисе („Ты не наследница Клероны...“) 72
К молодой вдове („Лида, друг мой неизменный...“) 76
К Наталье („Так и мне узнать случилось...“) 67
К Наташе („Вянет, вянет лето красно...“) 69
К ней („Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...“) 72
К Пущину (4 мая) („Любевный именинник...“) 71
К сестре („Ты хочешь, друг бесценный...“) 68
Кавказский пленник 43, 45
Кавказ („Раз, полунощной порою...“) 68
Каменный гость 54, 55, 57, 58
Капитанская дочка 35, 37, 42, 44, 48, 50, 51, 54, 116, 117, 135, 153
Кинжал („Лемносский бог тебя сковал...“) 24
Кирджали 10, 52
„Когда за городом, задумчив, я брожу...“ 87
Кольна („Источник быстрый Каломоны...“) 68

„[Конечно], превирать не трудно...“ 100, 235
Красавице, которая нюхала табак 68
Кривцову („Не пугай нас, милый друг...“) 30

Леда („Средь темной рощицы, под тенью лип душистых...“) 69
„Любовь одна — веселье жизни хладной...“ (Элегия) 75
Лицинию („Лициний, зришь ли ты...“) 71

Маленькие трагедии 45, 51, 59, 60, 62, 227
Медный всадник 39, 44, 47—49, 221, 233
Месяц („Зачем из облака выходишь...“) 75
Метель 135—139, 142, 144—149, 152, 235
Мечтатель (По небу крадется луна...“) 71
„Мнение митроп.(олита) Платона о Дм.(итрии) Сам.(овванце)...“ 157, 163, 166, 235
Мое завещание. Друзьям („Хочу я завтра умереть...“) 71
Моему Аристарху („Помилуй, треввый Аристарх...“) 73
Монастырь на Кавбеке („Высоко над семью гор...“) 53
Монах („Хочу воспеть, как дух нечистый Ада...“) 67
„Москва была освобождена Потарским...“. Набросок 166
Моцарт и Сальери 40, 41, 51, 58, 62, 135
Моя родословная („Смеясь жестоко над собратом...“) 37
„Мы рождены, мой брат названный...“ (Дельвигу) 37

На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году
(„Утихла брань племен; в пределах отдаленных...“) 72
[На Воронцова] (Эпиграмма) („Певец Давид был ростом мал...“) 82, 83, 85, 86, 234, 235
[На Воронцова] (Эпиграмма) („Полумилорд, полукупец...“) 78, 79, 83
На Рыбушкина (Эпиграмма) („Бывало, прежних лет герой...“) 69
„На углу маленькой площади...“ 129, 132
„На холмах Грузии лежит ночная мгла...“ 49
Наездники (Элегия) („Глубокой ночи на полях...“) 74
Наполеон на Эльбе (1815) („Вечерняя заря в пучине догорала...“) 71
[Начало автобиографии] 171, 215
„Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем“ 166
Несчастье Клита („Внук Тредьяковского Клит гекзаметром песенки пишет...“) 67

„От всеночной вечер идя домой...“ 77
Окно (Элегия) („Недавно темною порою...“) 74
„Она меня зовет: поеду или нет?“ (Отрывок) (Пер. из К. Бонжура) 129, 131
Опровержение на критики 35, 162
Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений 35, 37
Опытность („Кто с минуту преможет...“) 68
Остар („По камням гробовым, в туманах полуночи...“) 68
Осеннее утро (Элегия) („Поднялся шум; свирелью полевой...“) 74
Осень (Отрывок) („Октябрь уж наступил — уж роща отряхает...“) 87, 107
Отрывок из письма к Д. („Из Азии переехали мы в Европу на корабле...“) 47
„Отцы пустынники и жены непорочны“ 87

[Памятник] („Я памятник себе воздвиг нерукотворный...“) 51, 55, 62
Песни западных славян 47, 48, 117, 126
Песнь о вещем Олеге („Как ныне собирается вѣщий Олег...“) 50, 57, 117
Пиковая Дама 43, 45, 47, 54—58, 108
Пир во время чумы 58, 62, 107
Пирующие студенты („Друзья! досужный час настал...“) 69
Письмо к „госпоже Л.“ 22, 34
Планы ненаписанных драматургических произведений 216
Повести покойного Ивана Петровича Белкина 37, 48, 136, 139, 174

Подражания Корану 60

- „Пожарский, Минин, Гермоген...“ (Эпиграмма) 77
Полководец („У русского царя в чертогах есть палата...“) 39
Полтава 41
„Полюбуйтесь же вы, дети...“ („Черноокая Россети...“) 196, 235
Послание к Галичу („Где ты, ленивец мой?...“) 72
Послание к Юдину („Ты хочешь, милый друг, узнать...“) 73
Послание Лиде („Тебе, наперсница Венеры...“) 75
Послание В. А. Пушкину 30
Поэт („Пока не требует поэта...“) 221
Признание („Я вас люблю — хоть я бешусь“) 29, 30
Принцу Оранскому („Довольно битвы мчался гром...“) 74
Пробуждение (Элегия) („Мечты, мечты...“) 75
[Программа автобиографии] 5, 7, 17—19, 21, 165, 169, 172, 174, 176, 235
Пророк („Духовной жаждою томим...“) 58
Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года 17, 42, 43, 56, 60
В. А. Пушкину („Что восхитительней, живей...“) 76
- [В. Ф. Раевскому] („Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...“) 54
„Разговор книгопродавца с поэтом“ („Стишки для вас одна забава...“) 46
Роза („Где наша роза...“) 72, 108, 211
[Роман в письмах] („Ты, конечно, милая Сашенька, удивилась...“) 39, 133
Романс („Под вечер, осенью ненастной...“) 69
Русалка 58, 115, 135, 228
Руслан и Людмила 36, 37, 39, 47, 56, 58, 192, 193, 196, 210, 211

- „Скажи, какой судьбой друг другу мы попались“ 128
Сказка о золотом петушке 46, 56, 116
Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях 192
Сказка о рыбаке и рыбке 135
Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди 20, 40, 46, 192
Скупой рыцарь 45, 135
Слеза („Вчера за чашей пуншевою...“) 107
Сон (Отрывок) („Пускай поэт с кадьницей наемной...“) 74, 106, 107
Сраженный рыцарь („Последним сияньем за лесом горя“) 72
Стансы (Из Вольтера) („Ты мне велишь пылать душою...“) 76
Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы („Мне не спится, нет огня...“) 86—89, 94, 235
Странник („Однажды странствуя среди долины дикой...“) 87
Сцена из Фауста („Мне скучно, бес...“) 39

Тазит 54

- Талисман („Там, где море вечно плещет...“) 87
Тень Фон-Визина („В раю, за грустным Ахероном...“) 73
Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов („Посреди полемики...“) 162, 166
Туча („Последняя туча рассеянной бури...“) 87
Ты и вы („Пустое *вы* сердечным *ты*...“) 198

Уединенный домик на Васильевском острове 133

- Усы. Философическая ода („Глаза скосив на ус кудрявый...“) 73
Ек. Н. Ушаковой 87

Фавн и пастушка („С пятнадцатой весною...“) 47

- Фракийские песни. Стихотворения Виктора Теплякова, 1836 („В наше время молодому человеку...“) 26
Фрагменты записей (дневники, рабочие тетради) 61, 212, 215—217, 224

Цыганы 59, 60

„Что белеется на горе зеленой?...“ 124, 125

Эвлега („Вдали ты зришь утес уединенный...“) 68

Элегия („Опять я ваш, о юные друзья!...“) 76

Элегия („Счастлив, кто в страсти сам себе...“) 75

Элегия („Я видел смерть; она в молчанье села...“) 75

Элегия („Я думал, что любовь погасла навсегда...“) 75

[Эпиграмма] („Мальчишка Фебу гимн поднес...“) 103

Эпиграмма (На гр. Ф. И. Толстого) („В жизни мрачной и презренной...“) 84

„Я здесь, Инезилья...“ 39

Янко Марнович („Что в разъездах бей Янко Марнович?“) 117

Mon portrait („Vous me demandez mon portrait...“) 70

[Note sur Penda-Déka] 10

„Note sur la révolution d'Ipsylanti“ 10

Stances („Avez-vous vu la tendre rose...“) 70

Table-talk 47, 159

To Dawe, Esgr. („Зачем твой дивный карандаш...“) 198

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абамелек А. Д. 26, 27
 Абашидзе И. В. 57
 Абдурахманов А. М. 54
 Абрамова Н. Ф. 45
 Абрамович С. Л. 39
 Абуш-Абдула-Паша Хаджи-Исмаил-Оглы 19
 Автомонов Я. Л. 119
 Агилера В. Р. 145
 Агранович С. З. 35
 Адам Г. 209
 Адамовская В. П. 42
 Адеркас Б. А., фон 213, 214
 Адлерберг В. Ф. 223
 Адоскин А. 49
 Айвазян К. В. 54
 Аймла Э. 35
 Айрапетов О. Р. 35
 Айтматов Ч. Т. 57
 Аксаков С. Т. 60
 Аксенов В. 154
 Аларкон П. А., де 138, 145
 Алдонина Н. Б. 35
 Александр I 6, 7, 9, 15, 18, 171, 205, 206, 213
 Александра (дочь ген.-майора Швен-гольма, домовладельца) 170
 Александра Федоровна, имп. 199
 Александрова Т. Г. 39, 43
 Алексеев А. А. 39
 Алексеев М. П. 47, 108, 135, 137, 153, 154
 Алехин А. 35
 Алешкевич А. А. 35, 104—106
 Али-Тибелини (паша Янинский) 7
 Аллер С. И. 175, 182, 183
 Альми И. Л. 39
 Альтшуллер М. Г. 3, 22, 23, 30—32
 Андро А. А., см. Оленина А. А.
 Андроников И. Л. 35, 53, 56
 Андросов В. П. 38
 Анненков П. В. 10, 100, 101, 169, 172, 173, 181, 192, 193, 214, 221
 Анненков П. Л. 129
 Анненские И. Ф. и Н. Ф. 52
 Анненский И. 88
 Ан. Ник., см. Ворожейкина А. Н.
 Ансимов Г. 43, 56
 Антонелли 17
 Апраксина А. М. 42
 Арврумский паша 5
 Арина Родионовна, см. Яковлева А. Р.
 Ариосто Л. 124
 Арнольди, паж 201
 Арсенина Д. Д. 41
 Арутюнян А. Ц. 35
 Архангельский А. Н. 35, 36
 Асадуллин А. М. 36
 Аснина О. В. 35
 Афанасьев А. Н. 57
 Ахматова А. А. 48, 61, 94, 98, 224
 Ахмет-Паша Абдула-Оглы 9, 19
 Бабаев Э. Г. 36
 Бабко В. А. 36
 Багно В. Е. 135
 Багрицкий Э. 55
 Баевский В. С. 41
 Базиянц А. П. 27
 Бавунов В. А. 41
 Байрон Дж. Г. 46, 49, 59—61, 98
 Бакунина Е. П. 43
 Балашов Д. М. 119
 Балаян Б. П. 16
 Балог Г. П. 49
 Балтрушайтис Ю. 94
 Балухатый С. Д. 114
 Бальмонт К. 93
 Баратынские 45
 Баратынский Е. А. 3, 8, 9, 22, 25—31, 58, 85, 86, 103, 105
 Бартенев П. И. 10, 187, 200, 201
 Бартоломей И. И. 16
 Басаргин Н. В. 204
 Басин Я. З. 36
 Басина М. Я. 36
 Баскаков В. Н. 36
 Басманов А. 57
 Батурова Т. К. 36, 47
 Батырова У. А. 54
 Батюшков К. Н. 36, 39, 57, 85
 Бегичев С. Н. 8
 Бедняев Г. 228
 Безвиконый Г. Г. 52

- Безродный М. В. 39
 Беккер В. 145
 Беккер Г. А. 145
 Беккер И. И. 178
 Белинский В. Г. 36, 43, 44, 86, 111
 Белкин Д. И. 37, 38
 Беллизар 163
 Белоусов А. Ф. 36, 87
 Белоусов Д. 36
 Белый А. (псевдоним Б. Н. Бугаева) 88, 90
 Белькинд В. С. 36, 47
 Бельская Л. 36
 Беляев Ю. А. 36
 Бенкендорф А. Х. 160
 Бенуа А. Н. 49, 58
 Бердяева О. С. 36
 Березина В. Г. 37
 Березкина С. В. 37
 Берестов В. 37
 Бертъе-Делагард А. Л. 189
 Бескровный Л. Г. 206
 Бессон П. 232
 Бестужев А. А. 25, 30, 36, 61, 205, 210, 223
 Бестужев М. А. 225
 Бестужев Н. 210
 Бестужев-Рюмин М. А. 104
 Бестужев-Рюмин М. П. 15
 Бестужевы 225, 226
 Бетанкур А. А. 190, 191
 Библихин В. 37
 Билибин И. 56
 Бируков А. С. 29—31
 Битов А. Г. 37
 Благой Д. Д. 37, 38
 Блинова Е. М. 104, 162
 Блок А. А. 52, 62, 92
 Блок А. И. 183
 Bloштейн Е. А. 62
 Блаудов Д. Н. 163, 176
 Бобоедов, полковник 191
 Богаевская К. П. 201
 Богач Г. Ф. 56
 Богомоллов И. С. 54
 Бовырев В. С. 54
 Бокариус М. В. 43
 Болтрик Ю. В. 194
 Бонди С. М. 88, 129, 130, 132
 Бонжур К. (Vopjour C.) 128, 133, 134
 Боранбаева З. 37
 Борис Годунов 158, 159, 163, 223, 229
 Борисова В. В. 37
 Бочаров И. Н. 38
 Бочкарев В. А. 37
 Боччелла Ч. 53
 Брокгауз Ф. А. 78, 208
 Брюсов В. Я. 88—91, 93, 94, 132
 Булгарин Ф. В. 19, 32, 33, 104, 160—162, 230
 Бунин И. А. 38
 Бурнашев В. П. 25
 Буруковская Т. 38
 Бурцов И. Г. 3, 203—208
 Бутурлины 38
 Бухаркин П. Е. 2
 Буштюк П. 38
 „Б-цовъ“, см. Бурцов И. Г.
 Быков Л. П. 38
 Быстряков В. 233
 Быченкова Б. 38
 Бъевр (Bièvre), де 100
 Бэлаз И. Ф. 38
 Вавилова Н. 38
 Вайда А. 38
 Валера Х. 138
 Ван Чжилян 153, 154
 Ван Шисе 157, 234
 Василий IV Иоаннович 163
 Васильева Л. Н. 38
 Васинский А. И. 38
 Вахтен О. 14
 Вацуро В. Э. 2, 24, 26, 31, 38, 142
 Веленгурин Н. Ф. 185, 186, 189—191
 Вельтман А. Ф. 18, 61, 194
 Вельяшев В. 40
 Венгерова А. 38
 Венгерова С. А. 78, 93, 104, 112, 129, 165
 Веневитинов Д. В. 108
 Вердеревский В. 30
 Вересаев В. В. 44, 169, 196, 197
 Верещагин Е. М. 38
 Верлен П. 93
 Ветловская В. Е. 38
 Вигель Ф. Ф. 12, 14
 Видок Э.-Ф. 17
 Виланд (Wieland), Х.-М. 124
 Виноградов В. Б. 39
 Виноградов В. В. 87
 Винокур Г. О. 114, 160
 Виралайнен М. Н. 39, 40
 Вистицкий М. 190
 Витгенштейн П. Х. 7
 Вишневецкий А. 159
 Владимир, кн. 211
 Владимирский Г. Д. 112, 134
 Власова З. И. 19
 Воейков А. Ф. 24—25
 Воейков Д. П. 202
 Возный А. Ф. 17
 Волков Г. 164
 Волков П. 53
 Волкова Т. Н. 63
 Волконская М. Н. 43
 Волконский П. М. 201
 Волконский С. Г. 14
 Волович Н. М. 54
 Волошин М. А. 39, 61, 92
 Вольнец Л. В. 45
 Вольперт Л. И. 39, 133

- Вольтер (подлинное имя — Ф.-М. Аруэ) 58, 59
 Вольф 11
 Вольховский В. Д. 207
 Ворожейкина А. Н. 172, 174, 176
 Воронцов М. С. 12, 15, 16, 78—81, 83
 Воронцова Е. К. 38, 53
 Востоков А. Х. 121—128
 Враская В. 182
 Врубель М. А. 40
 Всеволодов В. 213
 Выгон М. И. 185
 Высоцкий В. С. 61
 Вяземская В. Ф. 8, 198, 199
 Вяземские 172
 Вяземский П. А. 6, 8, 10, 12, 16, 25, 36, 82, 84—86, 103, 134, 163, 172, 175—177, 193, 196, 198, 199, 214, 224
- Гаджи-Магомет-Салех-паша 19, 20
 Гаджиев А.-Г. С. 54
 Гакки-паша Сивазский 21
 Галиб-паша 20, 21
 Галин Г. А. 39
 Галушко Т. К. 39, 48, 49, 188
 Гальберг С. И. 44
 Гальдос Б. П. 138
 Гальцева Р. А. 39
 Гамзатов Г. Г. 54
 Гамзатов Р. 54
 Ганнеман, пастор 39
 Ганнибал А. П. 40, 41, 43, 44
 Ганнибал М. А. 168, 169
 Ганнибал О. А. 168
 Ганнибал П. А. 52
 Ганнибалова М. А., см. Ганнибал М. А.
 Гаральд 24
 Гаспаров М. А. 88, 89, 127
 Гвоздиковская Т. С. 39
 Гдалин А. Д. 39, 40
 Гейер 24, 32
 Гейслер Х.-Г.-Г. 43
 Гейченко С. С. 35, 40, 42, 46, 53, 193
 Геккерн Л.-Б. 232
 Гельмерсен В. В. 49
 Геннади Г. 157
 Гераков Г. В. 186—192
 Герцен А. И. 60
 Гершензон М. О. 40
 Гессен А. 172
 Гиббон Э. 209
 Гиппиус В. В. 104
 Гиршман М. М. 63
 Глаунов Н. И. 40
 Глинка В. М. 40
 Глинка М. И. 39, 47, 56
 Глинка С. Н. 7, 211
 Глинка Ф. И. 23, 80
 Глумов А. 114
 Глушакова Ю. П. 38
- Глушкова Т. М. 40
 Гнедич Н. И. 25—27, 32, 53
 Гоголь Н. В. 25, 36, 38, 40, 47, 48, 50—52, 61, 153, 200
 Гозенпуд А. А. 40
 Голенищев-Кутузов П. В. 223, 224
 Голицын А. Б. 164
 Голлер Б. 226
 Головина Т. 40
 Гольберг С. И. 44
 Гольдман Н. Г. 40
 Го Можо 153
 Гонзага Т.-А. 216
 Гончаров А. А. 43
 Гончарова Н. Н., см. Пушкина Н. Н.
 Гончаровы 41, 48, 229
 Горбаневский М. Ф. 40
 Гордин А. М. 39, 40
 Гордин Я. А. 40, 164
 Горобцова Л. Г. 39
 Гортвай Е. Ф. 40
 Горчакова Э. 40
 Гоцуленко В. Н. 61
 Гранин Д. А. 40
 Грановская Н. И. 43, 184
 Грачева А. Д. 40
 Гребенко, архитектор 170
 Грекова И. 40
 Грен 23
 Грен А. Е. 3, 22—24
 Грен К. 23
 Грен Мария 3, 22, 23, 31, 33, 34
 Грен Н. Е. 23—25, 32
 Грен П. 23
 Грен С. А. 22—27, 32
 Грены 24
 Грехнев В. А. 37, 41, 98
 Греч Н. И. 25, 104
 Гречаная Е. П. 39
 Гречихова Ю. Ю. 35
 Грибоедов А. С. 8—10, 13, 14, 16, 19, 80, 132, 139, 175
 Грибушин И. И. 108
 Григорий Отрепьев, см. Лжедмитрий I
 Григорьев Е. 226
 Григорьева А. Д. 88, 90
 Грифцов Б. А. 41
 Громогласов И. 158
 Гроссман Л. 19
 Грот К. Я. 25, 111
 Грот Я. К. 111
 Гудзий Е. К. 87
 Гузанов В. 41
 Гузо Т.-Р. 19
 Гукасова А. К. 104
 Гульга А. В. 46
 Гуменная Г. Д. 41
 Гунаропуло, бр. 222, 223
 Гунаропуло А. А. 223
 Гунаропуло Е. А. 223
 Гунаропуло Ф. А. 223

Гуревич А. М. 63
Гурьев 176
Гусев В. И. 41, 52
Гусляров Е. 41
Гуцуленко В. 233
Гюго В. 137

Давыдов А. 15
Давыдов В. 15
Давыдов В. З. 226
Давыдов Д. 23, 26
Давыдова Т. Т. 37
Дааль В. И. 53, 60, 117
Данилов М. Н. 28
Дантес-Геккерн Ж.-К. 228, 230
Даргомьжский А. С. 55, 58
Дашков 8
Дашков Д. В. 176
Двойченко-Маркова Е. М. 6
Дебу И. О. 185, 188, 191
Девышева А. С. 54
Дельвиг А. А. 8, 9, 10, 22, 25, 27—29,
32, 37, 43, 47, 103, 104, 162, 176, 177,
184, 193, 225
Дельвиги 45, 183
Дементьев В. В. 41
Демина Е. В. 35
Демут 172, 177
Де-Пуле М. Ф. 57
Державин Г. Р. 62, 71, 73, 99, 110
Дефтер-Дар-Ефенди 20
Джанумов С. А. 41
Джидеева К. Х. 55
Джумамурадов К. 40
Дибич И. И. 15
Димитрий, царевич 158
Динес В. А. 45
Дмитревский Ю. 41
Дмитриев, домовладелец 181
Дмитриев И. И. 176
Дмитриева Е. 41
Дмитриева Н. Л. 134
Дмитриевы, домовладельцы 185
Дм.(итрий) Сам.(озванец), см. Лже-
дмитрий I
Доворец Ж. А. 41
Долгова С. Р. 41
Долгоруков И. М. 23
Долгоруков П. В. 230
Домонтович В. В. 24
Дорожинский В. 42
Дорохов Р. И. 20
Досмаханова Р. 44
Достоевский Ф. М. 44
Доу Дж. 53
Драганов П. Д. 52
Дружинин А. В. 42
Дуарте М.-К. 137, 143
Дубровский А. В. 83
Дудин М. А. 42, 53

Дунаева Е. Н. 42
Дурново А. П. 201
Дурново П. Д. 201
Душечкина Е. В. 59
Дюма А. (Dumas.) 137, 144, 149, 152
Дюшен И. 42

Егерман И. 175
Еголин А. 44
Екатерина II 195
Ельцин С. В. 55
Еремин М. П. 42, 79, 104
Еркибаева Г. 42
Ермолов А. П. 10, 14, 16—18, 84, 188,
189
Еромицкий П. А. 42
Есенин С. А. 53
Есипов В. М. 167
Еугений, архиерей псковский 214
Ефимов В. В. 42
Ефремов, домовладелец 171
Ефремов П. А. 22, 27, 57, 78, 81, 169
Ефрон И. А. 78, 208

Жадимеровский П. А. 179
Жакото М.-В. 53
Жандр А. А. 175
Жандр Ш. К. 168
Жанно, см. Пуцин И. И.
Желтухин С. В. 14
Жиоржи, сестры 168
Жиркевич И. С. 222, 223
Житомирская С. В. 225
Жихарев С. П. 213, 221
Жоконд (Изуар, Николо) 144
Жуйкова Р. Г. 42, 43, 49
Жуковский В. А. 23, 36, 38, 45, 57, 63,
65, 95, 96, 98, 139, 177, 205, 214

Загорский М. 133, 134
Зайцева В. В. 39
Замков Н. К. 104
Захаров В. 43
Звирбулис Ю. 42, 229
Зеленецкий К. П. 22, 26, 28
Зенгер Т. Г., см. Цявловская Т. Г.
Зеркальная М. Е. 42
Зильберштейн И. С. 201
Зименко В. М. 42
Злобины 168
Зойрен Г. 228
Золотова А. Г. 169
Золотова И. 42
Золотухин Г. И. 38
Зубарева К. А. 43

Ибрагим-эфенди 16
Ибрагимов А.-Г. 54

- Ибсен Г. 55
 Иван IV 158
 Иванов А. 28
 Иванов Г. В. 43
 Иванов Н. В. 23
 Ивашин В. В. 43
 Игорь Святославич, кн. Новгород-Северский 194
 Иезуитова Р. В. 98, 213
 Измаил-Егин-Ага 11
 Измайлов А. Е. 23—26
 Измайлов В. В. 36
 Измайлов Н. В. 87, 88, 102
- Ильин-Томич А. А. 47
 Ильичев А. В. 43, 53
 Инзов И. Н. 52
 Иов, патриарх 158
 Иова И. Ф. 43
 Иовский П. А. 7
 Иордаки, см. Олимпиотти И.
 Ипсиланти А. (Ipsylanti A.) 5, 12
 Исаев Е. 57
 Исаев Н. П. 51
 Исаков В. З. 43
 Исупова С. М. 43
 Италинский А. Я. 8
 Итурральде Ф. 145
- Каверин В. А. 43, 59
 Кагоров В. М. 42
 Казарин В. П. 43, 192
 Казарская Л. А. 50
 Каламара, полковник 191
 Калашян А. В. 43
 Калержи И. 178
 Калержи М. Ф. 178
 Калининкова Н. Г. 35
 Калитин П. В. 158, 162, 164, 166
 Каллаш В. В. 104
 Кантемир Д. 44
 Кантор В. 164
 Капленко В. Н. 43
 Кара-Джень-Ибрагим (Топчи-баша) 17, 18
 Караджич В. С. 48, 121
 Карамзин Н. М. 23, 27, 85, 99, 114, 160, 211
 Карамзина Е. А. 201
 Карамзина С. Н. 201
 Каратыгин В. А. 9
 Караченцов Н. 233
 Карвахаль Р., де 136, 138
 Карпов А. А. 40, 43
 Карпова Е. 43
 Карпухин О. 44
 Касаткина В. Н. 47
 Кассиев Э. Ю. 54
 Кассин Е. П. 53
- Катанская Л. А. 172
 Катенин П. А. 9, 36, 80, 83, 84, 175
 Каченовский М. Т. 36, 85, 211
 Качиньский Т. 38
 Качурин М. Г. 44
 Кашкова В. Ф. 49
 Кашковская М. В. 44
 Кащенко А. 193
 Кедрова М. М. 44
 Кезина Т. Н. 54
 Кереева-Канафиева К. 44
 Керн А. П. 41, 177
 Керделли Л. Ф. 44, 54, 134
 Кер-Юсуф-паша 9
 Кибальник С. А. 2, 57
 Кипренский О. А. 42
 Киреевский И. В. 36
 Киреевский П. В. 113, 114, 116, 118
 Кириленко К. Н. 44
 Киселев Н. Д. 134
 Киселев П. Д. 13, 204
 Клейман Н. И. 44
 Клейман Р. Я. 44
 Клипницер М. С. 44
 Книгин И. А. 44
 Княжнин Б. Я. 223, 224
 Князев А. В. 44
 Ковалевская Н. Н. 44
 Коган Л. А. 44
 Кожевников В. А. 45
 Кожинов В. В. 45
 Коваков М. 53
 Ковлов И. И. 23, 27, 28, 85
 Ковлов С. Л. 47
 Кок П.-Ш., де 137
 Коломогоров А. 125, 126
 Кольцов А. В. 28
 Комовский С. Д. 170
 Комовские, бр. 170
 Конгур (Кунгур) 223
 Кондаков И. В. 45
 Кондораки М. 45
 Кондрава (Кундравы) 223
 Константин Павлович, вел. кн. 18
 Кончин Е. В. 45
 Копылова Р. Д. 45
 Копытцева Н. М. 45
 Коржов С. Н. 39
 Корнуолл Барри (подлинное имя — Проктер Б.-У.) 98
 Коровин В. И. 45
 Корсаков Н. А. 53
 Корякин Ю. 226
 Корякушкина В. А. 58
 Костелянц Б. О. 59
 Костин В. М. 45
 Костомаров Н. И. 113
 Костров Е. И. 23
 Кошелев В. А. 37, 39
 Кошелевский В. Н. 45
 Краснов Г. В. 37, 45

Крейн Р. 54
Крестова Л. В. 196, 198
Крестовский В. 45
Кривцов Н. И. 30
Криштоф Е. Г. 46
Крот М. С. 46
Круглый Л. 45
Кручкин Ю. 46
Крылов А. 46
Крылов И. А. 177
Крыловский В. 25
Кубышев А. И. 194
Кувшинников, домовладелец 172, 173, 175, 176, 181
Кугультинов Д. 42
Кудажи К.-Э. 46
Кузнецова О. В. 46
Кулагин А. В. 37, 39, 158, 162, 164, 166
Кулешов В. И. 46, 49
Кулешова С. Ф. 46
Кунин В. В. 42, 53, 56, 185
Кунин И. Ф. 46
Куницын А. П. 45
Куприянова Н. И. 46
Купченко В. П. 39
Курганов Е. Я. 46
Курганов Н. Г. 116—118
Кусака С. 63
Кутузов (Голенищев-Кутузов) М. И. 9
Кучук-Ахмет 18
Куэста Н. Ф. 145
Кюхельбекер В. К. 10, 39, 80, 208

Л. („госпожа Л.“), см. Грен Мария
Лажечников И. И. 43
Лазарев В. 46
Лазарчук М. А. 43
Лазутин С. Г. 118
Лакшин В. Я. 46
Ланщиков А. П. 46
Лапорта 145
Ларионов А. 46
Ласунский О. Г. 46
Латьева Л. 46
Лафонтен Ж., де 70
Лацис А. 45, 46
Лебанидзе Г. 201
Лебедева О. Б. 46
Лебедева Э. С. 46
Левашева О. Е. 47
Левашов В. В. 14
Левикова Е. 41
Левин Ю. Д. 47
Левина Ю. И. 42, 47
Левитин Г. С. 59
Левичева Т. А. 6
Левкович Я. Л. 3, 5, 6, 47, 215
Левшин П. Е., см. Платон (Левшин), митрополит Московский
Леже Л. 47

Леконт, домовладелец 174
Лелевель И. 177—178
Лемешев С. Я. 52
Ленсу Е. Я. 43
Леон, см. Пушкин А. С.
Лермонтов М. Ю. 36, 49, 51, 53, 58, 188
Лернер Н. О. 27, 133
Лжедмитрий I 157—161, 165
Лжедмитрий II 161
Ли Бо 155
Линецкая Э. Л. 81
Липранди, бр. 15
Липранди И. П. 5, 7, 10—19
Липранди П. П. 18
Листов В. С. 37
Лисянский Ю. Ф. 168
Литвиненко Н. Г. 47
Лихачев Д. С. 2, 47, 52, 54, 225
Лобанов М. Е. 39
Лобанов М. П. 47
Лобанова А. С. 120
Лобанова В. И. 35
Лобзова Л. В. 47, 52
Ломоносов С. Г. 176
Лонгинов М. Н. 47
Лопатин Н. М. 117
Лорер Н. И. 204
Лотман М. Ю. 41
Лотман Ю. М. 6, 41, 48, 55, 59, 80, 81
Лошци Ю. М. 48
Лу Синь 153
Лужановский А. В. 48, 63
Лузянина Л. Н. 48
Луи, владелец отеля 176—178
Лукашевич В. 48
Лукницкая В. К. 48
Лукницкий П. Н. 48
Лукьянова Л. 48, 57
Луначарский А. В. 48
Лунин М. С. 207
Лурье Ф. 48
Л(ьвов) И. Ф. 114
Львов-Никольский Н. А. 189
Любимов Ю. П. 41, 229
Любин О. 49
Люй Ин 152, 154
Лютенко О. Ю. 49
Лян Чицао 153

М... С. П. 23
Маврина Т. А. 226, 229
Магомедгаджиева Б. М. 54
Мадатов, домовладелец 182
Мадатова М. 182—184
Мадатовы, домовладельцы 182
Маверан (Мзверяну) В. 56
Мазунова Л. Г. 217, 219
Мазья М. Г. 49
Майков В. 80
Майков Л. Н. 129

- Майкова А. А. 95
 Майорова О. 49
 Макаров А. А. 45, 51
 Макаров И. К. 233
 Макиавелли Н. („Макиавель“) 159
 Маковский В. Е. 55
 Макогоненко Г. П. 49
 Макренкова Е. М. 47
 Малиновский А. Ф. 41
 Малиновский Н. (Malinowskij M.) 177
 Малыщидкий В. 226
 Мальцов И. С. 9
 Мальчукова Т. Г. 49
 Мамиш-Ага 19
 Мамонов А. И. 63
 Манн Г. 43
 Мано Йордаки 11
 Мао Дунь 153
 Марандман В. 49
 Марголис А. Д. 224
 Мария Федоровна, имп. 197, 199
 Марков 23
 Маркова-Виноградская А. П., см. Керн А. П.
 Мармье Кс. 144, 146
 Мароевич Р. 121, 128
 Мартинес Мартинес Р. М. Ы. 152
 Мартинов И. 23
 Мартос П. И. 17
 Мартынов В. А. 53
 Мартынов Л. Н. 53
 Марченко Н. А. 49
 Масальский К. П. 55
 Масленников И. 45
 Маслов В. И. 29
 Массон М. 136
 Матвеев Г. К. 188—191
 Матвеевский Б. 49
 Махмуд II 6
 Мацапура В. И. 49
 Мачавариани М. 3. 49
 Медриш Д. Н. 47
 Медынцева А. А. 189
 Мейер, домовладелец 174
 Мейлах Б. С. 38, 45, 61
 Меншиков А. С. 16
 Меньшова И. А. 43
 Мережковский Д. С. 90, 91
 Мерзляков А. Ф. 23
 Мерлин В. 111
 Меццарская Е. А. 48
 Меццарские 199
 Мильдон В. 49
 Милькеев Е. Л. 80
 Мильчина В. А. 39
 Минина А. И. 43, 49
 Минц З. Г. 86
 Мироненко М. П. 54
 Мироненко С. В. 54
 Мирюшкин В. 49
 Мисюк В. 49
 Митрохина М. И. 35
 Михаил Павлович, вел. кн. 18, 201
 Михайлов В. Д. 194—196
 Михайлов С. Л. 233
 Михайлова Н. И. 37, 49, 100
 Михневич В. 132
 Мицкевич А. 38, 177, 178, 224
 Мишина Т. 46, 49
 Моглевская Н. М. 49
 Модзалевский Б. Л. 18, 21, 50, 81, 112, 114, 129, 134, 194, 201, 214, 215, 222
 Модзалевский Л. Б. 10, 50, 95, 117, 163
 Мольер Ж.-Б. 59
 Монтестье Ш. Л. 93
 Мордовцева А. Н. 113
 Морозов А. Н. 42
 Морозов П. О. 22, 79
 Москвичева Г. В. 50
 Мошинская Р. 50
 Муравьев В. Б. 50
 Муравьев-Апостол С. И. 223
 Муравьев Н. Н. 204, 205
 Мурадян И. В. 50
 Мурьянов М. Ф. 50
 Мусатов В. В. 36, 50
 Мусаханова Г. Б. 54
 Мусин-Пушкин А. И. 193
 Мусин-Пушкин-Брюс В. В. 197
 Мусоргский М. П. 38, 55, 59
 Муфталова Л. 50
 Муханов Н. 177, 223—225
 Мухина С. Л. 208
 Мясоедова Н. Е. 3, 5, 13, 19
 Мятен (Матень) 187
 Нагибин Ю. М. 44
 Надеждин Н. И. 103, 104
 Назарова Г. И. 43
 Назарова Л. 168
 Налепин А. 55
 Налетов А. Г. 50
 Наполеон I Бонапарт 16, 18, 20
 Направник Э. Ф. 56
 Нарбеков А. 182, 184
 Насибулин Э. 46, 47, 228, 232
 Насырли Я. 40
 Наумов А. 50
 Нащокин П. В. 180, 181, 224
 Невелев Г. А. 212, 216, 221, 222
 Некрасов Н. А. 36, 48, 222
 Немзер А. С. 50
 Немирович-Данченко В. И. 58
 Немировский И. В. 50
 Непомнящий В. С. 37, 45
 Непомнящий И. Б. 37
 Нессельроде К. В. 201, 214
 Нессельроде М. А. 201
 Нессельроде Ф. В. 178
 Нестеров А. 40
 Нечаев С. Д. 208

- Нечкина М. В. 14, 208
 Никифоров В. 38, 226
 Никич О. 226
 Никишов Ю. М. 50
 Николай I 7, 16, 18, 19, 164, 171, 213—
 215, 223
 Николюкин А. Н. 210
 Новиков И. А. 51
 Новиков Л. А. 50
 Новиков Н. И. 176
 Новицкий Я. П. 195
 Норов В. С. 18
 Норов Д. С. 18
 Носков А. И. 51
 Носов С. Н. 51
 Нурмухамедов М. К. 51
- Обернихина Г. А. 51
 Оболенский Е. П. 210
 Оболенский Л. Е. 44
 Овсянко-Куликовский Д. Н. 87
 Овчинников Р. В. 51
 Овчинникова С. Т. 51
 Оганесян Э. 42, 56, 226
 Оганян Л. Н. 12
 Огинская Л. 42
 Огнева О. 51
 Одиноков В. Г. 51
 Одоевский А. И. 26, 175
 Одоевский В. Ф. 24, 33, 34
 Оверов В. А. 7
 Оверов С. П. 202
 Ознобишина Т. Н. 224
 Оксман Ю. Г. 112, 165
 Окуджава Б. Ш. 51
 Олейник Б. И. 57
 Оленина А. А. 197—199
 Оленины 199
 Оливей, см. Оливье
 Оливье, домовладелица 34, 170, 171
 Олимпос Г., см. Олимпиотти И.
 Олимпиотти И. 10, 11
 Ольхович Е. 62
 Онегин-Отто А. Ф. 48
 Опекушин А. М. 47
 Орлов В. Н. 104
 Орлов М. Ф. 5, 14, 15
 Осипова П. А. 177
 Осман-Ага 11
 Осман-Паша-Хаджи-Надир-Оглы 19
 Осповат А. Л. 39, 59
 Островская Н. К. 51
 Отрепьев Григорий, см. Лжедмитрий I
 Отсолич Ф. 184
 Оттоманы 18
- Павел I 160, 168—171
 Павлицев Л. Н. 181
 Павлицев Н. И. 176, 177, 183, 184
- Павлицева Л. М. 183
 Павлицева О. С., урожд. Пушкина 40,
 165, 171, 173—177, 179, 181, 182, 184
 Павлицевы 177, 181—185
 Павлова С. В. 51
 Павлов-Сильванский Н. 203
 Паес Э. 145
 Пандя А. Ф. 51
 Панченко О. В. 51
 Парис 145
 Парчевский Г. Ф. 42, 49, 52
 Паскевич И. Ф. 9, 19, 20
 Паулуччи Ф. О. 214
 Паустовский К. Г. 52
 Пахарева Г. В. 52
 Паша Арзумский 19
 Певзнер Л. И. 52
 Пеньковский А. Б. 52
 Переда 145
 Перельмутер В. 61
 Песков В. М. 52
 Пестель П. И. 203, 213, 216, 221, 223
 Петрашевский М. В. 17
 Петров В. П. 23
 Петров С. М. 52
 Петрова М. 52
 Петрунина Н. Н. 39, 52, 55, 166
 Пеуранен Э. 231
 Пиотровский Б. Б. 40
 Писарев А. 80
 Писарев Д. И. 44
 Писманов 157
 Платон (Левшин), митрополит Москов-
 ский 158—162
 Плетнев П. А. 22, 25, 32, 52, 111, 117,
 177, 199
 Плетнева С. А. 194
 Плотников, тит. сов. 223
 Плотникова В. А. 52, 53
 Поварцов С. Н. 53
 Поддубная Р. Н. 53
 Поджио 15
 Полевой К. А. 103, 177
 Полевой Н. А. 37, 103, 104
 Полторацкие 134
 Помяловский Н. Г. 12
 Попас (Попе) А. 11
 Попелюхер И. Л. 39, 211
 Попова И. Л. 37, 53
 Попова Н. И. 42, 49, 53, 54
 Порохов Дм. 173
 Порошина Н. 38
 Порри Э., де 144
 Порудоминский В. И. 53
 Поссе Н. А. 36
 Поссевино А. 158
 Поюровский Е. 53
 Прач Иван (Ян. Богумир) 117
 Прийма Ф. Я. 193
 Приходько В. А. 53
 Прожогин Н. П. 53

- Прокофьев Е. А. 206
 Прокунин В. П. 117
 Прокушев Ю. Л. 53
 Пугачев В. В. 45, 53
 Пугачев Е. И. 44, 61
 Пуит М. С. 63
 Пушкарева Н. К. 54
 Пушкин А. Ю. 168
 Пушкин В. Л. 30, 37, 59, 172, 174—176
 Пушкин Л. А. 50, 51
 Пушкин Л. С. 6, 13, 19, 31, 180, 185, 187, 193
 Пушкин М. А. 46
 Пушкин Н. Б. 50
 Пушкин Н. С. 169
 Пушкин С. А. 46
 Пушкин С. Л. 168, 171, 173, 174, 179, 182
 Пушкина Е. А. 169
 Пушкина М. А. 179
 Пушкина Н. Н. 35, 169—171, 179, 180, 198, 202
 Пушкина Н. О. 168, 171, 173, 179, 180, 182
 Пушкина О. С., см. Павлицева О. С.
 Пушкины 41, 50, 168, 169, 173
 Пушин И. И. 38, 54, 57, 171, 172, 176, 210, 213, 221
 Пушин М. И. 20
 Пушины 172
 Пыпин А. Н. 205, 206
 Пьянов А. С. 54
- Равич Л. М. 57**
 Радзивил Ст. 108, 197, 198
 Радищев А. Н. 176
 Раевская М. Н. 187
 Раевская С. Н. 187
 Раевский В. Ф. 15, 19, 53 61
 Раевский Н. А. 41, 44
 Раевский Н. Н. 186—190, 192, 195
 Раевские 185—191
 Разоренов А. Е. 50
 Разумовский А. К. 173—175
 Райт Т. 39
 Рак В. Д. 219
 Рамо Ж. Ф. 68
 Раппо 22
 Рассадин А. П. 54
 Рассадин С. Б. 54
 Рассовская Л. П. 55
 Расторгуев Г. Д. 53
 Ратнер Б. И. 55
 Раушенбах Б. В. 225
 Рахманова С. 55
 Рацер Е. 55
 Регель К., де 174
 Рейнбот П. Е. 201
 Ремизов А. М. 55
 Рео Т., де 80, 81
- Репнин 202
 Решетников Ф. 209
 Рибопьер А. 16
 Ривнич А. 98
 Рико 145
 Римский-Корсаков Н. А. 46, 55, 56, 59
 Робинсон Д. 40
 Рогачевский А. Б. 55, 63
 Роднянская И. Б. 39
 Родосская О. П. 55
 Розанов В. В. 55
 Романьчева И. 55
 Романюк С. К. 168
 Ромм М. Д. 3, 205, 210
 Россет А. О., см. Смирнова-Россет А. О.
 Россет, камер-паж 201
 Ростовцев Я. 205
 Ростопчина Е. П. 43
 Рубановская А. В. 176
 Рубановская Е. В. 176
 Рубановские 176
 Рубановский А. К. 176
 Рубановский В. К. 176
 Рубинштейн Н. Л. 45
 Руссо Ж.-Ж. 48
 Рушева Надя 51, 228, 229, 232
 Рыбников П. Н. 119
 Рыжикова Т. Е. 50
 Рылеев К. Ф. 3, 15, 23, 27—31, 50, 55, 210, 213, 216, 221, 223
- Сабанеев И. В. 12**
 Садиков П. А. 12
 Садьбакасова Г. К. 55
 Сажин В. Н. 55
 Сазыкин А. С. 55
 Сайтов В. И. 22
 Сайтанов В. А. 55
 Самвелян Н. 49
 Самойленко В. В. 35
 Самойлов Д. 52
 Сандомирская В. Б. 134
 Сапожков С. В. 56
 Саржицкене Б. 47
 Саркисян С. 56
 Сахаров В. И. 56
 Сахаров И. 116
 Сваровский Н. Н. 56
 Свободин А. 56
 Северянин И. (подлинное имя И. В. Лотарев) 61
 Седова Л. Н. 54
 Седых М. 49
 Селезнев Н. 23
 Селинов В. А. 8
 Селинов В. И. 8, 12
 Семенко И. 179
 Семенов Л. С. 6
 Семенов О. С. 66

- Семибратова И. В. 56
 Сенковский О. И. 36
 Сенокосов Ю. П. 60
 Серафимович А. 153
 Сервантес С. М., де 157
 Сергеев М. Д. 56
 Серебряков К. Б. 56
 Серов А. Н. 56
 Серракаприола (Серра-Каприол) 38
 Сидяков Л. С. 94
 Силантьев И. В. 56
 Симонов К. М. 54, 62
 Скатов Н. Н. 52
 Сквозников В. Д. 56
 Скворцов И. В. 168
 Скорульский М. 56
 Скотт В. 59, 111, 112, 166
 Скрынников Р. Г. 159
 Слепушкин Ф. Н. 23—25
 Слонимская Л. Д. 182
 Слюсарь А. А. 50, 57
 Смельские 170
 Смельский А. А. 170
 Смельский С. А. 170
 Смирнов А. А. 50, 57
 Смирнов Л. 63
 Смирнов Н. М. 200—202
 Смирнов С. 158
 Смирнова А. О., см. Смирнова-Россет А. О.
 Смирнова Е. А. 222
 Смирнова О. Н. 200, 201
 Смирнова-Россет А. О. 108, 296—301
 Смольников И. 57
 Соболевская О. С. 57
 Соболевский А. И. 110, 113, 114, 116—118
 Соболевский С. А. 178—180
 Солдатова Л. М. 43, 46
 Соллогуб В. А. 57
 Сомов О. М. 24—26, 225
 Соронкулов Г. У. 62
 Сосенушкина М. Н. 225
 Сперанская Н. М. 81
 Сперанский М. Н. 113
 Спроге Л. В. 94
 Средин А. В. 57
 Срезневский В. И. 95, 129
 Стаменова М. И. 57
 Станиславский К. С. 57, 58
 Станишевский В. 233
 Старк В. П. 39, 185
 Старкова З. С. 58
 Стеллиферовский П. А. 58
 Стендаль (подлинное имя А. М. Бейль) 39
 Степанов Г. В. 58
 Степанов Л. А. 37
 Степанович М. 191
 Стольпин П. Г. 8
 Страхов Н. Н. 49
 Стрелков В. А. 8, 20
 Строганов Г. А. 6, 8
 Строганов М. В. 58
 Строилова К. 58
 Студнева А. И. 58
 Стыркас И. Н. 58
 Суассо Ф. 232
 Суворин А. С. 78
 Суворов А. В. 167
 Сукач В. 55
 Сулье Л. 137
 Сумароков А. П. 66, 80
 Сумцов Н. Ф. 112, 115
 Сурад И. З. 58
 Суханов М. Д. 25, 27, 28
 Сухачев 24
 Суццо А. 11
 Су Ши 61
 Сю Э. 137
 Табеницкая С. Б. 58
 Тамара В. С., см. Томара В. С.
 Тамарченко Н. Д. 58
 Тарасов Б. 164
 Тарасов Л. М. 58
 Тарковский А. 87
 Тархов Е. А. 5
 Тархова Н. А. 54, 185
 Таск С. 58
 Татищев А. И. 223
 Татищев С. С. 7
 Твардовский А. 36
 Темис Р. З. 39
 Тепляков В. Г. 26, 28, 31
 Тиборне Б. 63
 Тидге К. А. (Tiedge Ch. A.) 211
 Тименчик Р. Д. 39, 94
 Тимофеев Л. 37
 Тимофеева Л. А. 3, 35
 Тимофеевский А. П. 58
 Титов В. П. 224
 Тихантовская А. З. 43
 Тиховский, полковник 203
 Тихомиров В. Н. 58
 Тихомирова С. Н. 19, 35
 Тихонов Н. С. 59
 Тихонравов Н. 113
 Токарева Е. А. 59
 Толстая М. Д. 202
 Толстой Л. Н. 108
 Толстой Н. Д. 202
 Толстой Ф. И. 83—86
 Томара В. С. 8, 9
 Томашевский Б. В. 71, 79, 95, 101, 117, 129, 132
 Томилов В. Г. 59
 Торвальд Ю. 17
 Тормозова В. Г. 59
 Тропинин В. А. 39
 Трубачев О. Н. 106

Трубе Л. Л. 41
Трубецкой Б. А. 6
Трубецкой С. П. 15, 223
Трутовский В. Ф. 114
Туганова О. 46
Туманский В. И. 23, 30, 31
Турбин В. Н. 37, 45, 46
Тургенев А. И. 8, 12, 165, 173
Тургенев И. С. 44, 60
Тургенев Н. И. 203, 205
Тургеневы, бр. 43, 203
Туфечжи Н. 10
Тынянов Ю. Н. 43, 59, 172
Тычинкин, домовладелец 184
Тышко С. В. 59
Тютчев Ф. И. 45, 59, 61, 87

Уварова И. В. 59
Ульянов Н. 35
Ульянский А. И. 169, 170, 181—184
Урнежевский А. Ф. 186, 187, 190
Уртминцева М. Г. 59
Устинов, домовладелец 180
Устинович П. М. 198
Ушакова Ел. Н. 43

Фаворский В. А. 37, 59, 60
Фадеев А. 153
Файнштейн Э. 54
Файнштейн М. Ш. 39
Фалилеева А. 60
Фальконе Э.-М. 44
Федоров Б. М. 24—26
Федоров В. Д. 60
Федосеенко Н. Г. 60
Фесенко Ю. П. 60
Фикельмон 180
Филатов П. С. 60
Филенков В. И. 35
Филин М. 40, 47, 60
Филиппович П. П. 29, 31
Фирсова И. С. 60
Фитингоф Б. А. 56
Флоренский П. А. 60
Фокин Н. Н. 201
Фоменко В. Б. 194
Фоменко И. В. 60
Фоменко О. 60
Фоменко П. 58
Фомин А. Г. 104
Фомин С. 52
Фомичев С. А. 2, 10, 39, 47, 61, 78, 81, 86, 98, 107, 128, 175
Фонвизин Н. Д. 50, 176
Фонтанье В., см. Fontanie
Фонтон А. А. 8, 9, 13
Фонтон Ж. 8, 9, 12
Фонтон П. А. 8, 9
Фонтон Ф. П. 8, 9, 13

Фонтоны 9
Формаки 11
Франк С. Л. 60
Фридкин В. М. 60
Фрицман Л. Г. 60
Фрумкина А. И. 39
Фун Чунь 153, 154

Хади-эфенди 16
Хавин М. Г. 54, 56
Хализев В. Е. 60
Халилов Х. М. 54
Хандикян А. 60
Хандрос Б. Н. 60
Ханмурзаев Г. Г. 54, 61
Хармс Д. И. 61
Хватова М. А. 53
Хвостов Д. 23—26
Хвостова, см. Ростопчина Е. П.
Хинер Ф. 145
Хитрово Е. М. 197, 198, 200
Хмельницкий Н. И. 128
Ходасевич В. Ф. 61
Ходоров А. 61
Холшевников В. Е. 3, 64
Хомяков А. С. 8, 177
Хорев М. М. 42
Хотяинцева В. А. 60
Храповицкая, домовладелица 184
Худериас Х., де 135

Цветаева М. И. 61
Цехель 174
Цзао Динхуа 153
Цицианов Д. Е. 46.
Цюй Иубай 153
Цявловская Т. Г. 17, 79, 95, 117, 165, 197—200, 216, 221
Цявловский М. А. 22, 23, 26, 34, 79, 117, 172, 185, 186, 212, 216

Ча Лячжен 152, 154
Чаадаев П. Я. 85, 162—165, 208
Чагин Г. В. 61
Чайковский П. И. 55, 57
Чаплин 174
Чарская И. В. 38
Чельшев Б. Д. 61
Червняк А. 63
Черевин П. Д. 3, 208—210
Черейский Л. А. 9, 27, 39, 58, 61, 186, 191
Черная Л. 47
Чернов А. И. 3
Чернов А. Ю. 61, 212, 213, 222, 224, 225
Чернышев В. И. 193
Чехановец Я. 61
Чижова И. Б. 61

Чичагов П. В. 18
Чуковская Е. 61
Чуковский К. И. 61
Чулков М. И. 112—114, 116, 117
Чумаков Ю. Н. 61
Чэнь Сюньмин 61

Шабанов Ю. 61
Шалина Е. С. 197—199, 201, 202
Шангитбаев К. 44
Шанцер Дж. (Schanzer G. O.) 135, 136, 145
Шаталова Л. 61
Шатобриан Ф. Р., де 137
Шаховской А. А. 84
Шварц Д. М. 193
Швенгольм, домовладелец 170
Швитков 208
Шевелкина А. О. 51
Шейман Л. А. 62
Шек А. В. 62
Шекспир У. 47, 59, 120, 167
Шенрок В. И. 200
Шенье А.-Т., де 39
Шеремет В. И. 21
Шестаков Ю. Н. 62
Шестакова Н. 62
Ширинкин В. И. 62
Шифферс Е. А. 62
Шишков А. А. 61
Шишков А. С. 25, 85
Шкляревский Г. И. 62
Шлионский Л. 168, 172
Шляпкин И. А. 100—102
Шмидт С. О. 62
Шолохов С. Л. 62
Шопен Ф. 178
Шредер Ф. 222
Штейн А. 51, 62
Штукенберг А. И. 19
Шубер В. Ф. 7
Шуберт Ф. Ф. 223, 224
Шубин В. Ф. 39
Шуйский В. И., см. Василий IV Иоаннович
Шуканов А. Г. 59
Шульгин А. В. 62
Шумихин С. В. 39
Шустрова Т. И. 37

Щеглов А. 181
Щеголев П. Е. 48, 55
Щепкин М. С. 47
Щербина Л. А. 54

Эварницкий Д. И. 195
Эджертон В. 210
Эйдельман Н. Я. 5, 12, 14, 17, 161

Эйзенштейн С. М. 44
Эйхенбаум Б. М. 165
Эльзон М. Д. 39
Эльяш Н. 62
Энгельгардт Б. М. 93
Эпштейн М. Н. 62
Эрастов Д. П. 217, 219

Юдина В. Н. 63
Юрский С. Ю. 62
Юрьев С. А. 47
Юрьева И. 63
Юсин А. А. 63
Юсупов Н. Б. 62, 169

Яковлев Н. В. 98
Языков Н. М. 228
Яковлев 15
Яковлева А. Р. 168, 169, 181—185, 192
Якубович А. И. 19
Якубович Д. П. 130, 133, 134
Якушин В. Е. 78, 216
Якушин Е. И. 57, 212
Янушкевич А. С. 63
Яцевич А. 178, 181
Яценко О. 46
Яценко А. Л. 160, 161

Almela y Vives F. 136, 137

Biegher E. W. 135
Bukhart D. 110

Carvajal R., de, см. Карвахаль Р., де

F., см. Игурральде Ф.
Fontanie V. 21

Galib-Pacha, seraskir d'Erzeroum, см.
Галиб-паша
Gerhardt D. 211

Henri IV 144
Hunter J. 107

Iturralde E. F., см. Игурральде Ф.

Jarmolinsky A. 210

Kind F. 211

Liskenne F.-Ch. 8

Marmier X., см. Мармье Кс.

Маpојебуh P. 121, 127, 128
Mérimée Pr. 42

Paez E., см. Паес Э.
Pouqueville Fr.-Ch.-H. 7, 8, 9, 20

R.C., см. Смирнова-Россет А. О.
R. de C., см. Карвахаль P., де

Struve G. 210
Scott W., см. Скотт В.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. Е. Мясоедова. «Вторая программа» пушкинских записок	5
М. Г. Альтшуллер. Записки Пушкина и Баратынского в публикациях А. Е. Грена	22

II. ОБЗОРЫ

Л. А. Тимофеева. Пушкиниана 1988 года	35
В. Е. Холшевников. О стиховедческих примечаниях к лицейским стихотворениям Пушкина	64

III. ЗАМЕТКИ

Из комментария к лирике Пушкина

С. А. Фомичев. Эпиграмма «Певец Давид был ростом мал...» (текст, датировка, сатирическая направленность)	78
Л. В. Спроге, Л. С. Сидяков. Из комментария к «Стихам, сочиненным ночью во время бессонницы»	86
Н. И. Михайлова. Стихотворение А. С. Пушкина «Заклинание» (из наблюдений над текстом)	95
А. А. Алешкевич. К вопросу о датировке стихотворного наброска «[Конечно] превирать не трудно...»	100
В. Мерлин. «Берева» или «беседа»?	106
Роза и виноград	107
А. С. Лобанова. «Ворон к ворону летит». Русский источник «Шотландской песни» Пушкина	111
Р. Мароевич. Первые русские переводы Хасанагиницы (постическая полемика Востокова и Пушкина)	121
Н. Л. Дмитриева. Пушкинский проект перевода комедии К. Бонжура «Муж-волокита, или Урок»	128
Р. М. И. Мартинес Мартинес. Первые испанские переводы «Метели» ..	135
Ван Шисе. «Евгений Онегин» в Китае	152
П. В. Калитин, А. В. Кулагин. Об источниках пушкинской заметки «Мнение митрополита Платона...»	157
В. М. Есипов. Любопытная дата в повести «Гробовщик»	166
В. П. Старк. Новые пушкинские адреса в Петербурге	168
В. П. Казарин. Когда Пушкин впервые увидел берега Крыма?	185
В. Д. Михайлов. К локализации пушкинского Лукоморья	192
Е. С. Шалина. «Черноокая Россети»	196

Из декабристской публицистики	
И. Г. Бурцов — публицист	203
М. Д. Ромм. Из публицистики П. Д. Червина	208
И. Попелюхер. Первое упоминание о Пушкине в английской печати	210
К расшифровке одной пушкинской пометы (две точки зрения)	
Я. Л. Левкович. «Гоноропуло» или «Губернатор»?	212
А. Ю. Чернов. «Симпатическая» запись в ПД № 833	216

IV. ХРОНИКА

По страницам газет 1988 года	226
Список иллюстраций	234
Указатель произведений Пушкина	235
Указатель имен	240

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ, ПРИСЫЛАЮЩИХ СВОИ СТАТЬИ ВО «ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ»

1. Рукописи должны представляться в двух экземплярах, отпечатанными на машинке через два интервала (в том числе и подстрочные примечания). Нумерация подстрочных примечаний должна быть сплошной по всей статье.

2. Текст статьи должен представляться в окончательном виде. Изменения могут вноситься в корректуру только в исключительных случаях: когда они диктуются новыми научными данными.

3. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам.

4. При библиографических ссылках в тексте и сносках необходимо давать следующие сведения: фамилию и инициалы автора, название работы, название и номер издания, место и год издания, номера страниц. При повторном упоминании работы в сносках дается сокращенное ее название (сокращение «указ. соч.» или «ор. cit.» не допускается).

5. Тексты сочинений и писем А.С. Пушкина цитируются по полному собранию его сочинений в 16 томах (1937—1949). Ссылки на это издание делаются с помощью римских и арабских цифр (см. с. 4 настоящего издания).

6. Ссылки на автографы А.С. Пушкина, хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, даются сокращенно (см. там же).

7. Крупнейшие архивохранилища обозначаются сокращенно: РГБ (Российская государственная библиотека, Москва), ГИМ (Отдел письменных источников Государственного Исторического музея, Москва), РНБ (Российская национальная библиотека, СПб.), ПД (Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, СПб.), РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства, Москва), ЦГАОР (Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва), ЦГАДА (Центральный государственный архив древних актов, Москва), ЦГВИА (Центральный государственный военно-исторический архив, Москва), ЦГИА (Центральный государственный исторический архив, СПб.) и т. п. За этими обозначениями следуют архивные шифры.

8. Фотографии представляются в двух экземплярах, отпечатанными на глянце-вой бумаге с накатом. Они должны сопровождаться списком, в котором приводится подпись к каждой иллюстрации, указываются местонахождение оригинала, его шифр, датировка, размер.

9. Рукописи, не принятые редколлегией, обратно не возвращаются и не рецензируются.

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ**

Выпуск 26

*Утверждено к печати
Пушкинской комиссией
при Отделении литературы и языка РАН*

Редактор издательства **Е. А. Смирнова**
Технический редактор **Н. Ф. Соколова**
Корректоры **Л. М. Бова, Г. И. Тимошенко**
и **Е. В. Шестакова**
Компьютерная верстка **Т. Н. Попова**

ИБ № 44912

ЛР № 020297 от 27.11.91. Сдано в набор 25.08.94.
Подписано к печати 28.02.95. Формат 60 × 90 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура академическая.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16. Уч.-изд. л. 19.4.
Тираж 1100. Тип. зак. 293. С 1036

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12